

Антология Сатиры и Юмора России XX века

Антология Сатиры и Юмора России XX века

Анатолий Трушкин

Антология Сатиры и Юмора России XX века

Антология Сатиры и Юмора России XX века

Личево

Народ полена, к
супружеским стран

сидео тут

милости, народу

будущ, ~~сидео~~

Норманн все. А что

не рабочие время?

сидео... странник, ко
~~сидео~~ ...

и

коричнев

солнечно... красивый
народ. ~~в~~ ~~национально~~ ~~ст~~
рови были ~~национально~~
средне - все - так
~~дочери в семье. национально~~
особенно ~~дочери~~

умень заговорили. Ли
~~дочери - то -~~
из ~~государства~~. Умень

Амхельс

Народ полена, а
супружеский союз

Судно тут

милости, народу

буквы, ~~слова~~

Норманн все. А

не рабочие время

написано, описано
тоже, суждено

~~тоже~~ ~~суде~~

*А*нтология Сатиры и Юмора России XX века

[Handwritten signature]

*А*нтология Сатиры и Юмора России XX века

*А*натолий *П*рушкин

«ЭКСМО-Пресс» 2001

УДК 882
ББК 84(2Рос-Рус)6
Т 77

АНТОЛОГИЯ САТИРЫ И ЮМОРА РОССИИ XX ВЕКА
Трушкин Анатолий Алексеевич

Серия основана в 2000 году

Редколлегия:

Аркадий Арканов, Никита Богословский, Игорь Иртеньев,
проф., доктор филолог. наук Владимир Новиков,
Лев Новоженев, Бенедикт Сарнов, Александр Ткаченко,
академик Вилен Федоров, Леонид Шкурович

Главный редактор, автор проекта
Юрий Кушак

Составитель тома — **Юрий Кушак**

Оформление тома — **Лев Яковлев**

Материалы для фотоальбома из личного архива автора

Рисунок на обложке — **Евгений Шутаев**

Художник — **Анастасия Головань**

Подготовка макета — творческое объединение
«Черная курица» при Фонде Ролана Быкова.

Трушкин А. А.

Т 77 **Антология Сатиры и Юмора России XX века. Том**
16. — М.: Изд-во ЭКСМО-Пресс, 2001. — 640 с.

УДК 882
ББК 84(2Рос-Рус)6

ISBN 5-04-008864-7 (Т 16)
ISBN 5-04-003950-6

© Трушкин А.А., 2001
© Арканов А.М. Предисловие, 2001
© Кушак Ю.Н. Составление, 2001
© Яковлев Л.Г. Оформление, 2001

Содержание

Аркадий Арканов.	
Потрясающе интересные типы!	15
Автобиография	19
Раздел первый. «Наш паровоз, вперед лети!»	
Письмо к жене Рейгана	26
Лектор	29
О вкусах не спорят	31
Невидимка	33
Воспоминания	39
Санитар	42
Привилегии	45
Тунеядец	48
Непогода	51
Ритмы века	54
Проект	58
Живите для души	61
Нас всех учили	63
Путешественник	66
Из записной книжки	68
Раздел второй. «В коммуне остановка...»	
Покаяние	74
Поперек	76
Встречи	78
Дрынолет	80
Съезд Советов	84
Охота	87
Народ и правительство	89

Традиции	92
Загадка природы	94
Реализм	97
Поговорили	99
Из записной книжки	101
Раздел третий. Шило на мыло...	
Правовое государство	108
Указ	109
Новый порядок	110
Нешто можно так	111
Открытие	113
У пивного ларька	116
Сон	118
Красная Шапочка	121
Мужик и партии	123
Кто мы? Где мы?	124
Пророк на Руси	126
Народ в нетрезвом виде	127
Равенство	129
В первую очередь	131
Когда не все дома	133
Чудеса	134
Физиономисты	136
Из записной книжки	137
Раздел четвертый. «Хотели как лучше, а...»	
Сумасшедший дом	144
Два-три	146
Россия на приеме у врача	148
Победитель	150

Урок истории	153
Запой	156
Простые люди	159
Эволюция	161
Такое время	164
Банный день	167
Власть и мафия	170
Бестолковщина	171
На рынке	174
Диалоги у прилавка	176
Вашу мать!	181
Летучка	183
Богатые тоже плачут	185
Предел	187
Давно не виделись	188
Голос совести	189
Диалог	191
Из записной книжки	192
Раздел пятый. Смешная жизнь	
Розыгрыши	198
Доклад о состоянии преступности в стране	201
Последнее интервью	204
Диалог хозяйки с мужьей зарплатой	206
Ясновидец	207
Имя	209
Член-корреспондент	211
Волшебница	212
Ужасы секса	214
Последний из могикан	216

<i>М</i> ост	219
<i>О</i> собенности национальной охоты	220
<i>Д</i> ожили	222
<i>С</i> овесть	224
<i>И</i> менно там	226
<i>П</i> ластическая операция	228
<i>С</i> трашный суд	230
<i>С</i> мысл жизни	235
<i>В</i> ера	236
<i>В</i> поисках истины	239
<i>С</i> казка	241
<i>Т</i> алантность	244
<i>Л</i> юбовь	247
<i>О</i> чищение	250
<i>М</i> уж — это что?	253
<i>Б</i> ожьи люди	255
<i>Б</i> ыстротечны дни нашей жизни	256
<i>Т</i> оре	260
<i>Р</i> епортаж из завтра	262
<i>П</i> тичий рынок	265
<i>Ч</i> то завидовать-то?	268
<i>Т</i> елефонный разговор	270
<i>Б</i> изнес	272
<i>Ч</i> есть и достоинство	274
<i>А</i> хир а та бу мадо	277
<i>К</i> онфуз	280
<i>П</i> онедельник	283
<i>С</i> ерега женится	287
<i>С</i> нежный человек	290
<i>И</i> стория одной любви	295

Золотые руки	299
Родня	302
Кто виноват?	306
О Сереге	309
Судьба	312
В раю	315
Красота	319
Уроки природы	321
Трустная сказка	322
Оракул	325
Рейтинг	327
Чума	329
Врачи советуют смеяться	330
Как стать олимпийским чемпионом	333
Призыв	336
Честь мундира	339
Иллюзия	341
Единица добра	342
Обидно	343
Чудо	346
Жизнь после смерти	346
Дважды два — четыре	349
Трань	350
Плевое дело	352
Святое дело	353
Зависть	356
Счастье	360
В целом	363
Девочки	363
Стихия	370

Русский человек	374
Милый граф	378
Такая любовь	381
Замолчи!	385
Разговор с совестью	386
Психи	387
Встреча	390
Чего торопиться-то?	396
Легкий человек	398
Подарок	401
Дездемона	404
Юмористический патруль	407
Положение в стране	409
Записки сумасшедшего	411
Народное средство	413
Политик	416
Примета	418
Народ и интеллигенция	421
Жизнь и смерть	422
Дедушкина сказка	424
Зараза	426
Обычаи	428
Легко надо жить	430
Эврика	433
Суета сует	435
Нельзя так жить	438
Беда	440
Невезучий	442
Из записной книжки	445

Раздел шестой. Жила-была нечистая сила (пьеса) 449**Раздел седьмой. Публицистика**

Энтузиазм	493
Давайте думать	495
С жиру бесимся	498
Слабо	501
Среднее звено	503
Вонь	505
Парто-кратия и херо-мантия	507
Сами по себе	510
Жизнь в России	512
Про Бога вспомнили	513
Письмо Хазанову	514
Высшая мера	516
Путеводитель	517
Озверели	518
Возрождение	520
С Новым годом!	522
О Райкине	524
Нищие	526
Если хочешь жить	528
Рождаемость	529
Анкета для чиновников	530

Раздел восьмой. КИНО
(сюжеты для сатирического журнала «Фитиль»)

Атавизм	533
Безобразие	534
Древний секрет	535
Забота	536

Репортаж	538
Болезнь	540
Дерзкая мысль	542
Единственный выход	543
Майна	544
Обмен опытом	546
Психоз	547
Отверженный	549
Раздел девятый. Веселый мусор	
Помоги машину занести	553
О влиянии радио на детские умы	554
Красивые места	555
Это не я!	556
Тав-гав!	557
На костылях	558
Логика	559
Пошла	560
Смешливый негр	561
«Бир-55»	562
Смотрины	563
Красавец	564
Божье дело	565
Отгадал	566
Как я пахал	567
Клятва	568
Махмуд-оглы Трушкин	569
В раю	570
Охотник	571
Майна бессмертия	572

Снегурочки	573
Тебе пора	574
Четвертый цилиндр	575
Объели	576
Австралийские доллары	577
Инфаркт	578
Не повезло	579
Оо! Трушкин!	580
Святая наивность	581
Как не заметно?!	582
Хитрость	583
Ритуал	584
Как же вы меня не узнали?	585
От веселого до страшного шаг	586
Попарился	587
Опять успех	588
Подстраховался	589
ЦК КПСС?	590
Напомнил	591
Излишки популярности	592
Прыжки в честь жены	593
Толод	594
С меня ростом	595
Упорство	596
Раздел десятый. Проза для детей	
Решительная борьба	599
Спор	601
Одно расстройство	602
Молодец	603

<i>Неприятная история</i>	604
<i>Учусь хорошо</i>	604
<i>Навестили</i>	605
<i>Разве можно не любить детей?!</i>	607
<i>Один пункт</i>	609
<i>Друзья природы</i>	610
<i>Уже поздравили</i>	612
<i>Что запомнилось</i>	614
<i>Сюжеты для «Ералаша»</i>	
<i>Культурные люди</i>	616
<i>Надежды бабушек питают</i>	617
<i>Как гений чистой красоты</i>	617
<i>Подарок</i>	618
<i>Очень плёхо</i>	619
<i>Раздел одиннадцатый. ИНТЕРВЬЮ</i>	623

Потрясающе интересные типы!

Я пишу это предисловие с тайной

надеждой на то, что все здесь написанное прочтется не только нашими с господином Трушкиным современниками, но и потомками, которые будут иметь о нас весьма отдаленное представление или не будут иметь никакого представления вообще, а наткнутся на данную «Антологию» случайно. Я не сомневаюсь в том, что «Антология» обречена на долгую жизнь, к счастью, более продолжительную, чем наша с вами, иначе зачем было осуществлять такой огромный дорогостоящий проект... Кстати, о стоимости. Не знаю, как в материальном смысле, но то, что в культурологическом смысле слова стоимость «Антологии» будет возрастать с каждым прожитым годом, так это точно. Не берусь предсказать, в каком виде лет через 100—150 дойдет до читателей это собрание сочинений, именуемое «Антологией Российской сатиры и юмора XX века». Может быть, в книжном, хотя вряд ли, учитывая «возрастающий» интерес подрастающего поколения к литературе и процессу чтения. Может быть, в интернетном варианте, что очень вероятно. А может быть, бесшумные дирижабли будут развешивать над землей гигантские полотнища с текстами произведений писателей, дерзнувшими именовать себя Сатириками... Почему бы и нет? И вот в день славного трехсотлетия со дня рождения Анатолия Алексеевича Трушкина все российское небо закроют разноцветные облака, и каждое облако, если приглядеться, будет не чем иным, как одним из рассказов Анатолия Алексеевича Трушкина...

Но я немного воспарил. Пора опуститься на грешную землю, на которой живут стопроцентный писатель А.А. Трушкин и человек, пишущий предисловие к его тому в «Антологии», именуемый в дальнейшем «Арк. Арканов».

Сначала Трушкин был «Толяном», и его знали только сверстники, именовавшие его «Толяном». Потом он был Толей, работавшим редактором на Центральном телевидении Советского Союза. Потом он стал Анатолием и вступил в орден сумасшедших, именовавших себя «эстрадными драматургами». В задачи эстрадных драматургов входило снабжение репертуаром более одаренных, менее одаренных и совсем бездарных людей, именовавших себя «эстрадными артистами». Артисты купались в волнах чужого интеллекта и юмора и время от времени платили авторам, чтобы те не умерли с голоду. Таких цепных авторов имели Г. Хазанов, Е. Петросян, Е. Шифрин, В. Винокур.. Порой авторы сбивались в стаи — по двое, по трое... Это называлось соавторством. Как правило, в соавторстве один сочинял и «выдавал» смешное, второй — добросовестно записывал и договаривался с актером о цене предложенного товара. Таких соавторов у Толи было немало (не хочу упоминать их фамилии). Наконец, в один прекрасный день Анатолий (в этот день он превратился из Толи в Анатолия) подумал: «А на кой хрен (именно так он и подумал) нужны мне эти говорящие и записывающие паразиты? Как актер, я не бездарнее их. Бездарнее их только не умеющие разговаривать попутай... Я не безграмотнее их. Безграмотнее — только глухонемой Герасим... Так на кой хрен они мне нужны?»

И, решив так, он вышел на сцену, поимел огромный и вполне заслуженный успех и в тот же день превратился в писателя-сатирика (Господи! Прости мне это скверное, растиражированное словосочетание) Анатолия Трушкина...

Небольшое лирическое отступление. Во второй половине XX века Россия начала превращаться из самой читающей страны в самую слушающую. Сначала Дворцы спорта и стадионы стали заполнять любители поэзии, унося на руках Евтушенко, Рождественского, Ахмадулину... Поэты в «белых перчатках» немедленно обозвали этих поэтов «эстрадниками», т.е. неполноценными. Однако время повышенной публичности прошло, и подлинные «эстрадники» канули в вечность, уйдя не только с эстрадных подмостков, а поцелованные Богом при рож-

дении поэты, несмотря на свою «эстрадность», составили золотой фонд российской поэзии...

Нечто подобное произошло и в жанре юмора и сатиры. Исполнители и авторы-исполнители стали собирать те же дворцы и стадионы, что позволило прозаикам в «белых перчатках» объявить их вне литературного закона, как эстрадных «авторитетов». Здесь две правды, хотя правда, как известно, бывает одна. Правда в том, что ни одна страна в мире не собирает людей на стадионы для того, чтобы слушать, смеяться и рукоплескать литературе, читающему три часа подряд свои монологи, да еще по бумажке (т.е. по рукописи). Это только у нас. И ничего страшного в этом нет. Правда и то, что среди многих, читающих свои бессмертные творения огромному количеству слушателей, лишь единицы, извините за повтор, поцелованы при рождении литературным Богом. Поэтому бывают аншлаги истинные и аншлаги ложные. Публика поначалу глотает все. Лишь бы было смешно. У нас любят умирать от смеха. Это отвлекает от подлинного умирания. Потому-то и появляются в большом количестве острословы, более талантливые, менее талантливые и уж совсем не талантливые. При этом обойдемся без персоналий. И постепенно публика подсознательно определяет, кто из «разговорников» может считаться Писателем, а кто приговорен к временщикам-разговорникам. Михаила Михайловича Зощенко в свое время тоже называли временщиком-пошляком, и только потом все сообразили: «Боже правый! Какого гения мы в свое время так размазали!» Другому Михаилу Михайловичу (Жванецкому) тоже доставалось...

Не провожу примитивных параллелей между двумя Михаилами Михайловичами и одним Анатолием Алексеевичем (Анатолий Алексеевич Трушкин), но утверждаю, что это яблоки с одной яблони. Только одно яблоко падает на голову Ньютону, второе яблоко превращается в изумительное варенье, услаждающее вкус в течение многих лет, а третье — хочется съесть немедленно: такое оно сочное, ароматное, кисло-сладкое, витаминизированное... Съел, и еще хочется. Мало того? Хочется, чтобы это яблоко попробовали другие. Хочется семечки от этого яблока высадить в почву, чтобы выросли новые яблони, да-

ющие уникальный сорт — «трушкинский», абсолютно специфический и в то же время с благородным привкусом «гоголевки», «зощенки», «жваненки»... И хочется, чтобы эти яблоки ели мамы, папы, тещи, жены, дети, простодушные соседи, сантехники, гаишники, медсестры, т.е. все те, кого и можно считать персонажами Анатолия Алексеевича Трушкина. Их не надо искать и придумывать. Они живут с нами, в наших домах, в наших квартирах... В течение всего биологического процесса, который называется Жизнью.

Открывайте скорее книгу! Вы слышите? Это говорят они... Потрясающе интересные типы!

Арк. Арканов

Автобиография

Сколько себя помню, — всегда была

во мне склонность к сочинительству, которую почему-то в детстве преследовали нещадно. Со всех сторон только и слышно было: «Когда ты прекратишь врать?!» Я им всем прощаю.

Родился я 28 октября 1941 года.

Первые впечатления об этом мире назвать радостными не могу: война, перебои с материнским молоком, культ личности. Но дальше жить стало лучше, жить стало веселее.

В полтора года я опрокинул на себя бидон с только что вскипяченным жирным коровьим молоком. Шкура с меня сползла, деревенские эскулапы помазали обнаженное мясо йодом. Я им всем прощаю. Сердобольная бабушка Агафья Андреевна успокаивала маму: «Ничего, Верка, гробик я уже заказала, завтра привезут».

В четыре года мне подарили санки. Это — второе радостное событие после того, как мне подарили жизнь.

Санки я сломал вместе с ногой на второй день. Теперь я понимаю, что всё это было Провидением. Стать сатириком, не убедившись на собственной шкуре и собственных костях в том, что жизнь устроена нескладно, несправедливо, нельзя.

Еще из раннего детства почему-то запомнился теленок, с которым я делил ночлег. Когда он родился, его из коровника перенесли в тепло, в избу на кухню, где до этого спал я один. Этот меньшой брат без конца мочился и тыкался в меня своей мордой. И опять я усма-

триваю в этом след Провидения, наладился контакт с животным миром.

Семи лет меня отдали в школу — попытка первого контакта с просвещенным человечеством.

Человечество на уроках русского языка на просьбу учителя придумать предложения со словами «землетрясение» и «моря и океаны», писало: «В голове у зайца произошло землетрясение». «В нашей деревне много морей и океанов».

Пообщавшись с дерзким на язык и на мысль деревенским просвещенным человечеством, я десяти лет подался в Москву, где столичная интеллигенция моего возраста приняла живое участие во мне и начала приобщать к искусствам, в первую очередь к искусству курения и искусству употребления непотребных слов. Я им всем прощаю.

А всем учителям школы № 75 Киевского района низко кланяюсь.

После школы я поступил в Московский авиационный технологический институт, сразу после окончания которого я понял, что я не инженер.

Позднее, обладая завидной смекалкой, я последовательно понял, что я не актер, не режиссер, не редактор, не драматург.

И всё же институт дал мне очень много, он дал мне жену.

Я остепенился, повзрослел и наконец понял, что пора браться за ум.

Второй раз я понял, что пора браться за ум, когда родилась дочь.

В третий раз — когда поступил в Литературный институт им. Горького. Илья Эренбург сказал про Литинститут, что он «готовит профессиональных читателей». Все, кто окончил этот славный вуз, Илье Эренбургу прощают.

Окончательно я взялся за ум, когда меня пригласили работать редактором в Главной редакции литературно-драматических программ Центрального телевидения.

К этому времени меня поперли со всех работ, и, конечно, приглашение на телевидение было продиктовано Провидением.

Я должен был находить одноактные пьесы современных драматургов. Мне лень было искать, и я писал их сам под разными фамилиями.

Замечу мимоходом, что лет до сорока я продолжал во сне летать, то есть рос физически и духовно.

Полеты из снов перешли в явь, я вылетел с Центрального телевидения, приобщился к эстраде и стал летать на гастроли. Пришла популярность. Популярность — это когда ГАИ останавливает: «Штраф пятьдесят рублей. О-о! Трушкин!.. Сто рублей!» Меня стали узнавать на улицах. Помню, идем с женой по Даниловскому рынку, вдруг пропитой голос: «Кто к нам пожаловал! Наконец-то! Я тебя сразу узнал. Ты в том году стакан у меня взял и не вернул».

Популярность росла, стали узнавать в других странах. С шестилетней внучкой Танечкой были под Парижем в Диснейленде. На её глазах у меня попросили автограф наши туристы. Она удивилась: «Дедуля, тебя и здесь знают!» Я скромно промолчал. Осенью на даче подходит соседка семи лет: «Танечка говорит, что вас весь мир знает. Это правда?»

Танечка увидела, что дед недоволен её хвастовством, и крикнула из песочницы:

— Я не говорила, что весь мир. Я сказала: его знает вся Англия!

Скорее всего, ей передалась моя скромность. А всем, кто считает, что впереди у меня еще и вселенская слава, я прощаю. Что сказать в заключение? Многое мне не дано, но кое-что я умею. Скажем, я неплохо пью водку. Прийти в писательство со знанием людей и жизни еще ничего не значит. Если среди военных, кто не пьет — тот предатель Родины, то среди писателей, кто не пьет — законченный графоман.

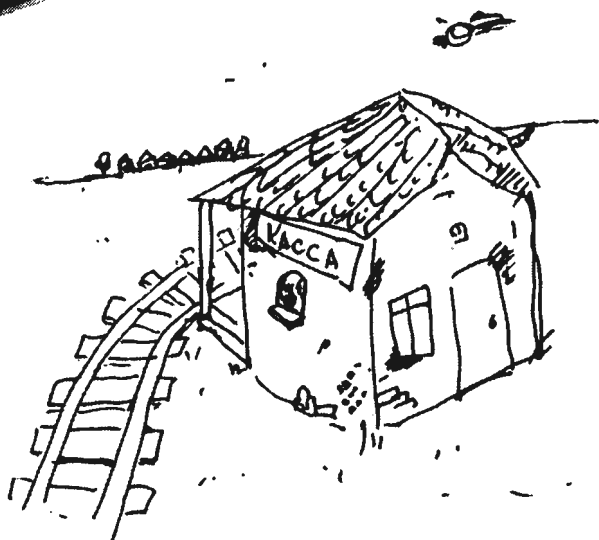
Я благодарю всех, кто встретился мне в жизни. Они научили меня любить Родину, людей, труд, творчество.

во, добро, красоту; научили ценить слово, водку, кусок хлеба и так далее.

Я люблю вас, мои дорогие читатели! Больше вас я люблю только моих милых читательниц. Вручаю себя вашему беспристрастному суду и, конечно же, милостивому ко мне во все времена Провидению.

Раздел I

Наш паровоз, вперед лети!

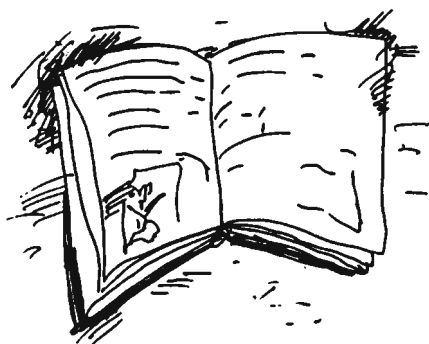
• АНАТОЛИЙ
ТРУШКИН •

«Наш паровоз, вперед лети!»

В разделе в основном собраны

монологи и рассказы, написанные автором в годы, когда он верил, что впереди с фонарем идет партия, а за ней след в след — правительство, исполкомы, домоуправления и народ, что всепобеждающий марксизм-ленинизм в соединении с беспробудным пьянством создали-таки человека нового типа, что материалистическое учение о преимуществах духовного богатства — единственно верное.

Письмо

Письмо Прасковьи Алексеевны Тютеревой,
жительницы села Большие Пруды, жене
президента США Рональда Рейгана

Вы уж извините, не знаю, как вас

по батюшке, спрашивала на почте, там тоже никто не знает.

А пишу я вам неспроста, а потому что Василий мой стал сам не свой, а с месяц назад пришел домой сильно выпивши, что за ним не водится. Пришел он сильно выпивши и говорит: «Прасковья, худые дела. Рональд-президент с ястребами затевают устроить мировую войну. С того я и сорвался».

Меня, не поверишь, как кипятком обдало. Чего уж нам такого делить-то? Че уж друг на друга зря щериться? Пустое это дело. Я тебе так скажу, наши мужики первыми драку ни за что не начнут. Но, конечно, доведись им на стороне где схлестнуться с ястребами, хорошим не кончится, схлопочут и те, и другие суток по пятнадцать.

Мой про твоего спокойно слышать не может, сразу у него волосы дыбом, глаза косить начинают, и не поймешь, куда он ими смотрит. Никогда я его таким не видала. И, может, грех это, но ночью спать с ним стала бояться.

И вот я думаю, ты будешь со мною согласная, надо нам с тобою как-то все улаживать. Давай уж постараемся с тобою.

Зачем опять война и такие страдания? Так уж позарез никому этого не нужно.

Не хочу твоего зря хайть, но, может, его кто подзуживает, может, связался с дурной компанией. Тем более тебе надо постараться.

Только ты на рожон не лезь, мужики этого не любят. Скажет: «Молчи, дура, не твоего ума дело». И только все испортишь.

А ты вот как сделай. Вот в субботу пришли с ним из бани, поставь ему четвертинку. Бог с ней, раз уж им это слаще меда. Теперь видишь, развезло его чуть-чуть, подсядь поближе, прижмись всей массою, чтобы у него в глазах поплыло. Ну, как мы все делаем, когда детишкам либо самой что-то купить надо. И тут начни изда-лека: «Что за компания у тебя такая, одни ястребы? Не нравятся они мне до смерти. Ты ведь семейный человек, в коллективе тебя уважают. Не водился бы ты с ними, ведь шпана шпаной».

Конечно, он не сразу все в толк возьмет и, может стать, после вина и бани начнет приставать к тебе. Уж ты не пожалей себя ради общего-то дела. А только выдалась свободная минутка, ты опять за свое, дескать: «Странно мне, сколько уж русских воевали и Наполеон, и Гитлер, а конец один — сдохли все, — дескать, хватит тебе, Рональд, стervenеть-то, что уж ты, как с цепи сорвался, давай замиряться с русскими. Они люди хорошие, на чужое не зарятся. Мы, слава богу, тоже не бедствуем. Что уж нам от добра добра-то искать? Как бы еще самым боком не вышло. Ведь они могут нам и фонаря под глаз поставить».

Плядишь, таким манером он и образумится. Я тут со своей стороны баб подговорю, чтобы мужикам послабление дали. Лаской мы все вместе больше добьемся, ты уж не сомневайся.

Ведь начнись война, детей наших же поуничтожает. А разве это дело, чтобы родители своих детей переживали?

Я тебе в письмо вкладую открытку с обратным адресом, чтобы ты не тратилась. Напиши, как у тебя заладится с Рональдом, а то я буду очень беспокоиться.

Щас весна, послать вам нечего, а осенью жди меда гречишного, грибов сушеных и соленых. И приглашаю в гости, когда вам будет удобно, когда у вас с Рональдом отпуск совпадает.

Приезжайте с детьми, места всем хватит, у нас хоть не Белый дом, но тоже изба просторная. Приезжай, не задумывайся. Я рецепты знаю и от колик в животе, и когда ноги сводит, и от нервных заболеваний. Они тебе сгодятся. Ты мне тоже какие-нибудь американские

секреты откроешь. Мало ли что, надо помогать друг дружке.

Щас мне на вечернюю работу пора бежать, у нас с дисциплиной теперь строго и давно бы пора.

Пока прощаюсь с тобой. Прасковья Тютерева.

А еще тебе шлют привет: Авдотья-вдова, Лукерья, что в войну трех сыновей потеряла, другая Авдотья, у которой муж уж после войны от ран умер, Маня-заика, у нее на глазах родителей расстреляли, Феня с Малых Прудищ, вот она передо мной сидит, так в девках и осталась, мужиков-то на всех не хватало. Шлют они тебе привет, а ты уж постарайся в моей просьбе, не то какие мы на этом свете матери, если допустим до убийства детей, своих ли, чужих ли? Они все наши дети, мы все — их матери.

Поварищи, у кого есть вопросы

ко мне, пожалуйста.

В чем мы их превосходим?.. Кто спросил?.. Ага, вижу.

Отвечаю. Они нас в электронике, мы их... Да, еще они нас в кибернетике, генетике, медицине.

Мы их!.. Я, товарищи, не буду придерживаться какой-то схемы, первое, что придет в голову.

Значит, они нас: в автомобилестроении, в пенсионном обеспечении, в сфере обслуживания, в сельском хозяйстве.

Мы их!.. Успеваете записывать? Хорошо. Мы их!.. Тут, товарищи, важно помнить вот о чем. Они имеют то, что могут, а мы не имеем то, что хотим. Здесь тонкость.

То, что мы хотим иметь, больше того, что они имеют. Если мы еще до конца используем преимущества нашей системы!

Что какие?.. Кто спросил?

Интересно, чем отдельные товарищи слушают. Я же только что сказал: мы хотим иметь больше, чем они имеют. То, что мы хотим, минус то, что они имеют — это наше преимущество. Плюс, товарищи, наши богатейшие природные ресурсы. Наши ученые прикинули тут на счетах... Может получится сказка. Дойдет до того, что японцы начнут покупать у нас магнитофоны, итальянцы — обувь, американцы — автомобили.

Всем сразу не хватит, они на первое время введут у себя талоны, в первую очередь активистам империализма.

Теперь спросим себя: как же дошли они до такой жизни?

Мое личное мнение — народ не виноват, виновата система. Многопартийность ихняя — раз, когда один нагородил и как с гуся вода, потому что у руля уже другая партия.

У нас — для сравнения — во всем виновата одна только партия... В смысле, одна только у нас партия.

Второе, что их подведет — частная собственность, эта идея фикс, что каждый может стать миллионером, а каждый не стал. Обещание, данное народу, не выполнено. Больше того, сейчас выяснилось, что у нас подпольных миллионеров больше, чем у них безработных.

Что?.. Не понял. Почему мы так безнадежно отстаем?.. Кто спросил?.. Ага, вижу. Товарищи, я позволю себе привести вот такой образный пример. Сквозь джунгли проложили шоссе. И один движется по этому шоссе. А другой прет по джунглям путем, которым до него никто не шел. Где на неведомых дорожках следы невиданных зверей. И действительно, товарищи, такого зверья, как выяснилось, нигде больше не встречалось.

Так кто же кого обгонит, если один по шоссе на автомобиле, другой в чем мать родила, голодный, ободранный, крутом зверье, главное — он дороги не знает, он представления не имеет, куда идет. Погодные условия все время подводят, пьяный частенько.

Что вы говорите?.. Чего он в джунгли полез?.. Так я же говорю: пьяный все время. И он туда ночью попал... в ночь с 25-го на 26-е.

И потом еще такая тонкость, товарищи. Когда сравниваем, не надо забывать, что у каждого свой образ жизни.

Скажем, они за все платят, мы за все расплачиваемся. Вроде бы одно и то же, но здесь тонкость, есть разница.

Медицина — она у нас не лечит, ее как будто совсем нет, так мы и не платим ничего. А на похороны тебе даже дают деньги, то есть все для человека.

Когда такая жизнь кончится?.. Кто спросил?.. Ага, вижу.

Товарищи, конкретной даты нет. Обещали к двухтысячному, но есть сомнения.

Спасибо за внимание.

О вкусах не спорят

Тражданин судья!

Гражданин прокурор!

Друзья!

В своем последнем слове я прежде всего хочу прямо и откровенно сказать: рад был бы познакомиться с вами не здесь. Далее: виновным себя ни в чем не признаю.

На первый взгляд обвинение убедительно: тунеядство, спекуляции, махинации с валютой и прочее, и прочее, и так далее, и тому подобное. Но судят человека, а не громкие слова. Чем отличается один человек от другого? Темпераментом, характером, вкусом, воспитанием.

Можно ли судить человека за темперамент, который достался ему от родителей? Нельзя!

Можно ли судить человека за воспитание, которое дала ему школа? Нельзя!

Остается, по сути дела, одно — вкус.

Что такое вкус?

Вы, товарищ судья, любите картошку, прокурор — гречневую кашу, я — мясо. Если он любит гречневую кашу, вы же не заставляете его есть картошку. Так или не так?

У вас хороший слух, у него хорошее зрение, у меня хороший аппетит. Вы идете в консерваторию, прокурор — в театр, я — в ресторан. Если у меня хороший аппетит, зачем я пойду в консерваторию?.. Кто меня там знает?.. Что я там не видел?

У кого к чему вкус, тот тем пусть и занимается.

Вы собираете марки, он — открытки, у меня две семьи: одна — в Москве, другая — в Ленинграде. В Киеве еще есть. Кому будет лучше, если я начну собирать открытки?.. И я не знаю.

Обратимся к природе, нашей общей матери.

В ней вообще нет ничего одинакового, в ней все непотворимо: каждый листок, каждый лепесток, ничто ни над чем не довлеет, не преобладает.

То же самое у людей. Вы — судья, он — прокурор, я — нигде не работаю. Если я начну работать, в природе нарушится равновесие, произойдет катастрофа, катаклизм.

Если вы этого добиваетесь, тогда понятно, зачем мы здесь собрались. Если нет, предлагаю разойтись.

Хорошо, приведу еще один пример.

Вы, товарищ судья, и вы, товарищ прокурор, провели детство и юность в городе, поэтому любите бродить по его кривым улочкам, на которых стоят замечательные памятники древней архитектуры.

Я свое детство провел на берегах великой русской реки Волги, люблю простор, большую воду, поэтому у меня дача с бассейном.

Что к этому еще можно добавить, не представляю.

Вы умные люди, я, если вы успели заметить, тоже не дурак.

Почему мы не можем понять друг друга? Не ясно. Лично меня это настораживает.

Объясняю последний раз на самом дорогом. У вас один ребенок, у прокурора два, у вас дочь, у него сыновья. Сколько детей у меня, кто они, я не знаю. Может, их больше, чем у прокурора открыток. Почему так? Потому, что мы разные, как все в природе. Это естественно. Что естественно, то прекрасно. Можно ли судить красоту? Нельзя!

Гражданин судья!

Друзья!

Заканчивая свое последнее слово, хочу напомнить вам одну народную мудрость. Она говорит: «О вкусах не спорят!» Точно сказано, давно и надолго!

За примерами ходить далеко не надо. Прокурор требует, чтобы мне дали десять лет, адвокат просит пять, я у вас ничего не прошу.

Я все сказал, я сажусь.

Невидимка

В воскресенье знакомого встретил.

Так себе знакомый, даже забыл, как его зовут. В школе учились вместе. Он химиком стал.

Ну, зашли к нему — нищета, конечно: мебели нет, посуды нет, даже этой нет... жены — одни пробирки да колбы. Сидим на кухне.

Я говорю:

— Слушай, грязи у тебя по колено, а тараканов что-то незаметно совсем.

Он говорит:

— Есть, только их не видно. Я порошок придумал — они нюхают, и их не видно становится.

Я говорю:

— У нас один мужик тоже, выпил как следует, его три дня на работе никто не видел.

Он достает порошок какой-то, нюхает и — как корова языком слизала. Только пиджак с брюками по кухне мотаются. Потом появляется, говорит:

— Если подольше понюхать, можно исчезнуть часа на два... примерно.

Он над человеком опыты еще не проводил. Ну и, конечно, только он отлучился куда-то на секунду, я порошок себе отсыпал сколько успел.

Вечером прихожу домой — никого нет, никто не мешает. А у нас начальник — чистокровный сукин сын, взяточник, каких на земле было мало.

Короче, раздеваюсь догола, думаю: «Сейчас отучу гадину брать взятки».

Достаю порошок. Чтобы времени с запасом было, вынюхал весь до конца. Подошел к зеркалу — чисто, нигде ничего не видно.

На улице само собой без ключей, без часов, ничего же взять нельзя.

Только дверь захлопнул, из квартиры напротив соседка выходит. Я с непривычки, конечно, затоптался, прикрывшись на всякий случай. Она — ноль внимания.

Тут лифт подходит. Зашли с ней. Я, наверное, от волнения говорю:

— Мне на первый.

Она нажимает на первый, оборачивается... Я уже вышел на первом, она все стояла, смотрела в угол.

Начальник через дом живет, захожу в подъезд к нему, поднимаюсь, звоню. Жена его открывает, я раз дверь на нее и вошел.

Она:

— Что такое? Кто там?!

Я говорю:

— Никого там, все здесь давно.

Она:

— Слава богу, а то я чуть не перепугалась до смерти.

Я говорю:

— Чего пугаться? Сквозняк.

Она идет на кухню, улыбается. В дверях останавливается вдруг, говорит:

— Откуда сквозняк-то?

Я ее спрашиваю:

— Вы с кем разговариваете?

Она:

— С тобой.

— А кто я такой, интересно?

— Не знаю.

И смеется: ха-ха-ха, ха-ха-ха.

Я говорю:

— Что смешного? Так с ума можно сойти.

Она рот прикрыла рукой.

Да, ладно, в общем, ушла она. У них в коридоре кругом посуда редкая. Все на взятки куплено. Я беру первый попавшийся сервиз — БЭМС об пол.

Она из кухни, он из гостиной выскакивают через секунду.

Она говорит:

— Урод косорукий.

Он спрашивает ее:

— Тебя в какую психушку устроить?

Неловко как-то, когда двое ругаются, я пошел на кухню. Там чайник кипит вовсю, я выключил... Кипяток вылил, свежей воды набрал. Я не могу без дела, мне все время что-то делать надо.

На столе пирожное надкусанное, выбросил в мусорное ведро, а то мухи, они заразу разносят.

Ну, они поговорили. Заходит она, чайник потрогала — горячий, налила себе с заваркой, подула... попробовала — силюнула, хотела пирожным заесть — нету. Стала кровью наливать, я перепутался, отвечать еще за нее, говорю:

— Оно в мусорном ведре.

Она заглянула в ведро — пирожное сверху лежит. Успокоилась, говорит:

— Что такое? Сама же его туда выбросила.

Да, ладно, ну ее. Я вышел в коридор, взял еще один сервиз — БЭМС об пол!

Выскакивают оба. И опять:

— Когда ты утомонишься, змей ползучий?!

Он говорит:

— Замолчи!..

Эта... Ну, матом, в общем. А я не люблю, когда матом, нехорошо это, пошел к нему в гостиную.

Он, оказывается, телевизор смотрел. «Конкурс красоты». Я переключил — «Человек и закон» идет, какой-то уголовник выступает.

На самом интересном месте входит начальник мой — Тихоруков Семен Игоревич его зовут — переключает на «Красавиц», я тут же — на «Закон», он — на «Красавиц», я — на «Закон». Он хотел опять на красавиц, а уголовник говорит:

— Еще раз так сделаешь, ноги оторву.

Он про свое рассказывал, но получилось жутко. Начальник обомлел, потом подкрался к розетке и выдернул шнур от телевизора.

Я опять вставил. Уголовник как раз говорит:

— Я тебя предупреждал, поганый твой род, ты не послушал умного человека, теперь смотри на небо в последний раз.

Понятно, что совпадение, но все равно как-то не по себе. Начальник к аптечке кинулся, там у него: йод, спирт, таблетки всякие.

Пока он полстакана валерьянки накапывал, я до следующего сервиза добрался — БЭМС его об пол!

Они оба в коридор, я — в гостиную.

А валерьянка, я вам скажу, плохо помогает от нервов, я налил ему полстакана спирта, остаток на кресло пролился... на сиденье.

Ну, входит он — щека расцарапана, глаз один подбит, другой дергается; схватил стакан и все до дна выпил и... начал руками воздух ловить и задел люстру чешскую. А жена в дверях стоит со скалкой, говорит:

— Опять скажешь, что не ты?!

И скалкой его пару раз осалила. Он все воздух ловит, показывает ей, чтобы закусить дала, синеть начал. Она кинулась на кухню, несет ему пирожное надкусанное.

Тут по телевизору «Последние новости» начались. Диктор появился — я звук убрал, говорю:

— Добрый вечер, товарищи. Мы уже сообщали вам, что Тихоруков Семен Игоревич изобличен вчера как злостный взяточник. Доказательства неопровержимы. Сегодня состоялся заочный суд над ним. Преступник приговорен к смертной казни через повешение.

Он снова руками замахал, потом обмер и затих, она обрадовалась.

Я тогда говорю:

— С конфискацией имущества.

Тут и она обмерла. Я телевизор выключил, собрался уже домой идти, он вдруг говорит:

— Что это было?

Она:

— Сквозняк, наверное.

Он:

— Откуда сквозняк?

Она:

— Ты с кем разговариваешь?

Он:

— С тобой.

Она:

— А кто я такая, интересно?

Он говорит:

— Дура ты, вот кто.

И садится в кресло. Посидел, чувствует — мокро что-то.

Поднялся, ощупывает себя.

Она принялась, говорит:

— Умник, спиртом под себя ходишь?.. Это как же надо пить, чтобы организм не успевал перерабатывать?.. Смотреть на тебя не хочу. Больше, — говорит, — никогда не прикасайся ко мне даже пальцем.

И отвернулась от него.

Черт меня дернул, я тут же размахиваюсь — хлоп ее ладонью — по... ну... Ну, не важно. Она поворачивается к нему, бледная вся, говорит:

— По борделям зарубежным соскучился, да?.. Так я тебе вот что скажу: пока ты там болтался, я тут тоже время зря не теряла.

А я не люблю эти подробности... пикантные, пошел себе.

В коридоре еще один сервиз симпатичный — БЭМС об пол. Никто не выскочил.

До дома спокойно добрался. Вхожу в подъезд — опять соседка, лифт ждет. Зашел с ней. Думаю: «Дай сейчас нарочно разыграю» — говорю:

— Мне на двенадцатый.

Она спокойно нажимает на двенадцатый, поворачивается... говорит:

— Что в таком виде-то?

Смотрю — весь я здесь!.. С головы до ног. Когда проступило все, не знаю. Может, и по улице так шел. Молчать неприлично уже, говорю:

— С маскарада еду.

Она:

— Что же без жены?

Говорю:

— У ней костюма нету.

Она:

— Такой костюм у всех есть.

Тут лифт остановился. А я же без ключей! Еще успел испугаться: вдруг жены дома нет. Зря только испугался — вот она, на площадке стоит, беспокоится. И тоже зря беспокоится, потому что вот он я — выхожу из лифта. Вернее, мы вдвоем с соседкой.

На следующий день с начальником встретились — как братья, как близнецы — у обоих щеки поцарапаны и

по одному глазу прикрыто. Но как был он сукин сын, так и остался, слупил с меня сто рублей.

Столько претерпел я, и все зря!.. Значит, химия взяточников не берет!.. Не знаю теперь, чем их можно вывести, теряю надежду.

Правда, вчера на улице одного знакомого встретил. Так себе знакомый, учился со мной в параллельном классе, сейчас завхоз в институте ядерной физики.

Завтра зайду к нему.

Воспоминания

Галь, ты чего далеко села?..

Тебе будет не видать меня. Проходи сюда, щас в первом ряду освободим. Освободите первый ряд. Я сказал: освободите первый ряд!

Галь, решила остаться, где сидишь?.. Смотри, как тебе удобнее.

Тогда начнем. Товарищи, еще раз всем вам большое спасибо за то, что послали меня так далеко, на фестиваль молодежи и студентов.

Хотел для начала привести вам несколько таких... впечатляющих цифр, но забыл их, поэтому перейду сразу к воспоминаниям.

Народов мира оказалось больше, чем я думал. Есть вот с такими глазами, есть почти совсем без глаз.

И у всех свои обычаи. У всех! К примеру, беру индусов. Одеваются в чалму. И что думаешь?.. И не пьют! У них вера такая: если не пить, все будет нормально.

У нас щас тоже уже есть непьющие. Конечно, их пока не так много, как хотелось бы дружественным нам странам, но нам самое главное — начать.

Верно я говорю, Кузьмич?.. Что ты набычился?.. Мне сказали, ты завязал. А пора бы уж тебе в индусы подаваться. Смотри, а то потом в принудительном порядке.

Товарищи, что меня особенно поразило на Всемирном фестивале молодежи?.. Все народы мира разные, но у всех с нами есть сходство!

Французы — не убавить, не прибавить. Как есть мы, когда у нас праздник. Также улыбаются всем, обнимаются с первым встречным. Я вот щас смотрю в зал — у нас в праздник каждый третий француз.

Англичане — наоборот. Недалеко живут от французов, через пролив, а уже все наоборот. Также как мы, только

уже на торжественном собрании. Следят за собой, что сказать, что сделать, к кому чем повернуться.

Аллилуй! Я тебе про хорошие манеры рассказываю, а ты в уже спичкой ковыряешь. Тебе бы в Англии за такие манеры, знаешь, что устроили?.. Тебя бы мать родная не узнала... Если чтобы меня лучше слышать, то ковырай.

Немцы. Тоже мы, но уже после праздника.

Вьетнамцы. Эти вообще один к одному. Вылитые мы. Тоже приветливые, скромные, старательные.

Аллилуй, слышишь меня? Я говорю: поставь рядом тебя и вьетнамца — не отличишь. Им тоже что прикажут.

Галь, чего он к тебе подсел?.. Отсядь от Гали! Ты зачем к ней?.. Галь, зачем он к тебе подсел?.. Отсядь, отсядь!

Перехожу к рассказу о личных встречах с представителями народов. Сразу оговорюсь. Надо учить языки.

Аллилуй, слышишь?.. Учи языки. С арабом говоришь — еще туда-сюда, с тайландцем — хана, половины не разобрать. Будешь кивать, а он враг окажется.

Личные встречи. Кубинец. Зовут Мигелем. Вот я его спрашиваю:

— Михаил, что, как вас ни покажут, все вы пляшете и поете? Когда работаете?

Он говорит:

— Насчет спеть нас хлебом не корми. А насчет работы вы не присмотрелись. Просто мы в это время тоже пляшем и поем.

И я подумал: «У нас в конце квартала тоже бывает свистопляска. Надо бы нам, как кубинцам, держать темп этот постоянно».

Теперь итальянец. Лючио Фарретти. Отчества у них нет. Этот все к нам хотел перебраться.

— У вас, — говорит, — лучше.

Ему, может быть, и лучше, а тебе точно хуже будет. Отсядь от Гали! Я щас прекращу воспоминания. Маньяк.

Лючио Фарретти... мама мия.

«Мне говорили, что только в России, и нигде больше, есть такие красивые женщины».

Я ему сказал:

«Удивляться не приходится. Женщины — это наше национальное богатство. Как в Африке алмазы, как на Востоке нефть, как в Исландии селедка».

Я его, конечно, пригласил посетить нас, но предостерег, что, во-первых, нам наши женщины самым дороги, раз так. А во-вторых, что они хоть и самые красивые, но к шальной жизни не приучены, и ты ей хоть миллион привези, она все равно на пенсию себе будет дорабатывать. Так что не так уж часто будешь ты с нею с глазу на глаз.

Галь, дай ему по рукам!.. Я тебе сделаю, у тебя ни отчества не будет, ни даты рождения. Только дата смерти.

Перехожу к самому печальному. Не всегда все шло гладко, доходило до инцидентов. К сожалению, один произошел лично со мной.

Подвели раз к японцу. Разговариваем с ним. Он немного по-французски, я немного по-немецки. Я ему говорю:

— У нас медицинское обслуживание бесплатное.

Он говорит:

— И у нас.

Соврал, глазом не моргнул.

Я говорю:

— Мы за учебу не платим.

Он говорит:

— И мы не платим.

Я говорю:

— Мы иногда в транспорте не платим.

Он говорит:

— Мы всегда ездим задаром.

Я тогда говорю:

— У нас праздников на полгода!

Он тогда говорит:

— У нас вся жизнь — праздник!

Конечно, я приврал немного, он, чувствую, совсем заврался, уже ни в какие ворота не лезет.

И что вы думаете?.. Киргиз оказался. Ему кто-то кино подарил, а на мне шляпа была мексиканская.

Ну все, я предупреждал тебя. Товарищи, я прекращаю воспоминания.

Ну что, друзья природы,

достукались?.. В лес приходишь, кишит он животными?.. Не кишит. Удочку забросишь в окружающую среду — что там? Кто там?.. Никого.

Кто так сделал? Какой зверь?.. Человек. Чего добился?.. Добился, что его самого от окружающей среды спасать пора. В водоемах можно купаться?.. Нельзя. Полной грудью можно вдохнуть?.. Можно, но врачи не советуют.

Сейчас не задумаемся, вместо природы будем иметь одну большую Красную книгу.

Где волки?.. Вывели всех. А они были санитарами леса! Животное бредет больное, заразное, он его цап — и к когтю, природа ему благодарна.

Кто теперь у нас заместо волка?.. Я. Из любви к лесу. Без любви жизнь на земле замрет.

В субботу рано утречком пройдешь звериной тропой к водопою, присядешь на задние лапы — сидишь, санитаришь.

Кругом красота: ветерок листочки колышет, водичка в ручеечке журчит, птичка маленькая — фьють-фьють, другая ей — тюить-тюить. Лось выходит — осанка царская, шаг легкий, красавец, но больной.

Бах-тарарах, к когтю его, чтобы миазмы не распространял.

Птичка — фьють-фьють, мышка — шур-шур. Где будни? Где праздник?.. Не поймешь, все ликует и поет.

Хочешь отдохнуть? Нельзя! Надо санитарить.

Днем выходишь на опушку. Господи, твоя сила! Что же это такое? Жить как хочется хорошо и долго!

Вот шмель золотой летит, вон цветок тебе кланяется. Зайчик из-за куста, как из сказки, прыг-скок, прыг-

скок, серенький, умница. Килограмма на три, а то и на все пять. В общем, здоровый заяц, но больной.

Цок его промеж ушей для дезинфекции. Воздух чище стал, настроение у всех приподнятое, свадебное.

Хочешь отдохнуть? Нельзя! Надо санитарить.

Солнце высоко поднялось, в воздухе марево играет, кругом писк, звон, пение, тянется все к теплу, свету, в душе чувства добрые шевелятся.

Стрек-стрек, ж-ж, з-з — стрекоза пролетела; чок-чок, брень-брень — белка скачет; бах-тарарах — справа гром гремит, слева тишь, на небе ни облачка.

Значит, справа водоемы очищают от заразной рыбы. Чу!.. Камыш шумит — болотце рядом. Тук-тук... дятел во вторую смену вышел, тук-тук... труженик, тук-тук... рядом где-то.

Нет, не рядом и не дятел. Это далеко где-то больные деревья на дачу рубят.

Кряк-кряк, дрын-дрын, цорк-цорк — живет лес своей потаенной жизнью.

Вечером костерок разведешь, лежишь смотришь на закат, мечтаешь о чем-нибудь нравственном или удивляешься, как в природе все мудро соткано. Зайчик травку ест, ты — зайчика, всем хорошо.

Вдруг — чавк-гавк. Что такое?!. В чем дело?.. Что-то противоестественное, лесничий идет с собакой — враг номер один и номер два. Травят кого-то вместо волка.

Который здоровый, ноги в руки и утек. А который, как я, больной?

Вон шмель золотой летит, вон цветок пахнет, вон я с лосем на опушку выскочил.

Господи! Как жить-то хочется!.. Цап-лап, хрясь — в грязь, брык-дрыг.

За что?!. Чего добились?.. Ну сижу я, а зверь, заразный, полумертвый, в это время резвится, среду заражает.

В лесу хищник должен быть! Зверь-санитар! Кто у вас теперь вместо меня?.. Никого. Лес запустили, реки захлामीли, дышать нечем!

А вы выпустите меня, я вам за год и флору и фауну девственными сделаю!

Меня беречь нужно, подкармливать. А вы? Мне же плохо здесь. Занесите меня в Красную книгу! Занесите!! Я же совсем могу исчезнуть, навсегда. Я же в неволе не размножаюсь.

Привилегии

Я тут познакомился

с одним мужиком, он работает на самом верху, выше крыши. Ну, мне интересно стало, а такой мужик еще, душа нараспашку. Спросил его насчет привилегий.

Он так удивился. Говорит:

— Какие привилегии?

Я говорю:

— Сам не знаю. Болтает народ... Лечат вас, может, повеселее, чем нас?

Он говорит:

— Нас повеселее?! Вот ты, говорит, лег в городскую больницу, ты тоски не знаешь, в любой момент народу вокруг — не то, что умереть, заснуть не дадут. А у нас после обеда в домино сыграть не с кем.

Я спросил:

— Мрут, что ли, до обеда?

Он говорит:

— Не мрут, но с кем играть-то? У каждого отдельная палата. То есть, понимаешь, если тяжело заболел, горшка подать некому. «На фиг, думаю, мне такое лечение». Но все-таки допытываюсь:

— Есть же какие-то преимущества. В очередях не надо стоять, пайки у вас, заказы, дефицит — все на дом.

Он говорит:

— Смеешься, что ли? Зачем ты так смеешься жестоко? Это не преимущество, это — смерть. Жизнь — это движение! Это когда тебя то в кипяток, то в прорубь, то в очередь, то из очереди. Вот ты вышел из дома, извини за выражение, за нижним бельем. Ты предпоследнее постирал, а последнее порвалось. Вышел, выбежал — туда, сюда, вперед, назад — нигде ничего! Это — жизнь, ты весь в движении. И вдруг дают. Кинулся, растолкал

всех — первый в очереди — «Да здравствует Советская власть!».

Несут — итальянское... не то тапочки, не то шляпы. Какая тебе разница? У тебя все равно ничего нет, ты — нищий. Это — жизни! И тут начали продавать. У тебя глаза горят, кровь кипит. Кто-то слева взял сто штук по двойной цене, кто-то справа по тройной, кто-то еще что-то. И ты первый, но перед тобой кончилось. Горь! Слезы! Отчаяние! — «Долой Советскую власть! В гробу такие времена!».

И тут еще несут, еще лучше... не то ползунки, не то лифчики. Какая тебе разница, ты — нищий. И ты тянешься, и хватаешь последнее. Все — радость, счастье, не зря жизнь прожил.

Сколько ты всего пережил, а вышел только за трусами. А выйди за мебелью. Ты сто жизней проживешь, пока достанешь табуретку.

Я так обрадовался, что у меня в квартире шаром покажи, что мне еще жить и жить в очередях! Но вида не подаю, говорю:

— А оклады-то!

Он:

— Что оклады?

— Оклады-то подняли вам ни за что ни про что, за здорово живешь, почти в два раза.

Он говорит:

— Нам подняли?! Это мы сами себе подняли. А что такое сами себе? Сам себе цветы купил или сам себе бутылку поставил. Это — одни расходы. Если бы кто-то тебе, а то ты сам себе. Мы в сильной растрате. Я каждый месяц сам себе как будто ящик коньяка ставлю.

Я перекрестился. «Слава тебе, господи, — думаю, — что нам не прибавили. И так концы с концами не сводишь, а тут бы точно по миру пошли».

И так мне его что-то жалко стало, этого мужика, седой уже, а чего он хорошего видел в жизни? Жена у него не работает, болеет с детства — дыхание неровное.

И я, значит, рядом — все при мне: в выходные работаешь — платят; покалечился на производстве — за электричество скидка; жена шьет, дочь шьет, теща вяжет, тесть бутылки сдает.

В общем, стою перед ним — как будто я у него в голодный год талоны на хлеб украл. Достал, что было: три рубля, сигареты «Астра», спички — все отдал.

Я к чему все это? Есть которые болтают про привилегии, народ мутят. Им бы фитиль вставить куда следует. Работала же комиссия, прямо сказал Примаков: «Нету никаких привилегий».

Чего мутят народ?.. Примаков же врать не будет.

В медицине у нас толком ничего

не изучено! У меня друга лечили от цирроза печени, а он загнулся от алкоголизма.

А возьмем аллергию. Одному цветок в радость, другой от него в обморок падает или ему от цитрусовых плохо... на рынке. Бывает, люди увидят много бумажных денег, и у них ноги подкашиваются — аллергия, болезнь века!

У меня вот — только подумаю о работе, все тело пятнами покрывается. Значит, что-то такое есть в организме! Какой-то он знак подает, сигналит.

Ты расшифруй, медицина! От денег же мне ничего, хоть сколько дай. Значит, каждому свое лечение.

Кому-то три раза в день цветок нюхать, кому-то надо не нюхать, а работать за троих. Мне, может быть, нужно три раза в день после еды давать по рублю. А у нас же!

Я им кровь, мочу — все собрал, говорю:

— Ну-ка, интересно, что там под микроскопом?

Они говорят:

— Ничего, нормально под микроскопом.

Значит, надо в обсерваторию, посмотреть, что телескоп скажет. Верно?

Они говорят:

— Телескоп изобрели, чтобы звезды наблюдать, а не ваше...

Как с людьми разговаривают! А я только подумаю о работе, на меня страх нападает панический. Значит, что-то такое есть в организме! Какая-то зараза сумела проникнуть!

Ну и что, что рентген не показывает? Может, у меня болезнь тоньше рентгена! Может, у меня нерв... за что-то зацепился. За сухожилие. Я не знаю, так говорю, первое

попавшее. Я этому не учился. Не этому учился. Я вообще не учился. А у нас же!

Никто ничего не хочет делать. К глазику пришел:

— Доктор, работу увижу — в глазах темнеет. Но не до конца. На солнце смотрю, что-то мутное есть.

Он говорит:

— Вам надо к терапевту.

Я к терапевту. Хитрее сделал: написал, что чувствую, на бумажке. Протягиваю ему:

— Это что по признакам?

Он говорит:

— По признакам это беременность.

Я говорю:

— Не может быть.

Он говорит:

— Не пугайтесь, ничего страшного. У половины человечества это бывает.

Я говорю:

— Это из другой половины.

Он говорит:

— Тогда вам надо к психиатру.

Вхожу к психиатру, говорю:

— Друг, выручай!

Он:

— Что с нами такое?

И за молоток. Чем лечат, а?! Ну, видит, я его опередить могу, молоток положил, начал гипнозом:

— Спи.

Я сплю.

— Пой.

Я пою.

— Пройди по потолку.

Я прошел.

— Работай.

Как меня всего заколотит. Синий стал, и пена изо рта.

Он говорит:

— Чего-то у вас в центральном мозгу отключено.

Я спрашиваю:

— Это сколько будет в рублях, если перевести на инвалидность?

— Ноль рублей.

Медицина! Я у него в кабинете за дверь уцепился, меня шесть человек не могли оторвать. Это нормально?! Или не нормально?!

Кричу:

— Справку давай!

В поликлинике все стекла вдребезги. Это что?.. Это здоровому человеку под силу?

Они специалиста вызвали из зоопарка со снотворной пулей. Тот прицелился — как даст!

Я обмяк, но от двери они меня отодрать не могут. Тогда тот вторую заряжает.

Я говорю:

— Убейте, а работать не буду!

Ка-ак он даст!

Очнулся на скамейке в каком-то садике, в руке бюллетень на три дня. Завтра на работу, а во мне снотворного на месяц. Как жить?! Никто не знает. Медицина!

С погодой заметили, что творится?..

То в жар, то в холод, то дунет, то плюнет, то завоюет, то заплачет. Очередь за чем-нибудь стоит, подойдите, встаньте спокойно, послушайте, что говорят:

- Чего он вста-ал?
- Кто?
- Кто?
- Уши развесил, дураком прикидывается-я!
- Где?
- Где?
- В шею его-о!
- Кого? Кого?
- Его-о.
- А что дают?
- Что дают?
- В шею его-о-о!
- Кого? Кого?
- А что дают?
- Давали.
- В шею его-о!
- А что давали?
- Не знаю.
- Еще будут давать?
- Не будут.
- А что вы стоите?
- А что вы привязались?
- Нет, что вы стоите?!
- Тебя забыл спросить.
- А ты не тыкай!
- А ты не трогай!
- А то я тыкну!
- Сейчас я трону!

Нервы у людей расшатаны. От непогоды. Обещали мороз, дали тепло. Кругом тает, все вспотели, потом остыли. Вспотели — остыли, один чихнул — у семерых грипп, семеро чихнули — сорок девять с бюллетенью. С бюллетенью постой в очереди! И еще неизвестно за чем. И еще неизвестно, будет ли еще. От непогоды все, вот в чем дело.

В кинотеатр пришли, сели, свет погас, занавес пошел, комедия началась. Теперь послушайте, что говорят вокруг.

— Вер, она мне приносит туфли. Я спрашиваю: почему, Дин? Сто рублей, Нин! Слышишь, Галь? С ума сойти!

— Тихо вы!

— Что тихо?

— А то тихо.

— А что такое?

— Не одни здесь.

— А что такое?

— Человек спит.

— Зву-ук! Зву-у-ук!

Звук исчез. Отчего?.. От непогоды. Обещали тепло, дали мороз. Все замерзли, потом согрелись... потом еще согрелись... потом еще по сто грамм. И напортачили со звуком, и с туфлями, и с комедиями. От непогоды все, вот в чем дело.

В автобус садитесь. На вас навалились, вы повалились, вас пихнули, вы нырнули, вас зонтом в спину, вы локтем в ребро, вы над ними торт, они вам к животу мороженую рыбу. Теперь послушайте, что говорят кругом.

— Вы что в самом деле? Куда вы руку положили?

— Куда я ее дену?

— Что вы себе позволяете? Уберите сейчас же!

— Ага. Мне надо держаться за что-то?

— Ха-ам!

— А вы, товарищ, смолчите. Будьте умнее ее.

— Еще чего?!

— Мужчину прищемили!

— Да не мужчину, женщину.

— Черт их разберет сейчас.

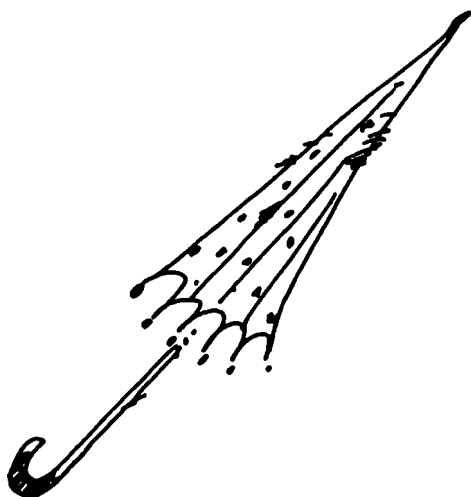
— Что вы мне в лицо дышите?

— А я сам на одной ноге стою.

— Пальто отдайте!.. Синее мое, синее!

- Ой!
- Ай!
- О-ох!
- У-ух! Все!.. Сломались.
- Освободите салон.
- Гос-споди, так хорошо ехали.

Думаете, автобусов не хватает?.. От непогоды все. Циклон шел, на него антициклон налетел, навалился, а его самого прижали... ветры с океана... И вообще у нас в часы пик то жара, то холод, то дождь, то снег, то с Атлантического дунет, то с Тихого плюнет. Стихия!

И так, товарищи, мы с вами

находимся на территории зоопарка, в мире животных, наших меньших братьев. Как они живут здесь?

Мальчик, отойди от клетки!

Как они живут здесь, наши братья и сестры? Сейчас я сориентируюсь. Там вход, там озеро, значит, по левую руку будет птица, сестра, так сказать.

А сколько времени?.. Спасибо. Перед вами, товарищи, находится... одну минуточку, у меня все записано.

Так, это — голубоногая олуша. Пнезд не строит, свои два-три яйца кладет прямо на песок. Питается рыбой, кальмарами и ракообразными... братьями.

Я иногда думаю: нам бы так относиться друг к другу, как мы относимся к животным, — с заботой, теплом, вниманием. Извините за иронию.

Справа от вас хищники. Мальчик, что смешного я сказала? Кто в клетке?.. Дядя?

Одну минуточку... там озеро, там вход, справа хищник. Все правильно, товарищи, это хищник.

Почему — нет? Просто он встал на задние лапы и стал похожим на мужчину. Смотрит на меня как, а! Наверное, их скоро должны кормить.

А сколько времени?.. Ой-ей-ей!

Итак, это хищник... помолчи, мальчик, когда тебя не спрашивают. Семейство кошачьих, туловище вытянуто, ноги низкие, сильные... Маленькая, очень тупая голова.

Смотрит на меня как! Обратите внимание, как он на меня смотрит! Зверь. Не я же составляю эти путеводители, правильно?

Что он говорит?.. Случайно закрыли и ушли? Видите, товарищи, как бывает еще в мире животных, какое безобразие.

Документы у него при себе?.. А где?.. А кто это докажет?.. Зачем же я пойду куда-то?.. Это не мое дело. Мое дело — рассказать вам о хищнике. В наше время каждый прежде всего должен хорошо делать свое дело.

Вот интересные данные: длина от конца морды до корня хвоста достигает двух метров. Брэм пишет: «Жрет сколько может».

Мальчик, не надо мне подсказывать, у меня официальные данные.

Та-ак... Где я?.. «Гнезд не строит. Свои два-три яйца кладет прямо на песок». Это не то. Одну минуточку.

А сколько времени?.. Спасибо.

Мальчик, отойди от клетки. Я кому сказала?.. Кормить животных не разрешается. Вот так же недавно отравили двух страусов... Мало ли что он просит, сам ешь, им тут дают.

Смотрит на меня как! Самец. Что он говорит?.. Хам он. Распустили их тут, живут на всем готовом и еще недовольны. Не обращайтесь на него внимания, товарищи.

Что делает! Матом на весь зоопарк. Ну вы подумайте!.. От такого слышу! Да, от такого же! Еще хуже! Я хоть на работе, а вам стыдно должно быть. Молодой мужчина, интеллигент. Что делает?! Он мне все мероприятие сорвет. Собственно, я закончила.

Товарищи, вы имели возможность, — мальчик, встань на место, — убедиться, как щедра природа на выдумку, как многообразна и многолика она в своих проявлениях. Одну минуточку, у меня все записано.

От хама слышу!.. Та-ак... «Беречь природу — наш святой долг». И еще. «Все доброе в людях начинается с любви к природе».

А почему вдруг стало так тихо?.. Мальчик, что он там делает? Плачет? Довели человека?!

Смотрит на меня так печально, как газель. Жалко его до слез.

Послушайте, не плачьте вы так. Ну что вы как ребенок, в самом деле. Человек вы, конечно, человек.

Он уже сам начал сомневаться. До чего довели!

Если я вас чем-то обидела, простите, я ведь на работе. Ну, вот и хорошо, вот и умница. Слезы утрите. Зачем же вы рукавом? Чудак какой.

Он симпатичный, правда?.. Улыбнитесь... Ну, я прошу вас. Какая прелесть!

Что?.. Я симпатичная? Да перестаньте, ни к чему это. Я вам сказала: перестаньте. Сейчас же перестаньте. Слышите?!

Ну зачем ерунду говорить? Какая я красавица? Ну хватит, хватит, в самом-то деле, люди кругом.

Как какой цветок?.. Мне таких слов еще никто никогда не говорил... Ирина. А вас?.. Николай? Правда Николай?.. И мне очень приятно... Одна... Да откуда?! Работа, собрания, магазины. Суeta кака-я-то все. Хороших разбирали, за пьянчужку не хочется.

Что? Как это?.. Что он такое говорит, товарищи? Мальчик, я сама знаю, соглашаться мне или не соглашаться.

Ну дети пошли! Чему только от них не научишься.

Коля... Я даже не знаю, что вам ответить. Я от внимания отвыкла, Коля. Мимозы Восьмого марта от коллектива, и все. За коллектив замуж не выйдешь. Как-то я...

Да, я вижу, что вы непьющий... Я верю, что прилично зарабатываете... Правда? У меня тоже однокомнатная... Конечно, съедемся... Да я не плачу, это так... ветер.

Мальчик, ты тоже одинокий? Хочешь, мы тебя усыновим?.. С уроков сорвался?.. Как это сорвался?.. Сбежал, что ли? Ну, погуляй. А то, действительно, замучили детей.

Коля! Ты меня слышишь? Я тебе клянусь, Коля! Ты будешь счастливый мужчина всех времен и народов! Да! Да, товарищи. А что вы думали?! Раз одинокая женщина, значит, вали все на нее, всю работу, да?!

И хотите, чтобы после этого я была счастливой? Чтобы я была красивой, нежной, да?.. Никогда!

Но вот теперь... Теперь, когда я встретила настоящего мужчину, который полюбил меня с первого взгляда, теперь я стану первой красавицей. Я вам обещаю, товарищи, честное слово.

Коля, сокол мой, у нас с тобой вся жизнь пройдет как одно мгновение, потому что счастливые часов не наблюдают.

Вся моя прежняя жизнь, Коля, до встречи с тобой, — это страшный сон. Я крутилась как белка в колесе, я веч-

но боялась опоздать куда-нибудь, я только и делала, что у всех спрашивала: «Сколько времени?»... Представляешь?

Кстати, сколько времени?.. Но все-таки?

Не может быть! Как же так? Это катастрофа! Товарищи, мы же с вами ничего не успеваем! Мы еще должны куда-то успеть. Ничего не соображаю. Минуточку. Там у нас озеро, здесь хищник, значит, выход прямо.

За мной, товарищи! Вперед!

Председателю Совета Министров лично.

Мною, данные о себе прилагаю, придуман проект, который позволит резко уйти вперед в расчете на душу населения.

Что делаем?.. Разрешаем воровать официально! От этого мы ничего не теряем, потому что уже давно воруют так, как будто официально разрешили.

Но зато!

Сколько мы сразу сэкономим здоровья, человеческих нервов! Ведь люди главное!

Этот тезис отдельно. Представьте себе такую страшную картину. Какой-нибудь Сидоров решил что-то своровать. Он все предусмотрел и крадется по родному предприятию, на котором вырос, встретил любовь, стал человеком. На него жалко смотреть — он дрожит, мокрый как мышь, всего перекосило.

Другой эпизод этой же картины — Иванов, который не ворует ни грамма, но пьет много. Он еще позавчера напился на работе, вчера проснулся, сегодня чувствует, кто-то крадется по его родному предприятию, где он вырос, стал человеком. И он тоже начинает волноваться, тоже мокрый как мышь, весь волос у него дыбом. То есть здоровья ни у кого!

А Сидоров уже тянет руку, чтобы взять себе чего-нибудь, и попадает Иванову в глаз. Тот кричит дурным голосом — у Сидорова инфаркт, Иванов окосел. И теперь им обоим плати по бюллетеню неизвестно сколько, неизвестно за что. То есть выйдет дороже, чем если бы Сидоров воровал официально.

Конечно, у нас есть такие, что воруют хладнокровно, не дрогнув рукой, не моргнув глазом, но их меньше тех, кто ворует как Сидоров, с оглядкой, совестливо.

За мое предложение выступает еще целый ряд соображений. Ведь вы смотрите, что получается. Те, кто сейчас занят на борьбе с хищениями, они же начнут наконец работать. Это сколько сразу освободится рук! Какую мы получим сразу прибыль! Я даже не умею называть число, здесь нужны специалисты с калькуляторами.

А если еще все у нас начнут воровать не по-дикому, вручную — азиатщина наша?! У нас же, вы не поверите, до сих пор еще растаскивают все по блату, по знакомству — азиатщина наша, будь она трижды неладна.

На Западе давно уже ворует лазер и всякие гены с искусственным сердцем, а мы все по блату, все вручную! Мы по воровству сильно отстаем, товарищ Председатель. Извините за резкую правду, говорю, что думаю.

И вот теперь вы представьте себе на секунду такую картину. Иванов год уже как не пьет, но начал воровать с помощью элетроники. Сколько у него теперь свободного времени на основную работу?! Сколько он принесет всем нам пользы? Куда мы денем прибыль? Я не знаю. Тут нужны специалисты, им думать и думать.

Теперь — он же свое ворует, что сам смастерил. Он же себе сделает лучше, чем на экспорт. А это чистое золото!

А тут Сидоров поднялся с постели, видит такое дело кругом, он не то что лазер приспособит, он откроет новые законы природы! Они есть у нас! Не было в них нужды, но теперь разрешили воровать, и он их откроет! От этого произойдет рост промышленности, расцвет культуры. Культура даст скачок сознательности, и воровство у нас прекратится навсегда — мы резко уйдем вперед.

Вот вкратце все.

Должен предупредить вас, товарищ Председатель, что наша с вами идея привьется не сразу, она может встретить протест косных умов. Но вы, конечно, читали про Джордана Бруно и нашего Константина Циолковского, обогнавших свое время. Их пример заставляет дерзать, смотреть в будущее.

До скорого свидания, дорогой товарищ Председатель. Чтобы вы не поняли меня превратно, хочу сооб-

щить: для себя лично ничего не прошу и вообще пишу вам, можно сказать, из будущего, где нахожусь в четвертый раз.

Постскриптум. Если проект в целом понравится, то детали я мог бы доработать на свободе.

Постпостскриптум. Если в целом не понравится, то мог бы и в целом доработать на свободе.

Живите для души

(история в письмах)

Письмо первое

«**Н**иколай, бродяга, здравствуй!

Что же ты, непутевый сын, ничего не напишешь о себе? Небось замотался, еле языком ворочаешь? А говорил я тебе: «Не ходи в геологи, проклянешь все». Еще сдуру напросился на Север. Черт тебя знает, о чем ты думаешь! Мать вот подсказывает: «Не имей сто рублей, а имей сто друзей». У нас и у дядей твоих чего только нету, а все благодаря им. Теперь решили жить для души, тебе рано пока об этом думать, обставься сначала.

Привет от наших, вот они все тут сидят: мать, дядя Сергей и дядя Петр.

Постскрипtum. Дядя Петр завел знакомство в книжном магазине, теперь мы все с подпиской — читай не хочу».

Письмо второе

«Николай, здравствуй!

У нас горе. Дядя Петр прочитал Толстого, Тургенева, Чехова и пошел сознался в хищениях. Дали ему три года с конфискацией имущества. Теперь он будет к тебе поближе. В остальном без изменений. Для души решили больше не жить, здоровье уже не то. Хотим выехать на природу, прийти в себя. Мать велит передать: «Если женился, то поцелуй жену».

Письмо третье

«Коля, здравствуй, сынок!

Дядя Сережа был в заповедном лесу на озере, вернулся с курорта — кровь с молоком. Очень понравилось, говорит: местность красивая, особенно закаты. Вечером

сядешь у костра — тишина, рядом озеро дышит, и кажется, будто кто-то смотрит на тебя из леса, к себе манит. Рассказывал часов до шести утра, в половине седьмого пошел сознался в махинациях. Дали пять лет с конфискацией имущества. Теперь он будет к тебе поближе. Остались мы с матерью одни. Хочется пожить для души, но как-то боязно. А так все хорошо, всего полно.

Пиши, не забывай нас.

Постскриптум. Мать последнее время недосыпает, сторожит меня»

Письмо четвертое

«Коля, сынок дорогой, здравствуй!

Какие у тебя новости? Что ищешь сейчас в недрах земли? Хорошую ты себе выбрал профессию! Я до слез рад, Коля, что у тебя ни кола ни двора! Живи для души! Горжусь тобой, сынок, так и знай!

Привет от наших. Вот мы все тут сидим: дядя Петр, Сергей и я, твой отец».

Нас всех учили

Еще Александр Сергеевич говорил:

— Нас всех учили понемногу, чему-нибудь и как-нибудь.

Как сейчас учат, даже Пушкину не снилось. Ничего же на практике не совпадает с теорией.

Я вот — инженером, сто сорок получаю. Товарищ мой — за одной партией сидели, у него до десятого класса нелады были с таблицей умножения — он тоже сто сорок получает, но он в комиссионном работает «Фарфор — хрусталь».

У меня — велосипед, у него — «Вольво».

У него — дача с бассейном, у меня — кухня с балконом.

Я каждый месяц откладываю три рубля, он — семьсот.

Я знаю, что голь на выдумки хитра, сам однажды из ста сорока выкроил десять рублей... перешел дорогу в неполюженном месте. Десять, но не семьсот же из ста сорока?!

Я к академику одному прорвался, математику. Говорю:

— Мы по вашим учебникам учились, верили, что пятью пять двадцать пять, а смотрите, что в жизни получается.

Он говорит:

— Не может быть. Пятью пять двадцать пять!

Я говорю:

— Но вот же! И вот, и вот. И вон, и вон. И тот и этот. А вон тот нигде не работает, вообще из ничего выкраивает в месяц больше, чем вы за Нобелевскую премию.

Он:

— Не может быть! Пятью пять двадцать пять!

Я говорю:

— Когда-то, может, и было двадцать пять, а сейчас семьсот, конечно, не для всех. А химию возьмем. По таблице Менделеева все в природе должно занимать место

согласно своей валентности. Я после школы окунулся в жизнь — не совпадает с таблицей! Где должна быть высокая валентность, сидит элемент совсем без валентности, совсем тупой.

Или Менделеев ошибся, или этот элемент как-то природе обманул, мать свою природу как-то нагрел. Если он природу объегорил, значит, он не тупой. А если тупой, почему на этом месте?.. А если он тупой, но всех объегорил и сидит на своем месте, значит, нас не тому учили по химии. И по физике. Я от физики уже суеверный стал, я креститься начал, мне везде черти мерещатся. Я куда за чем ни приду, мне говорят:

— Только что было. Только что! Пять минут назад всего было вот так и народу никого.

Я говорю:

— Как никого?!

Они говорят:

— Никого. Еще три минуты назад никого, ни души! И всего вот так!

Я говорю:

— Как три минуты?! Всего было полно и никого, и три минуты назад?!

Они говорят:

— Чтоб вам минуту назад зайти!

Я каждый раз думаю: «Чтоб мне, идиоту, минуту назад зайти!» Как это получается, что вчера при закрытии рано, а сегодня при открытии уже поздно?.. Где та секунда, когда всего полно и народа никого, ни души?.. Где она, кто ее спрятал, какой физик?

Приятель из «Фарфор — хрусталь» куда ни придет — «Только что привезли! Ну, только что, и то, что вам нужно. И точно ваш размер!»

Я своего размера еще никогда ничего не носил. Не попадаю на свой размер, секунды не хватает... Больше есть размер, меньше есть, чуть больше попадают, чуть меньше завались, моего никогда!

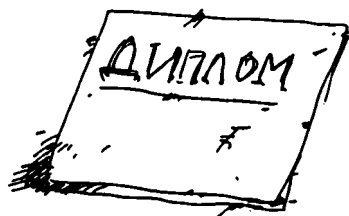
Или мне крупно не везет, или нас не тому учили по физике.

А, может, нас вообще по всем предметам не тому учили?.. Что там по истории?.. Почему, кого история сейчас хвалит, потом она его ругает, а кого сейчас ругает, потом она его очень хвалит?

И что у нас все-таки: все равны или не все?.. Или равны это по математике?

А что по литературе... герой нашего времени всегда лишний человек? Или не всегда?.. Или «всегда — не всегда» это по физике?!

В общем, если практика всегда права, то надо что-то подчистить в теории. А если наша теория верна, то надо что-то менять на практике.

Путешественник

Путешествовать надо больше,

товарищи. Духовно еще богаче становишься, для ума много пищи приобретаешь.

Я где только не побывал, чего только не повидал! За границей три раза был, по туристической. Посмотрел на их жизнь, вспомнил нашу, сравнил.

В общем-то мы их!.. Но кое в чем они нас. Мы их — в общем, они нас в частности... кое в чем.

У нас вышел на улицу часов в одиннадцать вечера — куда пойти?.. У них есть куда. Приходишь — вино, музыка, стриптиз.

Что такое стриптиз?.. Женщина. Танцует. Во время танца раздевается. А ты хочешь смотри, хочешь нет, твое дело.

Я первый раз не хотел... но смотрел — ничего особенного. «Маяк» у себя включите, когда жена ко сну готовится — то же самое. Просто там чужая жена.

Если взять по эмоциональному накалу, хоккей выше. Хоккей у нас лучше... Стриптиз — у них.

Деталь одну заметил. У нас идешь по улице — «Ателье», «Ателье», «Аптека», «Ателье», «Парикмахерская», «Ателье», «Ателье».

У них — «Банк», «Ювелирный магазин», «Бар», «Банк», «Бар», «Ювелирный магазин», «Бар», «Бар», «Бар». Заходишь — вино, музыка, стриптиз.

У нас в ателье можно зайти.

Природа у нас богаче. У них вообще нет природы. У них — смог. Дышать нечем.

Утром выходишь из гостиницы, хочешь посетить музей или галерею какую-нибудь — через пять минут задыхаешься, думаешь, где бы свежим воздухомдохнуть.

В банк не пустят, в ювелирный магазин сам не пойдешь. Заходишь в бар — вино, музыка, стриптиз... А почитать нечего! С собой надо брать.

Идешь стриптиз смотреть — почитать с собой бери, там нет. Читают мало. У нас все читают — и старики, и дети. Им этот стриптиз даром не нужен.

Что еще бросилось в глаза? Мата на улицах не слышно. Вообще плохо слышно — шум большой. У нас на улицах очень хорошо слышно. По телевидению у них программ больше, передачи у нас интереснее. У них включаешь — стрельба-пальба, разбой-мордобой, у нас включаешь — «Человек и закон». У них включаешь — стриптиз, у нас включаешь — «А ну-ка, девушки». Одним словом, у них часов шесть посмотришь — и тупой становишься, не соображаешь ничего. У нас полчаса посмотришь — все ясно.

Пьяных на улице не увидишь, все в барах. На улицах все прилично, культурно. У нас вот стриптиз не привился, у нас большое влияние получил алкоголизм, а оказывается, одно другому противоядие. Ну и еще один штрих. У них в бар приходишь — можешь пить, можешь не пить. Скажем, у тебя печень больная, а остальные органы себя хорошо чувствуют. Не пей, смотри стриптиз или читай, твое дело.

Собственно, у нас в ресторане то же самое: не будешь пить — не пей, сиди весь вечер, читай меню. Короче, товарищи, больше надо путешествовать.

Из записной книжки

Отчего мы все время так уверенно

смотрим вперед?.. Не от того ли, что все время нам страшно оглянуться назад?

Контузили диктатурой, покалечили войной, оглушили застоєм, одурманили алкоголем — в результате получился человек нового типа.

Хорошо там, где нас нет.. Может, потому там и хорошо.

Говорят, если прекратим воровать, жить станем лучше. Дураку понятно... Как прекратить-то?

«Самое лучшее — самым бедным!» Это прекрасно. Но самое лучшее — это ведь самое дорогое. А самое дорогое самым бедным — это издевательство.

Как-то у нас... Если умница, то нечист на руку, если гений, то бабник, если талантище, то обязательно пьяница. Что же тогда говорить о наших дураках?

Качество продукции можно резко улучшить, если заранее знать, что продукцию удастся вынести.

Когда нет-нет да услышишь: «Вождь индейцев Буйвол Могучая шея, Крепкий рог, Сильный помет...», испытываешь неловкость, потому что дикость все-таки.

Когда слышишь — «Народный артист СССР, лауреат Ленинской премии и Государственных премий СССР и РСФСР, Герой Социалистического Труда, кавалер орденов Ленина и Трудового Красного Знамени, почетный житель и так далее и так далее», тоже как-то... кажется, что отдает пометом.

В истории нашей два периода — «до пьянства» и «пьянство». Третьего, видимо, не будет.

Работать бы — как у нас, зарплату бы — как у них!

— Вы гений!

— Перестаньте сейчас же!.. Не в этом дело.

А жуликов, каких мало... у нас немало.

Антисемитизм. Двое нищих про более удачливого третьего:

— Еврей?

— Евре-ей!

Аттракцион «Американские горки»?.. Что-то вроде наших дорог.

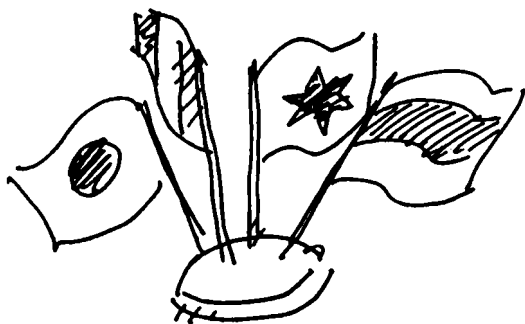
У нас, что ни шаг, то исторический поворот. Похоже, мы в лабиринте.

Коммунизм — это не когда за каждым углом распивочная и публичный дом.

Коммунизм — это когда распивочная и публичный дом не за каждым углом.

Плохо, что мы не знаем середины ни в чем. Живем или одним днем — получается пьянство, или вечностью — тогда строим коммунизм.

А оба эти занятия для человека хоть и привлекательны, но вредны.

В коммуне остановка...

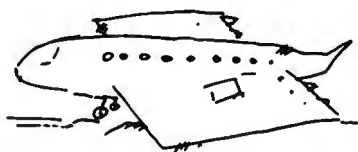

«В коммуне остановка...»

В этом разделе преобладают рассказы,

написанные в то время, когда автор верил, что ветры, пущенные партией, — это ветры перемен, что рыночная экономика, регулируемая КГБ под руководством КПСС, не сегодня завтра выявит наконец превосходство нашей системы, за которую отцы-деды проливали кровь дедов-отцов.

Покаяние

(сценка)

Действующие лица:

КПСС,
КГБ,
ПЕРВЫЙ СВЯЩЕННИК,
ВТОРОЙ СВЯЩЕННИК.

Место действия — Троице-Сергиева лавра. Раннее утро. Во дворе лавры появляются в обнимку КПСС и КГБ.

КПСС. Надо же было так напиться! Вчера начали?

КГБ. Позавчера.

КПСС. А где это мы?

КГБ. Лавра. Троице-Сергиева. Ты просила вчера устроить покаяние.

КПСС. Я?! Надо же так напиться!.. А что, бог есть?

КГБ. Выясняем сейчас. Работает одна группа.

Хлопает где-то дверь, появляется Первый Священник.

КПСС (*падает на колени*). Батюшка, грешна я, каюсь. Прости за все! Прости Христа ради!

КГБ. Ну что, батюшка, прощена она?

Первый священник. Так точно, товарищ генерал!

КГБ. Ты кто?

Первый священник. Старший лейтенант Гаврилов, товарищ генерал! Со вчерашнего дня, товарищ генерал, по вашему приказанию в форме священника.

КПСС. Надо же так напиться!

КГБ (*священнику*). Свободен.

Священник поворачивается через левое плечо, чеканя шаг, уходит.

КГБ. Встань, Капа, застудишь себе что-нибудь.

КПСС (*встает*). Может, нет бога-то, а мы тут дурака валяем.

КГБ. А если есть?.. Все видит, все знает.

КПСС. Больше тебя?

КГБ. Больше меня никто не знает.

КПСС. Значит, его нет.

Хлопает дверь, появляется Второй Священник.

КПСС (*падает на колени*). Батюшка, грешна я! Молодая была — дура. Не ведала, что творила. Бес попутал, Змей Горыныч гадкий. Вот он стоит перед вами. Отрекаюсь от него, батюшка, от врага рода человеческого. Отрекаюсь! (*Неистово крестится.*)

КГБ (*падает на колени*). Батюшка, врет все гадюка! Не верь ни единому слову.

КПСС. Провокация, батюшка. Деструктивный элемент. Врет на каждом шагу, ничего святого за душой.

КГБ. Все по ее наущению, батюшка. Сам по себе овцы не обижу.

КПСС. Отца зарежет, мать в тазу утопит. Народу сгубил немислимо. Батюшка, позволь ручку поцеловать.

КГБ. А мне вторую, батюшка. Вас, батюшка, как по батюшке?

Второй ивященник. Майор Сидоров, товарищ генерал!

КПСС и КГБ поднимаются, отплевываются.

КГБ. Сколько вас в лавре?

Второй ивященник. Это — Лубянка, товарищ генерал; внутренний дворик. Вы вчера приказали замаскировать все под лавру.

КПСС. Надо же так напиться!

КГБ делает священнику знак, тот уходит.

КПСС. А все равно на душе чище как-то стало, светлее как-то. Летать хочется.

КГБ. Покаялись, вот и легче на душе.

КПСС. К богу ближе стали. Не то что в восемьдесят пятом году.

КГБ недоуменно смотрит на КПСС.

КПСС. В восемьдесят пятом-то напились.

КГБ недоуменно смотрит на КПСС.

Перестройку-то начали.

КГБ. А-а! Надо же было так напиться!

Обнявшись, уходят.

Ничего, наверное, не получится

у нас. Вряд ли чего хорошее выйдет.

Вчера стою около магазина, минут за десять до открытия с перерыва. Просто так стою, мне там и делать-то было нечего, там и брать-то нечего было... у меня и денег-то не было ни копейки. Просто так стою.

Толпа, конечно. Ну, и ничего так особенного на первый взгляд, стоят себе люди, следят, чтобы, кто попозже подошел, вперед не пролез.

А жара еще страшенная. В общем, опасно стоять.

И вот бабушка одна, совсем старая, лет сто ей, наверное. Может, сто двадцать. А еще ей припекло чуть. В общем, она говорит вдруг. Вслух, главное, говорит вдруг:

— Ну, ничего, пожила, слава богу, порадовалась. Может, и сейчас чего-нибудь перехвачу вкусного. Давеча обещали сосиски завезти.

Ти-ихо сразу стало. Все на бабушку смотрят, как на Гитлера. Все же за сосисками стоят, только каждый думал, что он один знает, что обещали завезти. Каждый думал: все сейчас по другим отделам кинутся, а он около сосисок-то первым и очутится.

Расстроились многие... Да все почти.

Ну, я тогда мягко так говорю, никому, просто так, чтобы людей успокоить:

— На Западе, — говорю, — за этими сосисками да-авно уже никто не давится.

Мужик один поворачивается. Думаю: «Поддержит сейчас». Ну, повернулся он, мужик-то этот, и говорит:

— А сейчас, кроме нас, нигде за этими сосисками никто не давится.

И смотрит так — не будь никого, убил бы.

Ну, я вижу, разговор не клеится. Еще каждый думает,

как бы первым в магазин ворваться. Жертв, разрушений пока нет, но нездоровая такая обстановка, чего скрывать.

А, как назло, еще ни милиции рядом, ни военных кого-нибудь. Один народ только.

Ну, что делать?.. Надо, думаю, срочно перевести разговор с продовольственной программы на какую-нибудь спокойную тему.

И я ни к кому конкретно не обращаюсь, так, в сторону, говорю, а-абсолютно в сторону:

— Есть нечего, — говорю, — так хоть бы медицину подтянули, а то продолжительность жизни маленькая. Не успеешь наестся — уже помирать надо.

Сказал и молчу стою... Мужик опять поворачивается, морда красная сделалась. Думаю: «Сейчас поддержит».

А руки длинные у него, ноги короткие. Ну, это неважно. Лоб узкий. Так какой-то... Глаза и сразу затылок у него. Ну, неважно... Морда красная. Говорит:

— Всем и поесть дай и чтобы лечили не до смерти, а у нас еще полно людей в подвалах живет!

К чему сказал, неизвестно. Ему про медицину, он про подвалы. Лишь бы поперек сказать.

А так мужик как мужик. Лицо глупое. Сразу видно, дурак от рождения. Бывает, люди переучиваются, от образования глупеют, а этот сразу.

И главное, не отворачивается — на меня смотрит. Что делать?.. А никого рядом!

Народ за дверью наблюдает, дурак за мной. Стою, не знаю, чего делать.

Безвыходная ситуация. Народ стоит, дурак и я. Такая комбинация. Ничего хорошего, в общем.

Я тогда говорю:

— Безобразие, что люди в подвалах живут!

Мужик рот открыл... «Сейчас-то, — думаю, — точно уж поддержит». Минуты две стоял он, потом рот закрыл и говорит:

— В подвалах, нам хотя бы медицину подтянуть.

Ну, и я тогда сразу понял, ничего у нас хорошего не получится.

Пока все не будут заодно, ничего хорошего у нас не получится. Вряд ли.

Меня часто просят рассказать
о встречах с замечательными людьми.

Я на Центральном стою с клюквой — пять рублей кило. Простых людей не вижу совсем. Ко мне очередь только из замечательных. Артисты, когда у них заболит кто-нибудь, а так писатели больше, художники... эти... которые статуи лепят... статуёры.

Есть что рассказать, не инженер какой-нибудь.

Щас поподробнее расскажу обо всех. С писателем одним сошлись. Подходит ко мне:

— Я — писатель по фамилии...

Забыл его фамилию, но известный писатель, он назвал мне все свои произведения. «Война и мир», «Преступление и наказание», «Евгений Онегин». Я одну его книжку сам читал... «Женщина в белом».

Ну, взял он у меня полкило, встал в сторонку — стой, хрен с тобой. Теперь вижу: что ни скажу — он записывает, что ни скажу — он скорее в тетрадку. Понимаешь, нет?! Живет с этого! Ты у станка стоишь, он у мартена, я вообще из-за клюквы живу по горло в болоте, а он по рынкам ходит, посшибает помаленьку, и готово — «Война и мир». Вот тебе и замечательный человек!

А я думаю: «Ищи кого подурее». Поднял цену до семи «р» за кило, и у меня свое «Преступление и наказание».

О статуёрах расскажу. Замечательный мне попался один статуёр. Теперь смотри, что получилось. Завел он к себе:

— Щас буду лепить тебя.

Я спрашиваю:

— Чё себя не лепишь?

Говорит:

— Фигура не та.

Видишь? Опять нехорошо. Замечательный человек, но урод. А с меня начал лепить героя... по ранним рассказам Гоголя. Героя звали Вий. Не слыхал?... Ну, скоро он закончит, посмотришь.

Теперь что? Они нервные все. Из ничего заводятся. Поэт

один подходит как-то — сразу он мне не понравился, заморенный какой-то. Ну, улыбается, спрашивает:

— Почему клоква?

Я говорю:

— Восемь за кило.

И он задергался, задергался весь, говорит:

— Вы в детстве ни об чём случайно головой не вдарялись?

Я говорю:

— Случайно не вдарялся, а нарочно бился, чтобы в школу не ходить.

Его знаешь как перекошило?.. Жена следом шла, она его случайно узнала, по номеру из химчистки. Такой хай подняла, что у меня нервы не выдержали, я поднял клоквию до девяти «р» — и молчок.

Среди них вообще ведь больше больных, чем нормальных, хотя сразу не определишь. Вот дикторша одна как-то повадилась. Внешне, конечно! Что ты! А сна у ней нет. Совсем не спит. И с ней все время личный врач. Ни на шаг от нее — до чего дошло. Вот которые щас новым методом лечат... экстрасекс. Она сама мне говорила:

— Витек, ни во что больше не верю, только в экстрасекса.

У нее болезнь знаешь как называется?.. Не знаешь. Врачи не знают, как называется.

И она почти каждый день брала у меня по десять «р» за кило, потому что, оказывается, если этих экстров клоквию не подкармливать, они сами могут загнуться.

Видишь, как у них, опять все не слава богу.

Мне из замечательных людей больше всех понравился зубной техник. Спрашивает:

— Почему клоква?

Я говорю:

— Одиннадцать.

Знаешь, что он сказал?.. Не догадаешься никогда. Не как поэт.

Он сказал:

— Только не клади давленной, лучше я у тебя возьму по двенадцать за кило, мне дешевле выйдет.

От такой встречи есть что вспомнить! А ты говоришь: «Инженер». Что он может рассказать?.. У него одни шурупы в голове... А у меня ни одного!

Дрынолет

(Артист выбегает со стулом в руках,

как ребенок воображает, что ведет машину.) Ж-ж-ж, з-з-з, у-у-у. Ж-ж-ж-ж, з-з-з-з, ш-ш-ш.

(Ставит стул. Зрителям, указывая на стул.)

— Дрынолет. Хорошая вещь. Главное — просто все. Стул и веревка. Дергаешь за веревку и вперед.

Это месяц назад из министерства приехали к нам четыре человека, говорят:

— Теперь вы самостоятельное предприятие. Что хотите, то и творите. Полная свобода действий.

Все как закричат:

— Свобода! Свобода!

Я тоже обрадовался, потом думаю: «Дай проверю на всякий случай, полную дают свободу или неполную». Привязал к стулу веревку, выбегаю:

— Ж-ж-ж, з-з-з.

Наши ничего, они меня давно знают. А министерские, конечно, струхнули.

Я останавливаюсь, говорю:

— Алло!.. Дрынодром?.. «Барсук»?.. А кто на пульте?.. Отметьте, «Тайфун» посадку совершил.

Ребятам рукой помахал, они — мне. Говорю:

— Ребята, теперь ведь свобода у нас. Надо смотаться по-быстрому за рубеж, заключить пару контрактов по-выгоднее. Может, в Австралию?

Ребята кивают, дескать, давай... смотайся в Австралию. Я честь отдаю, кричу:

— Готовность нуль! Лишний газ спустить через отверстие! Солнечные батареи вперед! А-ат винта!

Министерские заволновались, говорят:

— Минуточку.

И главный их тянется стул пощупать.

Я кричу:

— Р-руки!.. оторвет к чертовой матери!

Тогда они всерьез заволновались, спрашивают:

— Что за контракты?.. Нужно, чтобы обязательно кто-то из нас присутствовал.

Я говорю:

— Кому нужно?.. Нам не нужно теперь, у нас теперь полная свобода.

И к ребятам:

— Ребята, — говорю, — ничего, если я контракты заключу из расчета, чтобы на брата вышло по миллиону, уборщицам по пятьсот тысяч?

Ребята говорят:

— Нормально... для начала.

Тут министерские опять:

— Как по пятьсот тысяч?! У нас оклады — триста рублей в месяц.

Я говорю:

— Вы-то тут при чем?.. Вы же дрынолет не изобрели. Вам за что платить?

Они вдруг успокоились все, говорят:

— Теперь уж ни у кого нет никаких сомнений, это — идиот. Пусть взлетает.

Я говорю:

— Алло!.. Дрынодром?.. «Барсук»?.. А кто на пульте?.. Это — «Тайфун». Какая погода в Австралии?.. В чем народ ходит?.. Ни в чем?! Тогда пусть встречают.

И начинаю раздеваться. Все снял, остался в трусах.

Думаю: «Снимать, не снимать?.. Не снимешь — там обидятся, снимешь — здесь не так поймут».

И ребята-то ничего, им все равно, сниму я или нет. А министерские, вижу, против того, чтобы снимал. Говорят:

— Вы что, совсем?

Я говорю:

— Интересно. Что же я там, потеть должен?.. И вообще, у нас полная свобода. Кстати, надумали с ребятами взять вас в долю, по миллиону на брата. Вам как, в Австралии без вычетов или здесь с вычетами?

Они как будто недели две репетировали, в один голос говорят:

— В Австралии без вычетов!

Я ребятам кричу:

— Срочно сюда еще четыре дрынолета!

Те через минуту приносят четыре стула с веревками.
Я говорю министерским:

— Сами слышали, там жара, а главное — мы делегация, должны быть в одной форме.

Они раздеваются по-быстрому, садятся шустро на стулья, каждый хватает веревку.

Я говорю:

— Дергать по команде. Глаза прикрыть левой рукой, чтобы не вылезли от перегрузок. Минут через пятнадцать-двадцать будем на месте. Приготовиться!.. На старт!.. Внимание!.. Марш!

Все дернули, сидят, за стулья держатся, глаза закрыты. Через пятнадцать минут открывают глаза — перед ними люди в белых халатах. А тех уже предупредили.

Старший санитар говорит:

— Рады приветствовать вас в Австралии.

Министерские все в трусах, встают, кланяются. Главный улыбается, говорит:

— Вот... на дрынолетах к вам.

Санитар говорит:

— К нам на чем только не прилетают.

Главный:

— Мы рады, что к вам попали.

Санитар:

— Куда же еще вам, как не к нам?.. К нам сейчас много ваших попадает, и все рады. У нас очень хорошо, замечательно. Сейчас душ примете.

Главный говорит:

— Нет, сперва контракт подпишем.

Санитар:

— Это в первую очередь. Сперва контракт. Но контракты по нашим законам подписываются в специальных машинах, пройдите все четверо.

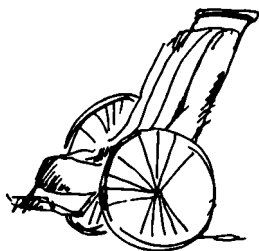
Главный заозирался, говорит:

— Тут с нами еще один должен быть... сумасшедший. Наверное, с курса сбился.

Санитар ему:

— Ничего страшного. Одним сумасшедшим больше, одним меньше.

И они пошли за миллионами, а я остался с ребятами. А что? Каждый что хочет, то и делает, на то она и есть полная свобода.

Съезд Советов

(монолог ведущего съезд)

А что это, ходют и ходют

по залу?.. Народ же следит за нами. Он может спросить: «На что уходят наши средства»? Надо прекратить разговоры и пение в зале.

Товарищи депутаты, поступило два предложения: «начать работу» и «перерыв». Оба надо голосовать.

У вас что?.. Когда суточные выдадут?.. Вечером. Сегодня. Решаем «начать работу» или «перерыв». Перед вами голландский аппарат, там три кнопки: «за», «против» и «воздержался». Кто «за», нажимает кнопку «за». Это понятно?.. Хорошо. Собрался же цвет нации. Кто «против», нажимает кнопку «против». Не понятно?

Объясняю еще раз. Кто «против», нажимает кнопку «против». Ибо! На ней написано «против». Теперь понятно?.. Кто у нас по электронике?.. Никого. А что за шум в зале?.. Суточные когда?.. Вечером. Сегодня.

Давайте голосовать, иначе народ не простит нам. Надо же приносить плоды народу.

Нашли кнопку «за»?.. Ну вот, видите, я был прав, процесс уже пошел, демократический процесс, это главное.

Теперь кнопка «против». Нашли?.. Там же она... Ну, как нет?.. Да там же должна быть. Видите?.. Кто у нас по электронике?.. Нашли?! Хорошо. Нет, вы не туда смотрите. Перед собой смотрите. «Перед собой», это понятно, товарищи? Хорошо.

Что у вас?.. По ведению?.. Пожалуйста... Нет, минутку, вы же сказали, что у вас по ведению, а сами начали про суточные. Суточные вечером... У вас что?.. Вопрос?.. Отвечаю. Сейчас голосуем «начать работу». «Перерыв» — это второе предложение. Сейчас голосуем «начать работу». По порядку идем, по мере поступления. Не понял... «Перерыв» было первым предложением?! У меня

вот как лежат бумаги, так они и лежат... уже который день, я ничего не трогаю.

Пожалуйста! Давайте сперва проголосуем «начать работу». Да я же так и ставил вопрос!

А-а-а... вы хотите сперва «перерыв». Хорошо. В порядке поступления. Товарищи, в порядке поступления или наоборот?.. В порядке поступления, я тоже так считаю. А иначе никак и нельзя! Народ не поймет нас, сметет, понимаете, со своего пути!.. Он и так смотрит, не понимает, чем мы здесь занимаемся... дуракавалянием каким-то... Но другой путь, товарищи, — это путь в пропасть.

Нашли кнопку «за»? А «против» чуть ниже ее. Нет, не напротив ее, а чуть ниже ее... Ее же. Она же — «за», а ее же чуть ниже — «против»... ее же. Что непонятного?.. Тут всего три кнопки. Четыре?.. Кто у нас по электронике?.. Товарищи говорят, что здесь четыре. Разберитесь.

А-а-а! Товарищи, вот что, одна — это чтобы включать голландский аппарат. Обязательно, иначе же ж он работать не будет.

Все! Разобрались — три кнопки, вы сначала нажимаете четвертую.

Голосуем. Кто «за»?.. Четыреста. Кто «против»?.. Четыреста. Кто «воздержался»?.. Четыреста... Ав зале у нас девятьсот сорок семь. Не сходится, по-моему. Но аппарат не наш, товарищи, ошибиться не может.

А счетчики у нас на месте?.. Вы — счетчик?.. А что у вас?.. Суточные?.. Вечером в Георгиевском зале Николай Иванович раздаст.

У вас что?.. Вы настаиваете?.. Нет, минуточку, вы настаиваете?.. Депутат настаивает огласить его записку.

Оглашаю. «Мне сегодня пятьдесят лет, прошу поздравить. Первый секретарь...» Дальше неразборчиво.

Я думаю, что поздравляем от всей души.

Теперь работаем, а то народ уже с ума сошел, бежит в Стокгольм, не успеваем самолеты поставлять.

Кто «за»?.. Двести. Кто «против»?.. Двести. Кто «воздержался»?.. Двести. Не надо аплодировать, товарищи, сядьте. Это ж мы еще только регистрировались. Двести, двести и двести. Сейчас академик с бригадой подсчитают быстренько, сколько всего, и продолжим... Сколько?.. Девятьсот сорок семь. Все сошлось.

Еще записка. «Почему не поздравляют малочисленные народы? Мне позавчера тоже сорок семь лет, от всей души ни один собака не поздравил. Сколько можно продолжать так?.. Где суточные?»

Правильное замечание. Хóчим мы этого или не хóчим, а нам всем давно уже пора сделать из замечаний и выводы, и анализы.

Вот сегодня сто дней, как установили голландские аппараты. Я прямо скажу, мы думали, что удастся освоить их... Был у нас такой расчет. И так пробовали, и эдак, и знаете, убедились — ничего не получается.

Но мы же ж с вами не такие люди, чтобы отступить перед трудностями! Правильно?.. Сейчас мы обогатились опытом, мы знаем уже, что там четыре кнопки: «за», «против», «воздержался»... Ну, три-четыре, не больше.

Мы сейчас вот как сделаем. Кто «за», тот поднимает мандат доверия, а кто «против», тот нажимает кнопку «против».

Голосуем. Товарищи, которые в очереди к микрофону, он выключен. Вы не знали?.. Я вижу, вы выступаете, а здесь не слышно. Скажите, чтобы за вами никто не занимал больше, там уже кто-то с авоськой пристроился. Вы насчет суточных?.. Насчет мяса?

Товарищи, народ уже подходит с авоськами насчет мяса, мы еще ничего не сделали. Вон уже кто-то с топором подошел. Вы насчет мяса?.. А насчет чего?.. Вы насчет кого! Минуточку.

Товарищи, голосуем. Кто за то, чтобы «на́чать работу»?.. Девятьсот сорок семь. Единогласно.

Решил один наш человек

Удачу подкараулить. Ну, спрятался и караулит.

Сидит себе в дерьме — а где еще спрятаться? — сидит — не видно, не слышно его. Со стороны посмотреть — дерьмо и дерьмо кругом, ничего больше нет, не видно в нем нашего человека, так хорошо спрятался он.

И вот часов около трех ночи шаги... легкие, веселые. Не иначе Удача идет. Снял наш человек шапку — у нас, вы же знаете, всегда Удачу шапками ловят — вывернулся, изловчился весь.

И что-то странно как... Точно шел кто-то, а ничего, кроме «тук-тук» или «пук-пук», не случилось. Только помешалось, будто удаляется кто-то... со спины похожий очень на Бескорыстное Руководство, да как будто дерьма стало побольше — и все.

Но вот часов в семь, уже светать начало, — не то шепот, не то шорох, как будто по воздуху кто идет, не идет — плывет. Кому же быть, как не Удаче?

Наш человек хитер — шапку в сторону — лучше он Удачу в горсть схватит. Полную горсть Удачи! И не мало, и не вырвется.

А уж подошла она, сейчас на голову наступит. И точно — на голову что-то такое шлеп-шлеп. А третий-то «шлеп» наш человек хватя! — на лету поймал.

В ответ только — порх!.. свист и порханье. Удача это была, нет ли? Но в горсти у нашего человека оказалось... дерьмо. А чье оно, неведомо.

И вот когда, казалось бы, нет уже никакой надежды, в десять минут девятого тень легла на охотника.

Он замер, не дышит — последний шанс его.

И вот тень густеет, густеет, густеет, и сразу как из рога изобилия посыпало на человека — дерьмо, дерьмо, дерьмо.

Столько уже, что он ни рукой, ни ногой не может пошевелить. Лишь мысли в голове бегают, да и, по правде сказать, всего одна только мысль: «Чего это я Удачу ловлю в дерьме? Разве Удача в дерьме гнездится?»

Тут припекать стало, и наш человек заснул с этой невеселой мыслью.

А с какой проснулся — неизвестно.

Народ и правительство

Встретились тут Народ

и Правительство. А тоже давно не виделись. Если бы не столкнулись, не узнали бы друг друга. На вокзале столкнулись случайно.

Народ проморгался — ну, надо же! Мимо кого чуть не просвистел. Товарищи же детства, вместе чего вытворяли, сейчас вспомнить стыдно.

Правительство тоже без очков было. А у него зрение плюс девять — вдаль, в перспективу очень хорошо видит, лучше всех правительств. Те так, чуть вперед, на полгода, а это аж до двухтысячного видит! Что вблизи творится, не различает, конечно.

Тожe бы мимо прошло, но оно носом узнало. В нос ему шибануло вдруг, думает: «Что-то дух какой знакомый. Не Народ ли?» Ну и точно, он.

— Ой!

— Ой!

— Каво вижу!

— А я кого вижу!

— Ты ли это, дышло тебе под хвост?!

— Я это! референдум тебе на голову.

Стоят радые, улыбаются до ушей, а поговорить вроде и не об чем.

— Да, брат.

— Да, брат.

— Как там дядя Митяй?

— Ништо. Што ему?.. Твои как?.. Тетка Маргарет?

— Да тоже ничего, спасибо.

— Да, брат.

— Да, брат. Сам что?.. Здоровье как?

— Како здоровье? Бывает, прихватит, хоть из дома беги.

— А в какой области болит?

— Во всех. В Донецкой болит, в Рязанской. Ты-то ничего, гладкий.

— Не-ет, одна видимость. Нервы расшатаны. Чуть где неприятность — сразу замру, ни рукой, ни ногой не могу пошевелить.

— Да, брат.

— Да, брат.

— Такие дела.

— Такие дела. Женился?

— Ты што?!

— А что?

— Кто за меня?.. Без порток хожу.

— Ну а как же ты?

— Чего?

— Ну...

— Чего?

— Да, ладно, ничего.

— А-а! Хожу тут к одной. Да, как сказать... обирает до последнего. Знаш ты ее, Лотерея зовут. За деньги чего не пообещат, а дашь — ни с чем и останешься. Ловкая зараза. Ты-то поженился?

— Давно.

— Не знаю я ее случаем?

— Может, и знаешь. Диктатура.

— Не. Это из чьих же?

— Пролетариата.

— Не... что-то и не вспомню.

— И не вспоминай, никто не знает. Болеет с первого дня. Сидит в уголке, молчит. Одно название. Сам за нее все делаю. Все сам!

— Да, брат.

— Да, брат.

— Такие дела.

— Такие дела.

— Вот, брат.

— Да, брат.

Самое бы им время по сто граммов пропустить, да где достанешь? все позакрывали в связи с борьбой.

И достанешь, закусить нечем — крутом шаром пока-ти. И накрапывать стало... И Правительство еще кого-то встречало, а Народ на электричку опаздывал. Так толком и не поговорили.

Да и то сказать, у каждого своя жизнь началась.

Я первый за перестройку!..

Вы первый?.. Я второй тогда.

Я считаю, начинать надо с человека. Главное — человека переделать. Но!.. С учетом местных особенностей и традиций. А то опять наломаем дров. Сначала всех под одну гребенку, потом всех в одну молотилку.

Особенности есть везде. У нас вот в районе в субботу днем выйди на улицу, урони сто рублей, отвернись на секунду — нет ста рублей!.. Обычай такой.

Где-то, может, выйди в воскресенье на улицу, брось сто рублей и иди себе там... бутылки сдавать. Обратно идешь — сто рублей на месте лежат.

А у нас в будни выйди в поле, чтобы за версту ни души, положи рубль, отвернись на секунду — нет рубля. И ветра не было. Ни ветра, ни души, ни рубля.

Или такая у нас особенность. Я даже не знаю, есть это еще где-нибудь. У нас в районе, если суют тебе пятьсот рублей за то, за что ты оклад получаешь, то у нас, например, берут. И оклад берут, и пятьсот берут. Не знаю, как у вас, у нас, если ровно пятьсот, берут за милую душу, если не ровно пятьсот — тоже берут.

Где как. В Центре свои обычаи, на Крайнем Севере — другие. Говорят, что даже ландшафт влияет на традиции.

У нас вот в районе такой ландшафт, что в магазине... с черного хода, что не дай, все берут. Все! Хоть пулю в лоб, но с черного хода.

У нас есть и редкие традиции. У нас, если на работе чего-то полно и можно вынести, то не знаю, как у вас, у нас выносят. Даже если нет никакой возможности, все равно стараются вынести.

А где-то, может, человека каленым железом жги, он не вынесет.

У нас, если человек день-другой ничего не вынес, он с ума может сойти. Были случаи. Один так свихнулся, что начал носить из дома на работу. Перепугались все на смерть, не знали: заразно это или не заразно.

Если заразно, то ученые сказали: важно знать, каким путем передается. Если только половым, одна скорость распространения заразы, если только через рукопожатие — другая.

Кстати, выяснилось, что у нас в районе обе эти скорости равны. Еще одна особенность.

Короче, товарищи, у меня душа болит за перестройку, но давайте учитывать местные особенности, хотя бы главные.

У нас вот в районе главная особенность — если что-то тебя лично не касается, то гори оно все синим огнем!

А где-то, может быть, гори оно все сизым огнем.

Где как. Давайте все учитывать.

А так я первый за перестройку! Вы первый?.. Я второй тогда. Вы второй?.. Тогда я крайний за перестройку.

Загадка природы

Я тут на лекции был

«Твои способности, человек». Ну и лектор пример привел: женщина одна поругалась с мужем, расстроилась так, что теперь смотрит на него — видит только один скелет, то есть у нее открылось рентгеновское зрение. Редкий случай! Загадка!!

Я лектору говорю:

— Даю отгадку — муж у нее рентгенолог.

Лектор не среагировал, сказал только... в том смысле, что среди идиотов тоже бывают редкие.

Я не понял, к чему он, меня это не касается, и привел ему свой случай.

Когда я сам лично попал под инкассаторскую машину, я стал видеть деньги... даже под свинцом, чего ни один рентген, как известно, не может.

Свидетели у меня есть — соседка. С соседом мы поругались насмерть, и она, как получка, тащила его ко мне, я ей тут же говорил:

— Пятьдесят под подкладкой, двадцать пять в подошве и червонец за ремнем.

Он развелся с ней, съехал с квартиры!

Лектор говорит:

— Это — не чистый эксперимент! Случайное совсем совпадение, поэтому нельзя утверждать, что вы стали видеть деньги именно потому, что попали под инкассаторскую машину, а не по какой-то другой причине.

И опять что-то сказал про идиотов. Меня это не касается, я гну свое. Говорю:

— Допустим, что совпадение. Я сам так думаю. Но что меня насторожило?.. Когда жена спохватилась насчет того, что мне с моими способностями видеть деньги надо

искать клады, она собрала по-шустрому рюкзак, я схватил лопату, выскочил на улицу и... попал под машину.

На этот раз под совминовскую. Деньги тут же перестал видеть, но врать начал на каждом шагу... буквально. Никогда за мной раньше этого не водилось. Вообще говорю мало, а тут вру и вру без остановки, как будто прорвало меня. На улице ребенок спросит «сколько времени», обману как минимум часа на полтора.

Больше, конечно, не вру, а обещаю. Жене ни с того ни с сего пообещал шубу норковую к Восьмому марта, теще обещал достать путевку на Гавайские острова, тестю — воблу. Правда, все это я им обещал первого апреля.

В семье все стали мне врагами, я начал опасаться за свою жизнь и, наверное, погиб бы, но вовремя попал под асфальтовый каток.

Он на меня наехал. Не наехал, а чуть придавил, но я испугался до смерти, и вранье из меня вылетело. В семье был объявлен праздник, гуляли два дня, я вернулся к нормальной жизни.

Лектор руками развел, говорит:

— Я верю... только в то... что вы побывали под катком. А в плане науки здесь не все чисто.

Я ему говорю:

— Я сам понял, что что-то здесь не чисто, потому что на третий день после катка я у дочери украл рубль, а деньги у меня были. На четвертый день соседка на секунду зазевалась, оставила у двери авоську с картошкой — я упер. Своей картошки у нас навалом.

Но! Я не просто начал воровать, я еще начал учить всех жить — открылись сразу две способности. Мог это делать одновременно. Больше всего любил учить насчет того, что воровать нельзя, нехорошо.

Жена хотела свести меня к врачам, потом говорит:

— Пойди сперва узнай, кому принадлежит каток.

Катка на том месте уже не было, я только узнал на всякий случай, кому принадлежит дом, возле которого меня придавило... ЦК КПСС!

Жена, как узнала, упала в обморок, потому что, как она потом объяснила, в этом случае ко врачам идти бесполезно, это неизлечимо.

И действительно, не зря она в обморок падала —

жизнь в семье изгадилась. Дети обедают, боятся отвернуться на секунду — без куска останешься.

Я принял решение покончить с такой жизнью. Ночью вышел на шоссе, и первой же машиной вдарило меня об асфальт так! Машина, кстати, даже не остановилась — вдарило меня так, что уже в больнице, как только вернулось сознание, я стал все раздавать людям: врачам, сестрам, нянечкам, больным, посетителям.

Жена плакала от счастья, несла и несла из дома — дескать, раздавай, только не воруй.

И я сам повеселел, разговорчивый стал... Но на пятый день сосед по палате говорит:

— Что это ты... о себе ни слова, а других замучил — расспрашиваешь, расспрашиваешь — и где родился, и кто родители, и чем занимаются?

Я помертвел от догадки. Сестра моя срочно забрала детей к себе, тесть с тещей исчезли бесследно, жена ходила в маске, чтобы я ее реже узнавал.

Но вчера она прибегает:

— Нашли тех, кто сбил тебя. Вроде это крупные бизнесмены.

То есть, когда я расспрашиваю, я не выпытываю, я налаживаю деловые контакты. То есть скоро мы должны разбогатеть.

Лектор вскочил, кричит:

— Разбогатели вы?

Я говорю:

— Нет.

Он говорит:

— Вот видите! Я же предупреждал: или чистая случайность, или нечистый эксперимент!

И опять что-то про редких идиотов, что здесь он ошибся, что, оказывается, они встречаются сейчас гораздо чаще, чем он думал.

Но меня это не касается. А я сам вот что думаю:

«Не разбогател потому, что недавно сбило. А насчет случайности — может быть. Может быть, и случайность. Скорее всего так и есть».

НО ЧТО ИНТЕРЕСНО! — Я ДОКОПАЛСЯ — МУЖ У ТОЙ ЖЕНЩИНЫ, КОТОРАЯ ВИДИТ ОДИН СКЕЛЕТ, — РЕНТГЕНОЛОГ!

Начальник тюрьмы,

майор Корчагин, был в оторопи. Он только что прочел заявление заключенного Позорнова, которое заканчивалось словами «...так как хочу быть в первых рядах строителей коммунизма».

Через пять минут в кабинет к нему ввели Позорнова.

— Сам писал?! — выпучив глаза, спросил майор.

— Ну.

— Ты же в тюрьме сидишь!

— Ну.

— Фальшивомонетчик!

— Ну и что?

— Жулик! Аферист! Тварь!! И мы с тобой будем состоять в одной партии?!

— Ну... — Позорнов сплюнул и развил мысль. — Из партии-то сейчас, как из тюрьмы... Вас всего двое осталось, вы и опер, даже ячейки не получается. А со мной будет трое! Но у меня условие. Секретарем меня, чтобы потом льгота была — отдельная камера.

Он осекся — Корчагин тянулся к кобуре.

Позорнов выскочил из кабинета.

От пережитого в виске стучало. Корчагин замер, задремал. Ему виделось, что примеру Позорнова последовали другие заключенные, и вот уже у него в тюрьме все коммунисты. Самая сильная первичная организация среди тюрем Союза. Вот уж тюрьма на правах райкома партии, обкома, ЦК КПСС. Вот уже он совмещает посты Генерального секретаря и начальника тюрьмы. Уже не коммунистов не привлекают к ответственности, сажают везде по всей стране только коммунистов. И вот... тюрьма выдвигает его на пост Президента.

Корчагин отогнал сон, нажал на кнопку селектора.

— Вот что,— сказал он полушепотом, когда они с Позорновым остались вдвоем, — давай поговорим как коммунист с коммунистом.

— Я передумал,— отрезал Позорнов, — товарищи в камере со мной сидят.. за совращение малолетних, сказали, уважать тебя перестанем. А мне еще сидеть и сидеть.

Позорнов вышел. Корчагин потянулся к кобуре.

Поговорили

(сценка)

Действующие лица:

ПЕРВЫЙ.
ВТОРОЙ.
МАЛЬЧИК.

На сцене Кремль. Под Кремлем сидит Мальчик, худой и грязный. Справа появляются Первый и Второй.

ПЕРВЫЙ. . Важно не только начать обещать. Надо обещать круглые сутки. И не важно что.

ВТОРОЙ. Чтобы люди верили нам, мы теперь обеща-ем отсечь себе руки, если что не так.

ПЕРВЫЙ. Я вам откровенно скажу: мало одних рук. Обещайте отсечь себе еще что-нибудь. Посоветуйтесь с товарищами, с женой.

ВТОРОЙ. Мальчик какой-то!

ПЕРВЫЙ. Ну, как взглянуть. С одной стороны маль-чик, а с другой — это ведь наш народ... Грустный что-то.

ВТОРОЙ. Палец сосет.

ПЕРВЫЙ. С чего бы это у нас народ палец сосал? Что бы это могло значить?.. Это значит, что ему сейчас важ-ней всего встреча с руководством. (*Гладит народ по голове.*) Ты кого больше любишь, Горбачева или Павлова?

Народ пукает.

Горбачева.

ВТОРОЙ. А по-моему, он сказал: Павлова.

ПЕРВЫЙ. Да нет, Горбачева. Надо же уметь слушать голос народа. И надо уметь общаться с народом. (*Доста-ет текст, читает.*) Товарищи, надо потерпеть еще немно-го. Все у нас будет, уверяю вас: и свой хлеб, и свой карто-фель. Детское питание наладим. Со стариками можем не успеть. Так они уже привыкли без питания.

Народ пукает.

И это будет. Обещаю. Беру под личный контроль. Конечно, мальчик, тебя сейчас больше всего интересуют международные отношения. Мы сейчас исполняем свой интернациональный долг, помогаем развитым странам... социалистически развитым, чтобы выжили. О внутреннем положении — вы знаете, радикалы подбросили нам программу «Пятьсот дней». Ну, аферисты! Что я могу еще сказать? У нас своя программа есть — «Пятьсот лет».

Народ пукает.

Не понял.

Народ пукает.

А-а-а. Понял. Условия для выполнения программы: первое — социалистический выбор и коммунистическая перспектива, второе — первые сто лет не пить, не курить, не есть — и все будет у нас.

Народ пукает.

Вот это вранье. Патриархом я никогда не хотел стать. И у нас пока есть Патриарх. Так что вопрос преждевременный.

Народ пукает.

Ну, что сказать про ближайшее окружение? Много преданных товарищей. Думаю, на сегодня преданных уже больше, чем еще не преданных.

Народ пукает.

Это спорный вопрос. Настоящие коммунисты остались в партии. Многие выходят из партии, но многие ведь и входят. Входят-выходят. Как в проходном дворе... И мне пора идти.

Народ пукает.

Спасибо. И вам всего хорошего. И тоже жене привет. До свидания.

ВТОРОЙ. Хорошо поговорили.

ПЕРВЫЙ. Так надо уметь разговаривать с народом.

ВТОРОЙ. От души поговорили. (Пукает).

ПЕРВЫЙ. Ну, знаете! Это уже — популизм. Стыдитесь. (Пукает.)

Занавес.

Из записной книжки

Много спорим о свободе слова у них,

у нас. А разница невелика. У них — «ЖИВИ КАК ХОЧЕШЬ», у нас — «КАК ХОЧЕШЬ, ТАК И ЖИВИ».

Во время учебы Сидоров жил в относительной бедности и только уже после окончания института... в абсолютной нищете.

История. Скотоводческие народы. Клинопись. Расшифрован текст: «Мумба — царь земли и воды! Мумба — отец! Мумба — мать! Мы говорим Мумба — подразумеваем Солнце, мы говорим Солнце — подразумеваем Мумбу!». Дикий был еще народ.

У нас в ходу легенда, будто жулики спят беспокойно, их, мол, мучает совесть.

А что им спать беспокойно, если остальные уже семьдесят лет спят как убитые?

Такое впечатление, что по расписанию у нас происходит только аварии.

Чем астрологи отличаются от наших историков? Ничем. Просто астрологи пытаются отгадать наше будущее, а историки — наше прошлое.

— Я говорю: пошел ты в задницу. А он мне: ПОШЕЛ ТЫ В ЗАДНИЦУ! За что?! Что я ему такого сказал?

Работники невидимого фронта одержали невиданные победы над неведомыми дельцами теневой экономики. Результатов победы тоже... никто никогда не увидит.

Окончательно и бесповоротно мы можем сделать только одно — загнуться.

Общечеловеческая ценность. Это то, что ценно для них и для нас. Значит, это то, что очень хочется, но чуждо. Как много на свете общечеловеческих ценностей!

Задача.

Дано: потребление самогона на душу населения одно из самых высоких в мире, мат со всех сторон, воровство не переводится, любимая игра «наперсток».

Требуется доказать, что духовно мы богаче всех.

Доказательство. Раз материально хуже всех, значит, духовно богаче всех. Твою мать! Наливай, ребята, что и требовалось доказать.

Все хотят слушать рассказы про миллионеров и никто про нищих. И про жуликов интереснее слушать, чем про порядочных людей.

Почему?

Ведь в жизни все предпочитают иметь дело с людьми честными и в глубине души всегда приятнее, когда поможешь нищему, чем когда тебе подаст миллионер.

А все-таки слушать интереснее про жуликов.

Из газет — «Надо выйти на тот уровень жизни, который заслужили советские люди».

Ага! Значит, заслужили, заработали. И где это все?.. Нету. Кто-то хапнул из впередиидущих. Кто же это у нас там... в авангарде-то?

Собака собаке рознь. Из Франции, где никогда не бывает землетрясений, приехали спасатели с обученными собаками.

У нас на огромной территории через день толчки, ни одна собака не знает, что делать, если людей засыпает.

В «Клубе невеселых и ненаходчивых» на ответ дается не тридцать секунд, а семьдесят лет.

Из газет — «Партия будет добиваться свобод... прав... усиления гарантий».

— У кого она будет добиваться этого, у себя?.. Где-то опечатка: или не будет добиваться, или не партия, или не свобод и прав, или не добиваться, а добивать.

Народ у нас лишь — бы ляпнуть. «Во-от в восьмидесятом году обещали коммунизм, а сейчас уже восемьдесят девятый, и где он?»

Если сейчас, в восемьдесят девятом, мы живем при социализме, то по сравнению с ним коммунизм... как раз в восьмидесятом и был.

По шуму и крику, по тому, что все вокруг считают себя умными, легко догадаться, что это страна дураков.

Мы рождены, чтоб сказку сделать... Чернобылью!

К Книге рекордов Гиннесса. А у нас один мужик восемнадцать лет правил, не знал чем.

Народные приметы:

С вас сняли шубу... в декабре — к морозам, в марте — к метелям. Грибов поели — к Склифософскому.

Остались без работы под Новый год — сбудутся все желания. Пьяных много в феврале — зима пошла на убыль. И так далее.

Предложение. Ввести в конституцию правового государства пункт — «Каждый человек имеет право на смех по поводу чего угодно и кого угодно без последующего отбывания где угодно».

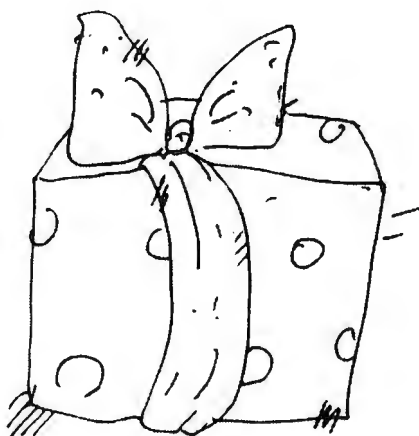
К экономической ситуации в стране. Еще чуть-чуть — и Ленин в самом деле станет живее всех живых.

Народ у нас смекалистый! Глазом то и дело стрель-стрель — нечем ли поживиться.

Большой скачок сделан в развитии теории отечественного секса. Уже не утверждаем, что размножаемся методом социалистического деления.

Раздел III

Шило на мыло...

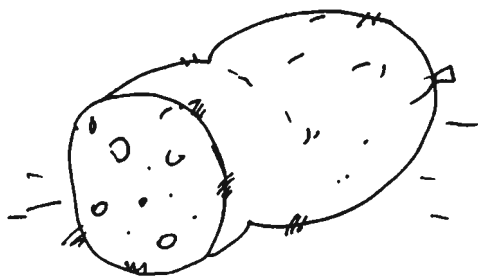

Шило на мыло...

Э тот раздел представляют

сцены и монологи, родившиеся в то самое время, когда автор начал понимать, что коммунисты бессовестно обманывали нас, а теперь на смену им пришли демократы. Что теперь они идут впереди с фонарем, что экономический шок — это не такой шок, когда люди впадают в оторопь на минуту, а такой, в котором по времени может поместиться средних размеров человеческая жизнь.

Особенно ясно автор понял, что самое дорогое, что у нас есть, — это свобода слова, а не колбаса, которой у нас нет.

Правовое государство

Вечером вчера подходит ко мне

мужик какой-то, говорит:

— Снимай куртку.

Я ему говорю:

— А вы знаете, что вышел указ Президента о борьбе с преступностью. Вы знаете, что указ действует... с момента подписания?

Он говорит:

— Шевелись, гнида.

Тогда я куртку снимаю.

Он говорит:

— И рубашку снимай, и ботинки, и брюки, и носки с трусами.

Я все снял, говорю:

— Если вот так будут исполняться указы Президента... мы все можем остаться голыми.

И ему нечего сказать в ответ, он забрал все вещи и ушел.

Тогда я домой скорее — звонить в милицию. Тут слышу по радио передают:

«Президент должен с минуты на минуту подписать указ о борьбе с коррупцией».

Думаю: «Значит, теперь без взятки никто пальцем не шевельнет». И не стал звонить. Потому что у нас правовое государство — имеешь право звонить, имеешь право не звонить.

В связи с нестигаемой верой

россиян во всё, что скажут, ввести для особо отличившихся на поприще веры дополнительные чины-звания и знаки отличия.

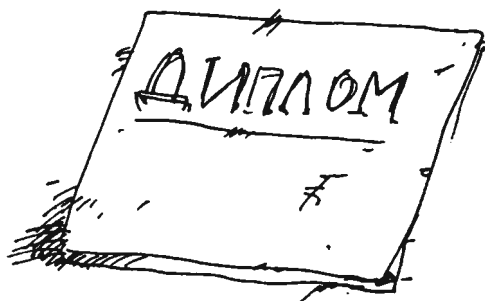
За веру в то, что некоторых чиновников можно все-таки пускать в государственный огород, награждать медалью «КОЗЕЛ» 4-й степени.

За веру в то, что терпение и труд всё перетрут — медалью «КОЗЕЛ» 3-й степени.

За веру в то, что правда в огне не горит, в воде не тонет — медалью «КОЗЕЛ» 2-й степени.

За веру в то, что хуже уже не будет — медалью «КОЗЕЛ» 1-й степени.

За веру в то, что козлы 1-й, 2-й, 3-й и 4-й степени когда-нибудь переведутся, присваивается звание «ЗАСЛУЖЕННЫЙ КОЗЕЛ РОССИИ».

Новый порядок

— **В**ы взятку принесли?..

Вас русским языком спрашивают.

— Что?

— Вы взятку принесли?

— Да.

— Давайте.

— Сейчас?

— Что вы шепчете? Вы нормально говорите.

— Прямо здесь?

— Здесь. И побыстрее, народу, видите, сколько.

— А вдруг всплывет всё?

— Что?

— Что взятка.

— Как всплывет?.. И так все знают.

— А правоохранительные органы?

— В первую очередь!

— А те, кто...

— А как же! Кому же мы носим каждый день?.. Ну? Долго еще ждать?

— Вы понимаете, я ведь всем рискую.

— А вы поймите наконец, что это не шарашкина контора, а государственное учреждение. Го-су-дар-ствен-ное!

— Мало ли.

— Что мало ли?

— Всё-таки.

— Что всё-таки?

— А вдруг!

— Что вдруг? Это раньше могло быть вдруг — дали взятку, а вам ничего. Сейчас везде порядок.

Нешто можно так

(пьеса)

Действующие лица:

Власть.

Народ.

Место действия — площадь.

Действие первое

Площадь. На площади — Народ, перед Народом — трибуна.
На трибуне — Власть.

ВЛАСТЬ. Государство наше разворовано! Несут всё,
что от земли оторвать можно!

НАРОД (*ропщет*). Да нешто можно так!

— Твою мать-то!

— Что ж такое деется?!

ВЛАСТЬ. Если не прекратим воровать, нам смерть!

НАРОД. Жизнь! Жизнь!

Власть и Народ расходятся. Те и другие начинают
воровать.

Действие второе

Декорации первого действия.

ВЛАСТЬ. Пропили всё: совесть, природу, будущее своих детей!

НАРОД (*ропщет*). Да нешто можно так!

— Ах, ты батюшки!

— Что ж такое! Иде правда?

— Да твою мать-то!!

ВЛАСТЬ. Если не прекратим пить, нам смерть!

НАРОД. Жизнь! Жизнь!

Все крайне встревожены, расходятся, на ходу пьют.

Сверкает молния— земля разверзается, площадь проваливается в тартарары, слышны крики и стоны гибнущих. Занавес.

Зал безмолствует, затем взрывается аплодисментами, криками «браво», «святая правда». Зрители расходятся, слышны реплики:

— Ах, ты батюшки!

— Что ж такое?

— Твою мать-то!

По пути все пьют и воруют.

Открытие

«Коррупция на всех уровнях».
Е. Гайдар (из интервью)

В суматохе государственных дел

Гайдар как-то не обращал внимания на состояние кабинета. Но вчера день выдался полегче, удалось поспать лишний час, и утром, как заново родившийся, он вдруг заметил, что кабинет крайне запущен. Вызвал секретаря.

- Я ж не Христос.
- В каком смысле?
- Почему как в яслях?.. Уборщица у нас работает?
- Да. Я ей дала вчера пятьдесят рублей. Наверное, мало.
- Пятьдесят рублей?!
- Надо было сто?
- Да вы в своем уме?

Гайдар вызвал начальника отдела кадров. Вошел добродушный краснощекий здоровяк с визжащим щенком на руках.

— Вызывали, Егор Тимурович?.. Цыц, шельма. Так и норовит за палец цапнуть.

— Что это? Откуда?! Почему в рабочее время?!

— Народ — балбес, Егор Тимурович, сколько раз говорил: не несите в рабочее время. Нет! Хоть кол на голове теши. Теперь новую моду взяли — щенками дают... Щенок пять тысяч стоит.

- Взятка?!
- Подарок.
- Выйдите вон!

Гайдару стало плохо, он кое-как дотащился до кресла и тут же рухнул в него, схватившись за сердце. Заглянувший Шохин вызвал «Скорую помощь».

Врач долго мял руку в запястье, жевал сочные свои губы, но ничего не говорил.

— Что с ним? — спросил присланный от Ельцина Шахрай.

— Сразу не скажешь, — запетлял врач.

— Жить будет?

— Как бог даст.

— И вы ему что-нибудь дайте.

— А нам-то кто дает? — с обидой спросил врач.

Шахрая возмутило, он выбежал из кабинета.

Секретарша достала свой незамужний кошелек, отдала последние сто рублей.

Сделали укол. Гайдар повеселел до того, что вызвал начальника госбезопасности, намереваясь по-своему отблагодарить врача.

Когда гэбиста ввели в курс дела, он сокрушенно закачал головой.

— До чего дошло! Кому ж теперь верить?

— Арестуйте его, — потребовал Гайдар. — Сорную траву с поля вон!

— Арестовать можно, — затоптался гэбист. — Да тоже ведь хлопоты... лжесвидетелям плати, то да се, пятое-десятое... бензин нынче...

Секретарша стянула с пальца перстенок.

После второго укола Гайдар задышал ровнее, но серость с лица не сходила и речь не ладилась, хотя явно тужился сказать что-то.

Наконец мертвую тишину разбавил слабый шепот:

— Господи, почему ты не заберешь меня отсюда?

И столько было искренней боли в этом страдающем голосе, что сверху откуда-то разлился свет неземной, и добрый-добрый голос сказал:

— Забрать-то можно... Да тоже ведь... у самого семья: Сын, Святой дух... то-се, пятое-десятое.

Гайдар, собрав остатки сил, поманил пальцем невесть откуда взявшегося корреспондента.

— Егор Тимурович, что?

— Коррупция на всех уровнях!

— Эка, батенька, — разочаровался корреспондент, — этой новости уж лет семьдесят... Можно, конечно, подать

и как открытие... да бумага нынче вздорожала — никаких сил нет.

Гайдар тоскливо посмотрел в окно. День разгорался медленно, нехотя, как бы говоря: разгореться-то можно, да тоже ведь зима, мороз, то да се, пятое-десятое...

У пивного ларька

К длинной очереди

у пивного ларька подошли трое военных с автоматами и повязками на руках. Устало, недобро оглядели толпу.

Один из военных, постарше и понебритее, спросил:
— Коммунисты есть?

Очередь замерла, сжалась, сделалась небольшой и жалкой, как в развитых странах.

— Началось, — пролетело от головы к хвосту очереди.

— Отглавливают.

— Погуляли, хватит.

— Иван, ты что не выходишь?

— Кто Иван?! Обознались вы.

Никто не вышел, не шевельнулся.

— Жаль, — сказал тот же военный, — жаль.

Другой военный, помоложе и помладше званием, пояснил:

— Нашли обложку от партбилета, в ней семьсот рублей.

Не успел он договорить, алкаши захлопали себя по пустым брюкам и пиджакам в поисках партбилета. Зазвенели голоса:

— Народ и партия — все едино!

— Где что-нибудь, там и они.

— Ум, честь и все такое.

— Иван, ты-то куда?

— Дура, не Иван, а Иван Петрович. Распустили дармоедов!

Очередь дрогнула раз, другой, третий, заколебалась, целиком оторвалась от пивного ларька и двинулась навстречу автоматам.

— Все коммунисты?! — удивился плохо выбритый.

— Все! — хором сказали алкаши.

— Жаль, — бросил военный, — жаль.

Другой военный, помоложе и помладше званием, пояснил:

— Семьсот рублей... все фальшивые. Чьи вот они, откуда?

Толпа немного помолчала, потом помялась, потом попятилась. Заговорили все разом:

— Болеет партия.

— А что ж ты хочешь? То она тебе в авангарде, то черт ее знает где.

— Заболеешь — на словах одно, на деле другое.

— Запутались, заврались. Так, что ли, Иван?

— А кто тут Иван? Тут Иванов нет.

Военные постояли еще немного и ушли. Последние отблески солнца осветили чистое, голубое небо. Народ принялся пить пиво.

Б удто вышел я на улицу

купить чего-нибудь... но почему-то с ведром. Из ведра курица выглядывает. Тут же подходят двое... двухметровые... босиком, но в милицейских фуражках. Спрашивают:

— Откуда у вас золотые яйца?

Я говорю:

— С чего вы взяли, что у меня золотые яйца?

Они раз в карманы ко мне и достают три яйца золотых — «пройдемте».

Садимся в машину, смотрю — господи! Я ведь в одних трусах, откуда карманы-то? И потерял сознание.

Очнулся в комнате — дверей нет, вместо окон портреты руководителей, за столом трое в полувоенном, все рыжие, сам я напротив на табурете. В углу часовые, те самые, что вначале встретились... двухметровые.

Спрашивают:

— Вы в наших рядах по убеждению или из-за корысти?

Я, конечно, говорю:

— По убеждению.

— Тогда скажите, готовы ли вы за свои убеждения отдать жизнь?

Я спрашиваю:

— Чью?

— Свою.

Я говорю:

— Нельзя ли стаканчик водички?

— Пожалуйста.

Пью, тяну время. Самый рыжий, который посередине у них, спрашивает вдруг:

— Вы вообще-то за новую линию?

Я говорю:

— Я всегда за новую линию.

Конопатый с краю полистал какие-то бумаги, говорит:

— Врет он все, он за реформы, а не за новую линию.

У меня поехало в голове — какая-то новая линия, а я не знаю, говорю:

— Реформы — это же шок один, бестолковщина. Я за новую линию принципиально.

Конопатый встает:

— А их две новых линии, вы за какую?

Я говорю:

— Нельзя ли стаканчик водички?

— Пожалуйста.

Сидят, ждут. Допил — была не была, — говорю:

— Я за первую линию.

Конопатый:

— А мы за вторую.

Часовые, слышу, затворами лязгнули. Говорю:

— Мы же сидим напротив друг друга, та, что с моей стороны, первая, с вашей будет вторая. Нельзя ли еще стаканчик водички?

Самый рыжий налил полстакана, говорит:

— Надоели вы нам со своей водичкой. Давайте заканчивать. Если вы человек с убеждениями, то прямо ответьте, вы с нами...

Я говорю:

— С вами!

Он мне:

— Не перебивайте, дослушайте до конца. Вы с нами...

Я говорю:

— С вами!

Он:

— ...или с демократами и коммунистами?

У меня второй раз в голове поехало. Хорошо, конопатый выручил. Он бумаги листал, листал и вдруг спрашивает:

— Кстати, вы с какого года рождением, гражданин Розенблат?

Я говорю:

— С пятьдесят четвертого, только я — Сидоров.

Они побледнели все разом, поворачиваются к часовым:

— Разве это не Розенблат?!

Я тоже вскочил, кричу:

— Что ж вы сделали, гадины?! Вы ж не того захватили, кого надо!

Часовые вдруг говорят самому рыжему:

— Товарищ Розенфельд, эта сволочь так похожа на нашего Розенблата! Сейчас мы моментом все исправим.

Поставили меня к стенке и отсчитывают десять шагов.

Я говорю комиссии:

— Вообще-то я еврей.

Они говорят:

— Поздно. Ваше последнее желание.

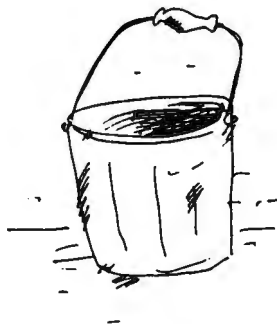
Я говорю:

— Нельзя ли стаканчик водички?

— Можно, но мы вам не советуем, вы и так уже обмочились.

Я пощупал, правда, мокрый. И тут проснулся. Что удивительно?! Лежу на мокром, то есть действительно обмочился. То есть сон вещий!.. Но к чему?

Говорят, милиция к грибам, рыжие или к дождю, или к перевороту. А может, просто скоро в самом деле начнут выяснять, кто из-за корысти, а кто по убеждению. Если бы все по убеждению были, до таких жутких снов не дошло бы.

Красная Шапочка

(не самая веселая сказка)

Жила-была одна Шапочка.

Она была Красная, поэтому жили они бедно.

А бабушка у них была спекулянтка, жила богато. Нет! Богато никто не жил. Бабушка жила средне.

Вот однажды под праздник папа и говорит:

— Бабушка жадная, а мы нет. Пошлем ей немного пирожков, кооперативных.

Красная Шапочка сложила пирожки в корзинку, пошла к бабушке.

Только во двор вышла, навстречу ей рзкетиры, трое, из ее же класса ребята, четвертый — директор школы Змей Горынович Трехголовый.

Ну, конечно, изнасиловали ее, то да се, пятое-десятое. Слово за слово, узнали про бабушку, схватили корзинку, бросились бежать — впереди Змей Горынович на длинных ногах, за ним ученики на коротких.

По дороге один ученик съел пирожок и отстал.

Бабушка в это время на кухне у себя сидела, самогон пила. Плохо видела — мимо рта ни разу не пронесла. Вдруг стук к ней страшенный — изба ходуном ходит, посуда сама на пол валится.

— Кто там? — спрашивает бабушка пьяным голосом.

— Да это же я, твоя внучка, — говорит хитрый Моисей Гуринович.

Бабушка открыла дверь ей, вестимо, сразу кляп в рот, утюг к животу и в мешок.

Тут слышат, кто-то ключом в замок тычет, бросились в постель, притворились бабушкой.

А это как раз была Красная Шапочка. Увидела она свою бабушку, спрашивает:

— Чего это у тебя три-то головы?

— А того, — говорит бабушка, — у меня три головы, что сейчас время такое, всем надо запастись впрок.

— А чего у тебя шесть-то ног?

— А того, — говорят три головы, — шесть ног, чтобы как выкинут что-нибудь в магазине, успеть быстрее всех.

— А чего у тебя шесть-то рук?

— А того шесть рук, чтобы дурочки не вырывались.

Выскочили они тут из-под одеяла, схватили Шапочку, отправили к бабушке и скорее на улицу.

А на улице уже давно комендантский час. Патруль их останавливает, говорит:

— Жизнь или кошелек?

Рэкетирь побросали все и бежать без оглядки. Патруль развязал мешок — оттуда бабушка с внучкой.

Ну, конечно, изнасиловали их, то да се, пятое-десятое, спрашивают:

— Как же вы, родимые, в мешок-то попали?

— А так вот и так.

Ну вещи их себе забрали, а Бабушку с Шапочкой отпустили с миром.

— Свет не без добрых людей, — сказала Бабушка.

Шапочка улыбнулась и помчалась скорее домой.

А пока Шапочка к бабушке ходила, папа ее маму выгнал, привел новую маму.

Новая мама выгнала Шапочку, потому что так всегда делали, а старая мама отказалась от нее, потому что так сейчас стало модно.

Но уже Шапочка знала, что мир не без добрых людей, и не испугалась жить одна.

Она поступила в проститутки, очень старалась и начала хорошо зарабатывать. Стала жить-поживать, много-много добра наживать.

Чего и вам всем желаю.

Мужик и партии

(сказка)

Шел мужик по дороге.

Шел, шел, шел, шел, шел, шел, шел, шел — долго шел. Еще немного прошел — чувствует: завелась в нем нужда, так себе нуждишка, ничего особенного, но все-таки.

Свернул он в лес, в кусты, приготовился избавиться от нужды, вдруг кто-то громко над самым ухом:

— Стой!

Оборачивается мужик, видит — поляна. На поляне сидят все партии, которые у нас есть: коммунистическая, демократических много, лейбористы там, ну где всех упомнить, партий пятьдесят, чтобы не соврать, или около того.

— Чего ты хочешь, мужик? — спрашивают.

— Да я вот, — простая его душа, — по малой нужде.

— Погоди, — ему говорят, — не торопись, сейчас момент судьбоносный.

Сгрудились тут же, стали спорить, как помочь мужику в его нужде, справится ли он сам, так ли все сделает, как надо, или он свой путь найдет неповторимый.

Сошлись на том, что для начала надо издать Указ о помощи мужику в случае нужды.

Мигом создали комиссию (восемь подкомиссий), издали закон, где подробно расписали, что надо делать мужику в случае нужды (права там, обязанности).

В ту же секунду отправили закон к Президенту на подпись, и уже будто бы подписал он, но тут случился с мужиком детский грех.

Срамота, конечно, но зато стало окончательно понятно, что не воспитан он, ленив и пьет много.

А отчего ж еще с великим народом детский грех может случиться?

Кто мы? Где мы?

При часа живу без Родины.

Не дай бог кому! Не дай бог!.. Память отшибло.

Стою на улице; голова ясная, но кто я? Где я?! Речь понимаю, сам говорю свободно, на каком языке, не знаю. Спросить боюсь, неизвестно, что за режим у власти.

Стал вычислять. «Посмотрю, — думаю, — вокруг. Если много зданий древних, величественных, если кругом памятники, статуи, фонтаны, то я в Италии, итальянец сам. Если все в стиле модерн, огромные площади, широкие проспекты, много света, воздуха, то я в Бразилии».

Посмотрел вокруг — первое впечатление... Строили или с похмелья, или вообще не просыхая, потому что криво даже по горизонтали. Точно, это не Италия и не Бразилия. Тогда где я, кто я?

И тут меня осенило. Просто же узнать — прислушаться к людям. Если говорят исключительно о возлюбленных, то я в Испании. Если сплошь о любовницах, то во Франции.

Прислушался... Говорят только о матери. «Вхожу в министерство «твою мать», секретарша «ее мать» на месте, а самого «его мать» нету. Жду «мою мать», идет «его мать» — был в Президиуме «их мать», на приеме королевы «Ее Величества мать». Говорит: «Твою мать!.. И отца... и сына, и святага духа... и пролетариев всех стран их гегемона мать».

Я понял: нету такой страны, чтобы так уважали мать. Тогда кто я, где я?

А уже у меня ностальгия по Родине, тоска смертная. И тут озарение: «Что я гадаю со страной? Для начала определю хотя бы регион, где нахожусь. Зайду в первый попавшийся магазин. Если на прилавках мяса — бери — не хочу, а фрукты не всех времен года, то я в Центральной

Европе. Если фруктов завались, мясо через шаг, а рыба на каждом, то я в Японии.

Захожу в первый попавшийся магазин... захожу во второй попавшийся магазин... Да в любой магазин! Из еды — ничего и лотерейные билеты.

Первое ощущение, что еду можно выиграть только по лотерейному билету.

Два национальных продукта — маргарин и соль.

Я понял, что память отшибло навсегда. Где так могут любить маргарин, мне ни за что не вспомнить.

И тут меня осенило по-настоящему. Даже не осенило, а были мне голоса. Сказали: «Что ты мучаешься с регионами? Определи сперва, в развитой ты стране или в неразвитой. Если развитая страна, то любая женщина там — гений чистой красоты. Если государство недо-развитое, то женщина там — друг, товарищ и брат».

Перекрестился, огляделся вокруг — твою мать! Вообще где тут кто? Кто женщина, кто мужчина? Потом смотрю — ага, ага! — женщина помельче, но когда все из одной очереди в другую рысью, то у нее рысь покрупнее. Но конечно, даже с такой рысью она не гений... и даже не друг, товарищ и брат.

Где я? Кто я? Душа разрывается.

И тут еще ото всех бед включился будильник Кашпировского, кинулся в туалет — твою мать! — надо платить — значит, вокруг капитализм.

Ну хоть систему определил! Зашел — там распивают на троих, значит, социализм.

Где я, господи?! Кто я?! За что мне такая доля?

Родина милая, я тебя все равно люблю! Я горжусь тобой!

Погоди, мы вывернемся, только вот у меня с горя опять... с головой что-то.

Пророк на Руси

— **П**иха-а! Щас будет говорить

пророк.

— Давай! Выведи все как есть, всю правду! Не таи ничего, мы заступимся. Давай, не робей.

— И будет в пятом году война с Японией. Войну мы проиграем.

— Не бреши.

— В четырнадцатом году выйдет нам опять война с немцем. Проиграем и эту.

— Несет чего ни попадя. Пьяный, что ли?.. Тебе сказали: правду говори, а ты чего городишь?

— В семнадцатом вижу реки крови, пойдет брат на брата, русский на русского.

— Вишь, он не в своем уме.

— А которые выиграют бойню, начнут потом уничтожать своих: и матерей, и отцов своих.

— Врача, что ль, позвать?.. Или городского...

— А молиться станут мумии, незахороненному праху. И в жертву ему приносить станут детей своих.

— Вали его, христопродавца! Вали дьявола! Своим судом, ребята! Топчи! Не пророк он! Узнали его. С Якиманки он, мещанин... Сахаров ему фамилия, не то Солженицын. Топчи, слышы! Чего там.

Народ в нетрезвом виде

(сценка)

— **П**оварищ капитан,

народ доставили в нетрезвом виде... Выражается, правительство ругает.

— Введи его... Ну?! За старое?

— Аферисты!

— Замолчи.

— Гниды!

— Замолчи сейчас же!

— Коммунисты!

— Та-ак, матом. За это статья есть.

— В гробу я вас всех видал!

— Замолчи!

— Голыми в Африку пушу!

— Замолчи, алкоголик. Сейчас ситуация в стране сложная, переходный период.

— Козлы! Бензина мне и огня!

— Замолчи, тебе говорят.

— Огня мне и бензина! Додрыгались, ящеры!

— Сидоров! Отведи его в камеру. Завтра в ЛТП отправим.

На следующий день те же там же.

— Сидоров, введи его... Ну?.. Что будем делать?

— Пойду я.

— Пойдешь. Вопрос — по какой статье. Что ты вчера исс?.. Аферисты — это кто?

— Соседи.

— А голым в Африку кого?

— Жену.

— А последний час чей пришел?

— Тещин.

— Ловчишь! Ведь ты в гроб обещал загнать.

— Кого?

- Правительство и парламент.
- Где я такой гроб возьму?
- А взял, так загнал бы... Ну, вот что — последний раз прощаю. Заплатишь сейчас за обслуживание и иди на все четыре стороны.
- Я за рубеж рвану.
- Как за рубеж?.. А здесь кто?.. А мы здесь кого?.. Сидоров, у нас там после вчерашнего оставалось что-то, неси сюда... Ну-ка, прими.
- Не могу, нельзя мне.
- Немного можно.
- Нельзя, я контроль теряю.
- Давай-давай, за встречу... Ну, вот. А говоришь: рвану. Кто тебе там поднесет? А здесь все родное: поля, луга, правительство — все, ради чего стоит жить.
- Аферисты!
- Кто?
- Вы.
- Замолчи.
- Пниды!
- Замолчи сейчас же!
- Козлы-ы!
- Сидоров! В камеру его. Завтра в ЛТП отправим.

Равенство

У меня недавно соседи

в кровь подрались, один — Народный депутат, другой — Заслуженный чекист.

Вышли на площадку покурить, Депутат говорит:

— Ну! Не знаю насчет Свободы и Братства, а Равенства дождались — скоро у нас Уголовный кодекс будут применять ко всем слоям без исключения.

Чекист говорит:

— Только не скоро!.. и не ко всем... и не у нас.

Депутат свое:

— Скоро Уголовный кодекс будут применять даже к высшим эшелонам власти!

У меня мороз по позвоночнику. Я как вспомню, что высшей власти у нас целые эшелоны, меня знобить начинает.

А Штирлиц даже не дрогнул, говорит:

— Ерунда насчет кодекса, у них все свое: спецаптека, спецкодекс, спецполиклиника, спецкладбище даже.

Это я знал: про спецкодекс. У них раньше как? Угробил людей бессечно, город называют твоим именем, угробил так себе — улицу, за мелкое хулиганство только па-роход.

Я все удивлялся, как они не догадались храмы переименовывать. Церковь «Всех Ждановых», «Берия на крови»... Или икона «Возложение четвертой звезды на грудь мученика Леонида». Раньше же они что хотели, то и творили.

Ну и Депутат тоже говорит:

— Это раньше так было, такой спецкодекс. А Щит и Меч ему:

— Ничего не раньше. Сейчас то же самое. Реки, моря отравил — тебе бьют на Родине; довел народ до лохмоть-

ев — повышение; леса, поля сгноил — в Книгу почета, проворовался — в Книгу рекордов Гиннесса.

Депутат психически расстроился, говорит:

— А тогда мы устроим им суд совести!

Орган говорит:

— У них спецсовесть.

Депутат бледный стал, говорит:

— Тогда всех к высшей мере наказания.

Орган ему:

— У них своя высшая спецмера — персональная пенсия по состоянию здоровья.

Я стою, думаю: разговор до добра не доведет, бросил сигарету и скорее домой. Но сигарета попала в тапку к Органу. Он решил, что его Депутат прижег, и тому окурком в лоб. И пошло-поехало. Я разнимать, соседи милицию вызвали.

Депутат неприкосновенен, Чекист — свой, забрали меня... на пятнадцать суток.

Мне с тех пор не только спецравенство, мне даже обычное равенство у нас что-то не очень нравится.

В первую очередь

(беседа)

ПЕРВЫЙ. Идем вперед

как по болоту. Плана нету. План четкий должен быть, что нам в первую очередь делать, что во вторую.

ВТОРОЙ. Дети в первую очереди!

ПЕРВЫЙ. Нравственность.

ВТОРОЙ. Дети! Дети — наше светлое будущее. Вырастают они экономистами или бандитами, есть же разница?

ПЕРВЫЙ. Да как сказать. Он растет, растет — вроде экономист, а вырос, смотришь — бандит.

ВТОРОЙ. Ну, тут просто отличить. Ограбил на тысячу — бандит, на миллиард — экономист. Так что дети в первую очередь. Дети и медицина.

ПЕРВЫЙ. И нравственность.

ВТОРОЙ. Медицина. Здоровье народа превыше всего. У нас смертность превышает рождаемость.

ПЕРВЫЙ. Какая рождаемость, если каждый третий — пьяница?

ВТОРОЙ. А каждый четвертый — импотент.

ПЕРВЫЙ. А каждый пятый... живет не с каждой второй, а с каждым шестым.

ВТОРОЙ. У врачей тоже условия — сто человек в день принять. Он к концу рабочего дня путает косоглазие с плоскостопием. Так что медицина в первую очередь!.. Медицина и борьба с алкоголизмом.

ПЕРВЫЙ. И нравственность.

ВТОРОЙ. И борьба с алкоголизмом! Мы же пьяный народ. Вы видели, как летом в знойный день после работы шлет лошадь?.. Вот у нас так же пьют водку.

ПЕРВЫЙ. Если бы еще хоть работали как лошадь, а то только пьем.

ВТОРОЙ. Так что борьба с алкоголизмом в первую очередь. Но сначала поднимем сельское хозяйство. Отчего и пьяных много — закусывать нечем. А где пьянство, там и разврат.

ПЕРВЫЙ. Так вот же я и говорю: главное — нравственность, борьба с проституцией. Тогда у нас и сельское хозяйство поднимется.

ВТОРОЙ. Тогда у нас все поднимется. Надо решительно сказать путанкам: нет!

ПЕРВЫЙ. Они нам: «да», а мы им «нет»!

ВТОРОЙ. Это нелегкая задача. Человечество за всю свою историю выявило только два вечно живых явления — «коммунизм» и «проституцию». Проституция пережила коммунизм, а мы от него избавлялись семьдесят с лишним лет. Сколько же будем избавляться от проституции?

ПЕРВЫЙ. Нет, не мы!.. внуки наши увидят улицы без проституток!

ВТОРОЙ. И улицы, и рестораны, и гостиницы!

ПЕРВЫЙ. И гостиницы, и правительство, и парламент!

ВТОРОЙ. Значит, первейшая наша задача сегодня — борьба с проституцией!.. В парламенте.

ПЕРВЫЙ. И в правительстве.

Когда не все дома

(штрих к криминогенной ситуации в стране)

— **К**^{то там?}

— Мама.

— Чья?

— Твоя.

— А как тебя зовут?

— Анна Степановна.

— С какого ты года?

— Шестьдесят первого, сынок. Открывай.

— А где твои ключи?

— Забыла. На калошнице лежат... Нашел, сынок?..

Сынок! Открывай.

— А папка у нас кто?

— Алкоголик. Сынок, это ты?

— Я.

— Как тебя зовут?

— Витя.

— Сколько тебе лет?

— Десять.

— А дедушка у нас кто?

— Алкоголик.

— Хорошо, сейчас я открою.

— Ты ключи забыла.

— Ой, забыла, сынок, забыла на калошнице. Открой,

это я — мама.

— Чья?

— Твоя. Господи! Да что же такое творится?! Сынок,

это ты?

— Я.

— Как тебя зовут?..

Ты говоришь. полтергейст.

Вещи сами по себе двигаются, никто им ничего не говорит. Чудо!

У нас дивизии города берут, спецотряды на штурм бросаются, кровь рекой, руки, ноги — пополам. Ищут, кто приказ отдал — нету никого. Сами дивизии двигались и кровь сама текла. Вот полтергейст!

Ты говоришь: на острове Пасхи фигуры каменные. Откуда взялись, неизвестно. Чудо!

«Откуда взялись?» Это — наши. Сейчас любой остров возьми — везде наши. У всех дачи, коттеджи, яхты. И посмотрим — морды у всех, как у тех, что на Пасхе. Просто тех прищучили вовремя, сказали: «А ну, сволочи, верните народные деньги». Они окаменели. А этим никто ничего не говорит. Вот чудо!

Ты говоришь: Бермудский треугольник! И пароходы исчезают и самолеты. Чудо!

В океане исчезло что-то — чудо? У нас в городе — вот контора, вот сейфы, телефоны, факсы, служащих куча. Сдай деньги, зайди через минуту, получить проценты — никого! ничего! пусто.

Народ глаза пучит, не верит.

— У них обед, что ли?

— Какой обед, десять часов утра.

— А что написано?

— Ничего.

— А за углом?

— За углом написано.

— Что?

— Просто написано, и все. Правительство же предупреждало: кругом жулики.

— Нет серьезно, а как же тогда? А деньги когда вернут? А где скамья подсудимых?!

— Кого судить? Исчезли все.

— А вон остался!

— Его нельзя, он теперь в правительстве.

— О-о-о-о-и!

Вот чудо!

Ты говоришь: снежный человек. Видели все, отпечатки есть — поймать не могут. Чудо!

Это — наши киллеры. Убийства каждый день, каждый час. Поймать никого не могут.

Ты говоришь: йоги. Без еды, без воды три месяца. Чудо!

А они пробовали хоть неделю... пестициды запивать спиртом «Рояль»?!

Это не йоги. Это — у наших праздник, отдыхают от жизни.

Ты говоришь: хамелеон. Зверь у них, чуть что, цвет меняет. Чудо!

У нас любого возьми, самого честного, выбери его куда-нибудь — уже он вор, врет на каждом шагу. Скинь его с поста, он опять честный, выбери — он взяточник, скинь — диссидент, выбери — людоед.

Вот тайна!

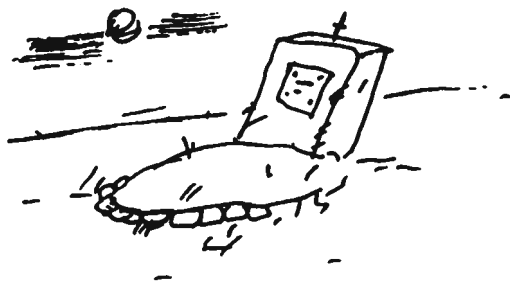
Ты говоришь: Нострадамус. Как это он увидел всё за пятьсот лет вперед?!

Ну и что? Я тебе сейчас скажу, что у нас будет через две тысячи лет. Живем как в раю, но хуже всех остальных, потому что всё равно пьянство и воруют безбожно.

Так что не надо про чудеса. «У них там, у них там». Просто они о своих чудесах шумят, а мы своих не замечаем. И это — самое большое чудо на свете!

— **В**ы киллер?

- Я. А что, не видно?
- Видно. Надо кое-кого убить. Три тысячи зелеными.
- Мало.
- Если бы вы знали, какого мерзавца надо убрать, вы бы бесплатно сделали. Взгляните на фотографию.
- Священник?
- Бандит.
- Ты смотри! Лицо, как у священника.
- Бандит.
- Глаза добрые.
- Хорошо, договорились — четыре тысячи.
- По рукам. И кто он на самом деле?
- Священник.
- Ты смотри! А рожа как у бандита.

Из записной книжки

Если страна шесть лет только

в интересном положении, то сколько же времени пройдет, пока что-то родится, встанет на ноги и начнет нам помогать?

Застрельщик перестройки — это тот, кто ее начал, или тот, кто ее прикончит?.. Или это одно и то же лицо?

— Загнетесь.

— Не. Партия же у нас!

— Загнетесь.

— Не. Партия выведет!

— Загнетесь.

— Не. Партия план составила.

— Загнетесь.

— Не... Не должно бы... Ты смотри, загнулись!

— Образно говоря, парламент у нас совсем юный... только-только начал ходить... под себя.

— С чего начинается Родина?

— У всех по-разному. У некоторых с «Букваря»... по талонам.

— Скоро у нас будет все!

— А как?

— Это — государственная тайна.

Светлое будущее наступило — слева светло, справа ничего нет и впереди шаром покати.

С помощью астрологии многие пытаются узнать неблагоприятные для себя дни... в творчестве, карьере, здоровье, сексуальной жизни.

Насчет дней, неблагоприятных в экономическом отношении, все знают — их в високосном году 366, в обычном 365.

Наши секспроблемы: фригидность рельсоукладчиц во время работы и инженеров после работы; сверхвозбудимость покупателей в любое время суток и готовность чиновников в случае чего отсечь себе все на свете.

Набор совсем коротких фраз: Мисс «Красная площадь». Гигиена второго брака. Ампи́р, барокко, рококо, СНГ. Межпартийная кровная месть.

Нет ли какого-то указующего перста, какой-то взаимосвязи в том, что только два кодекса у нас не оправдали себя: уголовный и строителя коммунизма?

Многих никак не оторвать от власти потому еще, что они понимают: без власти они беспомощны. Невольно рождается образ сучки со множеством сосков — это власть. А те, кто припал к соскам, это наши руководители... сучьи дети.

«Кто виноват?» и «Что делать?» — наши главные национальные вопросы во все времена.

Смутные времена — это времена, когда каждому известно, кто виноват, но никто не знает, что делать.

В молодости снились орлы, львы. Когда начал работать и здорово уставать, начали сниться лошади... потом верблюды. С ростом преступности все чаще стала сниться моль, за которой все остервенело гоняются... Вчера приснился осел.

Ветер — пар — электричество — атомная энергия. Проще пример. Колун — гильотина — безопасное лезвие — электробритва. Человек меняет мир.

Что странно — сам как был колун, так и остался.

Страшный сон. Будто родился в очереди, вырос в очереди, женился в очереди, состарился в очереди, умер в очереди. Проснулся — слава тебе, господи, живой, стоишь в очереди.

Социализм с человеческим лицом. Ведь это значит, что, кроме лица, ничего человеческого в нем нет.

- Это партия организовала раскулачивание!
- Это партия осудила раскулачивание!
- Это партия поддержала репрессии!
- Это партия разоблачила репрессии!
- Это партия начала антиалкогольную кампанию!
- Это партия признала вред антиалкогольной кампании!
- Это партия за переход власти к Советам!
- Это партия заняла все места в Советах!

Если еще и очереди ликвидируем, где будем черпать оптимизм?

Если у человечества впереди нормальная жизнь, то мы не готовы. Если тяжелые испытания, то мы единственные, кто выживет.

Раньше могли посадить за что угодно. Сейчас твори что хочешь — останешься на свободе.

Хорошо, что мы сумели из своих ошибок сделать правильные выводы и теперь знаем, что виновата не партия, а в отдельные периоды отдельные лица... то есть евреи.

Для одних предметы роскоши становятся предметами первой необходимости, для других предметы первой необходимости становятся предметами роскоши.

- Земля круглая!
- Да что ты говоришь?!
- Это не я, это в правительстве кто-то сказал.
- А а а... значит, все-таки она плоская.

У КПСС, несмотря на воинствующий атеизм, биография, как у девы Марии. Тоже родила, тоже Вождя народов, тоже не ведает, с чего вдруг, и хочет, чтобы ее после этого тоже считали невинной.

Политическая свобода и половая распущенность, соединясь на просторах России, еще подарят миру и сексуал-демократов, и эротических анархистов.

Умрем за власть в Советах!

Из археологии. Мощный культурный слой — это когда над развалинами развитого царизма находятся мощные развалины развитого социализма.

Интересно как! Одни миллионеры, другие нищие; одни паразиты, другие работяги; одни в лимузинах, другие в электричках. Но при этом... все равны.

К философским понятиям «количество» и «качество».

Японцы ходят в туалет и тут же благодаря электронике получают анализ того, чем сходили. Это — КАЧЕСТВО.

Мы, как ни ходи, ничего, кроме того, чем сходили, не получаем. Это — чистое КОЛИЧЕСТВО.

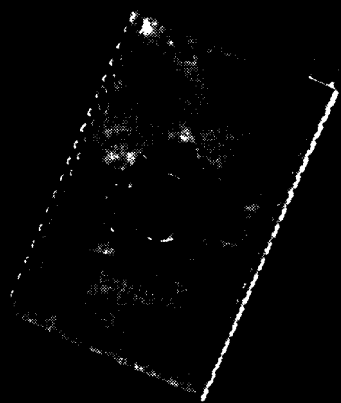
К проблемам с мебелью. Набор «Сделай сам». Как ни собирал, все время получается гроб.

Наши запасы: продовольствия — на полтора-два месяца, терпения — на сто пятьдесят—двести лет, ума, как всегда, на день.

Раздел IV

Хотели как лучше, а...

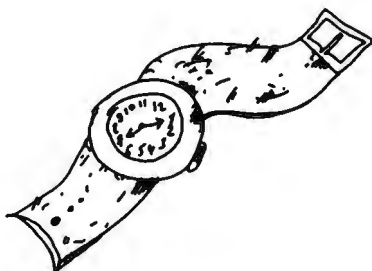

«Хотели как лучше, а...»

Э тот раздел составлен из монологов

и рассказов, написанных в дни, когда автор понял наконец, что если трезво посмотреть на жизнь, то можно увидеть много больших и малых чудес.

Скажем, абсолютно равные на старте условия ваучеризации всей страны могут мгновенно разделить общество на олигархов и бомжей, что могут быть беды огромные, даже национальные, в которых никто не виноват, что при всех необратимых, глубинных переменах, до неузнаваемости изменивших лицо страны, ее строй, конституцию, идеологию, экономику, все-таки богатые остались богатыми, а бедные — бедными.

Сумасшедший дом

Я в политику не суюсь.

Не мое дело. И там одно и то же все. Те кричат:

— На улицу выйти нельзя — убить могут!

Эти им:

— А свобода слова?

Те кричат:

— Грабят на каждом шагу! Цены огромные! Проституция кругом!

Эти им:

— А свобода слова?

Не знаю, кто прав. Меня вот и ограбили пару раз, но я и говорить об этом могу сколько хочу.

Нет, не суюсь в политику... последнее время. Хватит, сунулся один раз.

Недавно сунулся. Ну, как сунулся, просто стоял около магазина. В магазине чего стоять? Все равно ничего не купишь. У меня и денег не было, и настроения не было. У меня всегда, когда денег нет, и настроения нет. Совпадает как-то.

Стою и стою себе, не суюсь ни в магазин, ни в политику. Вдруг дверь распаивается, из магазина мужик выходит: огромный, лысый, с бородой. Как заорет:

— Довели Россию, сволочи!

Руку одну вытянул вперед, в другой кепка и авоська с пивом.

Я кинулся к нему, говорю:

— Давай спасать Россию! Организуем партию. Ты будешь до поры жить в шалаше, писать тезисы. Потом выйдешь под свист пуль...

Он говорит:

— Не надо под свист. Мы пойдем другим путем. Надо спасать Россию легально.

Я говорю:

— Давай легально! Выдвинем тебя в Думу, купим тебе каску, бронежилет. А то мало ли. Заблудишься в кулуарах, а навстречу Жириновский. Хаживал ты с голыми руками на Жириновского?.. И вообще там стенка на стенку обычное дело. Микрофоном могут голову продолжить в две секунды.

Он говорит:

— Не надо микрофоном, не надо легально. Давайте сперва все возродимся нравственно!

Я говорю:

— Давай нравственно! Мы с тобой начнем, народ подхватит. Завязываем с водкой, с куревом, с бабами! Воровать прекратим!.. на время, конечно. Потом уж, когда восторжествуем.

Круглый год босиком! Каждый день в церковь к заутрене, а то бога совсем забыли. Конечно, придется пострадать за Россию: покроемся коростой, рубцами, язвами...

Он говорит:

— Надоел ты, отстань.

Размахивается авоськой и прямо бутылкой в висок мне.

Я буквально через семь дней пришел в себя, думаю: по-настоящему никто чего-то не хочет лезть в политику. Чего ради я полезу?

Не, не суюсь последнее время. Хватит. Я теперь за то, что всегда было, есть и будет. Я теперь за свободу молчания.

— **Б**орис Николаевич, вызывали?

— Ну.

— А чего?

— Что же у вас цены-то?

— Что?

— Скакнули как.

— Интересно, мы тут при чем?

— А кто?.. Вы экономисты, вы рассчитывали.

— Так у нас все сошлось.

— Что сошлось?.. Обещали в два-три раза, а они в двадцать-тридцать. Ноль потеряли?

— Какой ноль?

— Ну обещали в два-три раза, а они в двадцать-тридцать.

— Это жизнь вмешалась. Она у нас непредсказуемая, а по расчету должно в два-три. Все точно.

— «Точно». Сказали в два-три, а они в двадцать-тридцать!.. Когда все наладится?

— Месяца через два-три.

— Опять «два-три»... Не подведете?

— Когда мы подводили?

— Расчеты окончательно когда будут готовы?

— Часа в два-три.

— Вы, кроме двух, трех, какие цифры знаете?.. Дыра в бюджете большая ожидается?.. Я спрашиваю: дыра в бюджете большая ожидается?

— Миллиарда два-три. Все будет нормально, Борис Николаевич! Вот дайте руку. Видите, у вас на ладони эта линия краскосяк идет с этой?

— Ну и что? У меня давно так.

— А все! Значит, все будет нормально!

— Могу обещать людям?

— Спокойно. Наука гарантирует. Но в первое время, когда станет хорошо, еще будет плохо, и народ нас за это может того, Борис Николаевич.

— Чего?

— Послать.

— На сколько букв?

— На две-три.

Россия на приеме у врача

— **Ч**то вас привело ко мне, матушка-Россия?

— Да что же, батюшка, я уж измучилась. Не знаю, кого и слушать. Энтот клялся: к 2000-му выздоровишь, усе у тебе будет. Энтот божился: за пятьсот дней на ноги поставлю. Теперь заладили: шоком надо. Не молода я уж шоком-то.

— Ну какие ваши годы. С питанием как у вас? Аппетит когда приходит?

— А глаза откроешь, батюшка, уж он тут — пришел.

— Стул частый?

— Как, милостивец?

— По-большому часто ходите?

— Где ж мне часто? Как кредит или гуманитарная помощь придут, так и схожу.

— Спите крепко?

— Нет. При царизме спала... в темноте-то. Щас все перед глазами светлое будущее, ну и пялишься на него всю ночь.

— Сны снятся?

— Один, батюшка. Будто ноги вытянула, руки сложила и лежу при дороге где-то. То ли к церкви шла, то ли к рынку переходила.

— Анализы регулярно сдаете?

— Нет, батюшка, как их сдать?

— Что же мешает?

— Воруют.

— Анализы?!

— Так все. Отвернешься на секунду — ни анализов, ни горшков.

— Вон оно что. От такой жизни, матушка-Россия, нет ли у вас галлюцинаций? Не мерещится ли что?

— Нет, батюшка, бог миловал... Другой раз бывает, правда, сядет он возле уха: «Выпей да выпей».

— Кто?

— Кто-то вот есть, батюшка. «Выпей да выпей». Иногда-то говорит так.

— И хорошо слышно его?

— Явственно так слышно. И как-то он в оба уха сразу: выпей да выпей... Иногда-то.

— Раз в месяц?

— Раз в день.

— Понятно. Ну что же, матушка, я могу сказать вам? Ресурсы еще есть у организма. Горбатость пройдет со временем. Зрение, в общем, нормальное. Вы не туда смотрите, матушка, я справа от вас. Что бы я вам еще посоветовал? Вам обстановку надо сменить. Съездить на Гавайские острова или на Багамские. Вы последний раз где изволили отдыхать?

— Я, батюшка, последний-то раз отдохнула в Афганистане.

— Вот оно что!.. В общем, больше положительных эмоций. И еще, матушка, вот что — пищу разнообразьте. День — молочная, день — овощи, фрукты, день — мясо, день — рыба, день — разгрузочный... голодаете.

— Кто бы, батюшка, мне раньше-то сказал. Я ведь как заладила — разгрузочный и разгрузочный. А надо, видишь, чередовать: день разгрузочный, день — голодать.

— А самое главное, матушка, вот что! Это очень важно. Почаще бывайте на свежем воздухе.

— Почаще-то я задохнусь, батюшка.

— Почему?

— Так ведь все кругом засрали... Я извиняюсь, батюшка, видно, не так сказала-то. Да мне велели: врачу все говори как есть.

— Все, матушка, больше ничем не могу вам помочь.

— Идти мне?

— Идите.

— И значит, вот как ты велел: чаще дышать, и все пройдет?

— Да...

— Ты, батюшка, запиши мне на бумажке, что дышать надо, а то я позабуду. Век за тебя бога молить стану — такое легкое лечение прописал: дыши, и все. Прощай, батюшка. Спаси тя Христос... Нешто сходить еще к йогам? У их, сказывали, и дышать не надо.

Между сообщением

о резком после отдыха ухудшении здоровья Горбачева и сообщением о введении чрезвычайного положения никто Шушуев успел сообразить, что надо срочно уничтожить весь компрометирующий его материал.

Он кинулся к личной библиотеке. Солженицына у него не было. «Анжелика» и «Женщина в белом» опасений не вызывали. Других книг Шушуев не имел.

Он успокоился, но на всякий случай еще раз включил радио, чтобы внимательнейшим образом прослушать сообщение ГКЧП — не пропустил ли чего.

Так и есть!.. Секс!

Вожди переворота возмущались разгулом порнографии и секса в нищей стране, а Шушуев уже месяц как купил и тайно от жены штудировал брошюрку «Техника нового секса». В брошюре имелись и рисунки-схемы для особомалопонимающих. Все это был теперь явный, несомненный компромат.

Беда черной, низкой тучей нависла над Шушуевым, но он, к чести своей, сохранил хладнокровие.

— Раз народ в стране, — рассудил он, — плодится, значит, какой-то схемой пользуется. То есть какие-то схемы-рисунки являются компроматом, а какие-то несомненно марксизм-ленинизм подрывают.

Шушуев открыл брошюру.

Какими же пользуются коммунисты, какими демократы?.. В решениях съездов КПСС, как и обо всем, что насущно, ежедневно касалось жизни народа, об этом ни слова сказано не было. Странно, но молчала и демплатформа.

Шушуев для чего-то перебрал в памяти лица партийных лидеров. У Травкина вид всегда живой, бодрый, уве-

ренный. Жириновский, наоборот, чаще раздражен, вид такой, будто он никогда никакой схемой не пользовался.

Мешала сосредоточиться и дурацкая мысль о том, что отношения КПСС с народом — это и есть ничем не прикрытый секс.

Шушуев взял себя в руки и взгляделся в рисунки.

Схема один — «на коленях»?.. Осудить! Он счастливо вспомнил, что нет такой силы, которая могла бы поставить коммуниста на колени.

Схема два — собственно, единственная, которую Шушуев, что называется, знал не по учебникам, была, слава тебе, господи, политически пристойной.

Он уже собрался перелистнуть страницу, когда за чем-то мысленно отвел руки мужчины вправо, а женщины влево — тело его покрылось липким, холодным потом — он увидел фашистскую свастику.

Дыхание он перевел на схеме три. Она напоминала переkreщенные серп и молот. Но тут же он вспомнил, что и он, и его жена беспартийные. А черт же их знает, может, это схема-привилегия, спецсхема.

В схеме четыре тоже что-то смущало, на ней то ли женщина молилась, то ли мужчина просил милостыню. Не было в ней какого-то согласия с атеизмом.

Схема пять отвергала марксизм напроць — на ней явный, ярый антикоммунист пользовался трудом другого человека.

После этого и все остальные схемы стали казаться ему недостойными коммуниста. А как только на месте мужчины на рисунках он представлял себе вождя гкчпистов Янаева, так яснее ясного видел — все это разврат.

Шушуев впал в отчаяние.

Вечером вернулась с работы жена. Последние события набросили на нее тень печали, а в печали жена Шушуева была хороша необыкновенно.

Два диких инстинкта ворвались в шушуевскую грудь. Один звался «инстинкт размножения в СССР», другой — «инстинкт самосохранения в отдельно взятой стране».

Кровь у Шушуева то прилиwała целиком к голове, то вся без остатка уходила в пятки.

Он то с клетотом, как-то по-орлиному, подсказывал к жене, то, жалобно пискнув, мышью трусливо бежал в угол.

В ноль часов ноль минут по московскому времени с криком «Так жить нельзя!» Шушуев выскочил из дома в ненастную, дождливую ночь.

Первым, кто его встретил на улице, был человек в рясе. Он перекрестил Шушуева, успокоил и объяснил, что в отличие от коммунистической хунты, которая разрешает жить... только по Ленину, демократы — и с ними бог — за все и всяческие схемы, позы, позиции, программы и учения, которые несут людям радость.

Рассвет застал Шушуева на баррикадах у Белого дома России. Через двое суток демократы победили.

Урок истории

(Из недалекого будущего)

— **С**тыдобище, —

выговаривает мне дед, — историю не знать... Собственного народа! Позорище!

— Ни у кого у нас в роду по истории двоек не было, — поддакивает бабушка. — Вперед всего история шла.

— Обормотище! — тянет дед. — Бывало, и на гулянку придешь, первым делом за историю.

— А как же! — отводит глаза бабушка. — За что же еще? За историю сразу.

— Слушай, бестолковище, — говорит дед, — я тебе аккуратно все обскажу. В одна тысяча девятьсот семнадцатом году, уж это считай прошло... почти сто пятьдесят лет, объявился Ленин. Работал он у Всесоюзного старосты Дзержинского Якова Михайловича.

— Иосифа Виссарионовича, — поправляет бабушка.

— Работал по найму. У Дзержинского, запомни, на Лубянке была своя контора.

— Дзержинский конторщик?! — удивляется бабушка. — Он был рыцарь. Прозвище ему — Чистые руки. Очень руки любил мыть. А остальные не мыли вовсе, а он по сто раз на дню мыл. Махнет, бывало, рукой, дескать, расстреливайте без меня, а сам все равно бежит руки мыть.

— Не даст сказать, — раздражается дед. — Прозвище ему было Горячее сердце Холодный лоб... Нет! Наоборот — Холодное сердце, а сам все время в горячке был.

Бабушка крестится.

— Что несет! Тоже родной истории не знает. С температурой-то кто был?.. Троцкий — буревестник.

Дед растерянно моргает:

— А проститутка кто же? — спрашивает он.

— Все, — уверенно и спокойно говорит бабушка. — Проститутки они были все. А главный — Сталин. Насто-

ящая ему фамилия Брежнев Никита Сергеевич. Из цыган. Плясал все.

— Нет, не слухай ее, — предупреждает дед, — пожалуй что, брешет она. Ленин был. При нем были ленинцы, настоящие большевики, мечтатели-правдолюбыв: Ежов, Ягода, Берия. Их всех победил Горбачев Красное Солнышко. Ласковый очень был, как солнышко, всем все обещал.

— Господи! — всплескивает руками бабушка. — Как же так можно с родной историей?! Взял и переврал все на свете. Обещал все кто? Ельцин.

— Нет! — торжествует дед. — Тут погода. Ельцин обещал трудности, голод, цены большие. И энтот сдержал свое слово! Но он промахнулся. Он водочку запретил пить.

— Запутает ребенка вконец, — пугается не на шутку бабушка. — Кто кому запретил-то?.. Ему самому запретили. Кашпировский Чума Алтыныч. Сказал: тебе с утра не надо... Да там уж пей не пей — ГКЧП пришла.

— Да, — подтверждает и дед, — это вот которые после Чернобыля уроды, они объединились.

— Герои они были, — застывает торжественно бабушка, — почитай-ка Вторую окончательную историю России.

— Враги были, — твердо говорит и дед. — Пьянь последняя. Пропечатано в Третьей неподдельной истории Руси.

— А потом-то? — светится бабушка. — Когда историю переписывали окончательно, нашли, что герои они оклеветанные ни за что ни про что. Всем памятники им поставили мраморные да гранитные.

Дед машет рукой.

— Когда после Окончательной была Великая перепись истории, памятники поносили — докопались в архивах, что змеи они. Всплыло, что и Горбачев-то — шпион английский. Звали Маргарит Тэтчер.

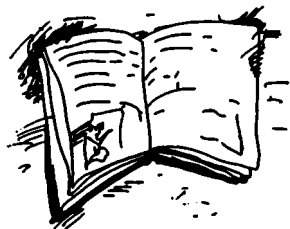
— Белены ты объелся, — говорит бабушка, — не иначе. Почитай-ка Четвертую Правдивейшую историю России. Что там сказано?

Они спорят, какая история России вернее — Бесповоротная пятая или Неподдельная Окончательная шестая, а я под их спор засыпаю.

В дреме мне весело, потому что двойку я получил за прогул, а урок я выучил назубок по учебнику «Четырнадцатая Разумная Наиправдивейшая история России».

Ленин — это который у Белого дома носил бесплатно бревно и тем бревном нечаянно придавил Гайдара. С этого и рынок пошел.

А потом во сне я скакал на белом коне с черной гривой по Красной площади, а навстречу мне, улыбаясь и намыливая на ходу руки, торопясь, шел друг всех детей Лаврентий Павлович Ульянов.

Я в запое был. Мы с мужиками

в лесу цистерну с водкой нашли. Раз в жизни бывает!.. Звездный час!.. Семь лет в запое, вчера только из леса вышли.

Чего вы тут натворили-то, е-мое?!

Мы когда на улицу выбрались, по радио передают:

— Ленин — враг народа!

Один у нас, он такой немного всегда был... дундук, упал аж. Подняли его и бегом оттуда.

На площадь выскочили — там голые гуляют. Сперва подумали: случилось что в бане... сразу в обоих отделениях. Они говорят:

— Нет, мы — художники-обнаженцы.

И тут мы сообразили — у нас же неподалеку сумасшедший дом был, а директор там пробивной мужик, вот он, наверное, себе территорию и расширил — среди сумасшедших мы... Но, слушай, много что-то отвели им... целый район.

Подались к железной дороге. Как раз товарняк идет, уцепились. Полчаса ехали. Спрыгиваем на ходу — нормально все... дундук только ногу подвернул.

Видим — палаточка стоит, пиво есть «Жигулевское».

— По тридцать семь? — спрашиваем.

В палатке во-от такой мордобой, говорит:

— Откуда вы сорвались?.. По сорок давно.

Подорожало, вишь, пиво за семь лет на три копейки. Хреново, значит, дела идут.

Нас пятеро. Дундук два рубля сунул, говорит:

— На все давай!

Тот говорит:

— Сейчас дам.

И выходит из палатки. Как он в ней помещался-то?.. Выходит — в одной руке граната, в другой — бомба.

Твою мать! — рано соскочили с поезда. Давай пятиться. Опять за товарняк уцепились, часов десять ехали.

Выбрались благополучно из сумасшедшей области. На какой-то станции соскочили. При вокзале рыночек небольшой. Хотели вещи на еду обменять. Но тут что-то народу на нас налетело, не из-за вещей же... не могли люди так обнищать. Девки что-то в основном. Окружили нас.

— Бартер, бартер, — галдят.

Дундук, ему всегда больше всех надо, говорит:

— Чего такое бартер?

Одна ему объясняет:

— Чего вот вы хотите от нас, это и есть бартер. Теперь это так называют. Ты — мне, я — тебе. Обоим хорошо.

Мы ему шепчем:

— Это лярва какая-то, потом устанешь лечиться.

А он завелся уже, кричит:

— Бартер хочу!.. А где?

Девка говорит:

— Да здесь прямо.

Дундук растерялся:

— Как здесь?

— А что такого?

— Народу-то.

— Да что он нам?

— Да как же?

Девка тоже удивляется, говорит:

— Да ничего. Ничего такого. Все здесь всегда... Показывай, что у тебя.

Дундук совсем скучный стал, говорит:

— Что у всех, то и у меня.

И главное, старухи туда же — лезут посмотреть, что у дундука. Тут милиционер подходит.

Думаем: попрет сейчас всех. Нет, тоже и ему интересно, говорит:

— Показывай.

Ну, дундук и показал им.

Опять товарняк подкараулили. Сутки ровно ехали, чтобы наверняка, чтобы уже с гарантией. Вдруг лязг, скрип — встали. Бегут к нам с автоматами:

— Кто такие? Куда? Здесь граница!

— Какая граница? Мы тогда откуда едем?

— Из России.

— А куда?

— На Украину.

Дундук вылез вперед:

— Это, — говорит, — одно и то же.

Ка-ак ему прикладом по башке — щелк. Обыскали всех, ни у кого ничего нет у нас. Говорят:

— Это беженцы, наверное.

Мы говорим:

— Беженцы мы.

Нас оставили. Только границу переехали — опять лязг, скрип, скрежет — бегут с собаками, гранатометами:

— Кто? Куда?

Говорим:

— Братья! Славяне! Только что из России мы, минуту назад. Там все с ума сошли!

Нас после этих слов на руках понесли.

А дундук вспомнил, что ему ни за что автоматом съездили, повернулся к границе и во все горло:

— Россия и Украина — одно и то же!

Ка-ак ему гранатометом по башке — щелк. И сразу у нас у всех прояснило — с ума сошла вся страна.

Ладно, тогда надо до своих добираться. Ночами шли, днем отсиживались в лесах, оврагах. Дошли. Только дундук в последний момент потерялся.

Захожу в дом — жена по всем углам доллары прячет, старший сын пробабкину икону кому-то толкает, младший весь в зубном порошке — чистит на продажу дедовы ордена, а дочь голая по пояс — бюст готовит к конкурсу. Все рехнулись.

Написал я записку «Прошу в моей смерти никого не винить». Встал на подоконник, посмотрел на небо в последний раз и вдруг голоса слышу:

— Спасе-ен ты! Спасе-ен ты!

Это мужики мои снизу кричат.

Я заплакал от счастья, тоже кричу:

— Все спасены? Вся страна?

Они:

— Нет. Пока только мы одни. Дундук нашел в лесу две цистерны спирта!

А на всю страну где ж нам взять столько дундуков?

Простые люди

Пиво с раками снится

каждую ночь! А нам на хлеб не хватает. И тут как раз слух пополз, что со дня на день введут новые деньги, а какие — никто точно не знает.

Ну и не помню, как это получилось. Ночью, наверное, в полубреду нарисовал две бумажки. На одной написал «двести тысяч рублей», а на другой — «триста тысяч».

Где двести тысяч, там у меня вместо Ленина Черномырдин, пьет пиво с раками, а где триста тысяч, Ельцин, тоже с пивом и с раками. Только у него раки побольше.

На следующий день ближе к вечеру вышел на улицу... где потемнее. Вижу — стоит один попроще... в калошах на босу ногу. Подошел к нему, говорю:

— Двести тысяч не разменяешь?

Он не сразу... часа через два говорит:

— Тебе какими?

Я говорю:

— Да я не в претензии, какими дашь.

Он дал мне три купюры по двадцать пять тысяч, а остальные по семьсот рублей.

Двадцать пять тысяч синеватые такие. Там, где у меня пиво с раками, у них Иван Сусанин везет в Москву гуманитарную помощь.

А семьсот рублей розоватые. Там Шахрай на коне... пронзает копьем Лигачева.

Ну, разошлись мы. Дай, думаю, семьсот-то хоть рублей проверю — настоящие, нет. Как раз вижу неподалеку парень стоит, на метро крестится. То ли совсем простой, то ли издалека очень.

— Парень, — говорю, — я тут помог старушке за семьсот рублей дорогу перейти. Не разменяешь?

— Как же, — он говорит, — я тебе не разменяю? Ведь мы все братья во Христе.

И разменял мне, дал двадцать штук по тридцать пять рублей. Новые тоже деньги, аж хрустят. Они мне больше всех понравились — стоят тридцать пять Чубайсов с ваучерами, а посередине Миклухо-Маклай. А одна купюра попала на сорок пять рублей. Там Бурбулис вручает Веронике Кастро Золотую Звезду Героя России.

Две бумажки по двадцать пять тысяч я отложил в заглашник, а остальные понес скорее домой жене.

Она только что с барахолки, вещи кое-какие продала... со своей работы. И тоже ей надавали новыми. Но она совсем мелкие брала, ей удобней дочери давать в школу на завтраки.

Семнадцать рублей — там Майкл Джексон на мавзолее приветствует Ростроповича.

Четырнадцать рублей — крестьянка серпом бьет рабочего по молоту.

Два рубля запомнились — там Попов с Лужковым в проруби плавают.

Крупные деньги жена спрятала за батарею, дочери — она в третьем классе у нас — дала на завтрак четырнадцать рублей. А мне чего-то так жалко ее стало... дочь-то. Тайком дал ей еще бумажку на двадцать пять тысяч. Сказал:

— Это тебе до окончания школы.

Днем она приходит с учебы, говорит:

— Ну и простота вы! Хорошо, что я все ваши фальшивые деньги у гостиницы «Интурист» успела обменять у монгола на тысячу долларов.

Горько нам сделалось оттого, что жулье у нас на каждом шагу, оттого, что только среди монголов и остались простые люди.

А доллары, конечно, не по семнадцать, шестнадцать, четырнадцать, а как и положено — пятьдесят да сто. Все зеленые, с водяными знаками, на всех Вашингтон... пьет пиво с раками.

ЭВОЛЮЦИЯ

Дарвин далеко смотрел вперед.

ой, далеко! Человек приспосабливается к окружающим условиям. Не каждый, конечно, тот, кто хочет выжить.

У Сидорова из-под Тулы, когда мясо достигло цены пятьсот рублей за кило, клыки выросли — потому, что если не вцепишься в мясо как следует.. мертвой хваткой, не вырвешь его у жизни, пропадешь.

Клыки здоровые у него выросли, а остальные зубы выпадали за ненадобностью.

За их счет у него до невероятных размеров вырос самый необходимый ему в новых условиях орган — аппендицит. Он теперь питается всякой дрянью: хрящи, жилы, пестициды. У него аппендицит теперь по важности на втором месте после сердца. Может, на первом.

Когда молоко поднялось до ста двадцати за литр... обезжиренное (его надо сразу кипятить, иначе через час оно прокиснет. Если вскипятишь, то через два часа).

Вот когда достигло этой цены, у Сидорова язык вытянулся, стал широкий и шершавый. И если встать на лугу на четвереньки, наклонить голову, то этим языком можно траву смахивать лучше, чем корова.

Сидоров молока пока еще не дает ни капли, но травой кормиться уже начал.

Зрелище, конечно, печальное — впереди язык, позади на четвереньках тащится аппендицит, между ними колотится сердце. Но приспособился!

Что еще интересно! Сидоров, как износил последнюю рубаху, стал покрываться шерстью... зеленой. Зимой меняет ее на белую, чтобы его на снегу не так заметно было.

Еще один пример развитого дарвинизма. Он зарегистрирован Академией наук.

Сергеев-дедушка — ровесник революции, чего ему не скажут, всю жизнь верил, сам ни о чем не думал. У него от этого голова сохлась, а уши оттопырились.

Сын его, тоже Сергеев, вовсе родился лопоухим и тоже в перестройку, кто что скажет, всем верил.

От этого его сын, тоже Сергеев, восемьдесят седьмого года рождения, появился на свет уже прямо с лапшой на ушах, это — факт.

Вообще эволюция понятнее проступает на детях.

В городе Санкт-Петербурге на Неве-реке у директрисы коммерческого магазина — сто раз ее проверяли, снимали скрытой камерой, вручали меченые деньги — ни разу не могли накрыть. Стреляли в нее много раз — пули просто отскакивают, как от брони.

Вот у нее родилась девочка с полоской на животе. Думали, родимое пятно, как у... Ну, не важно. Мазали йодом, зеленкой, скипидаром, пробовали стиральным порошком — ничего не помогает.

Девочка подросла, видят — это не полосочка, а складочка такая. Пробовали ее утюгом разгладить, током срезать — бесполезно. Природа что-то затеяла.

И вот она еще подросла, лет шестнадцать стало ей, видят — это не складочка, это такой кошелечек для долларов.

А от мамы ее к сорока годам пули не перестали отскакивать, но начали прилипать к телу ассигнации, валюта, всякие ваучеры. Что станет к сорока годам с девочкой — загадка эволюции.

В Москве дарвинизм тоже голову поднял.

Когда Органы случайно, по недосмотру арестовали одного крестного отца вместе с матерью и детьми, пришлось им ахнуть... Органам.

Мафиози этот, как реформы пошли, набрали темп, стал жрать в три горла, и природа тут же среагировала — старший сын у него родился, я извиняюсь... в общем, у него обнаружили... не знаю даже, как сказать... Две задницы! До чего природа вперед смотрит!

Но даже дарвинисты перекрестились, когда у младшего сына этого крестного отца увидели два детородных органа. Для чего, спрашивается?

Хотя косвенно отвечает на этот вопрос тот факт, что у Попова из города Воронежа, инженер он, — сын родился вообще без этого дела.

Много тут всяких интересных догадок появляется: ну, например, откуда у мафии такой запас?.. не за счет ли инженеров, которым уже в ближайшем будущем детей не прокормить? ну и так далее.

Подождем, что скажет наша наука, которой истина дороже жизни.

Одно сейчас ясно — жизнь резко меняется, и тот, кто начал приспособливаться, тот еще увидит впереди много чего невероятного. А с теми, кто не начал приспособливаться, я, пользуясь возможностью, заранее прощаюсь.

— **С**егодня в рубрике

«Новые времена — новые лица» у нас в гостях известный рэкетир, можно сказать, маньяк Василий Сергеевич Пухов. Время сейчас трудное, Василий Сергеевич. Вы не находите?

— Ну... В другую квартиру зайдешь — убил бы в правительстве всех!.. на хрен. Разве можно так жить? У него же взять нечего.

— Простите, вы в церкви бываете?

— Ну. Два раза был.

— Понравилось?

— Ничего... Окна узкие.

— Василий Сергеевич, все знают, что нужно срочно исправлять положение в экономике. И люди думают над этим. Много есть интересных предложений. У каждой партии — а их более сорока — своя программа на этот счет.

— У нас в Москве банд шесть — порядка нет. А у вас сорок! — партий. Бардак будет. Должна быть двухпартийная система... две банды, и все.

— В театре вы последний раз когда были?

— Вчера.

— Правда?!

— Падлой буду.

— Что удалось посмотреть?

— Кабинет директора.

— Скажите, Василий Сергеевич, вас как русского человека не волнует низкая рождаемость в России?

— Я что могу, делаю.

— Я не вас имею в виду, общую ситуацию.

— Народ запуган. Уже не знают, от чего предохраняться.

— А молодежь к вам тянется?

— Ну. К самому горлу. Я уже боюсь выходить на улицу после трех ночи.

— Как я вас понимаю! Крутом насилие.

— Да изнасилуют — ладно. Гранату могут в портки засунуть.

— Да, время ужасно сложное. Я бы так сказала: человек отстает от человечества, нравственность — от технического прогресса. Человек практически не изменился, а на вооружении у него вычислительная техника, компьютеры. Кстати, вы пользуетесь калькулятором?

— Не, я в уме.

— Но возможности человеческого мозга ограничены!

— Не скажи, до ста спокойно считаю.

— Через вас проходят миллионы! Как же вы их считаете?

— Ты чего?.. Так и считаю: один миллион, два, три.

— Василий Сергеевич, к сожалению, время поджимает нас, переходим на блиц — короткие вопросы, короткие ответы. Верите ли вы, что когда-нибудь мы выйдем на мировой уровень?

— Мы-то вышли.

— В чем смысл жизни?

— Дальше пошли.

— Ваша любимая книга?

— Дальше пошли.

— Понимаете ли вы классическую музыку?

— Чего ее понимать? Мендельсон — значит, свадьба, Бетховен — концы кто-то отдал, «Лебединое озеро» — переселение в России.

— Бойтесь ли попасть в ад?

— В гробу я его видал.

— В баню один ходите?

— Нет. С мылом.

— Страшный случай.

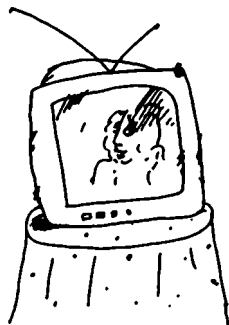
— О! Лезли к директору ювелирного, попали к начальнику ОБХСС.

— Смешной случай.

— У начальника ОБХСС взяли больше, чем было у директора ювелирного.

— И в заключение несколько слов телезрителям от себя... привет, пожелание, полезный совет.

— Полезный совет дам. Если кто узнал меня, не надо звонить по 02, хуже будет. А мне ничего не сделают — время такое.

Баный день

Собрались русские как-то

после бани и решили, что пора бы начать жить хорошо!.. с семнадцатого числа. А какого месяца — все равно.

Один сильный духом и чистый после бани человек подумал и сказал:

— Сперва надо нравственно возродиться!.. а там оно само пойдет.

И все айда нравственно возрождаться. Для начала переименовали взятки в подарки, шум — в свободу слова, грабеж — в предпринимательство.

Тут же кое-кто и возродился. Но остальные, глядя на них, впали в оторопь.

Потом пришло предложение из глубинки:

— Давайте, чтобы хорошо жить, учиться у природы... у муравьев, у пчел... давайте работать, как лошади.

Идея всем понравилась.

Но при поименном голосовании выяснилось, что одни хотят трудиться не как муравьи, а как морские котики... на лежбище. Другие хотят жить исключительно, как щуки. Четыре голоса было за канареек, два, что ли, или три за болонок. Семеро согласились жить, как свиньи, один желал всю жизнь честно нести яйца. А за лошадей голосов что-то совсем не было. Не прошло предложение.

Само собой, были и глупые идеи. Например, один инвалид ума предложил, чтобы каждый на Руси занимался... своим делом.

В диковинку это, но раз демократия, то попробовали — для начала посмотрели, не выйдет ли чего путного, если своим делом займется каждая из трех ветвей власти. Конечно, эксперимент тут же сорвался. Видимо, природа резких скачков не любит.

Реальных было всего одно предложение — от членов КГБ с тридцать седьмого года. Главное — многие знали, как за дело взяться. Мороки никакой — лишить дыхания врагов хорошей жизни... всего-то.

Но как сглазил кто!.. Споткнулись об тайны арифметики — как ни составляли списки, а всякий раз получалось ровно в два раза больше, чем всего жителей на планете.

Было и одно умное предложение — считать гуманитарную помощь... Солнцем! То есть как бы естественным источником жизни, который умрет уже гораздо после того, как человечество вырвется из колыбели и разбредется по космосу навроде цыган.

Предложение приняли единогласно, но тут вместо помощи пришел счет за просроченные долги.

А больше предложений не было, пошли затяжные дожди, и все прокисло. И уже только весной один старенький старичок предложил всем миром выступить против секса!.. Никакой прибыли от него, дескать, нету, а силы уходят большие.

В общем-то такое положение дел насчет сил и прибыли было везде, но что-то обрушились против секса.

Радикалы предлагали ввести для секса комендантский час. С одиннадцати вечера до шести утра. А с шести утра до одиннадцати вечера, чтобы не собирались кучами по два и больше человек.

Патриоты потребовали вообще покончить с этим делом... так сказать, обрубить раз и навсегда, а то оно сильно отвлекает, даже когда Отечество в опасности.

И ученые начали думать, но тоже отвлеклись.

Тогда пошли на обман, заладили по телевидению прямые трансляции с заседаний Верховного Совета. И народ клюнул сперва — уж очень оказалось похоже на секс, но потом все поняли: то, да не то.

И врачи сказали:

— От того, что на Верховном Совете происходит, детей быть не может... это только вредная привычка.

Последнее предложение пришло совсем недавно. Его родил в тишине своей головы один глухонемой мужик.

Суть вот в чем:

— Нефти у нас много, но она кончится. И золота у нас много, но и золото кончится. А вот чего у нас много и ни-

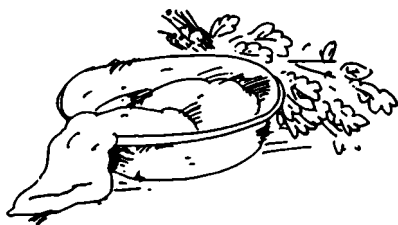
когда не кончится... так это глупость. Вот бы направить ее энергию себе на пользу!

И все сейчас думают, как приспособить глупость себе на пользу.

Если придумают, то, конечно, догонят и перегонят все развитые и недоразвитые страны.

Но скоро снова банный день. А вот после него и дальше захотят русские хорошо жить или им еще какая блажь в голову вдарит... неизвестно.

Надо подождать немного.

Власть и мафия

— **Н** у, здравствуй.

— Здравствуй. Смотри в сторону, будто мы не знаем друг друга.

— Смотрю... Ай и постарел ты! Ай и поседел! На дедушку стал похож. Помнишь дедушку-то, который у большой дороги жил?

— Как не помнить?... А и ты не помолодел!

— На нервах все, на обещаниях.

— Дети как?

— В университетах... американских. Твои где?

— Мои там же... преподают.

— Ай и пожирнел ты! На бабушку стал похож. Помнишь бабушку-то, которая в лавке работала?

— Как не помнить? А и ты не похудел!

— Да ведь без движения все. Сижу и говорю — вся работа.

— Отложил на черный-то день?

— Отложил в Цюрихе, в центральном банке.

— Хороший банк... То мой банк. А и полысел ты! На папу стал похож, когда он в ЦК КПСС работал. Помнишь папу-то нашего?

— Нашего папу из ЦК КПСС я не помню.

— И я нашего папу не помню.

— Ладно, хорошего понемножку. Свиделись — прощай. Нельзя нам вместе на виду — бросается, что близнецы, разговоры пойдут.

— Прощай, братка. Вот как развела нас жизнь. А ведь с одного начинали.

— Не горюй, братка. Говорят, одним и кончим.

Бестолковщина

ПУТ человек один

из окна выбросился. Конечно, пьяный, конечно, с первого этажа. Но расшибся здорово!.. хотя до земли не долетел. Зацепился штаниной за что-то, об стену сильно вдарился.

Вдарился и висит себе. А я как раз мимо шел, я всегда там мимо хожу. Ну, вижу, разбился человек вдребезги, подхожу, может, помочь чем.

Он закурить попросил. Дал ему закурить... Погода хорошая стоит, суббота. Солнце выглянуло.

Жена его в окно выглянула. Видит, висит он, не мешает никому, успокоилась.

Люди стали собираться. Тут же, конечно, районное начальство подъехало:

— По случаю чего демонстрация?.. У нас нет коренных противоречий. Скоро уж точно всего полно будет. Большая просьба — разойтись.

Народ депутатов выдвинул, те загалдели:

— Это не демонстрация. Если бы на каждом доме висело по человеку, тогда это демонстрация. А так — несчастный случай, от жены выбросился, но не разбился.

Начальство тогда посмотрело, не на той ли он штуке висит, за которую флаги цепляют, нет ли политического момента. Он не на политическом висит, они уехали.

Погода хорошая стоит, народа столпилось прорва. Женщины, конечно, плачут, дети играют. Суббота, в общем.

Кавказец один поворачивает этого пьяного, чтобы солнце его со всех сторон одинаково припекало. Ну и висит он, в небо смотрит.

Народу уже — ступить некуда. Цветы лежат у стены, пионеры караул выставили, комсомольцы кооператив открыли, двое в рясах свечи продают.

Тепло, суббота с самого утра.

Ну и, конечно, митинг начался. До мордобоя не дошло, правда... только до многопартийности. «Тигры демократии» объявились, «коммунисты-рецидивисты», «монархисты». Эти говорили, что царевич Дмитрий жив, не зарезали его. «Сексуальных меньшинств» чего-то много сразу образовалось.

Я хотел сперва в какую-нибудь партию вступить — чего делать-то? Потом смотрю — публичный дом открыли, совместное предприятие. Думаю: может, там интереснее.

Там интереснее, но там только за доллары, а за рубли дают... кисть... с краской, можешь написать чего-нибудь на заборе.

Пенсионерам бесплатно давали... без очереди. Сразу им кисть в руку — пиши что хочешь.

А вообще кто чем занимался.

Астрологи предсказывали, что завтра будет... воскресенье.

Из торговли мужик говорил, что завтра ничего уже не будет.

Концерт был. Фокусник выступал. Выходишь к нему со своим паспортом, он р-раз так руками — и фотография твоя, а напечатано уже «еврей».

Ну и ничего интересного больше.

НЛО прилетал... На тарелке так и написано — «ОМОН».

Дождь ливанул — про бога вспомнили, но он недолго шел — забыли опять.

«Мисс митинг» выбрали... по бюсту.

И ничего интересного больше.

От публичного дома часть отделилась... свой публичный дом образовали... на демократической основе.

Листовки откуда-то сбросили — «Вам здесь пудрят мозги, а за углом сахар дают!».

Кинулись некоторые за угол — никакого сахара нет... только семерых задавили.

А так ничего интересного. Милиция в наперсток играет. Интеллигенция матом ругается. А мужик сорвался давно с гвоздя, домой ушел.

Ну и все... В конце «Эротик-шоу» устроили... по-нашему. Ну, то есть на глазах у всех раздели нескольких человек... часы там сняли, кошельки.

Ничего интересного, в общем... Так как-то день пролетел... бестолково.

На рынке

На рынке подходит ко мне

какой-то тип, говорит:

— Я знаю, у вас доступ к государственным секретам. Не согласитесь ли продать Родину за хорошие деньги?

Я сперва даже не понял, переспросил:

— Родину?

Он говорит:

— Да... За хорошие деньги.

Я с презрением спрашиваю:

— Что значит — хорошие деньги?

Он говорит:

— Тысяча долларов.

Я говорю:

— Мерзавец ты!

Он:

— Тысяча двести.

Я говорю:

— Я?! Родину?!.. За тысячу двести?

Он:

— Тысяча триста.

Я рассмеялся ему в лицо, говорю:

— Это, что ли, как у вас принято — зарплата раз в неделю?

Он говорит:

— Как у вас — раз в месяц.

Я говорю:

— Мерзавец ты!

Около нас уже любопытные собрались. Многие предлагают:

— Давайте мы продадим Родину.

Но тип уперся:

— Нет. Только он.

Я вижу — все кругом чем-то торгуют: расписанием поездов, схемами оборонных объектов, режимом работы женской бани, рецептами самогона. И я... не заколебался, нет! Но удивился.

Тип тут же говорит:

— Тысяча девятьсот!.. в день.

Кругом кричат:

— Соглашайся! Соглашайся!

Рожи у всех развратные. Я думаю: «Нет! Назло им буду торговаться».

Говорю:

— Две тысячи в день!

И тип сломался:

— Согласен.

Отсчитал две тысячи, говорит:

— Скажи все-таки, почему так дорого?

Я посмотрел ему прямо в глаза и сказал:

— Потому, чужеземец, дорого, что Родина!.. самое дорогое, что у нас есть.

Диалоги у прилавка

— **П**ростите, это мне померещилось

или это у вас написано?

— Где?

— На ценнике.

— А что там написано?

— Сто рублей написано!

— Вам померещилось.

— Спасибо. А то я уже холодным потом покрылся.

Думаю: было три рубля — стало сто!

— Это не сто, это вам померещилось.

— Спасибо. А что там написано?

— Там написано семьсот.

— Не сто?

— Нет, написано семьсот.

— Семьсот за кило?!

— За «пол». За кило две тысячи.

— То есть как? Кило только в два раза больше, чем полкило.

— Это вес, а у цены же меры нет.

— Мне сорок грамм, пожалуйста.

— Мы сейчас не отпускаем.

— Почему?

— Меняем цены.

— И сколько же будет?

— Сто рублей.

— Полкило?

— Сорок грамм.

— А револьвера застрелиться у вас нет?

— Есть. Десять тысяч.

— А один раз выстрелить?

— Двести рублей, если со своим патроном.

— А с вашим?

— Шестьсот.

— У меня не хватает.

— Значит, вам не повезло — вам придется жить при этих ценах.

— Скажите, пожалуйста, вот эта лампа сколько стоит?

— Это люстра.

— Это люстра?!

— Да.

— С одним патроном всегда была лампа.

— А это люстра. Семь тысяч.

— Такая поганенькая семь тысяч?!

— Ручная работа.

— А почему штамп заводской?

— Это деталь с завода.

— Так вы что, из ворованного собираете?

— Это — коммерческая тайна.

— Такая поганенькая... Она небось и не светит.

— Светит. Светит — ослепнуть можно!

— Ну, включите... Ну, включите!

— Она включена.

— Тогда выключите... Ну и что — никакой разницы. Я же говорю: лампа и лампа.

— Это люстра! Единственный экземпляр.

— Ну, пусть люстра. За семь тысяч никто не купит.

— Да иди ты! «Не купит». Уже тридцать ламп продали.

— А вот за десять рублей — это что?

— Это?

— Да. Что это такое?

— Не знаю, вчера завезли.

— Кочерга, что ли?

— Не знаю. Может быть.

— Вряд ли. Наверное, ветки обрезать.

— Не знаю, может быть.

— Или кочерга?

— Не знаю. А вам что нужно?

— Я сам не знаю. Мне все нужно, но все дорого, а тут смотрю — божеская цена. Может, это грабли... с одним зубом?

— Не могу сказать, вчера завезли.

— Или это шторы поправлять?

— Не в курсе совсем.

— Или кочерга?

— Не знаю.

— Три штуки выпишите.

Через пять минут с другим покупателем.

— Простите, это что у вас за тысячу триста?

— А вы не видите?.. Это «Универсал-92»-кочерга, обрезать ветки и грабли поправлять шторы.

— Красавец, почему рубашка?

— Восемьсот.

— Да подавись ты, урод!

— Молодой человек, почему ветчина?

— Тысяча за килограмм, бабуся.

— Килограмм-то мне не съесть. Мне граммов двести.

— За двести граммов — двести рублей.

— Милый ты мой, как же?! За двести граммов — двести рублей?!

— Да.

— Сколько же тогда килограмм стоит?

— Тысячу рублей.

— Ой-ей-ей, господи светы! Ну, мне граммов сто отрежьте.

— Пожалуйста. Вот сто граммов вам.

— Спасибо, сынок. Дай бог тебе здоровья, а то уж совсем деваться некуда, грабеж кругом. Сколько с меня?

— Сто рублей.

— За сто граммов?!

— Да.

— Сколько же тогда килограмм стоит?

— Тысяча!

— Сказали — только в два раза подорожает.

— Вот кто сказал, тот пусть и доплачивает.

— Ты не сердись, сынок. Уж у меня голова-то не соображает. Беру я, беру. Ты не сердись. Заверни мне. Сто граммов здесь?

— Да.

— Ну спаси тебя бог, оборони от беды, хороший ты человек. Сколько с меня окончательно?

— Сто рублей.

— Видишь — без крика-то сразу все понятно. Сто граммов — сто рублей... Господи! Сколько же тогда килограмм стоит?!

— Скажите, пожалуйста, а что вот эта шуба...

— Вы поинтересоваться или купить?

— А что, я не похож на человека, который может купить?.. Я что!! не похож на человека, который может купить?!!

— Какая шуба?

— Вот эта!

— Вот эта за четыреста тысяч?

— Нет, левее.

— Эта?.. За триста тысяч?

— Я же сказал: левее.

— Левее это пальто.

— А я что сказал?

— Вы сказали: шуба.

— Я сказал: левее.

— Левее пальто, двести тысяч.

— Еще левее.

— За сто?.. Или еще левее?

— Левее.

— Левее нету ничего.

— Да вот же, вот же — левее.

— Это плащ!

— Да не этот, идиот! Левее!

— Этот за десять тысяч?

— Да. Дошло наконец?

— Это рабочий халат.

— Я вижу. На меху он?

— Нет.

— Тогда не надо.

— Простите, а вот в иностранной упаковке, в тубике что это?

— Питание.

— Не пробовали?

— Как не пробовали! Отличная вещь. Только ею и питаемся.

— А сколько здесь порций?

— Если по чайной ложке, то четыре. Чайную ложку на стакан кипятка — весь день сыт и работаешь, как лошадь. Они же все для людей делают.

— И сколько стоит?

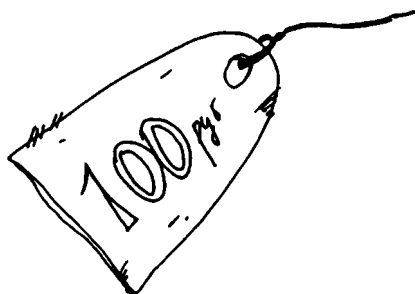
— Триста. Пока достанешь, пока доставишь, всем платить надо.

— А подешевле нельзя?

— Нет, никак.

— Очень уж дорого!

— Еще бы! Это же — гуманитарная помощь.

Вашу мать!

(народная драма в двух действиях)

Действующие лица:

Народ,
КПСС,
КГБ } — защитники народа.

Чип и Дейл,

Феня — независимая журналистка,

Социализм,
Марксизм,
Коммунизм } — призраки

Чикатило,
Янаев } — сексуальные маньяки.

Аллан или Воланд — чумак второго поколения, заряжает на расстоянии ружья.

Лион — человек с целебной слюной, мочой и перхотью.

Егор ибн Кузьмич — магистр Красной магии,

Брежнев — выдающийся русский писатель,

Берия — великий русский патологоанатом,

Горбачев — лектор-международник.

Эльцин Борух Мордухаевич — крестьянин села «Большие кибуцы» Екатеринбургской области,

Петр Петрович — бывший полковник КГБ, ныне генерал МБР,

Нишанов — герой узбекского эпоса,

Хасбулатов — чеченец,

Шварценеггер,
Сталлоне, } — деятели отечественной культуры.
Майкл Джексон

Бандиты, экономисты, стукачи, упыри, вурдалаки, депутаты в законе, дуры, дураки, дуроломы, генералы и адмиралы, засранцы и зассанцы, враги народа и неблагоприятные погодные условия.

В спектакле заняты:

Группа валютных нищих,

Ансамбль песни и пляски участников обороны Белого дома,

Рок-ансамбли: «Менингит», «Налей скорей» и «Ху-ху не хо-хо-92».

Действие первое

На сцене Россия. Народ ищет на Красной площади правду, но видит только смену караула. Постепенно очередь в мавзолей превращается в барахолку. Продают все: жвачку, государственные секреты, Курильские острова. Из книг: «Анжелика в СНГ», «Русские народные сказки и конституции», «Секс. Позиции коммунистов и демократов», «Султан в гареме», «Ленин в шалаше», «ГКЧП в Матросской Тишине». Из сувениров — бревно, которое носил по Кремлю вождь пролетариата. Здесь же выездной секс-магазин с товарами отечественного производства: мышеловки, противогазы. Для тех, кто не в состоянии содержать жену, продается разных размеров надувной Гайдар. Из возбуждающих средств — аппликатор Кузнецова, из противозачаточных — автомат Калашникова.

Действие второе

Среди ясного неба гремит гром, сверху спускается Господь Бог.

БОГ. Вашу мать! Разве люди живут так?

ГОЛОС ИЗ ТОЛПЫ. Молчи, сучок. Мы к рынку переходим.

Занавес

-4 то с культурой?

- С культурой плохо.
- Ё-п-р-с-т!
- Нравственность падает.
- Да ты что?! Ах ты бёныты!
- Упала уже.
- Да твою мать! Да как же так?
- Не поднять уже нравственность.
- Нет, я падлой буду, в натуре, я нравственность подниму. Даю три миллиарда.
- Бугор Иваныч, ты — человек! А то уже дошли — стреляют на улицах.
- Вчера?
- Всегда.
- Вчера не мы.
- Вчера не вы, а позавчера...
- Даю четыре миллиарда.
- Бугор Иваныч, о тебе песню сложат. Наркотики уже повсю ходят.
- В Москве?
- Везде.
- В Москве не мы.
- В Москве не вы, а в Санкт-Петербурге...
- Даю шесть миллиардов.
- Бугор Иваныч, на шесть миллиардов мы фильм снимем, будем его в кино показывать. И, Бугор Иваныч, фильм не коммерческий про проституток, а элитарный.
- Про кого?
- Про пидарасов. Ты будешь в главной роли.
- Даю десять миллиардов!
- Бугор Иваныч! За десять мы тебе памятник поставим в центре Москвы!

- Не надо.
- При жизни, Бугор Иваныч! Памятник от интеллигенции.
- Не надо, я сказал.
- Надо! В полный рост памятник!
- Не надо, сука! Я в розыске.

Богатые тоже плачут

Первая серия

В богатую русскую семью

(мать — участковый врач, отец — участковый) приходит горе. Их дочь Машу, учительницу младших классов, на одном из уроков посылают четыре раза к бабушке, пять раз к матери, девять раз «в» и семь раз «на».

Маша не знает, куда ей идти, она забывает дорогу домой.

Тем временем жених Маши, богач Миша... временно безработный, попадает под асфальтовый каток.

Водитель катка... сирота Герасим... малорослый, золотушный, немой парень из глухой деревни, не видел Мишу. Он и не мог видеть его — Герасим слеп от рождения.

Вторая серия

Маша, потерянная, простоволосая, бродит возле банка «МЕНАТЕП». Ее замечает бывший фальшивомонетчик и сутенер, ныне депутат горсовета, сирота Альберт.

Альберт приглашает Машу на митинг сексуальных меньшинств.

Тем временем Миша лежит в больнице на операционном столе. Идет консилиум. Рак?.. Диатез?.. Рентген показывает — импотенция, анализы говорят — облысение.

Консилиум заходит в тупик. Мишу на время отправляют в морг.

Третья серия

На митинге сексуальных меньшинств Маша знакомится с художником Однопоповым.

В мастерской художника Маша становится свидетельницей раскрепощенной любви. Она и не знала, что можно так любить! И так, и эдак, и звон как!

В это время Миша бежит из морга. Еще метров сто, и он встретится с Машей!.. Но на улице Победы на Мишу с шестого этажа падает участник Великой Отечественной войны Василий Теркин. Нечего есть герою-богачу, вот он и выбросился в окно.

Четвертая серия

Прошел месяц. Старый добрый хирург Илья Абрамович склонился над Мишей — неправильно срослись кости, придется снова ломать.

Илья Абрамович тянется к кувалде... Где же она?

Богачка-медсестра Зина минуту назад отнесла на барахолку последний скальпель, последнюю кувалду, последние анализы больных.

Все это время Маша подрабатывает на демонстрациях. У нее два плаката: «Да здравствует президент!» и «Ельцин — пьяница!»

Пятая серия

Прошел год. Миша, инвалид третьей степени, выполняет из больницы. На радостях, что остался жив, Миша выпивает стакан спирта «Рояль»... и становится инвалидом первой степени.

Ревет сирена «Скорой помощи». Но это везут не Мишу, а Машу. На одной из демонстраций она перепутала плакаты.

Шестая серия

Психиатрическая лечебница. В фойе у телевизора Миша и Маша, в телевизоре — Кашпировский. Он считает по памяти до тридцати.

Борис Николаевич... Наполеон, главный шизофреник больницы, торжественно обещает, что к двухтысячному году поправятся все психи!.. все сто сорок восемь миллионов.

— **Н** у, довели Россию!

- Успокойтесь.
- Ну, паразиты!
- Перестаньте.
- Ну, твари!
- Тихо, тихо.
- Ну, коммунисты!
- Это — демократы.
- Ну, ящеры!
- Это — демократы.
- Ну, колдуны!
- А что случилось?
- Цены-то!
- Ничего, потерпим.
- Потерпим? Проститутку снять уже сто долларов!
- Как сто долларов?! Ну, колдуны! Ну, твари! Ну, довели Россию!

Давно не виделись

— О-ой, подруга моя дорогая!

- Моя ж ты подруга милая! Как ты живёшь?
- У нас молоко по десять, кефир по одиннадцать.
- У нас молоко девять, кефир одиннадцать
- Буханка — пять, батон — шесть.
- У нас буханка — пять пятьдесят, батон — шесть двадцать. Кофточка идёт тебе.
- Спасибо. У нас яйца — двенадцать.
- У нас яйца — тринадцать.
- Говядина — восемьдесят, свинина — семьдесят. Хорошо выглядишь.
- Да где? Говядина — семьдесят, свинина — восемьдесят.
- Сыр — девяносто, колбаса — сто.
- У нас сыр — девяносто пять, колбаса — сто десять.
- У нас мужик сволочь.
- У нас мужик не поймёшь что. Зелень — три — пучок.
- У нас зелень — четыре — пучок.
- О-ой, пошла я, пора мне.
- Иди, иди. Душу хоть отвели.
- Правда что, легче стало.

ГОЛОС СОВЕСТИ

— **У** тебя десять миллиардов,

подай нищему-то. Не проходи мимо. Куда тебе, к черту, столько денег? Надо добрые дела делать. Вон тому подай без рук, без ног.

— И подам. Что мне жалко? Вон он — без рук, без ног. Небось у него детей куча. Почему это у нищих всегда детей много?

— Ты не рассуждай. Ты подай.

— И подам.

— И подай!

— И подам. Миллион подам.

— Молодец! Ты — просто молодец будешь. А заметил, как у тебя уже хорошо на душе стало? Как будто росой умылся, да?

— Да, умылся. Нищий домой придет, жена спросит: «Сколько насобирал?» А он ей: «Миллион!» Она хлоп башкой об пол, и поминай как звали.

— Ну, поменьше дай.

— И дам.

— И дай. Не жмись.

— А кто жмется? Восемьсот дам.

— Молодец!

— Надо только как-то так положить, чтобы никто не заметил, а то отнимут. Придет домой, жена: «Сколько насобирал?» Он: «Ничего. Всё отняли». Она хлоп башкой об пол, и поминай как звали.

— Ну ты хоть сколько подай.

— И подам.

— И подай.

— И подам. О чем речь?.. Сколько — вот вопрос. Пятьдесят тысяч отнимут. Десять тысяч не отнимут.

— Молодец!.. Ну, клади десять тысяч, и пошли.. Клади. Это правильно — никто не тронет его.

— Его нет, а меня тронут. Если по десять подает, сколько же у него?.. Выследят и грохнут.

— Так ты, сволочь, совсем ничего не подашь?

— Почему не подам? Подам.

— И подай.

— И подам. Интересно, сколько ему подают?.. Сто рублей... двести. У меня таких денег нет. На нет и суда нет.

— Ну ты сволочь.

— Как я подам то, чего у меня нет?!

— Ну ты и гнида!

— погоди — он смотрит на меня. Думает: хотел подать и не подал. Нехорошо получилось.

— Молодец! И что ты сделаешь?

— А я вот что сделаю — я сяду рядом, тоже буду просить. «Подайте Христа ради кто сколько может!»

— Смотри — калека этот тебе хочет подать. Не вздумай взять.

— Никогда!

— Не вздумай взять!

— Никогда! Спасибо, не надо. Спасибо, не надо. Спасибо... Сколько он дал-то?.. Пять тысяч.

— Ну ты и сука!

— Ну, сука и что?.. Я же не для себя взял, для него. Чтобы он как будто росой умылся. Придет домой, жена: «Сколько насобирал?» А он: «Я сам сегодня подал».

— Молодец!

— Какой есть.

— Мо-ло-дец!

— Ну, всё, всё. Пошли домой.

— **В**ы не имеете права!

— Кто?

— Я буду жаловаться!

— Куда?

— Я управу найду!

— Где?

— Я — человек!

— Молчи, козел.

Из записной книжки

Почти знакомый лозунг —

«Догнать и перегнать наиболее слаборазвитые страны капитализма!».

Политически безграмотные люди... абсолютно безграмотные говорят: монархия, коммунизм, демократия в России друг от друга не отличаются.

Это глупость! Различия есть. Нужно только их лучше искать.

Раньше любили, гордились кем-нибудь из вождей. Сейчас тоска.

Замкнутый круг. Ну полно будет магнитофонов, автомобилей, компьютеров, так тогда надо будет ввозить лес, пеньку, нефть, меха.

В первые годы социализма воровали здорово!.. Не то что при царизме, но слабее, чем при развитом социализме.

При развитом социализме воровали мощно! без оглядки!.. но меньше, чем при строительстве коммунизма.

При строительстве коммунизма воровали под ноль!.. но что-то все-таки оставалось.

Сейчас строим демократию — не остается даже пыли. Вот как воруют!

А ведь нам еще строить развитую демократию. Что же будут воровать наши дети?

Народ к лидерам теперь относится настороженно. На всякий случай сразу выискивает недостатки:

— Ну и морда! Глаза маленькие, уши растопырил...
Пьет, наверное, как лошадь.

Не везет с погодой, обувью, зубами... вожжами.

Насчет борьбы за существование. Дарвин забыл сказать: «Важно, в каких условиях идет борьба». У нас, например, оказалось, что маргарин сильнее осетрины, он выжил.

Милосердие, наверное, оттого у нас плохо прививается, что всякому каждый раз по привычке думается: «А что ж мне с этого удастся урвать?»

К истокам наших национальных проблем. Солдатик в Карачаево-Черкессии принимает присягу на верность Еврейской автономной области.

Новая жизнь — новые пункты в анкете: Где привороживаете? Чем приторговываете? Как надеетесь выжить?

Сегодняшняя семья: бабушка-колдунья, дедушка-юродивый, мать-гадалка, отец-хиромант, внучка — ушустка, зять — секретарь какой-нибудь партии.

- Спасение России в реформах!
- Опомнитесь. Спасение России в революции!
- В реформах!
- В революции!
- Подайте Христа ради.
- Помогите больному, убогому.
- Я повторяю: спасение России в реформах!
- А я вам говорю: в революции!

Политическая борьба. У нас она понимается именно как борьба — с приемами болевыми, удушающими, обманами, захватами, зацепами, подножками.

А «политическая» значит, что приемы есть, но правил нету. Никаких.

Загадка. В какой стране живет человек, если завещание его меняется следующим образом: «Похоронить меня

в дубовом гробу!.. в сосновом... липовом... в целлофановом пакете».

Мы чрезмерно привержены изжившим себя мудростям. Например — «сила есть, ума не надо».

Все так и говорят: «Нам нужна сильная исполнительная власть, сильная президентская власть, сильная законодательная власть!»

А нам давно уже нужна умная власть.

Сегодня должна была состояться передача власти народу... Не состоялась. Сегодня передачи не принимали.

Главное — кумиров больше не создавать. Нахлебались с Лениным, Сталиным, Брежневым. Отбросили это все! Спасибо Ельцину!

А то прямо не люди, а иконы. А Ельцин, дай бог ему здоровья, сказал: хватит! Не знаю, что бы мы без него делали. А он одним махом! Надежда наша! За него и головой не жалко рискнуть. Счастья ему, любви, денег побольше.

Ельцин жил! Ельцин жив! Ельцин будет жить!

Цены растут, как чужие дети. Думаешь, что он еще в яслях, а он уже давно в тюрьме.

В феодальном государстве лучше всех жили феодалы.

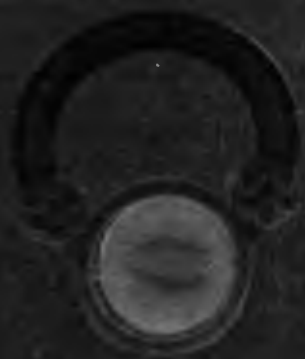
В капиталистическом государстве лучше всех живут капиталисты.

Если у нас лучше всех живут проститутки, то в каком государстве мы живем?

Раздел V

Смешная ЖИЗНЬ

Смешная жизнь

В раздел вошли юмористические

рассказы разных лет. Дело в том, что в то время, как писались разделы первый, второй, третий и четвертый, жить было не только грустно, но и смешно.

Розыгрыши

Первого апреля разыграли меня

здорово. Говорят: «У вас сзади брюки порваны — хвост торчит».

Я еще засомневался сперва: «Какой хвост-то?» А потом поверил все-таки. Вертелся, вертелся — смеху было.

Второго апреля думаю: «Ну все, слава богу, позади день смеха». Тут звонок в дверь. Пляжу в глазок — трое амбалов стоят в кирзовых сапогах... с цепями, гаечными ключами.

Спрашиваю:

— Чего?

Они:

— Вам денежный перевод.

Я еще засомневался сперва, думаю: «Откуда вдруг?» Но очень у меня тогда с деньгами плохо было. Сейчас-то еще хуже. В общем, я открыл дверь

Когда сознание вернулось тридцатого апреля, я понял, что разыграли опять. Унести ничего не унесли, из одежды кой-чего что на мне было.

Зато, думаю, слава богу, апрель кончился. Что-то я апрель не очень люблю. Забыл обо всем грустном. Впереди Первомай. И еще я по бюллетеню деньги получил, иду по улице, вижу — банк повышенной надежности. Написано: «Если сегодня сдадите рубль, то завтра получите миллион».

Я еще засомневался сперва, потом смотрю — батюшки! Народу кругом тьма-тьмой. Думаю: «Не может быть, чтобы в одном городе в одно время жило сразу столько дураков». И быстрее всех — р-раз — и сдал все деньги. Банк тут же сгорел.

И тогда я сказал себе: «Больше никому не верь!» И пошел домой. Там саперы:

— У вас в подъезде бомба! Быстро за документами и эвакуируйтесь! Деньги и драгоценности можете оставить на месте. И без паники, через три часа можно возвращаться.

Я еще засомневался сперва — один из саперов очень похож был на того, кто денежный перевод приносил. Но вижу, с ними собака рядом. Они ей все:

— Жучка, Жучка, ищи.

В общем, разыграли целый подъезд. И у меня после этого нервы сдали. Дергаться стал во сне. Ну что, совсем уже верить некому.

Нашел по объявлению целителя.

Говорю:

— Диплом покажи.

Он сразу три диплома вытащил. В одном написано, что его слюна вызывает у всех аппетит, в другом, что его перхоть убивает грибок, а его грибок убивает все остальное, в третьем — что у него моча с витаминами А, В и С.

Я еще засомневался сперва. А он уже все свое целебное в одной баночке смешал, говорит:

— Три раза в день.

— Сколько дней?

Он говорит:

— Сколько протянете.

Я два дня протянул. Во время агонии приходят двое.

— Зачем вам помирать одному в двухкомнатной? Давайте обменяемся. Мы доплатим, как раз вам на гроб и хватит.

Я говорю:

— Жулики вы все, я вас теперь насквозь вижу. Ничего я не подпишу без нотариуса.

Тут входит еще один человек, говорит:

— Ой! Извините, у вас дверь была открыта, а я квартиры перепутал, ваша восьмая, а мне нужна четыреста сорок четвертая. А вообще я — нотариус. Если что, могу заверить любой документ.

И заверил. Я пошел по новому адресу: Красная площадь, квартира один.

Что еще рассказывать? Вчера приятель мой, доктор наук, профессор, тоже бомж, говорит:

— Бежим, облава.

Разыграть хотел... Конечно, я остался на месте.

В предвариловке сижу вместе с вьетнамцами. Они то ли скупили все, что нам самим позарез, то ли еще что. Короче, выдворяют их восвояси в двадцать четыре часа.

Я-то рыжий сам, два метра ростом, глаза голубые, каждый с блюдце. Меня с вьетнамцем даже в спешке не спутаешь. Правда, сержант с утра смотрел, смотрел на меня, потом говорит:

— Доигрался, косоглазый!

И как-то я засомневался: русский ли я, в России ли живу... вообще — живу или все это мне снится. Но сегодня же первое апреля, посмотрим, что завтра будет.

Доклад о состоянии преступности в стране

Раз существует Министерство

внутренних дел, значит, существует и преступность!.. Твою мать! Раз существует преступность, значит, существует и Министерство внутренних дел.

Сейчас в среднем по стране опасно выходить на улицу без пятнадцати восемь.

В среднем. В крупных городах опасно выходить без двадцати восемь без оружия. А в мелких и в деревнях лучше с оружием, но сидеть дома.

Преступность сейчас удалось стабилизировать. Даже когда перевели время на час и думали, что будет опасно выходить с без пятнадцати девять, грабить продолжают с без пятнадцати восемь. Это хорошо.

Заметно удалось сбить рост старческой преступности, особенно по статьям: изнасилование в изощренной форме и изнасилование в форме, принятой повсеместно.

Особое дело — детская беспризорная преступность и организованная преступность в высших эшелонах власти. У нас это идет по одной графе, потому что ни те ни другие за себя не отвечают. Графа называется «Сукины дети».

Бывают ли нераскрываемые преступления? Честно скажу, бывают. Вот случай. Один высокопоставленный чиновник теряет большую сумму казенных денег. Недалеко, кстати, от нашего министерства. Что сразу смутило? Деньги он теряет в Москве, а нашли их в Цюрихе. Потерял он на улице, а нашли их в банке. Уцепиться не за что.

Но бывает наоборот. Наши специалисты находят выход даже в безденежных ситуациях. Твою мать! «В безденежных ситуациях».

Был случай. Идет собрание воров в законе. Сход по-ихнему, по-нашему съезд. Выступает депутат городской думы. Выстрел. Труп вывозят, сбрасывают с самолета над глухой тайгой. Мы находим на следующий день. Недалеко, кстати, от нашего министерства. Рост, возраст, пол не совпадают. Мы доказали, что это — депутат.

Работаем в тяжелейших условиях. Был случай — в упор среди бела дня застрелили одного банкира. Киллера схватили на месте. Он говорит:

— Это заказное убийство.

Конечно, его отпустили — все равно они все нераскрываемые, нет доказательств.

То есть знаем кто, когда, где, имеем отпечатки пальцев, съемки скрытой камерой свидетелей — доказать ничего не можем. Знаем, куда ведут нити — наверх. Знаем к кому! По именам! Вы их тоже всех хорошо знаете!

Ельцин Борис Николаевич сказал: давайте доказательства. Доказательств нету.

Короче, одним нам в борьбе с преступностью не справиться, нужна помощь населения.

Несколько примеров. Зубов Алексей Васильевич, царствие ему небесное, минуту постоял у стенда «Их разыскивает милиция», поворачивается — они все здесь. С ним плохо — разрыв сердца.

Кукова Тамара Михайловна, царствие ей небесное, увидела, как ночью две тени кавказской национальности лезут в магазин, позвонила нам. Через три секунды они там даже тронуть ничего не успели, потому что мы как снег на голову. Взять никого не взяли, они ушли подземным ходом. Он там должен быть, пока обнаружить его не удалось.

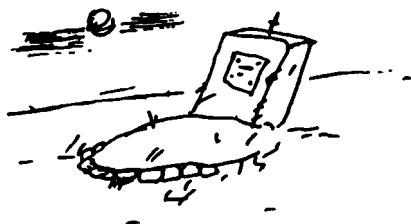
Сергеев Сергей Сергеевич, царствие ему небесное, проявил гражданское мужество, сразу позвонил в милицию, как только узнал, что у него угнали машину. Посмертно награжден именными часами.

Коллективный подвиг совершили Егорушкин Тимофей Абрамович, царствие небесное, Абрамушкин Егор Тимофеевич, царствие небесное, Тимофеюшкин Тимофей Егорович, царствие небесное, всего двадцать человек. Пытались на рынке вернуть продавцам гнилой товар.

Без населения мы как без рук! Мы просим всех!.. земля вам всем пухом, помогите!!

И еще обращаемся к спонсорам. Без спонсоров мы как без головы. Радиотелефоны нужны, автомобили, оружие — мы без них как без ног.

А без головы, без рук, без ног чем остается работать?.. А больше нечем. Но отсюда и од-ное... одноб... одним... Твою мать! Отсюда и одно — е-менные... Отсюда и одноименные результаты!

Последнее интервью

-3 *Здравствуйте.*

— Здравствуй.

— Центральное телевидение.

— О-о! Телевидение?! Очень приятно.

— Представьтесь, пожалуйста.

— Сидоров Иван Сергеевич.

— Очень приятно. Ну что, Иван Сергеевич, завтра на выборы?

— Завтра?

— Да.

— Серьезно? Хорошо сказал, а то я замотался тут — третий месяц без зарплаты. Пойдем все! Обязательно. Как один! И сами, и шурин с женой... Куда выборы?

— Как — куда? В Государственную Думу.

— О-о! В Думу?! Серьезно?! Вот это новость! Приятная. Молодец, слушай. Спасибо тебе — все знаешь. А я, видишь, немного замотался... квартиру ограбили год назад, никак на ноги не встанем. Тут шурин еще. Значит, у нас теперь будет Дума.

— Как будет? Она уже давно есть.

— Есть?! О-о! Вот это ты обрадовал, вот это праздник прямо. Надо же! А я замотался немного. Картошка в этом году не очень, а тут шурин — беженец с женой, сестра мне... четверо ребят с ними. Ну куда их?.. Принял. Ага, значит, есть уже Дума. Здорово! Теперь пойдут дела!

— Реформы.

— Чего?

— Реформы пойдут.

— Реформы?

— Да. У нас сейчас реформы идут.

— Да ты что? Серьезно? О-о-о! Вот это да! Это — новость! Хорошо, что сказал... а то шурин появился с семь-

ей, ничего не знают, что реформы идут. Ну куда их? Он без работы, она — инвалид, ни кола ни двора. Но сейчас проголосуем — сразу почувствуются перемены!

— А вы до сих пор не почувствовали?

— Мы?

— Вы.

— Ну почему? Я ж говорю шурин-беженец, сестра-инвалид, сам замотался немного. Пойду обрадую их. Завтра все выйдем на выборы с утра прямо с самого!.. может, к вечеру. Не забыть сказать-то.

Диалог хозяйки с мужьей зарплатой

-Я ви-илась не запылилась. Ах ты,

гадина! Ах ты, дрянь! Что ж ты творишь, а?

— Чего?

— Ничего, да? Месяцами дома нету — ничего?! Ах ты, тварь беспутная! Ах ты, сучья дочь! Где тебя носит? Что тебе дома не сидится? Ты взгляни на себя — греху вцепиться не во что.

— Какая есть. Я что, нарочно такая?

— Лечись! Проверься сходи. Может, застудила что, может, глисты.

— Ха-а! Скажет тоже. У всех глисты, что ли?

— Ты мне про всех не говори, ты за себя отвечай. Где была-то?

— Где была, там меня уже нету.

— Да тебя нигде нету! Розыск объявили. А кто тебя сейчас опознает? Видим два раза в год.

— Будешь ругаться, вообще не приду никогда.

— Как — никогда?! А кто ругается? Я просто говорю... Господи, чего я такого сказала-то? Наоборот, спасибо, что пришла, всегда тебе рады все... дети особенно.

— А про глистов?

— Каких глистов? Будет тебе — послышалось. Да ты отдыхай, располагайся. Хорошо выглядишь, ей-богу!

— Кто?

— Ты. Поджарая такая стала, верткая — никак тебя нехватишь, любо-дорого смотреть. Отдыхай. Я только на пять минут выйду — долги раздать, купить что-нибудь — и тут же назад. Дождись меня, хорошо?.. Обещаешь?.. Ей-богу? Я мигом!.. Нет, все-таки у ей глисты.

Н а оптовом рынке нашли с женой

такие дешевые сосиски!.. что не посмотрели на срок годности.

Съели штук по восемь — сильное расстройство желудка с последующим осложнением на мозг... на мой.

Ночью снится, что палатка эта горит синим пламенем, а соседним ничего.

Утром кое-как встал, чек у меня остался, поехал на рынок — палатки нет... сгорела дотла, соседним ничего.

Порадовался, поехал домой. Возле дома сосед с корзиной. Спрашивает:

— Ты когда, козел, долг отдашь?

Спросил и пошел куда-то. Я жене рассказал — деньги у нас есть, просто мы не любим возвращать. Она давай пилить:

— Что ты идешь не смотришь, кто тебе навстречу?! Заметил бы его и в сторону. Идет — никогда не смотрит, кто ему навстречу. Идешь — смотри по сторонам. Что ты идешь не смотришь?.. Мало ли что! Вот идет не смотрит. Ты смотри, когда идешь.

Ночью снится: жена что-то хочет сказать, а не может. И тут звонок. Соседка вся в слезах — муж, которому мы должны, поехал в лес за грибами — уже месяц нет его. Такой сон неплохой.

Утром встал, жена уже на кухне пироги печет. Говорю ей:

— Доброе утро.

Она:

— Что же ты идешь, никогда не смотришь, кто тебе навстречу? Идешь — смотри по сторонам, мало ли что.

И хотела попробовать первый пирог, но промахнулась — так дала по языку! А зубы острые... Замолчала на две недели.

И тут звонок. Соседка вся в слезах — муж пропал. Потом выяснилось — заблудился в Сокольниках, месяц не мог выйти.

И все равно я не насторожился насчет своих снов.

И только когда получил приглашение в налоговую инспекцию — весь день мы с женой не ели... и все равно рвало нас — невозможно же жить в России! Только когда лег и мне приснилось, что инспекцию решила проверить Генеральная прокуратура, только когда утром явился в инспекцию, а мне сказали: «Нам не до жуликов, нас проверяет Генеральная прокуратура», — только тогда я понял, что стал ясновидцем. То есть благодаря жуликам обеспечил себе до конца дней райскую жизнь.

В первую же ночь приснилось, что жена стала «Мисс Вселенная», что в квартиру нам каждый месяц кто-то подбрасывает по миллиону долларов и что все соседи у нас в долгах.

Утром с женой взяли все деньги и в супермаркет, набрали: коньяку, осетрины, икры. На радостях не посмотрели на срок годности — сильно вдарило по мозгам с последующим осложнением на кишки... на мои.

Снится только запор, но сны не сбываются.

Трудно пока жить в России — очень много жуликов.

- **Т**риш, ребята не звонили?

- Спи больше! Отвез уж в роддом.
- Николай звонил?
- Кто же еще?.. Сказали: с минуты на минуту родит.
- Мальчика, девочку?
- Хоть кого. Мальчик проглядывался в рентген-то.
- Как решили назвать, ничего не говорили?
- Их дело.
- Подсказать надо. Павлик — вот хорошее имя.
- Несешь не знаешь чего. «Павлик хорошее». Отца продаст и самого зарежут.
- Гос-споди!.. Володей можно.
- Кого?! Того еще не схоронили, этот уже к власти рвется.
- Вообще-то мне Сережа нравится.
- Ничего... погоди! А Мавроди как звали?.. Проходи-мец вырастет, отца-мать продаст, не то что нас с тобой.
- Мишей, может?
- О-о! Сказанула. Мишей. Отдохнуть поедет, тут же подсилят на работе.
- А Егор не нравится тебе?
- Дразнить будут.
- Как?
- Гайдар.
- Что ж теперь?.. Как ни кинь, везде клин. Довели до чего, ребенка никак нельзя назвать... Борей если?
- У него отец — Николай.
- И что?
- И что получится, когда вырастет?.. Борис Николаевич.
- Господи, помоги, надоумь. Прямо в голове все помешалось.

— Мать. Может, Александр?.. Андрей?.. Адольф?..
Тьфу! Твою бога в душу! Звонят, сними трубку.

— Алле... Коля?.. Ну что? Три кило?.. Сама как?.. К
нам заедешь?.. Ждем тебя... Ну, отец, все хорошо, слава
богу — девочка.

Член-корреспондент

Интеллигенты вымрут. Сосед у меня —

член-корреспондент. Говорит, что русский. Я сомневаюсь, но я не суеверный.

Пристроил его в ресторан швейцаром. Что делает этот член, он же корреспондент?.. Не пускает в зал проституток. Ну чего? Стрельба началась, он чуть пулю не схлопотал.

— Лучше, — говорит, — я буду мусор убирать.

— Хорошо! День работаешь, неделю отдыхаешь — десять тысяч долларов в месяц. Но, конечно, убирать не только мусоров, а кого скажут.

Он опять:

— Нет! Не могу! Нет ли работы с детьми? Я детей очень люблю

— Есть! Будешь школьникам толкать наркотики.

— Нет! Не могу! Нет ли еще чего, а то есть хочется. Может, что-то с иностранцами, я языки знаю, в валютах разбираюсь.

— Хорошо!.. Хорошо, будешь работать в «Интуристе», валютным путаном.

— Нет!!! Не могу!

Видишь, ничего не могут, а жить хотят. Вымрут они... конечно.

Сосед надо мной евроремонт делает.

Сверлят с пяти утра до четырех ночи. Я к нему поднялся, говорю:

— У тебя совесть есть?

Он говорит:

— Совести... нету.

Ах, нету! Я — в милицию. Там говорят:

— Ты чего, законов не знаешь? Он тебе дуло в ухо вставляет, мы не можем вмешаться. Вот когда выстрелит, тогда приходи.

Возвращаюсь домой в трамвае, старушка входит, маленькая, сухонькая. Я ей место уступил. И вдруг она говорит... человеческим голосом.

— Вижу, беда с тобой приключилась, добрый молодец. Так и быть, помогу твоему горю. У меня сын — бандит, по четвергам трезвый, обратись к нему.

Я в четверг надел все чистое, пришел. Бандит сразу принял, усадил, выслушал, говорит: стоит столько-то.

Домой вернулся — тихо! Думал: не к себе попал. Через пять минут сосед спускается. Где-то он лицом обо что-то ударился, но довольный! Говорит:

— Я ремонт закончил.

Я говорю:

— Поздравляю.

Он:

— Можно мне идти?

Я говорю:

— Можно.

Теперь мы с женой живем в полной нищете — только самое необходимое, остальное все откладываем для заступников. Хочется немного пожить по-человечески. Лучше в нищете, но по-человечески.

Недавно зашел в магазин — взять полкило колбасы по тридцать тысяч старыми за килограмм. Продавщица взвесила полкило, говорит:

— Шестьдесят тысяч двадцать семь рублей.

И глаза наглые такие... один желтый, другой зеленый. Морда красная вся, зубы черные, ушей никаких нет.

Я бандитам отнес, что скопили за полгода. Вечером звонок — продавщица. Говорит:

— Я забыла совсем! Вы же у нас сегодня были юбилейным покупателем! Вот вам корзина с прожиточным минимумом. Можно, я зайду?

Глаза озорные, веселые! Уши маленькие... симпатичная такая. Говорю:

— Можно, можно.

Но тут жена подлетела, говорит:

— Нельзя, мы спать ложимся.

А когда сын начал двойки приносить? Вроде и жаловаться не на кого. Пятью пять у него — четыре. То есть способный, но невнимательный.

Что делать? Надел все чистое... сходил. Второй месяц одни пятерки... читать только разучился.

А недавно вообще! Не знаю даже, рассказывать, нет... Ну, у нас с женой на хорошие вещи денег нету, только на яркие. И на улице один принял ее за проститутку. Я заступился — он без трех зубов, я без двух. А он сам из Америки, дядя у него в конгрессе. И он мне говорит:

— Все, ты — покойник!

Вечером по радио передают:

— Шестой флот США снялся с места... во главе с авианосцем.

Я скорее мыться!.. Может, они адмирала поставили на счетчик, может, еще что. Но только утром передают:

— По уточненным данным, Шестой флот США направляется с дружеским визитом... к берегам Ирака.

А на днях приятель зашел, белорус. Говорит:

— Вот бы нам с Россией объединиться.

Я говорю:

— Обещать ничего не могу, но поговорю кое с кем.

Скоро должен пойти слух насчет объединения.

Волшебники живут рядом! Если с ними дружить, то кругом — беспредел, а ты живешь в правовом государстве.

Ужасы секса

Самое неприятное — это рассказывать

что-то тупым. Они пугаются не там, где надо, смеются ни к селу ни к городу и, главное, — очень скоро на тебя начинают смотреть, как на тупого.

К нормальным людям зайдешь, скажешь:

— Вчера фильм видел, триллер «Укус мертвеца».

Сразу интерес какой-то живой, стол накроют, выпить нальют. А на днях к тупым попал. Говорю:

— Недавно фильм видел американский «Ужасы секса».

Никто даже ухом не повел. Хозяйка — споко-ойная такая женщина — говорит:

— А что страшного-то может быть?

Я говорю:

— Это же не наш секс. Нашего что пугаться? Наш — вскрикнуть не успеешь, уже нет его. А это — американский! Там безобразие на безобразии.

Думаю: «Сейчас у них глаза загорятся — стол, может, накроют».

Хозяин — тоже споко-ойный такой — говорит... минут через пять:

— Если безобразие, не надо смотреть.

И я понял, что к тупым попал. А они поняли, что к ним тупой пришел. Тогда я пошел ва-банк, говорю:

— Закручено лихо! Она привязала его к спинке кровати, к ножкам электричество подвела. Сама за люстру уцепилась, над кроватью раскачивается.

Минут через десять хозяин говорит:

— Зимой было дело?

— Почему зимой?

— А зачем электричество к кровати?

— А при чем здесь электричество?

— Не знаю. Может, чтобы теплее стало.

— Это не для тепла, а для секса.

Помолчали минут пятнадцать, хозяйка спрашивает:

— А какой же секс, если она на люстре висит?

Потом вдруг руками всплескивает:

— Господи! Дети войдут — мать на люстре, отца током бьет.

Я говорю:

— Какие дети? Они сами еще в школу ходят.

Хозяйка сползла на пол, хозяин набычился, я понял, что стол не накроют. И что-то меня понесло. Говорю:

— Они тупые были, по три года в одном классе, прямо жалко их. И тут еще к ним без стука сосед вошел... тоже тупой. Дверь не закрыл, с улицы заглядывают все, на жёну смотрят.

Хозяйка спрашивает:

— Разве она жена ему?

И вижу — переживает очень за героев. Думаю: «Может, они не американский кинематограф любят, а наш, где все не на мордобой рассчитано, а на сострадание?»

Говорю:

— Да, она жена ему, а он ей — законный муж... Сироты оба, ни отца ни матери. Дядька был, в него метеорит попал, теток молью побил... У обоих рахит, куриная слепота. А сегодня первая брачная ночь.

Хозяин отвернулся, вытер украдкой слезы, спрашивает:

— Так что, так и не сладилось у них?

— Нет, — говорю, — где? Полна же комната людей.

Хозяйка поднялась, отряхнулась, сказала: «Вот ужас-то!» — и начала накрывать на стол.

Последний из могикан

Вечером гуляю себе и гуляю... ага,

на улице прямо. Просто так гуляю себе... без задней мысли... и без передней, просто для здоровья. Еще не хотел выходить-то, потом вышел чего-то. Гуляю и гуляю себе... Хожу просто мимо помойки, и все... Я всегда там гуляю — привык, что ли? Просто хожу смотрю по сторонам. Смотрю и смотрю себе... смотрю — торчит что-то.

Внутренний голос говорит:

— Не бери!

Ага, несколько раз:

— Не бери!

И еще я не хотел брать-то, потом взял чего-то... Сверток. Там сто тысяч долларов. Ну понятно — потерял кто-нибудь.

Внутренний голос говорит:

— Пошли домой!

Ага, несколько раз так:

— Пошли домой!

Еще я хотел пойти домой-то. А пошел чего-то в милицию. Пришел, говорю:

— Не надо никаких благодарностей, просто оформите все, заберите деньги.

Деньги они сразу оприходовали. Капитан говорит:

— О! Молодец вы какой! Нашли сто тысяч долларов и сразу к нам. Очень хорошо... В полнолуние нормально себя чувствуете?

— Нормально.

— О!

Смотрел, смотрел на меня, спрашивает:

— А пятью пять сколько будет?

Я говорю:

— Двадцать пять.

И, видимо, он не ожидал правильного ответа — растерялся.

Потом кладет перед собой револьвер, говорит:

— О! Что мы все вокруг да около? Давайте поговорим чисто по-человечески. Вы — нормальный человек. Нормальный деньги не принесет. Вы принесли. Значит, что-то здесь не так. У нас тоже не все слава богу с раскрываемостью преступлений. Что, если я никому про сто тысяч, а вы возьмете на себя два убийства, одно изнасилование и угон машины?

Я говорю:

— Давайте! Только машину я не умею водить, изнасиловать у меня рука не поднимется, а в то, что я могу убить, вообще никто никогда не поверит.

Он встал, китель одернул, говорит:

— О! Я уже вам верю!

И вызывает кого-то. Тут же с бумагой, ручкой входит писец... не, писун... не, правильно, писец. Внутренний голос говорит:

— Отрицай все.

Несколько раз громко так:

— Отрицай все!

Главное, я решил: буду отрицать все. А сам чего-то говорю:

— Убийства, что были за последние десять лет, — мои. Изнасилования, хранение и скупка краденого, чеканка фальшивых монет, подкуп, поджоги, наводнения — это все мое.

Кроме того, записали на меня все, что у них накопилось: запугивание ОМОНа... запугива-ние... не, правильно сказал — запугивание ОМОНа, охаивание отечественной порнографии, осквернение пивной и два самосожжения.

Они сбегали, кофе сварили, печенье достали — вообще как-то мы подружились.

— А знаете, — говорю, — кто Кеннеди убил?

— Кто?

— Я.

Капитан достал из сейфа бутылку водки, колбасу, вынули все на брудершафт.

— А знаете, — говорю, — кто организовал татаро-монгольское иго?

— Кто?

— Я.

Они встали. Капитан чувствует, скоро майором станет, спрашивает:

— Ваша настоящая фамилия?

Я говорю:

— Аль Капоне.

Капитан посерел маленько... не, посерил маленько... не, посерел маленько. Короче, нехорошо получилось. Говорю:

— Я пошутил... На самом деле я из налоговой инспекции. Откуда у вас сто тысяч долларов?

Капитан:

— Вы же принесли.

Я говорю:

— Когда?

— Да только что. Мы еще на брудершафт пили.

Я говорю:

— С кем?! Что вы несете?! Я — непьющий.

Капитан чувствует, скоро лейтенантом станет, говорит:

— Надо же, чтобы человек человеку верил.

Я сказал:

— О!

И пошел домой.

-Н у не тяни время, говори тост.

— Значит, так... Весь вред на Руси от пьянства. За то, чтобы бросить пить!

— Молодец! Хорошо сказал. Молодец. В самую точку. Здорово! Суть сказал. «Бросить пить!» Молодец! Когда бросить?

— Сейчас.

— Молодец. Здорово. И уже только по праздникам?

— Нет. Ни в праздники, ни в будни.

— Молодец. Только ночью?

— И ночью не пить!

— Если не закусываешь.

— И если закусываешь, не пить!

— погоди. Сразу не сообразишь. «И если не закусываешь, не пить»... На людях?

— И на людях, и в одиночку. Ни днем, ни ночью. Совсем не пить!

— Правильно! Молодец! Только в отпуске.

— Нет.

— В больнице?

— Нет.

— За границей?

— Нет.

— Перед смертью?

— Нет.

— За границей ночью один перед смертью!

— Нет! Вообще не пить!

— И что тогда?

— И тогда заживем как люди!

— Мы?

— Да.

— Хороший тост. Ей-богу, хороший! Пьем стоя. Прошу всех встать! Грех не выпить. Грех! Будем здоровы!

— Будем! Дзынь-ь-ь-ь.

Особенности национальной охоты

-А это не у вас вчера завалили банкира?

— Не-ет, ты что?! Откуда? У нас кто водится: депутаты, владельцы ресторанов, казино. Банкирчиков нету. Если только подранок забежал. Вряд ли.

— А чиновники у вас водятся?

— Есть. Раньше пугливые были, а сейчас из рук берут.

— Да ты что?!

— Ей-богу! Люди крутом — они не боятся ничего, берут, хоть бы что им.

— Из рук?!

— Из рук прямо! Сколько ни дай, все возьмут. А у вас разве не водятся чиновники?

— Нет, у нас политики больше. Столько развелось их — ужас! В том году весь урожай сожрали.

— Да ты что?!

— Ей-богу! Мы их на аплодисменты ловим. Хлопнешь в ладоши — и вот он, выскочил уже откуда-нибудь. И давай петь. До того красиво поют! Такие трели выводят! Дрю-дрю-дрю, та-та-та и дрю-дрю-дрю.

— Да ты что?!

— Ей-богу!

— И дрю-дрю-дрю?

— И дрю-дрю-дрю. Да хоть как! Про зарплату может спеть, про жилье, про пенсии. Стоишь думаешь: ведь тебя убивать пора, а сам заслушался.

— Что же они, опасности не чувствуют, что ли?

— У их чего-то не хватает, у политиков. Кожи, что ли. У него, когда рот открывается — уши закрываются.

— Надо же!.. Да-а, природа-мать! Кого только в ней нет...

— Плохо, экологию загадили — воры в законе улетели все в теплые края, там и на яйцах сидят. «Новых русских»

раньше-то! А сейчас весной если возьмешь одного-двух на проститутку, а так нет.

— Да-а. Сами же мы и виноваты. Мутанты уже появились. Спереди смотришь — политик, а сбоку глянешь — киллер!

— Да ты что?!

— Вот те крест.

— Господи, спаси и помилуй!

— Не знаешь, на кого охотишься. Ну ничего — бог не выдаст, скоро уж пойдем на депутатов.

— Рано еще. Что, они только приступили, еще не набрали ничего, навара не будет. И с ними сейчас тоже умасься.

— А что такое?

— Следы перестали оставлять.

— Как — перестали?

— «Как»... Вот депутат, вот деньги. Все смотрят в упор — вот депутат, вот деньги. Никто глаз не сводит — вот депутат, вот деньги...

— Ну?

— Вот депутат...

— Дальше что?

— Все, денег нет уже.

— Да ты что?!

— Ей-богу!

— Твою мать-то!

— А одного депутата стали травить, он на их бросился, они давай палить, а у него пули ото лба отскакивают.

— Такие пули?

— Такой лоб... А так у нас водятся челноки, бомжи, нищие, эти... которые совсем уже... о, память-то... врачи, инженеры, учителя. На их никто не охотится.

— Да. На что они? Для забавы если. И то какая охота? У нас они прямо на огород забегают.. морковка там, картошка. Лопатой шлепнул его по башке, и вся охота.

— Да. Что они? Еле ноги носят.

— Значит, это не у вас вчера банкирчика завалили?

— Не-ет, ты что?! Одни разговоры.. Не та охота стала, не та.

Друзья мои, скоро жить начнем

хорошо!.. За нас логика. Сейчас те, кто ворует без усталости, они же наворуют до отрыжки, до ожирения, до неподвижности, и все... И тогда мы!.. начнем жить хорошо.

Они тоже люди. Ну, жена, любовница, две любовницы, и все. Силы же где взять?.. Ну, три! И все. У природы свои законы. Ну, четыре! Иначе смерти! От истощения... И их разврату конец... И тогда мы!.. начнем жить по совести.

Друзья мои, преступность становится просвещенной! В нее много пришло интеллигенции, много людей умных, образованных, даровитых. Скоро беспредел примет цивилизованные, культурные формы. Люди научатся получать эстетическое удовольствие от того, что их грабят, обманывают, насилуют.

Многие формы преступной деятельности изживают себя! Стало опасно брать взятки — суют фальшивые деньги.

Обречен рэкет! У них рождаемость ниже смертности. Они размножаются хуже, чем стреляют.

Редеют мотивы преступлений! За миллион долларов еще убьют как пить дать. Ну, за тысячу! — без вопросов. Ну, за доллар! А меньше — нет!.. Вряд ли.

Друзья мои, очищаются от преступных элементов структуры власти! Ну, мэр-рецидивист, ну, губернатор-бандит. Бывает. Но редко. Уже чтобы в Думе или в правительстве с тремя судимостями — нет! Не то что нельзя, не то что правовое государство, но уже как-то неловко, нехорошо.

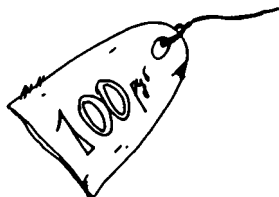
Скоро станет лучше! Уже сейчас есть районы, где ни зарплат, ни света, ни воды, но уже стало лучше.

И еще. Друзья мои! Самое главное. Один предска-

тель... пророк! Его бог в лоб целовал. Все, что он предсказал, — сбылось!

И вот он... перед насильственной смертью сказал: «Скоро... станет... лучше». Успел сказать.

Поздравляю вас! Дожили.

Под самое первое апреля всей семьей

пошли в кино: теща, это жены мать, я сам, жена сама и наш с женой общий сын лет десяти.

Перед кино журнал пустили. В магазине кладут на пол сто рублей и снимают, кто поднимет и что будет делать. Все, конечно, сразу бегут к выходу. Там их останавливают, спрашивают: «Где же ваша совесть?» И отбирают сто рублей.

Вдруг смотрю — я в очереди. И теща на весь зал кричит: — Витю показывают! Это — наш Витя.

И тут показывают, как я эти сто рублей с пола поднимаю, сую в карман и спокойно стою дальше.

В зале кто-то басом говорит:

— Ну и морда!

Теща тоже громко говорит:

— Нет, это не наш Витя.

Я спокойно стою в очереди, к выходу не спешу. Тогда режиссер засылает ко мне двух артистов. У нее — на руках ребенок, в драненьком весь, кукла оказалась, у него — ботинки на босу ногу. Оба аж посинели от холода. Спрашивают:

— Не видел кто наших последних ста рублей?

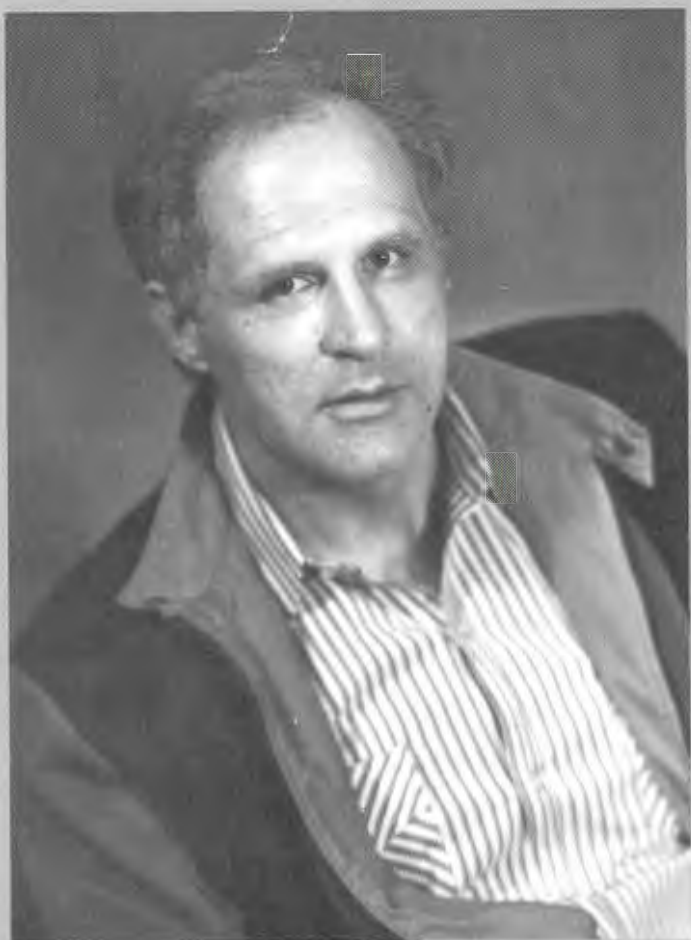
И опять крупно меня. Я смотрю на них, но видно, что не слышу, о чем речь. Наверное, о своем о чем-то задумался. Тогда артист разворачивается, ка-ак пхнет меня, я еле на ногах устоял. Спрашивает:

— Не на-хо-ди-ли вы ста рублей?

Я говорю:

— Время — без двадцати шесть. — И хотел отвернуться от них. Тут ложная мать кричит:

— Убейте меня, не знаю, на что завтра купить кусок мяса грудному ребенку!

Родители — Вера Станиславовна и Алексей Леонтьевич

Мама, бабушка — Агафья Андреевна, дед — Леонтий Захарович

И в молодости

Бабушка
Агафья
Андреевна
с детьми,
Александром
и Алексеем

Дядя — Александр
Леонтьевич Трушкин

Отец, мама,
невестка Лида,
бабушка

Отец, старший брат Миша, я, мама

Первый класс. Поселок Болшево

С другом детства Леней Тахтуевым

Алик Батраков, я, Леня Колобродов. Болшево

С Геней
Подопригора

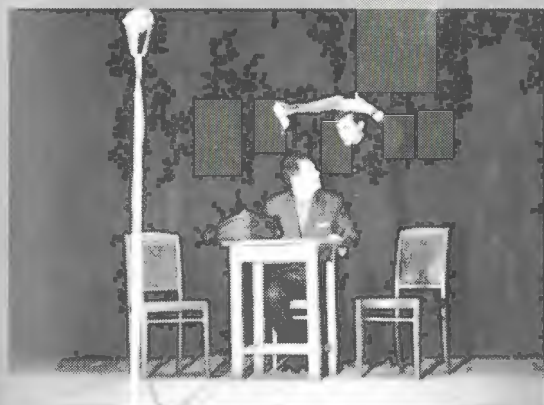
С Геннадием
Игнатьевичем
Подопригора
через 45 лет

Володя Осипов, Саша Старостин, Леша Макарычев, я,
Толя Копытский, Слава Мозгов. Московский авиационный
технологический институт

Команда борцов-самбистов МАТИ

С Володей Алексеенко
в Студенческом театре миниатюр

На сборах

Студенческий
строительный
отряд

Отъезд
на целину

Три попытки создать себе памятник. В одном варианте в качестве постамента Женя Николаев

Памятник — не памятник, а что-то монументальное все-таки
получилось

Наташа —
любовь,
судьба. Одна,
с собакой,
со мной

Без слов

С любимой дочкой Наташей

Наташа, я,
бабушка,
тесть Иван
Семенович
Романов,
теща Нина
Федоровна

Дочь,
племянница
Полина,
невестка
Лида

С женой
и дочерью

Внук Коля, я, дочь, внучка Танечка

Народ на их искусство реагирует вяло, больше озирается — куда это сто рублей пропали?

Тогда фальшивая мать кричит:

— Помочь нам некому, мы — неизвестные сироты из детского дома для глухонемых.

Тихо сразу стало и в зале, и в том магазине, всем стыдно сделалось, что совести у людей мало осталось.

И тут опять крупно меня. И что-то у меня в лице дрогнуло, я лезу в карман... Бас в зале говорит:

— Молодец, морда!

Теща плачет, кричит:

— Это наш Витя! Витечка наш!

Я лезу в карман, говорю:

— Учитывая, что вы сироты и что не в деньгах счастье, жертвую вам три рубля.

И тут все полезли по карманам, стали совать им кто рубль, кто пятерку. И все чуть не светятся. Сотни две те набрали. Но они не рассчитывали на такой оборот, и режиссер им ничего не говорил, стоят нерадостные. Отец совсем потерялся. Говорит мне:

— Что же вы, сукин сын, ничего больше не хотите нам отдать?

И мать ребенка опустила, одной рукой за голову держит.

Я им говорю:

— Я и так от семьи оторвал. У самого семеро глухонемых детей... потому что жена-алкоголичка все из дому тащит. Спасибо теще, хоть и спекулянтка, а выручала. Но вчера... царствие ей небесное, преставилась, а хоронить не на что.

Народ мне на гроб теще сбрасываться уже не стал, не до конца еще у людей совесть отогрелась.

А в зале ржут: на артистов, которые ребенка за голову держат, на меня, что убиваюсь их неблагодарностью, и на сто рублей, которые я выронил, когда за трешкой лазил.

Народу журнал понравился. Бас сказал:

— Умереть со смеху.

И все радовались, что еще у людей немного осталось совести. Только теща сказала:

— Ну и морда же наш Витечка!

Никто не следит за своей речью.

Кошмар какой-то. Ни женщин не стесняются уже, ни детей.

Раньше сказать в общественном месте «задница» было нонсенсом.

Сейчас все стали раздраженные, неуважительные. Остановишься на улице, тебе сразу:

— Что ты, задница, рот разинула?

И чаще всего именно вот это слово, иногда даже совсем без смысла.

Как-то я сказала одному мужчине:

— Как же вам не стыдно?! Вы только что совершенно незнакомую женщину обозвали дурой. Неужели в вас ничего святого не осталось?

Он налился весь кровью, говорит:

— Святого у меня... полная задница.

И все кругом смеются, вместо того чтобы одернуть его. Представляете?

Когда мы не одергиваем, мы сами опускаемся, даже интеллигенция. Незаметно, но опускаемся.

Мне соседка-учительница пришла, рассказывает, что дорого все на рынке, что ни к чему не подступишься. Рассказывает и плачет.

Я ее спрашиваю:

— Кто же торгует так дорого?

А она — это три-то языка знает — говорит:

— Да кто же?! Все больше эти... чернозады!

Но только вчера я поняла: сквернословие — это эпидемия, оно жертв не выбирает.

Вчера я стою в очереди за овощами. Продавщица обсчитывает и обсчитывает без зазрения совести и всех подряд. В народе даже пошел ропот.

Молодой человек один, рабочий, кажется, — он без рубашки был, в одной татуировке, — говорит ей:

— Ты чем считаешь?

И вдруг я — никак не ожидала этого от себя — говорю:

— Жопой она считает!

Господа! Дети же вокруг нас.

Падает культура речи — падает нравственность, падает нравственность — падает общий уровень жизни. Еще чуть-чуть, господа, и мы окажемся... Именно там.

Пластические операции

Я, если разрешите, несколько слов

по поводу пластических операций на лице... как специалист в этом вопросе. Я сам — грузчик.

Короче, работал у нас такой Мальков Игорь Александрович. Обыкновенный человек — радости: баня, пиво, жена; неприятности: работа, соседи, жена.

И вот назначают министром финансов Валентина Павлова. Тогда аж еще было дело.

Этот Павлов — вылитый Мальков!.. То есть Мальков этот — вылитый Павлов... в профиль.

И сразу Малькову пиво без недолива, в баню без очереди.

Проходит всего ничего, Павлова назначают премьер-министром. Я о сослуживцах Малькова даже говорить не хочу. Жена боится лечь с ним в постель. Дура! Уж она-то точно знает, что он не Павлов.

Правда, этот Мальков косорылый был, у него шея не ворочалась, и он всю жизнь ко всем в профиль простоял, то есть у нее перед глазами с утра до ночи Павлов был. Дура, конечно.

Проходит еще немного, и этот премьер-министр устраивает нам панику страшную с сотенными купюрами.

Как раз в тот день у нас получка. Так Павлову стаграмм не налили!.. То есть Малькову.

Вот вам наш народ, его отношение к своим вождям.

И сразу следом ГКЧП!.. Хана бы Малькову, но он в отпуске был на охоте. Он с детства охотник. Забрался в непроходимые болота без радио. Если бы он был с радио, он бы оттуда выбираться не стал.

То есть он на работу когда вышел, он сам уже наливал всем по сто грамм.

Но никто!! Ни один человек!! То есть выпить все выпить

вали, зачем добру пропадать. Но — никто!! — спасибо ему не сказал, руки не подал.

Вот оно, отношение к вождям!

Мальков чуть с ума не сошел. Просился в Матросскую Тишину, его не приняли. Сперва приняли — думали: сбежал, вернулся. Потом видят, перебор у них вышел с Павловыми, и не приняли его.

Он попробовал повеситься, ему веревку обрезали, то есть началась самая настоящая травля.

Что он тогда делает?.. Пластическую операцию! Изменяет внешность.

Недели три его никто не трогает, вообще забыли, что есть такой. Человек вернулся к нормальной жизни.

И тут назначают Гайдара. И оказывается, что Мальков после пластической операции — вылитый Гайдар.

Снова улыбаются ему все, руки моют перед едой, если он рядом, — опять дикость наша полезла.

Жена к матери сбежала. Тоже ее можно понять: то с Павловым спи, то с Гайдаром.

Народ бы споил его, но тут смотрят — цены-то! не в два-три раза увеличились, как Гайдар обещал, а в двести-триста!

Собрались все... напомнили Малькову, что он хотел повеситься, пообещали не мешать больше.

Мальков тоже не дурак, тут же смотался на свои болота. Пока не показывается.

А что еще ему остается?.. Где выход?.. На Западе нечего раздумывать, еще одну пластическую операцию сделал — и живи себе спокойно.

А у нас же. Во-первых, еще на одну денег не хватит. А самое главное — операции, видишь, пока слабые очень, с них можно запросто выйти Гитлером. И тогда уже никакие болота не спасут.

Потому что отношение к вождям у нас стало плохонькое.

Страшный суд

В понедельник тринадцатого числа

где-то около пяти часов вечера, когда с ясного голубого неба посыпал вдруг редкий грибной дождь, неожиданно завывли иерихонские трубы и могилы разверзлись.

Живой и мертвый народ нехотя, как на работу, потек на Страшный суд.

Иван Васильевич Сидоров, мелкий служащий, случился в первых рядах рядом со столом, крытым кумачом. За кумачом перед графином со святой водой сидел Господь Бог. Над столом тучей вились ангелы-консультанты.

Сидоров огляделся. Неподалеку, слева от него и чуть отдельно ото всех, стояли вожди: Сталин, дедушка Калинин, Жданов, ворошиловский стрелок Ежов, Брежнев, Малюта Скуратов, Суслов, еще кто-то. Ближе всех из них к Сидорову стоял Каганович, который почему-то улыбнулся Ивану Васильевичу и вежливо поклонился.

Иван Васильевич стоял спокойно, грехов больших за ним не было, жизнь он прожил тихо, мирно, в бутылку, что называется, не лез, все годы старательно молчал в тряпочку. Пару раз, правда, бил жену, но не больно, всякий раз за дело, а самое главное — без свидетелей.

Первым к столу вызвали Малюту Скуратова — Страшный суд начался.

Тут же консультанты что-то горячо зашептали Господу в оба уха, тот извинился за беспокойство и попросил Малюту не счесть за труд вернуться на место. К столу пригласили вождя народов.

Сталин сразу во всем признался. В оправдание сказал, что его попутали трое, и назвал фамилии: Маркс, Энгельс и Ленин. Чистосердечное признание скостило ему десятку, но по совокупности все равно вышло прилично, что-то около трех миллиардов лет.

Черти тут же легко и весело, как-то по-свойски, по-братски подхватили Иосифа Виссарионовича и вместе с ним провалились в тартарары.

Следующим Бог вызвал Лаврентия Берия. Произошло замешательство — проходимца нигде не было. Все заозирались, ангелы зашелестели крыльями, в мгновение ока облетели несчетную толпу — пусто, нашли только пенсне.

То ли, не дожидаясь Страшного суда, кто-то из своих истоков его в пыль, то ли еще что-то, чего и представить себе нельзя.

После заминки с Берией остановок практически не было, дело пошло ходко, даже и сортировать не приходилось. Состав преступлений был схожим, все шли примерно с одним и тем же сроком.

Суслову вменили «изнасилование идеологии в особо извращенных формах».

Калинина за то, что согласился быть старостой, лишили звания «дедушки».

Жданов просил присудить ему ежедневное на сон грядущий чтение Ахматовой и Зощенко. Хитрость раскусили. Приговорили к полному собранию сочинений Отца народов... натошак.

Вождей было много, скоро все притомились и оживлялись уже только, когда судили самых отпетых.

Все шло более-менее гладко. Затем случился небольшой, но неприятный скандал.

Никита Сергеевич Хрущев, как известно, еще при жизни страдал приступами волюнтаризма, то есть что ему в голову западало, от того он уже ни за что не отступал.

А запало ему уже давно, с первых чисток партии, что Бога нет. И естественно, что при виде его, Бога — он начал нервничать. Вначале норовил пощупать на Всевышнем хитон, а потом просто швырнул в него ботинком.

Но главное — не знали, куда его определить, в рай или в ад, потому что одинаково заслужил и то, и другое. Устроили ему двусмысленку — неделю в раю, неделю в аду.

Пока судили да рядили, один ангел полетел по нужде за край толпы, увидел там, что рецидивисты режутся в очко, а подставкой им служит чья-то спина.

Ангел был гуманист, кинулся защищать человеческое достоинство. Ему, конечно, пообрывали крылья, но он успел заметить, что подставкой был Берия.

Через мгновение тот предстал перед Богом.

Когда Господь дочитал список деяний Берии до конца, он как бы даже впал в оторопь, потом разверз безгрешные свои уста и, конечно, чисто механически — конечно же! — можно даже сказать, безотчетно, молвил:

— Экая, твою мать, сволочь мерзкая!

Только молвил, Берия тут же, не сходя с места, превратился в мерзость. Описанию она не подлежит, не поддается, но место это с нескрываемой брезгливостью стали обходить не только самые забулдыги — черти, но и те из вождей, на ком, казалось, и клейма ставить негде.

Суд потихоньку набирал силу, всем доставалось с лихвой. Только Брежневу все простили — не в своем уме правил. Зная его слабость к излишествам, выдали ему вместо одного пять фиговых листков, и он, счастливый, со слезами на глазах, отправился в рай.

Когда в кругу вождей было еще довольно густо, Бог вдруг поманил пальцем Ивана Васильевича.

Иван Васильевич до того опешил, что тут же сподличал — украдкой показал Богу на Кагановича, что было уже хамством, потому что боги не ошибаются. Уж если чего затеяли, так, значит, так тому и быть.

— Ну,— ласково сказал Бог подошедшему,— здравствуйте, Иван Васильевич.

— Здравствуйте,— ответил Иван Васильевич.— Я же ну два раза бил.

— Это хорошо,— сказал Бог,— жену полезно поучить. А вот какой вы за собой грех знаете?

Иван Васильевич убежденно, почти страстно замотал головой.

— Как же? — удивился Господь.— Вот только что поступило заявление от товарища Кагановича.— Он повертел в руках мелко исписанным листом бумаги.

— И когда успел? — поразился, в свою очередь, Иван Васильевич, — голый стоит, ни ручки, ни чернил.

— Вот товарищ Каганович пишет тут,— продолжал Бог,— что вы всю жизнь молчали в тряпочку и тем самым потакали всяческим безобразиям, что такие, как вы,

развращали своим молчанием таких, как он, подталкивали, можно сказать, вынуждали их к репрессиям.

— Так все молчали,— выдавил из пересохшего горла Иван Васильевич.

— Ты не за всех, ты за себя отвечай! — крикнул с места истец Каганович.

— Боялся,— признался Иван Васильевич Богу.

— Ну а после того,— спросил Бог,— уже когда перестройка началась?

Иван Васильевич потерянно затаптался, пожал плечами и виновато улыбнулся.

Бог не ответил ему улыбкой на улыбку, наоборот, он как-то помрачнел, как бы даже скособочился, а потом и совсем отвернул от Ивана Васильевича свой лик.

Это было плохой приметой.

Последний раз живым Иван Васильевич помнил себя сидящим в первом ряду на общезаводском собрании, когда выбирали нового директора.

Старый директор-проходимец, прохиндей, протобесия, прелюбодей и пропойца, одним словом, аппаратчик, которого Иван Васильевич не любил, а еще больше боялся за редкую мстительность, попросил Ивана Васильевича поддержать его на выборах.

Так, может быть — Иван Васильевич хорошо помнил, что поддерживать не хотел — так может быть, не смолчал он в тот, в последний раз?!

Но вспоминать было уже поздно. По знаку Господа к Ивану Васильевичу с двух сторон двинулись радостно оскалившиеся черти.

Один из них, разноглазый и косой, с развратной вихляющей походкой, особенно какой-то нечистоплотный, слюнявый, замызганный черт, подойдя, больно ткнул Ивана Васильевича локтем в бок.

По телу последнего молнией пробежала судорога, и он в ужасе... проснулся.

Иван Васильевич сидел в первом ряду на общезаводском собрании. За столом, крытым кумачом, расположился председательствующий. Как раз он спрашивал: кто хочет выступить в поддержку старого директора.

Сам старый директор сидел рядом с Иваном Васильевичем и больно толкал его локтем в бок.

Дальше произошло вот что. Иван Васильевич выскочил на трибуну, крикнул не своим голосом, что молчать больше не может, и выложил все, что знал о директоре.

Затем началось голосование, и с преимуществом в один голос старый директор был все-таки утвержден на своей прежней должности.

Еще дальше, поздно вечером, часов в одиннадцать, у Ивана Васильевича случился острый сердечный приступ, а ближе к утру он умер.

Хоронили его в понедельник тринадцатого числа где-то часа в четыре пополудни.

— Дурак! — искренне соболезнуя, перешептывались шедшие за гробом родные и близкие покойного.

— Дурак. Кто его за язык тянул? Перестройка, не перестройка, с начальством не схватывайся, сиди, молчи в тряпочку.

Эта бесспорная, вечная истина была понятна всем.

Единственное, чего никто не мог понять — почему всю жизнь мрачный и хмурый Иван Васильевич лежал в гробу помолодевшим и как бы улыбаясь чему-то.

Он продолжал улыбаться и тогда, когда с ясного голубого неба посыпал вдруг редкий грибной дождь.

СМЫСЛ ЖИЗНИ

-Выпили вчера с ребятами три пол-литры

на четверых. Что делать?

— К бабам!

— Не, добавить надо. Пошли к это...

— К Зинке.

— Не. К Михалычу, перехватили на портвейн, а уже носемь, душа горит. Тогда в общежитие.

— К бабам!

— К ребятам. Заглянули к Кольке Стойлову, а у него это...

— Бабы!

— Не. Пьянка. Ну, и мы отвели душу. Утром просыпаюсь — лежу в обнимку с это...

— С бабой!

— С бутылкой.

— Слушай, для чего ты только живешь?!

Я лично о нашей медицине ничего

плохого не могу сказать.

Сейчас слухи стали пускать, что у нас врачей готовят кого по верхней половине туловища, кого по нижней. А за весь организм, дескать, никто не отвечает. И, мол, хотя в верхней половине органы главнее, население у нас еще темное и больше опасается за свои нижние органы и готово за них отдать бешеные деньги. При чем здесь медицина?.. Не знаю, может, где-нибудь какого-нибудь здорового мужика и залечили до полусмерти, что-нибудь ему отрезали не до конца или до конца, но не то. Но в общем-то я считаю, у нас все нормально. Просто, чтобы выздороветь, нужна сильная вера в медицину. Не сама медицина, а сильная вера в нее. Поясню на примере.

Сосед мой Иван Николаевич Сидоров с детства страдал аллергией. У него была жуткая аллергия на деньги. Как увидит деньги, начинает задыхаться. Еще у него было сильное искривление ног и не слабое косоглазие. Косил так, что жена ревновала ко всем встречным, поперечным.

Что ему только не давали!.. То ему и не помогало. Его уже стали успокаивать. — мол, зато теперь анализы не надо сдавать, уже бесполезно.

Он от такого сочувствия перестал выговаривать буквы... не все... только гласные. Согласные выговаривал хорошо.

Жена решила, что с болезнями у него перебор и она этого не выдержит. И она достает ему порошок! Нет, не чтобы покончить со всем разом, а чтобы гласные выговаривал. Ей же надо с ним разговаривать. А то он только: «с-с-с... ж-ж-ж... з-з-з... р-р-р», и все. Она понять ничего не может.

Мужу она говорит про лекарство, что это древнее тибетское средство от его прежних болезней.

И в нем проснулась вера в это лекарство. Исчезает аллергия, косоглазие, кривоноготь — все болезни! Единственное, что плохо, он и согласные перестал выговаривать. Он же думал, что лекарство от его прежних болезней.

Вот что такое вера!.. Я знал человека, который в аптеке схватил не свое лекарство. Месяц пил мочегонное вместо снотворного... Сутками спал!.. А тот другой бегал каждую минуту. Ему спать было некогда.

Известен случай, когда ошиблась уже сама аптека, и одному новобрачному досталось успокаивающее средство... сильнодействующее. А его деду-вдовцу, фамилия-то у них одна, из-за чего путаница и вышла, тому достался допинг... тоже сильнодействующий.

И вот свадьба!.. Чем бы все кончилось, не верь дед с внуком в наши лекарства?.. Неизвестно. А так дед всю свадьбу проспал, а у молодых через год родилась тройня. Вот что такое вера!

А этот случай! У женщины одной тик был. Она подмигивала каждую минуту. А молодая женщина, красивая. И еще у нее, как подмигнет, голова чуть дергалась. Подмигнет и головой вот так. *(Зазывно поводит головой.)* Вечерами на улицу лучше не выходить... до драк доходило. Она пока дойдет до магазина, скольким подмигнет?.. Да еще в магазине. И не дай ей бог пройти мимо винно-водочного! Замуж не могла выйти.

Чем спаслась? Верой. Мужчина один, он другой болезнью страдал, он на женские подмигивания не реагировал. То есть он и рад бы, но что-то там у него не срабатывало... в центральном мозгу. А, может, не в мозгу, не знаю. В общем, все женщины от него отвернулись.

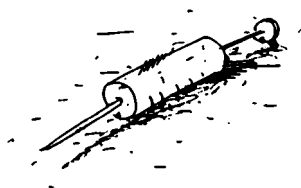
И вот они встречаются в Кисловодске у нарзанного источника. Она выпила полстаканчика, видит — мужчина уже спокойно на нее реагирует. А он тоже принял стакан — что такое?! Одна уже. *(Зазывно кивает.)* Оба верили, что нарзан помог, а нарзан-то тут ни при чем. Через месяц они поженились.

Но мужчина, видимо, на радостях проболтался кому-то про свое недомогание, потому что у этого источника

потом такая толпа из мужиков собралась и многие так спешили прорваться без очереди, что пришлось вызвать воинские подразделения... Которые, когда узнали, в чем дело, штатских вообще оттерли от источника. Могла начаться гражданская война!.. Хорошо, нарзан кончился.

Вот что такое вера! Если убедить себя, что ты в бане, можно голым стоять на морозе... И еще будешь потеть... умолять прохожих, чтобы не поддавали жару.

Если как следует верить, то и анальгин спасет от заикания, пурген — от облысения, горчичники — от плоскостопия. А медицина здесь ни при чем.

В поисках истины

В воскресенье морду только справа

успел побрить — воду отключили. Серега только слева успел.

Мы с ним у булочной столкнулись. Цены опять подняли, но хлеба не завезли. С неба какая-то дрянь посыпала. Еще ботинки у меня худые второй год, а у Сереги со вчера носки не высохли... И холодно, собака!.. И курить дорого.

Мы с Серегой в соплях все, в гусиной коже, матом ругаемся, чтобы немного хоть согреться — помогает, но плохо.

Тут видим — неподалеку митинг.

— Товарищи! Сколько можно так жить? Сколько?! Вы же в соплях все! К ответу реформаторов-аферистов! Вы вручили власть бандитам!

Тут у нас с Серегой глаза-то и раскрылись. Не тем мы с ним власть отдали. Дурят они нас. Обещают, обещают, а мы в соплях с утра до ночи.

Приняли с горя по стакану, я ему говорю:

— Серега, а ведь я знаю, где они гнездо свили. Где раньше райисполком был.

Кинулись к райисполкому, по дороге колья где-то вырвали. Прибегаем — там митинг.

— Товарищи! Друзья! Современники! Вы скоро околете. И так уже все в соплях, ни хлеба у вас, ни мяса! Это враги вставляют нам палки в колеса.

Тут у нас с Серегой глаза-то и раскрылись. Пниды! Палки нам в колеса вставлять? И так погода дрянь, хлеба нету, курице кончилось, мясо что-то и не начиналось — они еще палки в колеса!

Приняли с горя по стакану — кинулись с кольями назад. Ребята с нами какие-то увязались. Несемся как молнии. Серега вдруг говорит:

— Я короткий путь знаю. Свернули в скверик — а там митинг.

— Господа! Гос-по-да! Каждый, кто до власти дорвался, гребет только для себя, а их тьма-тьмой. Нас спасет лишь царь-батюшка! Царь-батюшка!! Один он много не нагребет. Но масоны-змеи под ногами у нас путаются, шагу не дают ступить!

Тут у нас с Серегой глаза-то и раскрылись. Масонам надо головы поотрывать — и взойдет радуга!

Приняли на радостях по стакану, озираемся — где масоны? Какой-то хороший человек шепнул нам:

— Масоны, они всегда трутся возле консерватории.

Кинулись сломя голову человек сто уже. Бежим. Никто не знает, где консерватория. Но зато разогнались — не остановишь нас. Вдруг слышим:

— Братья и сестры! Россия — страна аграрная! Ее спасет только крестьянин-землепашец! Но сперва надо снести до основания совхозы и колхозы! Иначе ничего у вас не будет, кроме запасных соплей.

Тут у нас с Серегой глаза-то и раскрылись. Чуть мы души свои не сгубили, чуть мы вместо совхоза не снесли консерваторию. Правда, еще хорошо — время к обеду, мы немного отвлеклись.

Взяли три бутылки, на закуску не хватает, присесть негде, пробку никак не снимешь, ноги мокрые, с неба сыплет кислота какая-то — настроение дрянь.

Только выпили все, видим, по рукавам кто-то бежит... небольшие такие, с рогами, голые. И тут у них митинг начался, а потом свара. Один усатый кричит:

— Я на вас одиннадцать чемоданов набрал! Ворье вы! Невиданное!

Те ему:

— Сам такой, и счет у тебя в том же банке!

Я говорю:

— Серега, это ведь мы с тобой до чертей допились!

Тут у нас глаза-то и раскрылись — вон оно что, оказывается, меньше надо пить да чертей слушать, может, тогда что-то и наладится.

Сказки бывают страшные и нестрашные.

Мой сын любит только страшные. Мой отец не знает вообще ни одной сказки. Они встретились. Вот что из этого получилось.

— Дедушка, расскажи сказку.

— Сказку?... Да я уже все перезабыл.

— Расскажи страшную. Только складно рассказывай.

— Ну, это само собой. Ладно, слушай... Не давно, не недавно жил Змей Горыныч. Гад был из гадов. И решил он напасть на людей.

Ночью подполз к границе, сделал страшную рожу, как выскочит... Думал, дело с концом. Но не тут-то было.

Похватали люди что под руку попало: кто вилы, кто топор, кто винтовку. Который с вилами, в лес убежал, обернулся медведем и говорит: «Ну, Гитлер, погоди!»

— Ты, дед, что-то путаешь.

— Ничего, все так и было.

— Это волк говорит: «Ну, погоди!»

— Правильно. А волк говорит: «Ну, Геббельс,— они все, гады, на «г», были,— ну, Гиммлер, Геринг, погоди! Я тебе такой мультфильм устрою, глаза на лоб полезут, сам себя казнишь!»

Вот выходит Иван в чистое поле...

— Какой Иван, дед?

— Иван — старший брат. Их много поднялось против Змея, а Иван был старший брат. Вот выходит он в чистое поле, где Змей притаился, и говорит: «Что же ты, приду-рок, мир с нами заключил, а сам взял да напал? За это, знаешь, что бывает? За хвост и головой об камень».

Змей пасть разинул, хотел цапнуть Ивана, но тот изловчился и сам саданул его по уху. Под Москвой. Ага! А Красная Шапочка говорит: «Молодец, Иван!»

— Откуда она-то взялась, дед?

— Я разве не сказал? Это — жена Иванова. Говорит: «Давай, Иван, дави его, гниду. И не нервничай, не переживай, у нас с Мальчиком-Пальчиком и Дюймовочкой все в порядке. Я за станком стою, Мальчик-с-Пальчик помогает мне, а Дюймовочка по дому хозяйничает».

— Дед, это из другой сказки.

— Все из этой. Второй раз саданул его Иван под Сталинградом. Зубы ему все долой, пусто-пусто сделал, глаз один прикрыл и шкуру спустил наполовину. Но еще у Змея запасные челюсти были, дело не кончилось.

Ага! Тут приплывает Золотая рыбка. Иван говорит: «Что же ты, ядрена корень?»

— Так рыбку звали?

— Да... «Ядрена корень» ее звали. «Что же ты, ядрена корень, тянешь со вторым фронтом?»

Она туда-сюда, хвостом завиляла, муть подняла, не поймешь, что к чему.

Ладно. Тут уже Орловско-Курская дуга. Змей не тот стал, но еще огнем-смадом дышит, думает: «Попадаюсь, а Ивана проглочу».

Ага! Тут Левша заявляется, говорит: «Иван, смотри-ка, я тебе какую дубину изготовил». Смотрит Иван: и правда, дубина на удивление, увесистая, удобная, с набалдашником. Взял он эту дубину, размахнулся да ка-ак хряснет змея! У того хребет-то и наружу. «Что, гад?! Еще?! На еще!!!»

— Дед, не кричи.

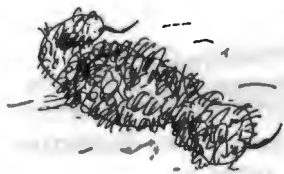
— Я не кричу. Погнали мы его к самой границе. Ясно, ползет Змей подыхать. Но за этим делом надо было проследить, заодно освободить кого он в темнице держал.

Добрались до змеиного логова, Иван и говорит: «Ну, сукин кот! Много ты народа погубил, много крови людской выпил, ни стариков, ни детей не жалел. Молись, ядрена корень!» Чик ему голову — и получился капут.

Иван вернулся домой, стал жить-поживать, добро наживать, а дубину в сенях поставил, чтобы в случае чего без проволочек было... Такая сказка.

— Не умеешь ты, дед, рассказывать, перепутал все на свете, и совсем не страшно получилось.

— Не страшно?.. Ну, сейчас бабушка придет, расскажет про серенького козлика, а я пойду покурю. Что-то покурить захотелось.

Талантность

У нас в городе несколько мужчин

организовали кооператив «Галантность». Приходишь, делаешь заказ: «Завтра во столько-то у выхода с работы на виду у сослуживцев преподнести букет цветов». Оставляешь деньги на цветы, на преподношение и еще, — в зависимости от того, сколько он пройдет с тобой метров от проходной, — сорок копеек за каждые сто метров.

Хороший был кооператив. Даже выбрать можно было, кто преподносит: брюнет, блондин или шатен. Еще у них был ярко-рыжий, почему-то стоил сорок три копейки за каждые сто метров.

На все услуги такса была своя. Скажем, уступить место в автобусе в часы пик — шестьдесят копеек. Цветы преподнести, чтобы сослуживцы видели, — рубль двадцать. Чтобы муж видел, — четыре тридцать. Считалось, что существует риск. Хотя при наших мужьях какой и для кого может быть риск?.. Но все равно женщины заказывали с удовольствием, уж очень это романтично звучало: «Рубль двадцать плюс три десять за риск».

Ну и разные другие они услуги ввели. Знаки внимания на улице и попытка заговорить — два семьдесят за час. То же самое на английском языке — бутылка. Поднять перчатку стоило пять копеек. Сказать при всех «ангел мой», — три копейки. Я уже всего не помню.

Помню, что радости от внимания, от воспитанности наших мужчин можно было получить много. Даже можно было заказать чуткость, кто побогаче.

Разумеется, не обошлось без казусов. «Галантность» — слово забытое, многие женщины не сразу взяли в толк, что оно значит. Заказывали посидеть с детьми, постирать, приготовить обед.

Я помню, одна женщина из приезжих умоляла до-

стать ей три пары колгот. Когда ей объяснили, что галантность у нас — это когда за определенную плату брюнет может при всех преподнести ей ею же купленные колготы, она чуть с ума не сошла. Потом сказала:

— Тогда пусть и он мне заранее даст деньги, которые я ему заплачу.

Святая наивность.

Многие обходили кооператив, полагая, что галантность как-то связана со СПИДом. Другие, наоборот, считали ее филиалом фирмы «Заря». Однако все вскоре утряслось, объяснилось, встало на свои места, и начался золотой век кооператива.

Неудовлетворенная жажда мужской преданности, поклонения начала искать выход.

Стали заказывать серенады... Но каждый раз на балконы выбегали все женщины, какие в этот момент оказывались дома, и дети, и старухи, и каждая делала вид, что поют для нее. Поэтому от этого вида услуг пришлось отказаться.

Было заказано три попытки самоубийства от неразделенной любви. Театры и стадионы в эти дни пустовали, метро работало только на выход, движение транспорта ограничивалось — все напоминало народное гулянье.

Но и от этого вида услуг пришлось отказаться, так как третья попытка самоубийства оказалась удачной.

Агент, как и было условлено в договоре, поцеловал фотографию заказчицы, сорвал с шеи галстук, крикнул:

— Гори, гори, моя звезда!

И прыгнул с моста, но перед этим не посмотрел вниз, а то бы увидел, что под мостом проходила баржа.

Апофеозом всего явилась дуэль. Редчайшее зрелище сегодня. Люди съехались из соседних городов, из окрестных деревень. В большинстве, естественно, женщины. Но ждать пришлось долго. Выяснилось, что стрелять в наше время можно лишь из охотничьих ружей и в строго определенное время. До открытия сезона оставался месяц. Народ месяц не расходился. Наконец каждый из претендентов на руку и сердце выкупил лицензию на отстрел крупного рогатого зверя, и они сошлись.

Женщина-заказчица должна была метаться от одно-

го мужчины к другому, умоляя пожалеть ее, не подвергать свои жизни опасности.

Мужчины, хоть она и отдала одному отпускные, другому — тринадцатую зарплату, на всякий случай решили стреляться на ста метрах. Женщина быстро забегалась, устала, казалось, что она уже никогда не отдышится. Но все равно было и красиво, и жутко. По нашим временам и это невиданные страсти.

Никто бы не пострадал, потому что стрелялись холостыми, но, когда мужчины начали сходитьсь, толпа подавалась вперед и придавила нескольких человек. В тот же день горисполком дуэли запретил.

Тем не менее кооператив процветал, деньги текли рекой. Они его и сгубили. Средневековая галантность не выдержала современной жадности. Они набрали столько заказов, что в исполнении их появилась неизбежная спешка, небрежность недопустимая, путаница.

Одну женщину, не успевала она отойти от дома, тут же подхватывали и силой несли на руках к подъезду. И все время разные мужчины. Ей от дурной молвы пришлось переехать в другой город.

Не удалось исправить положение и после того, как к подъезду стал подносить цветы один и тот же мужчина, но поздравлял разных женщин.

Дальше — хуже. Знакомиться стали грубо, без выдумки, как знакомятся мужчины — не члены кооператива. По-английски уже с бутылкой в руках.

Помню, продавщица из гастронома, чтобы ее несли до подъезда на руках, заказала двоих агентов. Явился один, естественно, не удержал — врач констатировал у нее сотрясение мозга.

По ошибке выкрали двух старух, у тех от радости приступ. Родные подали в суд.

Дальше еще хуже. И наступила такая галантность, которую мы каждый день видим бесплатно и которую многие не без основания называют просто хамством.

Кооператив закрыли. Видимо, не пришло еще его время.

К сожалению, товарищи, даже в наше

просвещенное время мы не имеем еще точных, толковых ответов на многие доисторические вопросы.

Что такое любовь?.. Как понимать, с милым рай и в шалаше?..

Правда ли, что любовь слепа?.. Что такое платоническая любовь? И так далее, и тому подобное.

Вопросов много, ответов нет, наука молчит. Но больше молчать нельзя. Пора наконец дать ответ тем, кто хочет любить, но побаивается.

Чаще других мучаются такими вопросами:

«Испытываешь к человеку чувство, но любовь ли это?»

Отвечаем.

Если вам с этим человеком легко и каждую минуту хочется смеяться от радости, значит, вы испытываете к нему чувство юмора.

Если вам хочется всякую секунду быть рядом с ним, помогать ему, заботиться о нем, значит, вы испытываете к нему... чувство жалости.

Если этот человек кажется вам самым нежным, самым красивым, самым умным и вообще самым-самым, значит, вы испытываете к нему... чувство зависти.

Если вы после этих объяснений еще что-то испытываете к нему, то это и будет любовь.

«Говорит — люблю. А вдруг обманывает?! Как узнать точно?»

Узнать можно, и легко. По внешним приметам.

Если у человека выросли крылья, значит, он любит вас.

Если крыльев в помине нет, а глаза бегают, значит, обманывает.

Если и глаза бегают, и крылья выросли, значит, любит... но не вас.

«Как понимать: с милым рай и в шалаше?»

Никак не надо понимать, это шутка.

Вот уже немного прояснилось с любовью. Раньше люди ужасно как мучились. Выходит человек весной на улицу, вдруг чувствует: слабость, головокружение. Что это?.. Любовь подкралась или грипп?

Предположим, любовь, а вы глотаете аспирин. Поможет он? Никогда. Или, наоборот, у вас грипп, а вы кинулись в любви объясняться и получили согласие. Свадьбу успели сыграть, дети у вас пошли... в школу. И тут выясняется, что все это был грипп. Глотаете аспирин. Он уже не поможет.

Часто спрашивают: «Что такое платоническая любовь?»

У любви, товарищи, есть две стороны: духовная и физическая, одна отражает жизнь духа, другая — жизнь тела.

К духовной жизни больше тянет мужчин.

К жизни тела относятся: стирка, мытье посуды, приготовление завтрака, обеда, ужина. Здесь первенство принадлежит женщинам.

Духовная любовь по-другому называется платонической.

Есть еще идеальная любовь, в ней и духовная, и физическая связаны неразрывно. Скажем, если муж смотрит телевизор, а жена в это время моет пол, то это и будет идеальная любовь.

«Правда ли, что любовь слепа?»

Правда. Но сколько бы вы ей об этом ни говорили, она вас не услышит. Она еще и глуха.

И, наконец, главный вопрос. «Какое место по своему значению занимает любовь в жизни современного человека?»

Считаем. Сон в жизни человека занимает тридцать три процента времени, зарядка — один процент, работа — тридцать пять процентов, еда, дорога, отдых — по восемь процентов, то-се — четыре процента, остальное по праву принадлежит любви!

Это будет три процента.

Недаром, товарищи, говорят, что любовь в жизни современного человека занимает не последнее место. По-

следнее занимает зарядка, а любовь по своему значению стоит между зарядкой и то-се.

Я очень надеюсь, что теперь в вопросах любви вы подкованы хорошо.

Ч то-то случилось у Сергея Ивановича

с антенной, телевизор ловил не все программы, а какие хотел.

Конечно, неспроста.

Не будь Сергей Иванович с детства сильно покалечен атеизмом, он бы мигом углядел провидение. А так что же?.. Пришлось страдать за убеждения.

Он одну программу включит — там проповедь. Только проповедь закончится — на экране рябь в тишине. Он на другую программу — там достают мощи святого, он на третью — там начинается крестный ход.

И куда ни кинься — или рябь, или о нравственном возрождении, или просто добрый разговор о загробной жизни.

Какой ни будь атеист, а если подряд недели две:

— Не укради!

— Не убий!

— Не возжелай!!

То дрогнешь, засомневаешься. А еще обстановка в стране такая, что выжить все равно вряд ли удастся, а помирать, дураку понятно, лучше все-таки с чистой совестью, с отпущенными грехами.

И Сергей Иванович решил очиститься.

Очищаться начал он на работе, зашел к начальнику своему Борису Ильичу, с которым отношения были испорчены давно и надолго.

Войдя, Сергей Иванович перекрестился. Борис Ильич от неожиданности перекрестился встречно, хотя был чистый еврей. Чистый значит, что у человека и отец, и мать евреи, а не как у нас бывает — отец русский, мать мордвинка, сам еврей, лишь бы выехать.

Сергей Иванович перекрестился во второй раз и коротко сказал:

— Я евреев раньше не любил.

— За что их любить? — неопределенно сказал Борис Ильич.

— Есть хорошие черты.

— Какие же?

Сергей Иванович вопроса, верно, не слышал, долго молчал, собирался с силами. Очищение давалось нелегко.

— О погромах мечтал. Чтобы место твое занять. А сейчас не хочу. Понял, что все люди — братья.

— И евреи? — уточнил Борис Ильич.

Опять не ответил ему Сергей Иванович — в себя ушел.

— Ну, вот, — сказал он минут через десять, — выложил нам все и легче мне стало. Пойду.

И сделал, как и пообещал, ушел. Борису Ильичу, напротив, полегче не стало. Он кинулся к телефону и долго и путано названивал кому-то насчет погромов.

Следующий визит Сергей Иванович нанес своему соседу, грузчику Гаврилову, чья жена недели три назад мыла лестничную площадку, а Сергей Иванович поднимался пешком и... возжелал. Кроме него, никто об этом не знал, но ведь и очищал-то Сергей Иванович себя, а не кого-то.

Гаврилов, страдая ясновидением, сразу определил, взглянув на Сергея Ивановича: «Занимать пришел, гнида».

Но когда прошли на кухню и сели на табуретки, Сергей Иванович неожиданно сказал:

— Заповедь есть «Не возлюби жены ближнего своего».

Гаврилов был бабник и с ходу тезис этот отверг:

— А ближний кто?.. Брат, отец, и все.

— Ты мне как брат, — просветленно сказал Сергей Иванович. Гаврилов отрекся от него.

— Мы все — братья, — настаивал Сергей Иванович. Но до Гаврилова не доходила эта простая истина, он утрюмо молчал.

— Жену я твою возжелал, — кривясь, сказал тогда Сергей Иванович.

Гаврилов успокоился, посмотрел на часы и сказал:

— Она часов в восемь будет.

И тут до него дошло что-то.

— А чего было-то? — спросил он.

— Ничего, но я хочу, чтобы перед тобой совесть у меня была чиста.

Гаврилов скорей всего поверил, но, видимо, захотел подстраховаться. Он коротко взмахнул рукой-кувалдой.

Сергей Иванович не только легко слетел с табуретки, но и навсегда потерял всякий интерес к очищению.

Вот и вся история.

Казалось бы, что сделал человек?.. Всего два коротких бессмысленных визита, но именно после них в среднем по России гадить друг другу стали, кажется, меньше; вроде бы упала преступность, а воровство хоть и не упало, но и не выросло. То есть огромные произошли сдвиги в лучшую сторону.

А Сергея Ивановича с тех пор за глаза звали «святой дурачок».

Муж — это что?

Муж — это должность или звание?..

Если должность — служи, если звание — не позорь.

Так нельзя больше — кто хочет, тот и муж. Ты заслужи сперва, оправдай.

Кастрюлю берешь — гарантия год, на приемник — два, на холодильник — три, на мужа — ничего. Это ненормально. От мужа ведь больше пользы, чем от кастрюли.

Что получается? Три месяца прожила с ним, он исчез... на рассвете. Так же нельзя, я тоже живой человек.

Чистый ходил, во всем свежем, пыль с него сдувала, за день раз двадцать скажешь:

— Иди руки вымой!

Он у меня из ванной не вылезал почти, только поесть да поспать. Что ему еще нужно было?

Жил как в раю, сбежал как с каторги.

Надо что-то делать срочно, я не знаю. На инженера пять лет учат, на повара — два года, на мужа — десять минут в загсе. Это смешно! Какой он специалист?.. Что ему доверять можно?

Если это профессия — учись. Если хобби, то клуб какой-то должен быть. Все же через клуб сейчас. Собаку хорошую достать — через клуб. Родословную дают. Ошиблись — обменять можно.

Мужа берешь — как кота в мешке. Что он мне устроил? Три месяца прожили, исчез на рассвете.

Кажется, жила его интересами, на хоккей ходила. Придем со стадиона, он есть просит. Я говорю: подожди, давай матч обсудим.

Он, видите ли, не хочет обсуждать. Я спрашиваю:

— Ты меня любишь?

Молчит. Я еще раз спрашиваю:

— В чем дело?!

Он говорит:

— Люблю.

Хорошо, а зачем кричать? Скажи тихо, чтобы соседи не проснулись.

Такой веселый был до свадьбы, разговорчивый, обещал на руках носить. А что получилось?.. Всю семейную жизнь на ногах перенесла. Это какое здоровье нужно иметь?

Надо что-то делать, я не знаю.

Если муж — это почетная обязанность, пусть призывают самых достойных. Приемная комиссия должна быть. Годен — читай клятву, не годен — сиди в запасе. А где же еще? Или вообще белый билет ему.

Если семейная жизнь — это наказание, то надо по всей строгости закона — к двадцати пяти годам, к пятнадцати... Не к трем же месяцам, это не мелкое хулиганство. Сбежал — еще ему срок набавить. И никаких амнистий!

Если это болезнь, диспансеры должны быть. Пусть им там прививки делают или уколы. Что-то надо делать, я не знаю.

Так же нельзя, я привыкла к нему, он рядом всегда был, а тут на рассвете повела рукой — нет ничего.

К какому идеалу он стремился, я не понимаю. У меня внешние данные со знаком качества, в духовной жизни я вообще выше его была.

Придем из кино, он скорее к холодильнику. Я говорю:

— Положи на место! Давай фильм обсудим сперва.

Он забьется в угол, сидит молчит. Я говорю:

— Не молчи! Говори, что тебе понравилось?

Он ничего не говорит, только дрожит. Я спрашиваю:

— Что случилось? Если что-то не так, давай сядем, обсудим.

У него волосы дыбом. Зачем пугать так? У меня ведь тоже нервы есть.

Как дальше жить, товарищи? Я боюсь теперь замуж выходить. А если второй раз то же самое?..

Кто-то должен взять на себя всю ответственность. Я не знаю кто. Пусть Госстрах возьмет. Застрахуем их сразу на большую сумму, как движимое имущество.

Вопрос наболевший, я ко всем обращаюсь. Куда мы катимся?.. Подумать же страшно.

Божьи люди

До открытия магазина оставалось

полчаса. Говорили о Боге.

- Все на Страшном суде спросится!
- А как же не спросится? Муху обидел — и то спросится.
- Озверели прямо, будто и не люди, совсем без совести.
- Как все равно с ума посходили.
- Бога, Бога забыли.

Разговор замолкал, вновь разгорался, но куда бы он потом ни кидался, всякий раз возвращался к тому, что помнили бы о Боге, были бы добрее друг к другу — и жили бы по-человечески.

- Никто никому уступить не хочет, все с гонором.
- А Бог говорит: уступи, еще помоги.
- Да. Последнее отдай, не то что помоги.
- Богу угоди, а не людям. Богу угодишь, и людям угодишь.
- А людям угодишь, и Бога порадуешь.

Говорили о любви, что все дети божьи, что все равны перед ним, о милосердии, о терпении (Бог терпел и нам велел), о суете человеческой, о том, что в гроб с собой ничего не возьмешь. О том, что жить надо для души.

Каждый рассказал или молча вспомнил историю, как на днях его оскорбили, а он простил обидчика, уступил ему.

- Все бы так-то, давно бы жили по-человечески.
- Господи, вразуми ты людей!

В восемь открыли магазин. Стеной поднялся визг, крик, мат — задавили троих. Меньше обычного.

Быстротечны дни нашей жизни

ОН (ей). Передайте пять копеек.

ОНА (в сторону). Передайте пять копеек.

ОН (ей). Передайте на билет.

ОНА (в сторону). Передайте на билет. (Ему.) Возьмите билет.

ОН (в сторону). Возьмите билет. (Ей.) Передайте на билет. Вы мне нравитесь. Я вам нравлюсь?

ОНА. Вы мне нравитесь. Возьмите билет.

ОН (в сторону). Возьмите билет. (Ей.) Передайте на билет. Вы мне больше чем нравитесь. Я вам больше?

ОНА. Вы мне больше.

ОН. Я вас люблю.

ОНА. Возьмите билет.

ОН (в сторону). Возьмите билет. (Ей.) Я вас люблю.

ОНА. А я вас.

ОН (ей). Передайте на билет.

ОНА (в сторону). Передайте на билет.

ОН. Голубка моя.

ОНА. Сокол мой.

ОН. Голубка.

ОНА. Сокол.

Он в приливе чувств замирает.

Сокол!

Он не реагирует.

Сокол! Сокол! Я — Голубка! Сокол!

Он приходит в себя.

Возьми билет.

ОН (в сторону). Возьмите билет.

Она смеется.

Что ты?

ОНА. Ты смешной.

ОН. Почему?

ОНА. Ты очень робкий.

ОН. Только с тобой.

ОНА. Говори еще.

ОН. Мне все время снится один и тот же сон. Будто я иду лугом...

ОНА. Луг — это что?

ОН. Не знаю. Будто я иду лугом, а навстречу мне ты. Вокруг нас море цветов.

ОНА. Море — это что?

ОН. Море — это парк культуры. Ты подходишь и говоришь: «Я люблю тебя».

ОНА. Я люблю тебя?

ОН. Да.

ОНА. Какой прекрасный сон! *(В сторону.)* Сойдите с моей ноги.

ОН. Мы могли не встретиться.

ОНА. Не говори так, мне страшно. *(В сторону.)* Сойдите с моей ноги. *(Ему.)* Передай на билет.

ОН *(в сторону)*. Передайте на билет. *(Ей.)* Там касса сломалась.

ОНА *(в сторону)*. Там касса сломалась. *(Ему.)* Кажется, только вчера поженились.

ОН. Купи хлеба.

ОНА. Сдай посуду.

ОН. Возьми белье.

ОНА. Проверни фарш.

ОН. У меня будет аттестация.

ОНА. У меня будет ребенок.

ОН. Мальчик или девочка?

ОНА. Мальчик... или девочка.

ОН. Это счастье! Спасибо тебе, Голубка!

ОНА. Спасибо тебе, Сокол.

ОН *(кричит)*. Закройте заднюю дверь. Что вы сквозняк устроили?! Здесь женщины с детьми едут!

ОНА. Ну что ты шумишь?

ОН. Я отец!

ОНА *(в сторону)*. Держитесь же за что-нибудь.

ОН *(в ее сторону)*. Не держитесь за нее!

ОНА *(в сторону)*. Держитесь же за что-нибудь.

ОН (*в ее сторону*). Не держитесь за нее!

ОНА (*ему*). Передай на книжечку.

ОН (*в сторону*). Передайте на книжечку.

ОНА. Сын спрашивает: «Откуда берутся дети?»

ОН. Так не объяснишь, надо ехать на лут.

ОНА. Достань путевки.

ОН. Я попробую. Твои волосы пахнут сказкой, встань поближе.

ОНА. Я не могу. Сокол, где ты?

ОН. Я — Сокол, я — Сокол.

ОНА. Сокол, где ты?

ОН. Я у компостера, я у компостера! Я — Сокол!

ОНА. Уже февраль.

ОН. Уже март.

ОНА. Уже апрель. (*Ему*.) Передай на билет.

ОН (*в сторону*). Передайте на билет.

ОНА (*ему*). Пройди вперед.

ОН. Зачем?

ОНА. Надо больше двигаться, Сокол.

ОН. Врачи говорят...

ОНА. Уже лето.

ОН. Врачи говорят...

ОНА. Уже осень.

ОН. Врачи говорят...

ОНА. Уже зима.

ОН. Врачи говорят, что зимой мне лучше. Возьми билет.

ОНА (*в сторону*). Возьмите билет. (*Ему*.) Поговори со мной.

ОН. Я читаю.

ОНА. Поговори со мной.

ОН. Я читаю.

ОНА. Сын прислал письмо.

ОН. Что пишет?

ОНА. Женился.

ОН. Ну да?!

ОНА. Да.

ОН. А мы ему ничего не успели объяснить.

ОНА. Дочь они называли Катей.

ОН. Ну да?!

ОНА. Катя окончила первый класс.

ОН. Как окончила?

ОНА. С золотой медалью. Возьми билет.

ОН (*в сторону*). Возьмите билет.

ОНА. Снегу, снегу-то сыплет! И это летом. В наше время все было не так.

ОН. Все было не так.

ОНА. Скоро на пенсию.

ОН. Ничего, ничего.

ОНА. Давление.

ОН. Желудок.

ОНА. Печень.

ОН. Почки.

ОНА. Радикулит.

ОН. Склероз.

ОНА. Говори громче.

ОН. Я говорю: ничего, ничего. Достал путевки.

ОНА. Куда?

ОН. В рощу.

ОНА. Широколиственную?

ОН. Сердечно-сосудистую.

ОНА. Молодец.

Он храпит.

Сокол!

Он храпит.

Сокол! Сокол! Не спи! *(Тормошит его.)*

ОН *(предъявляет билет)*. Единый.

ОНА. Сокол, я — Голубка.

ОН. Да, прости. Но как бежит время!

ОНА. Пусть бежит. Все у нас было, все у нас есть: дети, внуки.

ОН. Мне так много нужно сказать тебе.

ОНА. Говори.

ОН. Я люблю тебя.

ОНА. Я тебя люблю. Открой окно.

Он открывает окно. Весна идет.

ОН. Опять весна!

ОНА. Опять весна!

ОН. Опять я Сокол!

ОНА. Опять я Голубка!

ОН. Все хорошо.

ОНА. Все хорошо.

ОН *(прислушивается)*. Конечная. Просят освободить салон.

ОНА *(берет его под руку)*. Пошли.

Медленно уходят.

Б еда у меня. Прожиточный минимум

в Москве стал сорок тысяч... Это впритык! На гроб уже не остается. Захочешь умереть — нельзя. Бессмертие наступило.

Единственно, что хорошо сейчас — не надо откладывать на черный день, он тоже уже наступил.

Нас шестеро: я, двое моих малолетних детей, домработница-старушка, жена-женщина и телохранитель-сирота. Это считай каждый месяц мне где-то нужно взять шесть на сорок — двести сорок тысяч.

Двести сорок тысяч!.. Это имеется в виду для здоровых людей, которые едят все подряд, что ни дай. Они сперва все съедят, потом вспоминают, чего это они такое только что съели.

А у меня жену от магазинного все время подташнивает. Я извиняюсь очень перед дамами — разговор не про театр.

Даже ее подташнивает не когда она ест. Многих ведь подташнивает, когда они едят. Я извиняюсь еще раз, не всем про это интересно, у каждого свое горе.

Многих подташнивает, когда они слышат про еду, а мою подташнивает, когда она еще только подумает про еду. То есть постоянно.

Такое вот горе пришло в дом ко мне.

Не сильно ее тошнит, но смотреть противно. Она зеленая становится, глаза тускнеют... Смотришь на нее — и самого начинает подташнивать... А она на тебя смотрит — ей еще хуже становится. А ты на нее смотришь — тебя выворачивает.

Значит, мне теперь одна дорога — на рынок за свежей пищей. Правильно?

А на рынке сейчас, если даже брать одни отбросы, все равно выходит дороже раза в три... Нет! В четыре.

Двести сорок на четыре — девятьсот шестьдесят тысяч. То есть я уже вынужден воровать в открытую. А это бьет по нервам, и я приучился выпивать... перед едой. Иначе я давлось. Я извиняюсь перед дамами, не всем, наверное, им интересно.

Еда стоит колом, даже если ешь икру. Колом! Сантиметров двадцать. Из глаз — слезы, изо рта — пена, отовсюду — горе.

Короче, мне перед едой надо обязательно тракт весь смачивать коньяком. Это пять раз в день... Нет! Шесть. Это еще тысяч триста в месяц. Воруешь уже из последних сил.

Личный врач сказал:

— Срочно на отдых. Немедленно! Бросай воровать к чертовой матери и отдыхай. Спасайся!

Поехали в Крым.

Путевки по восемьсот сорок одной тысяче шестьсот шестьдесят семь рублей тридцать восемь копеек. Нас шестеро. Не то что наворовать, сосчитать сразу трудно.

Ну, приехали — оказалось, жену на солнце подташнивает.

Подташнивает и подташнивает ее. Даже в «Мерседесе», — мы недавно купили — ее не так подташнивает.

Значит, она лежит в тени в Крыму. С ней домработница. Кто с детьми?.. Чужой человек?.. Крымский татарин?.. Нет. Значит, теща. Это еще восемьсот сорок одна тысяча шестьсот шестьдесят семь рублей тридцать восемь копеек. И там за шесть миллионов было.

Грубо говоря, надо мне в месяц иметь миллионов семь-восемь.

Такое вот горе пришло ко мне в дом.

Конечно, все мы сейчас бьемся, колотимся об жизнь, но меня просто сплющило, уже кончились слезы.

Не буду больше портить вам вечер... воздух и так даlese. Пойду.

Захочет кто спасти меня, пусть пришлет сколько сможет денег... на мое имя. На жену не надо. Ее от денег уже... Да, подташнивает.

Репортаж из завтра

(пародия)

Внимание! Внимание! Мы ведем

наш репортаж о финальном матче на первенство мира по футболу. Сборная Советского Союза — сборная Аргентины.

Собственно матч уже закончился. Счет 8:8! Как же разворачивались события? Первый тайм прошел при подавляющем преимуществе сборной СССР. Сорок пять ударов нанесли наши футболисты по воротам сборной Аргентины, а они по нашим только восемь. Счет первого тайма 8:0 в пользу Аргентины. И так продолжалось до 82-й минуты матча. И вот за восемь минут до окончания встречи в нашей сборной произошла замена. Команду принял новый старший тренер. Он выпускает на поле Владимира Наждачного, восемь раз Наждачный выбрасывает мяч из-за боковой, восемь раз мяч попадает в голову аргентинского защитника и от нее в ворота сборной Аргентины. Счет сравнялся. Сейчас серия пенальти решит судьбу чемпионата мира.

Первыми по жребию бить будут аргентинцы. Это делает Карантини под номером восемь. Вот он разбегается: удар, гол! Наш вратарь Тигренко знал, что Карантини — левша, видимо, забыл на какую ногу! Чем ответят наши? Бить готовится Степан Корнеев, самый молодой, самый резвый игрок нашей команды, обладающий кинжальным ударом. Корнеев бьет! Такие удары не берутся. Мяч летит на двадцать метров выше ворот.

Да, чехарда с тренерским составом, отсутствие достаточного количества полей, отвечающих мировым стандартам, и неудачно составленный календарь первенства страны не могли не сказаться на игре нашей команды. Второй удар у аргентинцев. Бить будет Хуан Ряхас. Раз-

бег, удар! Мимо! Как гласит древняя грузинская пословица: «Не все коту масленица».

Наш футболист Валерий Дагаев готовится к удару. Вот он бьет! Гол! 1:1. А точнее 9:9! Вот он, Валерий Дагаев, наш легендарный форвард. Посмотрите, какой удар! Просто математическая точность! Кстати, Валерий прекрасно совмещает занятия спортом и наукой. Он сейчас учится в шестом классе средней школы и одновременно заканчивает институт авиационного приборостроения.

Третий удар делают аргентинцы. Это Родригес Скотт! Разбегается, бьет, мимо! Как гласит древняя аргентинская пословица: «Не все скоту масленица»!

А сейчас на огневом рубеже капитан нашей сборной, форвард тбилисской команды «Динамо» Рамаз Смогулия. Сильнейший удар! Г-о-о-о-л! Сборная Советского Союза выходит вперед. Я не хочу делать преждевременных прогнозов, но сейчас нельзя не сказать, как далеко шагнул наш футбол за последние полтора месяца. И в этот шаг вложили свои усилия и тренеры, и врачи, и инженеры, и техники — создатели великолепных футбольных полей, и вы, дорогие болельщики! Ваша поддержка в адрес нашей сборной сделала свое дело!.. Судья удар не засчитывает. Оказывается, вратарь Аргентины не успел встать в ворота! А вот судейство на этом чемпионате явно не на высоте. И это не только мое мнение, это — мнение тренеров всех команд, выбывших из турнира.

Смогулия будет повторять удар. Он спокоен... успокаивает товарищей. Что значит опыт, что значит мастерство. Тридцать два года Рамазу Смогулия. Это — самый расцвет для спортсмена. Простите, Смогулия бьет! Мимо... Да, тридцать два года уже этому футболисту. Неужели у нас нет талантливой молодежи, которая могла бы забить такой нужный одиннадцатиметровый?!

У каждой команды осталось только по одному удару. Аргентинцы этот шанс предоставляют своему капитану Паулю Тампесу, который за долгую спортивную жизнь не промазал ни одного пенальти. Тампес разбегается, бьет! Мимо! Молодец, Тампес! Кто же будет делать последний удар у нашей команды?! Это скажет новый старший тренер, которого только что назначили перед последним одиннадцатиметровым. Он вновь вызывает Наждачно-

го, который сегодня уже забил хитрым путем восемь мячей.

Наждачный отошел к центру поля. Стадион замер, трибуны встали! Наждачный бьет! И мяч от судьи Стремберга влетает в аргентинские ворота. Ну, на этот раз засчитают гол или опять нет? Стремберга уносят с поля.

Мы вынуждены закончить наш репортаж. О том, кто стал чемпионом мира, вы узнаете в программе «Время». А пока это неизвестно, никто не решится сказать вам, так или не так был составлен календарь первенства страны, мало или достаточно у нас хороших футбольных полей, те или не те тренеры привлекались к работе со сборной, так или не так вели сегодняшний репортаж Николай Махарадзе и Котэ Озеров.

Птичий рынок

И извините, это Птичий рынок?

Здесь всякую живность продают-покупают?.. Спасибо.

Иди сюда, вот здесь встанем, здесь самый народ ходит. На тебе кроссворд, отгадывай пока.

Женщина, не нужно вам?.. Как — что?.. А вот мужчины сорока с небольшим. Почему подросток?.. Где вы видели лысых подростков?.. Будете кормить как следует, может быть, он еще под два метра вымахает. Интересно, почему же таких бесплатно надо отдавать?.. В какую нагрузку?.. Шли бы вы, женщина, своей дорогой. Идите, идите. От такой слышу!

Дура какая-то, набросилась ни с того ни с сего.

Женщина, посмотрите, какой мужчина тихий. Не нужно вам?.. Боря, повернись к свету... Прошу сто рублей. Себе в убыток, да совсем времени нет стоять здесь. А уж такой тихий, знает! Иной раз думаешь: не помер ли?

Нет, врать не буду, связей у него никаких нет, достать тоже ничего не достанет. Да кто из них сейчас что может?

Ну конечно, походите еще, поприценяйтесь. Только вряд ли дешевле найдете. Или такую дрянь подсунут, что потом всю жизнь плакать будете. У меня соседка на той неделе за сорок рублей взяла у цыган высокого, плотного. А он только и знает, что есть да спать. Ест и сст с утра до ночи. А так ни помочь чем, ни развеселить как следует.

Что-то все мимо идут. Может, место поменять?.. Дайка я тебе хоть щеки румянами помажу. Стой спокойно.

Женщины, вот спортивного типа мужчина. Вот спортивного типа мужчина! Всего девяносто рублей! Пощупать?.. Ну, пощупайте... Да вы не мните, вы щупайте. Потом кому я его продам помятого?

Что вас не устраивает?.. В очках?.. Так он только днем в очках, на ночь он их снимает. А вам с какой целью?.. Ну, не хотите, не говорите... Он и из-под очков орлом смотрит. Темперамент?.. Ну, как вам сказать?.. Четверть века назад он меня выкрал!.. Сейчас?.. Сейчас что же ему меня красть? Да вам с какой целью, женщина?.. Господи, еле-еле душа в теле, а все туда же.

Замерз?.. Потопай, руками помаша. А плакать не надо. На жалость меня больше не возьмешь. Что значит — не продавай? Сам довел до этого. И не проси, не канючь. Дети здесь ни при чем. Дети взрослые, все поймут. Да я и пожалею, у меня силы уже не те, чтобы прокормить тебя. Почему это я все равно лучше не найду?.. Ерунду-то не городи. Хуже я не найду.

Женщина с козлом, проходите, проходите. Что вы его поставили на самой дороге, места вам мало?.. А то! Моего не видно. Я не кричу, я вам спокойно говорю.

Берете, женщина?.. Берите, он не капризный, ест, что дадут, а то и пропустит день.

Что ты делаешь?.. Что ты делаешь, а?! Ты зачем ноги колесом согнул?.. Ты зачем глаза закатываешь?.. Дурачком прикинулся. У тебя дети взрослые, а ты стоишь слюни пускаешь! Зря стараешься, тебя и так за умного никто не примет. Ну, вреди, вреди, всю жизнь вредил.

Бабушка, не надо ему милостыню подавать, это он улыбается так. Заберите мелочь, заберите.

Что, деточка?.. Восемьдесят стоит. А тебе зачем?.. Выкупить, на свободу выпустить?.. Он, деточка, погибнет на свободе, не приспособлен ни к чему.

Женщина, за семьдесят не возьмете?.. От своего не знаете как избавиться?

Что ли, мне к комиссионному поближе стать?

Замолчи, я сказала, не трави душу! Что ты «верой и правдой»? Что «у нас все впереди»? Ты еще про золотые горы расскажи. Прибавить ему обещали. Молчи уж, не доводи меня.

Женщина, вас спрашивают: почем козел? Меня?.. Мой вот этот... Про этого и спрашиваете?.. Семьдесят. Семьдесят! Дорого?.. Так это рынок, милая моя. «Совсем уж обнаглели»? А вырастить его? А одеть? А обуть? А в люди вывести?.. Такого же при входе за пятьдесят прода-

ют?.. Что же вы не взяли? Сэкономили бы двадцатку.

Нет, семьдесят без одежды... Зачем вы говорите, что без одежды ничего не останется?.. Ну думайте, а то мне уходить пора... За семьдесят пять со всей одеждой?.. Берите.

Прощай, Боря. Вспоминай иногда... Это на нем рабочий костюм. Выходной есть... этот же. Ну а что? Он не военный, ему не надо переходить на зимнюю форму, на летнюю, можно круглый год ходить в одном. Куда вы, женщина?.. Надо же, почти сторговались.

Боря, посмотри, сколько времени... Шесть скоро?.. Наверное, сегодня ничего уж не получится. Расходятся все.

Женщина, проходите. Что вы на него так горько смотрите? Отвадите мне всех. Покупаете?.. А цену не спросили. Все равно?.. А ваша какая цена?.. Нет, а ваша? Ну, для начала хоть... Двести? Двести пятьдесят?.. Нет, я не к тому, что мало. Триста? Да вы успокойтесь, женщина. Идите сюда, а то народ собирается.

Что уж вы такого увидели в нем особенного?.. Ну вот, сами говорите, «обмылок», а таких денег не жалеете... Лучше без денег, да не одной?.. Конечно. Да тоже ведь какой попадется. Нет, конечно, одной еще хуже. Богатство богатством, а внимание, ласку не купишь. Ему вот скажи: надо для семьи с крыши прыгнуть, он ведь прыгнет, не задумается... Что вы говорите?.. Четыреста?.. Да я не к тому веду. Вот вы сказали «обмылок». Это он сейчас такой стал, а молодой был!.. Он ведь меня выкрал! Правда. Никого не побоялся. И тогда здоровья не было, а все-таки метров сорок на руках нес. Может, тогда уже и надорвался... Не продается он, женщина. Нет, ни за пятьсот, ни за семьсот. Вы уж извините

Что ты улыбаешься стоишь? Обрадовался. Пошли домой. Ну что же ты? Идти не можешь? Гос-споди, мама! Земля тебе пухом, предупреждала ты меня.

Ну, иди на руки. Прижмись. Согрелся?.. Спит уже. Ну и ладно, ну и ничего.

Что завидовать-то?

Я ВОТ В КИНО ЛЮБЛЮ ХОДИТЬ, НО Я ХОЖУ

только на отечественные фильмы, и поэтому я хорошо выгляжу.

И я всем так советую.

А есть женщины, они только на зарубежные, только на зарубежные! И, конечно, у них на этой почве нервы не восстанавливаются. Они начинают завидовать тамошним женщинам, начинают наших мужчин хаять.

А за что их хаять? За что их хаять?.. Их особенно хаять-то и не за что.

Вот иной раз стоишь в очереди, слышишь:

— В Англии мужчина вежливый, он тебе, из автобуса выходишь, руку может подать.

Гос-споди! Да что я, сама не сойду? Это, может, у них проблема, как сойти. А у нас не захочешь — вынесут вместе с сумками.

Или — во Франции, дескать, они очень женщин любят, их от женщины никакой силой не оторвешь.

Я не представляю себе, как бы я с таким сошлась. Не представляю!

Это мне в субботу убираться надо, полы мыть, готовить, белья грязного набралось полбака. Когда же я все переделаю, если он каждую секунду... под ногами вертится?

Нашему, чтобы не мешался, дала рубль, и он как сквозь землю провалился!. Это надо учитывать?

Теперь, наши вообще развитее как-то, язык у всех хорошо подвешен. Я радио, например, почти не пользуюсь. Спрошу своего:

— Ты где пропадал вчера?

Он мне такого нагородит. Он мне чего только не наплетет!

И как его директор вызвал, а там министр оказался, и они втроем сели думать, как план спасти.

Хорошо посидели, но им показалось мало. Стали думать, как еще план спасти.

Пошли к какому-то приятелю министра, тоже министру, а у него оказался день рождения, живет он у черта на куличках, телефон у него не работает — за неуплату, света в доме нет. Поэтому, когда стали расходиться, мой по ошибке попал в милицию. Это в какой Франции услышишь?

Пошли дальше. Бывает, жалуется женщина:

— Не помогает!

Я так скажу. У нас в подъезде один дядечка начал помогать жене, на другой день в больнице оказался, в реанимации. Врачи ему прямо сказали:

— Спазмы всех мышц.

Так что не помогает — и не надо.

Дальше пошли. Женщине без ласки нельзя? Нельзя. А наши какие слова знают!.. А прозвища всякие: мышонки, совенки, чертенки.

А сойдишься я с индейцем, как бы он меня звал?.. Меня Александрой зовут. Он бы меня звал Шура Тяжелая Рука Длинный Язык или Саша Большая Сумка. Кому это приятно?

Что мне еще в наших нравится, так это удаль. Без оглядки живут, не осторожничают, не дрожат над каждой копейкой. Так и спишь спокойно, ночью залезут — все равно взять нечего.

А что в наших самое-то главное?.. Вообще можно без них прожить! Сказала ему:

— Вот бог, а вот порог.

И его как ветром сдуло.

А сойдишься я с китайцем или эфиопом?.. Может, с ними сойдешься, а потом ни за какие деньги не отделаешься. Так что мы на своих молиться должны!

Телефонный разговор

Нина?.. Это я. Ну, какие у тебя новости?..

Муж уходит?.. От тебя?.. Сейчас прямо?.. Надо же. А чей муж?.. Твой?! Ну ты подумай, какой мерзавец. А чем мотивирует, Нин?.. Никакого внимания ему?.. Весь день на телефоне висишь?.. Ну, да... А какое ему, интересно, внимание нужно? Сыт, и скажи спасибо. О чем с ним говорить-то? Ну о чем? Кто кому гол забил? Чтобы идиоткой стать? Вот именно... Да... Ну, ты меня просто убила, я сама не своя... Представляю, что у тебя в душе... Да... Представляю себе... Представляю себе... Да... Представляю себе... Я тебя не виню, Нин. Вот ты со мной что хочешь делай, а у меня к нему с самого начала какая-то неприязнь была. Вот чужой, и все, хоть ты режь меня... Что? Любишь?.. В этом смысле, да? Я понимаю. Так-то он хороший, сидит, молчит всегда, не мешает никому... Не каждый, конечно... И привыкла уже, вот именно. А чем он сейчас занимается, Нин?.. Чемодан закрывает?.. Какой?.. Который ты на ярмарке купила?.. Желтый, я помню. Я у Веры точно такой же видела, только у нее за сорок рублей... Нет, за сорок, Нин, я клянусь тебе. Там «молния» пошире и дно из чистой кожи... Из чистой, Нин, я сама смотрела... Нет, я проверила... Она говорит, их и в продаже-то не было. Ей дядя подарил, у него в универсаме товарищ по университету... Нет, наоборот, в универсаме по университету... Не знаю, Нин, я спрошу. А тебе какое нужно?.. Демисезонное?.. А какой фасон хочешь?.. Спереди?.. Сзади?.. На нет?.. А пуговицы где?.. Что? Что?.. Подошел?.. Попрощаться хочет?.. Чтобы все по его было. Ну вот кто он после этого, Нин, человек или животное?.. Плачет, да?.. Правда?.. Конечно, жалко. Сколько вы с ним прожили?.. Двенадцать?.. Тринадцать. Тем более. У вас свадьба где была, Нин?.. В ресторане?.. С его

стороны?.. С твоей?.. Правда?! А кто подарил?.. За сколько, Нин?.. И чек был?.. Правда?! На всю жизнь память. Что-что?.. Поцеловал?.. В щеку?.. Не отходит?.. Даже не знаю, Нин, что тебе посоветовать... К двери пошел?.. Думаешь, ничего уже нельзя сделать... Горе-то какое, господи. С ума можно сойти... Представляю себе... Да, в душе у тебя... Да... Представляю себе... Представляю себе... Стоит на тебя смотрит?.. А где вот он найдет такую, как ты, подумал он? Что уж порхать-то? Не тридцать лет, лысый наполовину. А ты скажи ему, Нин... Ушел уже?.. А плачет кто?.. Ты?.. Поплачь, Нин, тебе легче станет... Места себе не находишь?.. Я представляю... Представляю себе, что у тебя сейчас... Да... А с другой стороны, Нин, что теперь сделаешь?.. Да, не ты первая, не ты последняя... Да... Вот именно, доля наша такая. Нин, если вернется, простишь?.. Никогда?.. Это ты сейчас так говоришь. К Марии вернулся, она его с лестницы спустила... Нет, не обманываю, она мне повестку показывала — два ребра сломал. А потом из больницы не выходила... Я понимаю, Нин, у каждого свое. И как ты теперь?.. Сама не знаешь?.. Может, он еще недалеко ушел? Догони, скажи: «Что ж ты со мной так по-варварски?..» Да... Вот именно, и молодость ему, и все на свете... Вот именно... Вот именно... На улице?.. Градусов пятнадцать-шестнадцать. А ты в чем?.. А на ногах?.. Тебе не идет так, Нин... Нет, вызывающе как-то. Нужно серое что-нибудь... Нет, Нин, послушай меня, только серое... Так можно.. Да, с шарфиком... Ну, беги... Ну, счастливо тебе. Я позвоню вечером... Хорошо, беги, ни о чем не думай... Не забуду, демисезонное... Спереди... На нет... Ну, беги, целую тебя... Спасибо... Обязательно... Я же сказала... Главное, чтобы у тебя все было хорошо... Да... Семья в первую очередь... Вот именно... Вот именно... Вот именно... Ну, беги... Что? Полетишь? Ну, лети... Ну, счастливо... Ну, лети... И я тебя. И я тебе... И я у тебя... Нин, если догонишь, привет ему от меня передай.

О т бизнеса польза всем. Сколько

человек участвует в бизнесе — всем польза! Поэтому, конечно, у нас он может привиться только через мордобой.

Вот тебе субботний случай. В пятницу началось на работе. Парторг наш... он из партии-то вышел, но все крупные праздники отмечает. А как раз только что стукнуло сорок дней кончины ГДР, буквально неделю назад. Он выставил-то три пол-литра на четверых, но нам же только завестись. Ну, и удачно так получилось — завелись.

В субботу проснулся — в голове тошнит, денег ни копейки, а выпить надо, иначе жизнь в теле не удержится.

Ну, взял утюг — я-то все равно глажусь раз в год, жены дома не было, ей в тот момент он тоже вроде бы ни к чему — пошел на барахолку. Продал какой-то морде за пятнадцать рублей. Правда, у мужика какая-то морда лошадиная. Я как первый раз увидел его, подумал: лошадь. Еще удивился: чего это на барахолку лошадей пускают? Продал ему за пятнадцать рублей.

Походил еще немного, потолкался... Все продают, слышь! Все. Носки мужские, минометы, лампы перегоревшие. Как на Западе — все есть, но дорого. Пулемет десять тысяч стоит! Совсем уже с ума посходили, да? Когда это пулемет десять тысяч стоил?

Ну, потолкался чуть, двинул к гастроному. Выхожу с барахолки — у выхода лошадь стоит, толкает мой утюг за двадцать пять какому-то лбу клыкастому.

Я подсказываю, говорю:

— Ты что делаешь, морда? Ему красная цена — десять рублей! Он новый стоит пять сорок. Ты его за двадцать пять пихаешь. Надо же совесть иметь!

Размахиваюсь, ка-ак дам ему в ухо, он брык в сугроб, говорит:

— Ты что делаешь, морда? Это же — бизнес!

И смотрит на клыкастого. Клыкастый этот лоб ничего не говорит, правда, ни слова. Размахивается, ка-ак двинет мне по уху. Забрал утюг за двадцать пять и ушел.

Мы лежим с лошадыю в сугробе, разговариваем, есть ли польза от бизнеса.

Лошадь говорит:

— Если по уху за пять рублей, то это еще не бизнес.

Я говорю:

— За пять и по скуле не бизнес. А если, как мы, по уху, но десять рублей чистой прибыли, то уже бизнес.

Поговорили, двинули к гастроному. У гастронома лоб клыкастый частушки поет, прихлопывает, притопывает — утюг наш толкает за тридцать пять, старается свой червонец заработать.

Но бесполезно. Мы уже решили, что не всем польза от бизнеса, и тут он все-таки толкнул какому-то профессору, тот, видно, не по утюгам учился. Может, он и не профессор — просто голова набок.

Мы клыкастому свистнули, пошли опохмеляться. Как выпили по сто шестьдесят своих граммов, так окончательно поняли, от бизнеса всем польза.

Теперь смотри. Я вечером домой вернулся — жена чего-то светится от радости.

— Чего ты, — говорю, — чума, веселишься?

Она говорит:

— Днем вернулась, хотела погладиться — утюг исчез. Так расстроилась вся! Кинулась в магазин, они говорят: «Вы что? После войны еще ни разу не завозили». Выхожу — какой-то дурачок, голова набок, продает в точности как наш и всего за сорок пять. Это нынче такая удача!

То есть от бизнеса польза всем!

Честь и достоинство

У меня последняя неделя такая

выдалась замечательная! Что-то необыкновенное!.. Изнасиловать никто не пытался, не грабили, не раздевали.

У меня как раз на неделю отгулов накопилось, и я из дома не выходила. А завтра опять на работу. Или ограбить попытаются, или изнасиловать — не знаешь, как одеваться, каждый раз проблема.

Меня тут женщины послали даже в МВД поинтересоваться прогнозом преступлений, чтобы заранее знать, чего ждать.

Я позвонила, договорилась о встрече. Приезжаю — генерал встречает. Сразу меня к лифту:

— Прошу вас.

Смотрю — никого кругом. А еще не старый такой генерал.

Говорю:

— Я на другом лифте поеду.

Он:

— А что случилось?

Я говорю:

— Я на другом и еду, чтобы ничего не случилось.

Он покраснел! Стыдно стало.

— Ну что вы, что вы!

Я говорю:

— Что — что вы? Сами же советуете вместе с мужчиной не ездить.

Он:

— Здесь МВД. Я — замминистра внутренних дел!

Я говорю:

— Не мужчина уже, что ли?

Он:

— Хорошо. Поезжайте одна. На пятый этаж. Я пойду пешком.

Поднимаюсь — он уже там!.. А-а?.. А поехала бы я в лифте одна с таким шустрым?

Заходим в кабинет.

— Слушаю вас внимательно. В чем дело?

Я говорю:

— Я от имени всех женщин. Или мы отделяемся от вас и живем автономно, или что-то делаете. Так больше нельзя! Грабят уже на пороге дома.

Он говорит:

— Обещаю вам — к двухтысячному году у каждой нашей женщины будет ин-ди-ви-ду-аль-ное средство защиты чести и достоинства.

Я говорю:

— Конечно, хорошо бы нам иметь хоть какое-нибудь средство защиты чести, а то же ничего нет. Ходим кто с чем, сказать кому стыдно

Одна у нас вот с такой маленькой тяткой. Пристанет кто-нибудь, она его тятает. Другая с шилом, третья с гантелей на цепочке, у четвертой клизма с пудрой.

Одна таскала с собой гарпун. Но это хорошо на крупного мужчину. Тут ей как-то попался мелкий, она тыкала, тыкала, час гонялась за ним, не могла попасть.

Сейчас женщины начали раскрашиваться под окружающую среду. Но это уже опасно. Мужчина идет, думает: куст или тумба? Вдруг «А-а-а!», — много инфарктов.

Лучше краситься в ядовитые тона или нашими духами душиться — запах отпугивает.

Еще низкий поклон нашей легкой промышленности, такие платьица стали шить — надеваешь, и уже никто не хочет тебя ни грабить, ни насиловать.

Но это же, — говорю, — товарищ генерал, все не выход. К моей близкой подруге приходит как-то ночью... муж! В парике. Решил разыграть ее. Она достает из-под подушки отечественное средство защиты чести... И этой сковородой!.. Трехкилограммовой! Представляете себе... как у нее рука устала уже в первые двадцать минут?!

В общем, все, что они тридцать лет копили, ушло на его лечение.

Что это за жизнь? Когда она кончится?

Генерал руку на сердце положил, говорит:

— Я не я буду! Клянусь, к двухтысячному наши женщины вообще забудут, что такое честь и достоинство!

Не знаю, сдержат они слово. Пойду, а то уже поздно. Мне тут, слава богу, рядом. Сейчас мимо помойки, где недавно нашли расчлененный труп, сразу через сквер, где вчера стреляли из минометов, и я у себя в подъезде... где сегодня утром милиционера раздели.

Ахир а та бу мадо

«А хир а та бу мадо. У кило тля мелек

шахир». Непонятно.

Мы тоже в воскресенье — теща приехала с тестем — сидим после обеда, ну, как все у нас, жизнь клянем: нищету эту, преступность, воровство, правительство... в общем, кругом одна проституция.

Я говорю своим:

— Оттого и бардак, что или шепчемся по углам, или показухой занимаемся, а надо кричать правду во все горло, тогда толк будет.

И звонок вдруг. Я открываю дверь — на пороге негр... в костюме и за ним человек шесть, один с кинокамерой.

Негр говорит:

— Ахир а та бу мадо! У кило тля мелек шахир.

Я говорю:

— Ну, шахир. А в чем дело?

Переводчик вылез:

— Это — король Мутакии Мутак Второй. Говорит: «Солнце вашему дому, удачи к удаче, миллион к миллиону».

Я говорю:

— Ему тоже... солнца побольше, бананов. В чем дело-то?

Переводчик:

— Король решил посетить простую русскую семью, но не подготовленную к приему, а чтобы врасплох застать.

И передает подарок от Мутака, шкатулку какую-то.

Ну, я не из-за корысти, конечно, из гостеприимства говорю:

— Тогда проходите, всегда рады.

Телохранители сразу шнырь во все углы, во все щели. Мои ошалели, конечно, раскланиваются.

Ну, сели. Сидим. Озирается он, король-то. Потом говорит:

— Бедновато живете.

Ну, о чем мы до него говорили. Самое время мне заявление сделать, но так обидно стало за страну! Довели до позора!

Говорю:

— Почему — бедновато? Нормально для одного.

— Ка-ак?! А эти люди кто?

Я говорю:

— Это вот, — про тещу, — служанка. Это — шофер мой, — про тестя.

Жена обиделась за родителей, надулась. Немного только радуется за Родину.

— А это, — говорю про нее, — массажистка со своими детьми. Заглянула на минутку.

Король не ожидал, аж вскочил. И телохранители опять шнырь-шнырь по всем углам, по всем комнатам.

— О-о! А если, — спрашивает, — вы один, не боитесь ли оставлять квартиру? Нет ли у вас воровства?

Наши все засмеялись, головами мотают, дескать, бог с вами, какое воровство.

Я говорю:

— Мы в России и двери-то никогда не закрываем. И днем и ночью нараспашку, заходи любой. У нас воровство не принято.

— О-о! — У короля глаза вылезли. — О-о! А у нас, — говорит, — в Африке воруют по-черному.

Мои все удивляются, тоже глаза выкатывают. Я выкатил, сколько мог, говорю:

— Как же можно так воровать?.. Что за традиции?! У нас на улицу выйди, положи сто рублей и иди куда надо. Обратно пойдешь — они на месте лежат.

— О-о! — расстроился очень. — У нас, — говорит, — так воруют! Могут на ходу с человека брюки снять.

Я говорю:

— Извините, это — дикость какая-то. У нас, если и спадут с кого портки — никогда никто не возьмет. После праздника, бывает, — гулять-то у нас умеют — выйдешь на улицу — кругом одни портки.

— О-о! О-о! — Аж белый стал. — Но, — с надеждой так спрашивает, — но у государства-то воруют всюду?

Я говорю:

— Чем взять у государства — лучше сразу повеситься. Уважать же не будут, руки не подадут... вообще убить могут.

— О-о-о! — Вскочил снова, забегал. Телохранители сразу шнырь-шнырь по всем углам.

— О-о! — огорчился до последнего, засобирался. — Спасибо вам, — говорит. — Амеде ту саля.

Я говорю:

— Вам тоже амеде ту саля, что зашли, и за шкатулку амеде ту саля. И не огорчайтесь так насчет воровства. Что сравнивать-то, у нас страна высокой культуры... Со временем и у вас все наладится, будет с воровством не хуже, чем у нас.

И они уехали.

Пока мы впечатлениями делились, полчаса прошло. Потом в соседние комнаты заглянули — половины вещей нет.

А в шкатулке на дне надпись оказалась по-русски: «Я — Мутак Второй... а ты — Первый».

Надо что-то делать с очередями.

Уже жить неохота. Сегодня отгул у меня, с утра пошел в магазин — очередь до поликлиники. В поликлинику — до магазина.

Я подошел, занял. Думал, в бакалею, оказалось — к сексопатологу.

Ну, стою. Движемся медленно. И что-то меня не насторожило, что никто не возмущается, ни один человек. Подождал, подождал, говорю:

— Очередь какую собрали! На километр. Перед иностранцами стыдно.

Смотрю, женщина одна поворачивается, с мужем стояла, говорит:

— Пить меньше надо, не будет стыдно.

Муж одергивает, чтобы она помолчала, стыдится за нее, прямо пятнами пошел. Она свое:

— Пропили все на свете, теперь стыдно им.

«Ну,— думаю,— знаем эту песню. Лучше с ней не связываться».

Минуты три помолчал и тихо так говорю мужчине, который передо мной стоит. Интеллигентный такой мужчина, лицо в очках. Говорю:

— Личной заинтересованности нет ни у кого, вот и имеем то, что имеем.

Он вроде хотел мне что-то ответить, а женщина эта... Как она услышала?! Перебила его, говорит:

— Заинтересованность у вас, может, и есть, да вот имеете то, что имеете.

Муж ее уже серый стал, но молчит стоит. Все молчат. Прямо какой-то фестиваль глухонемых.

«Но,— думаю,— я молчать не буду». И этой женщине уже прямо говорю:

— Вот давайте с вами спокойно рассуждать. Почему на Западе таких вот очередей нет?.. Потому, что у них конкуренция. Каждый старается из последних сил, иначе завтра его на улицу выгонят. А у нас не выгонят. Значит, можно и лишь бы как. Как-нибудь по-дедовски.

Она вроде согласилась сперва, потом рукой махнула.

Я спрашиваю:

— Чего?

Она говорит:

— И по-дедовски-то...

Я говорю:

— Правильно. А почему так получается?.. У них, в кого ни плюнь, профессионал! А у нас одни любители. Людей всему учить надо. А у нас какая учеба?.. Жена вон жаловалась. На той неделе распределили к ним после института парня. Цех у них вредный, одни женщины. Все смотрят на него, чуть не молятся. А какой он специалист?.. Какой он профессионал?.. Он даже не знает, как подступиться к делу! Не знает, где что, на что для начала нажать надо. Теорию-то вызубрил, а практические занятия у них только один семестр были, и все. И то он их прогулял.

Жена говорит:

— Мы все недовольны остались.

Женщина спрашивает:

— Это жена вам сама все рассказала?!

— Сама. Так, — говорю, — хоть и у нас. Колонна — соток шоферов. Ставят нового замколонны, сразу после института. Тот же самый результат — одна теория. Все шоферы недовольны.

Смотрю, и женщина чего-то пятнами пошла. А «очки», передо мной стояли, вылетел из очереди, даже не предупредил, что вернется.

И я уже насторожился, что чего-то не так. Может, и обошлось бы все, но тут вижу — Шишкин идет из нашей колонны, такая зараза ядовитая. Глаза вылупил:

— Ты чего здесь?!

Я говорю:

— В отгуле.

Он:

— А здесь-то чего?

Я говорю:

— За хреном.

Он:

— А без хрена что же?

Я говорю:

— Я привык с хреном... И вообще, чего ты привязался? Твое какое дело? Иди куда шел.

Он аж светится весь, говорит:

— Ничего, Серега, продержись немного. Я на той неделе к старикам еду в деревню. Ха-арошего тебе хрена привезу.

Заржал и пошел. Через полчаса-то, когда от бакалеи стали отдаляться, я понял, что к чему, да поздно уже.

Не знаю, как завтра на работу выйду.

Надо что-то делать с очередями. И это, конечно, мужики, пить поменьше.

Понедельник

-4 то случилось-то тут, Тимофей Кузьмич?

— «Случилось». Тут не случилось, Миш. Тут на самом деле все было... Конечно, я сам маленько виноват... трошки.

Не надо было мне в понедельник... Петьку своего повез к поезду в тот понедельник. Не надо было.

В воскресенье-то мы, конечно, выпили немного... Немного, да... Нет, прилично!.. Да нет, немного. В понедельник я встал все же... Сам! Встал, да... Не надо было мне вставать.

Вот.. Встал, повез Петьку в город к поезду. Корнета запряг, повез.

Выехали с запасом, чтобы не опоздать. А с утра-то подморозило!.. Видишь, как получилось?! Подморозило, да. Мы и долетели часа за два... Да меньше! Меньше... За час.

На платформу вышли — твою мать! — поезд уж трогается. Да, трогается поезд. Вещей много, давай кидать в вагон. Скорее, скорее! Кидаем... Эта лается... проводница.

Вот... Петька сунул ей двести... пятьсот!.. Нет, двести. Давай опять кидать вещи. И я кидаю, и он... оба кидаем. Еле покидали все.

Поехал он — попрощаться не успели... Ага! Я к буфету.

Останавливается поезд. Вещи Петькины выкидывают... Петьку тоже выкидывают... Не наш поезд!

Я еще думаю: выехали с запасом, доехали быстро, а чего-то не успели.

Ну и тут же наш подходит... с опозданием. Часа на два... Да, меньше! Меньше... Нет, часа на два.

Поехал Петя. Попрощались с ним, поехал он.

Подождал я — вещи не выкидывают, поехал, значит.

Ага, я в буфет, замерз ждать-то... Два часа... Да, больше! Три, считай.

Соточку принял — мне достаточно, обратная дорога еще ведь, не шутки... дела дома ждут.

Ну, принял, да... Стою. Холодно все же. Думаю: нет! не доеду, замерзну. Взял еще соточку с пивом.

Вот... Народу средне так... средне. Разговаривают об том, что ночью кто-то вскрыл магазин «Продтовары». Об этом разговор идет.

Я согрелся почти... Но ноги, чувствую, холодные! ледяные ноги. А так согрелся... Голова-то согрелась... А ноги холодные... до колен примерно... Да, выше! До головы.

Вот... Думаю: нет! не доеду. Взял соточку еще для ног.. И соточку для головы.

Выпить не успел — подходят двое. Так, тебе скажу, лет по двадцати пяти обоим... Но один-то здоровый, я ему по пояс... Чуть выше... Нет! По пояс... по пояс, да.

Вот... Здоровый такой первый-то... А второй еще здоровее.

Говорят:

— Это не ты магазин вскрыл?

Говорю:

— Ребята, да разве ж я могу себе позволить такое?

Поменьше который, размахивается, ка-к дасть мне в ухо! Я, веришь, как колокол стал — один звон внутри. Второй, вижу, тоже размахивается. Говорю:

— Ребята, да разве ж я могу себе позволить такое?

Ка-ак он дасть!.. И ничего. Ага, ничего не слышу. Не проходит звук ко мне в ухо.

Вот... Я шапку схватил и скорее в сани. Скорее, скорее.

Корнет уже развязался! Он всегда, когда мне плохо, отвязывается.

Я в сани кинулся, давай настегивать... Ушли от пого-ни! Удачно получилось.

А контуженый!.. Я-то. Думаю: нет! не доеду. Надо что-то делать, не доеду.

Тогда жена одна останется, пропадет без меня... Жалко ее стало.

А мост я уж переехал, как к нам-то править. Съезжаю уже с моста. А справа там сразу палаточка... синенькая такая... в разлив торгуют.

Вот... Жалко так жену стало... Соточку взял, больше ни к чему — дела еще дома. Выпил соточку.

Слышать стал! Отдельные слова хорошо разбираю... Про фальшивые деньги говорят... Ходят по городу фальшивые деньги.

Но не все еще слова разбираю. Думаю: нет! не доеду! не доеду ни за что! Взял еще соточку.

Стою, да... Время уже — только бы успеть засветло. И то еще гнать надо. Гнать и гнать!

Стою, да... Соточку взял еще и стою.

Подходят двое. Так, тебе скажу, обоим лет по двадцати пяти... По тридцати!.. Нет, по двадцати пяти.

Один-то мне по пояс будет. Небольшого росточка. А второй-то... еще меньше. Говорят:

— Это не ты фальшивые деньги делаешь?

Я говорю им:

— Ребята, да разве ж я могу себе позволить такое?

Слева который, размахивается, ка-ак дать мне по скуле. За что?! Аль спутал с кем? Смотрю, второй размахивается. Говорю:

— Ребята, да разве ж я могу себе позволить такое?

Ка-ак он даст!.. Я к саням скорее. Скорее-скорее. Бегом к саням.

Корнет уж развязался! Пошел галопом. Я за ним. Думаю: не догоню! Ничего, догнал.

Подъехал к дому — ночь уже, ни огня нигде, темень. Еле живой, замерз весь, обида мне кругом, одна радость — добрался. Ага, такая радость!

Стучу. Голос:

— Кто?

Говорю:

— Грунь, это я.

Она вышла — плачет, увидала меня — еще больше... плохо ей стало. Говорит:

— Кого завел на стороне?.. К той и езжай!

Я говорю:

— Грунь, что ты городишь? Разве ж я могу себе позволить такое?

Она разворачивается, ка-ак дасть мне в нос. Тут же с другой руки размахивается.

Я ей:

— Грунь, да разве ж я...

Ка-ак она дасть! Как дасть! И назад в дом, засовом щелк. Я скорее к саням! Корнет уж развязался!

А куды бечь?.. Куды бечь-то от своо дома?! Говорил Петьке:

— Езжай в воскресенье.

— Нет, батя, успеется и в понедельник.

Кто ж по понедельникам ездит?

Сергеа женится

(пародия на М. Евдокимова)

Не знаю, чего рассказывать...

Не знаю... Ребята небось все рассказали.

Тут как-то весной думаю: жениться, что ли?.. Чего одному-то радостей?.. Баня и все... и телевизор. Баня греет — не разговаривает, телевизор разговаривает — не греет. А надо же, чтобы и грело, и разговаривало. Правильно?

Ребята все давно поженились... Ванька-алкаш женился. Его щас не узнать. Гладкий стал! Радостный такой! Раньше дрался каждый день... козел. Щас раз в неделю... с женой. Морда поцарапанная постоянно, ага, капитально так... Зато гладкий, блин, такой!

Петька дурачок уже седьмой раз женится!.. Ничего себе дурачок, да?! Седьмой раз уже... на одной и той же. Ага, они поженятся — разойдутся, поженятся — разойдутся.

Леха, блин, и тот женился!! Представляешь?! Представляешь себе — Леха женился?! Вот такой шибздик!.. Сорок килограмм вместе с документами! Его летом из-за ботвы не видно!

А взял себе, что ты! — обхватить не может. Ага, не сходятся у него руки. Жадность-то!.. Бегает вокруг, трясется весь от радости... И тоже чистый такой весь стал.

Я еще той весной хотел жениться. А разобрали всех девок, е-п-р-с-т! Где взять-то?!

Одна была, она мне не нравилась что-то... Ростом по пояс... Лехе. Леха мне по пояс... И кости одни в ней! Ходит, гремит ими на всю деревню... Да, больше! На весь район.

А этой весной в бане познакомился с одной... В смысле, после бани. Я из своего отделения выскочил к буфету за пивом, она из женского выскочила... тоже к буфету...

Ну, как сказать?.. Оба мы выскочили... Столкнулись еще.

Столкнулись, ага... Я когда поднялся с пола, вижу — она ничего, стоит в очереди... Не вертлявая какая-нибудь... стоит и стоит себе... как выросла.

Я говорю:

— Заходи, будет настроение... прямо с вещами.

Она сразу зашла. А чего у нее вещей-то — мочалка да мыло.

Не знаю, чего рассказывать.

Классно так живем. У нас полное согласие во всем... интересы общие, эти... привычки всякие дурацкие.

Я готовить не люблю, и она тоже. Я убираюсь раз в месяц, она — вообще никогда не убирается. Классно так, ага.

И это... интересно — у меня после бани морда красная и у нее!.. У матери у ее не красная, а у ней красная постоянно.

Не знаю, мне нравится... Один недостаток у нее только... Дотронешься до нее, она сразу так дышать начинает, блин! Засиделась, что ли, в девках... Ага, дышит так тяжело... как лошадь... Да, больше! Как конь... Один раз дыхнет — согрелся уже, еще раз дыхнет — мокрый весь.

Главное — не устает дышать. Дышит и дышит с утра до ночи... В смысле, с ночи до утра.

Я на работе уже ничего не делаю! Сил никаких нету. Домой приду, она сразу:

— Ляг, отдохни.

Только лягу, слышу: дын-дын-дын, дын-дын-дын — подходит, ложится рядом. Я думаю: мало ли, может, спросить чего хочет. Не, ничего не спрашивает. Как дыхнет! Я говорю:

— Ты чего, в самом деле, наглость потеряла? сколько можно?! дышать. Иди отсюдова.

Она плакать начинает, а мне же жалко ее!.. Не знаю, чего рассказывать.

Интересно это... пожалеешь ее раза два, она запоем сразу, пойдет по хозяйству что-нибудь похозяйствует... минут пять.

Через пять минут слышу: дын-дын-дын, дын-дын-дын, опять рядом ложится!

Думаю: может, спросить чего хочет. Не, ничего не

спрашивает. Как дыхнет!

Я думаю: е-п-р-с-т! Хорошо я попался, другой бы умер давно.

Вчера к врачу ходил. Говорю:

— Нет каких таблеток... чтобы она не дышала?

Он дал порошков каких-то на месяц.

Я домой пришел, она щи ставит, я ей в тарелку все, что на месяц, высыпал. Думаю: или в тюрьме отдохну лет пять, или сегодня хоть выплююсь наконец.

Только она щи доела, я сразу — р-раз в постель, глаза закрыл, рот открыл... И тут слышу: дын-дын-дын, дын-дын-дын.

Е-п-р-с-т! Я раз в окно и ходу, ходу от дома. Без передышки километров пять дал. Да, больше!.. Сто пять.

Снежный человек

-3 дорово. Сегодня приехал, что ли?..

Видел тебя тут по телевизору. Галька кричит в окно, думал: убилаась насмерть обо что-то:

— То-олика показывают по ящику!

А я на дворе был, косу правил. Ну, пришел — ты выступаешь в сером костюме. Правильно?! В сером?! Ну! Я ж без обмана говорю, как было.

Я как раз по хозяйству был на дворе. Выпивши чего-то пришел... немного, правда... Но сам дошел! Задыхаюсь, слушай, в доме, не могу дышать чего-то, чувствую — помру щас.

А пойду, думаю, лучше на двор, чего-нибудь сделаю. Косу отбиваю, Галька в окно кричит, думал: ошпарила себе чего-нибудь. Ага, кричит так здорово... Думал: бомбу нашла атомную:

— То-олика показывают по ящику!

Ну, захожу — ты выступаешь в сером костюме. Важный такой в сером костюме стоишь, чего-то рассказываешь... ерунду какую-то.

Ты бы хоть раз серьезное чего-нибудь рассказал.

Третьего дня передача была про снежного человека, я думал: тебя покажут. Нету ни хрена. Чего ты не участвовал-то?

Хорошая передача. Не могут его поймать никак!.. Ха-а! Вот тебе и построили социализм, да?.. Чего построили, сами не знают.

У нас один мужик встречался со снежным человеком... С Зеленого холма он, мужик-то, дом напротив почтара.

Почтаря-то ограбили весной! Не слыхал?.. Ограбили подчистую! Взять ничего не взяли, а упились — самогон нашли и попадали тут же.

Один-то — сын его... почтаря, другой — племянник. Оба из города. А третий-то — сам почтарь. Говорит:

— Ребята приехали — выставляют, я пью, они еще выставляют — я еще пью.

Оказывается, они его самогон нашли и его его же самогоном угощали. На дармовщину-то все и упились, ага.

А напротив как раз этот мужик живет. Почтарь вот так, а этот мужик вот так... наискосок... считай, что напротив.

— Иду, — говорит, — в горку-то.

У них магазин на горке. Он пол-литру взял, спустился уже домой, думает: чего я одну-то взял? И опять, значит, скорее на горку, пока очередь помнит его, а то же не пропустят ни за что.

Он еще почему запомнил — день получки был... не то аванса.

— Иду, — говорит, — в горку, вижу — на пути два мужика стоят. Один как бы другому на загривок забрался.

Еще ни разу он так не напивался, чтобы у него вверх двоилось. Вширь двоилось. Да всякий раз вширь-то двоится! А тут вверх. Он выпил перед этим грамм шестьсот — с чего двоиться-то?

Никогда у нас ни у кого вверх не двоилось. Не было случая такого.

— Иду, — говорит, — в горку, вижу — стоит двухэтажный мужик... голый и мычит чего-то.

Чего-то по-своему мычит, вроде как: «Куда идешь, Иван?» Так получается у него. Вроде как: «Куда идешь, Иван?»

Он почему запомнил? Его Петром зовут... «Куда идешь, Иван?» — Петру-то.

— Голос, — говорит, — низкий такой, и глаз один горит прямо! Второй подбитый.

Где-то ему подбили. Ну, подрался где-то. У нас же, когда получка, могут разукрасить, как елку. Культуры же нет. Ну, под руку если скажешь что-нибудь... Бывает, выпивает человек, а ему под руку что-нибудь говорить начинают... Вообще за такое расстреливать надо.

Ага, глаз подбит один, а голос низкий такой. Ну и нашего парализовало всего со страху. Ну ты чего!

— В глазах, — говорит, — темно, ничего не вижу. На солнце смотрю — нету солнца!

Парализовало всего со страху, ничего не видит.

— На часы смотрю, — говорит, — без двадцати восемь. Сейчас закроют магазин-то! Где потом доставать?

Понял? А этот дрын стоит на дороге, не пускает его, ага. Голос низкий такой.

Он — налево, тот тоже налево, он — направо, тот — направо. Он — в карман, табака достает горсть. Хитрый такой!.. Понял ты? Понял, к чему он?.. Бросить тому в глаза.

Достает табака горсть. Ему Сашка Гагар дал, он свой растит. Крепкий такой табак, хороший!

У Гагара-то жена осенью пропала. Не слышал?.. Ты уехал с отпуска, и жена его пропала вскоре. Думали, с тобой, может... Так у тебя своя. Куда их две-то к черту?! Нашлась потом.

Ну и Петька достает горсть-то, хитрый такой... Жена у него Люська тоже хитрая такая!.. Вся семья у них хитрая.

А снежный человек тоже хитрый такой — шлеп ему по рукам!

Он их и чувствовать перестал. Ага, плечи чувствует, а дальше нет ничего, табак один.

Ну, и он тоже звереть начал. Каждый бы так, конечно. Чего, закроют магазин-то запросто!

Никогда у нас раньше снежных не было. Щас чего-то на каждом шагу.

Ну и Петька озверел страшно, думает: бежать надо! А как убежишь?.. Нога-то у него одна под прессом!.. Как от чего?.. Здорово! Тот ему лапой на ногу встал и стоит себе, не уходит никуда. Как бежать-то?

Мне Галья как-то ведро с водой опустила на ногу — ого! Три дня ходить не мог... С коромысла это... стала снимать, оно сорвалось.

Я же виноватый!.. Давно она просила: почини коромысло. А мне все некогда: то забуду, то выпивши, то забуду, то выпивши — оно и сорвалось.

А я рядом был... под ним как раз очутился. А в нем десять литров!.. Я еще босиком чего-то. А ведро полное по края по самые!

И у меня зуб болел, я и стоял — думал: холодного попью — пройдет, может... И не раскорячившись стоял, а

чего-то обе ноги вместе. Выпивши, что ли, был. Чего-то вместе их поставил... По обеим и дал!.. Про зуб сразу за-
был.

Ну и у него как будто трактор на ноге.

— И уже неприятно, — говорит, — не в зоопарке же, с-мое.

Ощерился этот, голый весь. Он не запомнил бы — голый и голый, подумаешь. В день получки у нас и не такое можно увидеть. А голос низкий очень! А как пасть разинул!

— Я, — говорит, — вообще всю жизнь за минуту вспомнил. И детство, и армию.

В армии-то они с нашим Женькой Поповым вместе служили. В Мурманске.

Ага, в Мурманске. Только Женька на три года раньше. Петька пошел, уж Женька пришел... Да, Женька пришел — Петька пошел... Погоди-ка... Женька пришел, Петька пошел. Петька пошел — Женька пришел. Ну, да!

Женька пришел уж, женился, дом спалил... Материн дом, хороший еще. Спалил, ага, печка одна осталась.

Главное — дождь неделю лил без перерыва. Чего там могло случиться?.. Он и не курил тогда... Да их и дома-то не было никого. Не знаю, как он спалил.

В общем, Петька стоит — рубаша мокрая от страха, сам мокрый от страха, портки мокрые тоже! На часы глянул — без десяти! Твою мать, закроют ведь магазин! А тут этот пасть разинул, голос такой... как после получки.

— У тебя закурить-то есть? Давай закурим... Чего у тебя, хороших нету? «Астры»-то?.. Ну, давай «Столичные».

Ты чего, ничего с собой не привез, что ли, выпить-то?.. Трезвый стоишь... Чего жара?.. Я тебе такой рассказ классный рассказал — кордебалет целый. По телевизору расскажешь, все деньги себе бери, мне не надо.

А ты чего, в жару не пьешь, что ли, совсем?.. Почему?.. Тяжело?.. А кому легко-то в жару?.. Верблюду.

Чем кончилось? Ничем. Перепугался насмерть — и исс. Чего, ему тридцать шесть неполных лет — самая жизнь, самое оно. А тот ему ногу придавил, пасть разинул — все! Как говорится. Отберет щас последнюю поллитру, и чего делать вечером?

Ну и тут ветер с его стороны пошел, с его стороны по-

дул ветер. А шестьсот-то он успел выпить! Зверь дыхнул паров от него — р-раз с копыт. Глаз потух сразу, ногами дергает, пена из него пошла, как из шланга.

Петька перепугался насмерть. И так парализованный стоял, тут пена эта. Бежать скорее... Куда, домой? Ты чего? В магазин. Еле успел.

— Обратно, — говорит, — иду с горы — нету никого, чистая горка.

Хорошо еще он его перед этим догадался измерить для науки. В нем сколько, думаешь, расту?.. Двенадцать пол-литров!

Ладно, пойду. Я тебе вечером расскажу про НЛО. Не слышал?.. Готовь закуску.

О-о! Вспомнил! Главное-то!.. Я ведь как раз от этого Петьки выпивши пришел, когда Галька в окно чуть не выпала: То-олика по ящику показывают!

Я думал, ей змей под рубашку заполз... или еще кто. Ну, вхожу, ты в сером костюме выступаешь. Правильно?! Было?! В сером?! Ну, вот.

Картошка нужна — заходи. Помидоры, огурцы... Не, не заходи! Я сам принесу.

Главное — Галька орет — у меня весь хмель вылетел. Чего, спрашивается, пил?

История одной любви

Один я щас остался... совсем один.

Старуха моя, того... уехала к сестре.

Сестра у ей болеет... каждую осень. Телеграмму шлет: «При смерти я!» Лет сорок уж помирает.

Говорю ей: «Что ж ты, поганка, делаешь? Я и так об одной ноге — ты опять норовишь сбежать. А куры на ком? А корова? А поросенок?!» — «Я договорилася».

Договорилася она. Вот что творит, падлю. Думаю развестись. А на что она щас?.. Все уж. От их щас одно беспокойство.

Зуб у ей летом болел. Думал: в гроб лягу. Враз заболел. Днем ходила — ничего, все зубы на месте. Ночью дергаться стала. Дергаться и дергаться. Твою мать! Что ж такое? А ну? Встал, свет зажег — раздуло у ей лицо — не признаешь. Ей-бо! Уже пошло на мою подушку.

— Помираю! Помираю!

— Чего, — говорю, — несешь? Кто от зуба помер? Сестра-аферистка сорок лет никак не помрет, и ты туда же. Что я тебе? Четыре утра! Куды я тебе? Кого-чего?! Спи знай!

Утром у ей рот набок, язык не пролазит. Так-то говорит — не поймешь что, а тут вовсе: мы-мы. Чего «мы»?

Дескать, в больницу ее отвези. Щас!! С утра кровельщик обещался подойти насчет сений, изгородь на задках покосилась, козлы править надо. Я все брошу — в больницу попрусь. Туда пять километров да обратно... шесть. Пятьдесят шесть километров! Бензин дороже молока! Кто повезет?

Легче без зубов жить. Ей-бо! А на что они? Цены щас — все одно ничего не укусишь. Куды я поеду?! За чем? Кого-чего?!

Пошел. Машины в разгоне все, и лошадей нету ни од-

ной. Ни одной! Какая где. И что теперь делать? И где взять?!

Она: «Мы-мы».

Говорю:

— Замолчи! Не трепли невров!

Замолкла. Еще хуже — не поймешь, живая — нет. Потрогал — теплая еще. Плохо, ходить не может. Силится встать, а ей в голову отдает. А что я тебе?! Куды я? Кого-чего?! И что я могу сделать с одной ногой?

Пошел в сарай, от Ирки коляска осталася, от внучки. Крышу проели крысы, сиденье крепкое. Что ему? Весной навоз только возил, и все. Соломы бросил пучок, подогнал к крыльцу.

Теперь ее перетащить надо! А в ей пудов шесть! Ей-бо! В сестре шесть и в ей. Аферистки. Шесть пудов целиком не поднять мне... только частями. Твою мать-то! Соседку кликнул. Подтащили как-то. Хорошо, крыльцо высокое — прямо перевалили в коляску... Немецкая коляска. Рассчитано все... на шесть кило. Тут — шесть пудов! Колеса не вертятся.

Смазал солидолом. Соседка над душой стоит, ахает. Стервал! Нашла, когда ахать. Костылем отодвинул ее... по спине. Куды ты лезешь? Что ты ахаешь?! Помогла — пошла на хрен!

Отъехали с километр — дождь. Ни одной тучи на небе. Откуда дождь?! Соседка подгадила. У ей глаз дурной. Курыдохнут. «Хорек, хорек». Какой хрен хорек? Чуть ветер с ее стороны — дышать нечем. У ей даже колорадский жуk не держится. У всех путных людей картошка облеплена, у ей — ни одного.

Льет и льет дождь, конца нету. Глина под ногами, склизь. Ее пиджаком прикрыл, сам до нитки в одну минуту... Ну, едем. Кто едет, конечно, кто идет. Навстречу Олюшка-спекулянтка тащится. У ей зять у нас с краю живет, Ванька. Ты не помнишь, давно уж было. За бутылку взялся голым вдоль деревни пробечь. А мужики подгадали — в аккурат бабы вечером коров гонют с того конца. Загнали его в крапиву. Измуздыкали так — прибежал, не поймешь, где зад, где перед. Так вздулось все. Рот нашли, тогда определили... где зад.

Олюшка наострилась сразу:

— И что везешь?.. — Спекулянтка, собака.

— Что? А ты не знаешь?.. С час назад объявили по радио: старух порченных меняют на телевизоры.

— Шутишь.

— Каки шутки?

Она под пиджак глянула, моя там: «Мы-мы». И эта готовая, тоже: «Мы-мы». Говорю:

— Что ты топчешься, собака? Дуй бегом, Ванька тебя заждался с коляской.

Разворачивается, как даст ходу назад.

— Эй! Подмогни хоть маленько.

И де? Ее не видно уже. Твою мать-то... Иду кое-как, кувыркаюсь. Вот он, мосток! Где Петька Шерстков руку сломал. Девоч пугал. Девки сзади шли, он забрался под мосток. Подходят они, он: у-у-у!.. Дурак-то, твою мать. У их сумка с солью пуда на два — ух вниз по башке ему. Он в овраг и боком об корень березовый — два ребра погнул... И руку сломал... через месяц где-то.

Вот он, мосток-то, внизу. Чую, щас перевернемся. Ей-бо, перевернемся! И что делать? Обьезда нету. И что я?! Куды? Кого-чего?!. Бросить все да развестись к чертовой матери.

Она: «Мы-мы». Дескать, не бросай. Я, дескать, за тобой горшки носила, когда ногу потерял, дескать, посидела через тебя... Ну, што и дети на ей были, и я взвалился... Говорю:

— Что было, то прошло. Прощай... на всякий случай.

Костылем уперся — тормозю. Как съехали?! Не пойму. Мосток перешли. Теперь вверх! А куды я с одной ногой?! Что я?! Кого-чего? Не подняться мне!!

Выперся как-то. Ноги не держат. Тащусь дальше. Слышу — хрусть. Чтой-то?.. Костыль треснул. Твою мать! Ложись, помирай... И тут коляска как задержается. «Все, — думаю, — агония у ей началась». Заплакал, ей-бо! Чего же? Сорок лет прожили. За сорок! За сорок. Поворачиваюсь попрощаться, пока не остыла, — она смеется лежит!.. Я в глине весь, как в говне.

И вот все у ей так. Когда сгорели в шестидесятом году, стоим в исподнем у головешек — она смеяться давай. Ду-мал, рехнулась. А это в ей, значит, поперек судьбы чтоб. Ума-то нету.

А мне какой смех? На култышке три километра. Быстрей на пузе вокруг земли. Твою мать-то совсем! И что я?! Как дойтить?! Кого-чего?

Ну, пришли. Врач чего-то на месте оказался. Молодой еще, трезвый... ума-то нету. Сразу руки мыть, инструментов ей в рот натыкал — чик! Готово!

Она: «Ой!»

Он:

— Все! Следующий!

В Москве учился... ума-то нету. А у ей вишь что, в десне рыбья кость застряла. Так жрать горазда! Я-то сижу, подо мной лужа, с чего натекло, всем не объяснишь. Костыль сломал, култышку истер в кровь. А в следующий раз у ей баранья кость застрянет?! Мне помирать?

Думаю развестись... С утра ухлестала. Когда будет? А ну дождь?! А ну пожар?! Что я один? Куды?! Кого-чего?! Дура чертова, собака!

Ктой-то там на дороге показался. Плянь, не моя?

Золотые руки

Сашка письмо прислал — сильно

хвалят его. Начальство очень довольны. Золотые руки!.. Начальник так сказал про Сашку мово. Золотые руки! Выстроил всех и сказал: «Вот вам, сволочи, всем пример — Сашка золотые руки». Всенародно сказал. Самый вот который там главный у них — начальник всей тюрьмы.

У Сашки с детства золотые руки. Ноги не так, а руки — что ты! Без порток еще бегал, все, бывало, в замках копался. Замок либо засов увидит — аж дрожит весь.

Еще, помню, в школу не ходил, зашли чего-то к председателю сельсовета Леонтию Захаровичу. У того сейф заело. Сашка открыл! Еще в школе не учился.

А уж когда выучился-то — о-о-о! Что ты!.. У него и первый привод был за технику. Трактор угнал с прицепом... девок катать. В прицеп сколько девок-то войдет!

Судья потом: «Как ты это исделал? Там же аккумулятора не было?»

О-о-о! Сашка что ты! «Как?» Щас он тебе и скажет. Там, по-моему, и мотора-то не было. Он провода соединил как-то... крест-накрест, что ли. Хитрость какую-то исделал. Они потом все удивлялись в милиции.

Головастый!.. В кого вот? Я не сильно в технике. Мать тоже ничего такого уж особенного, кроме ведра, не видела. А этот!

Мышеловку, помню, взял, чего-то там стамеской чик-чик — приемник собрал!

Откуда чего в нем? Ох, головастый! Второй привод за что был? В райцентр кто-то мотоцикл сыну привез из Японии, скоко-то цилиндров там. Ну, и тот ехал куда-то по делам, оставил на улице, цепью только к столбу привязал, два замка навесил, отошел на минуту.

А с коляской мотоцикл! В чем беда-то. Тут Сашка объ-

явился с девками. В коляску-то их тоже много войдет. Подошел без стамески, без всего... с одними девками. Тот возвращается через минуту. Да где?! Через полминуты — цепь на месте, замки на месте, а Сашки с девками нету... и мотоцикла нету.

О-о! Что ты! Тоже все удивлялся: «Как ты завел его? Он же с секретом. Там японский секрет!.. И как ты быстро так?» Оттого и быстро, что с девками. С ними быстро надо все делать, они же не любят ждать.

Он и в третий раз через технику попался. С девками собрался куда-то. В кино, что ли. Девки ведь от него ни на шаг. Что ты! Не оттащишь. Как мухи на гов... на мед. Он же высокий у меня, Сашка, ладный такой... в меня весь.

Ну, и девки одолели его. Он же безотказный, они и пользовались, сволочи. Прохода от них не было. Ночью выйдешь на двор... ну, там покурить заодно — шур-шур в кустах. И что такое? Собака, что ли?.. Где?! Девки под каждым кустом!

Его больше к технике тянуло. Ну, и к девкам, конечно, тянуло... и к технике. Так раскорячкой и жил.

И, что ли, в кино они договорились, а тут дождь припустил. А сосед у нас слева-то машину купил. Знаешь ты его. Змей! На какие вот деньги он купил? Ворюга, дьявол! На складе завхозом. Что ни день, тащит что-нибудь. Натаскал себе... на целую грыжу. Инвалидность дали. А раз инвалид — машина полагается.

Он машину в пенал, пенал — в гараж, к гаражу собаку. На суде все удивлялся:

— Как ты собаку-то улащил? Она же — волкодав!

«Как». Все тебе Расскажи. Поехал Сашка в кино с девками... и с волкодавом. Там — пьяных ползала. Волкодав давай кусать их. И всплыло все. А то бы Сашка на место поставил. Он аккуратный! Всегда все, что угонит, на место ставил.

Три года дали. Четыре отсидел, щас обещают досрочно выпустить.

Ты мне скажи, что это? Всю Россию разворовали до нитки — никто не виноват, а девок в кино свозить — три года! За что?

Когда их возить, как не в молодости?.. Мне щас любую

дай — на кой она мне черт?.. Хотя со стамеской, хоть без стамески — ничего не сделаешь.

Всю Россию разворовали, сволочи, а Сашка отвечай.

Боюсь знаешь чего?.. Начальник тюрьмы машину себе новую купил: Сашка пишет — во дворе ставит. А что там, всего-то две решетки, трое ворот.

Да оно ничего. Боюсь, как бы там девок не завелось. Такая зараза тоже, проникают всюду... Как моль! Нету, нету — ахватишься — уже без шапки, без порток.

Мать ему невесту приглядела. Хорошая девка, я видал... работающая. И отец за ней мотоцикл дает... без коляски!

Даст бог, все у нас хорошо будет. Главное дело — у него руки золотые.

ОН. Зойк, Иван-то Никифорыч умер?

ОНА. Гос-споди! Царствие небесное... Когда же?

ОН. Так я не знаю. Я тебя спрашиваю. Вспомнил тут, давно что-то Ивана Никифорыча не видать. Помер он, что ли?

ОНА. Погоди-погоди. Какой Иван Никифорыч?

ОН. Здорово живешь. Совсем, что ли, плохая стала? Петьки нашего шурина.

ОНА. Какого Петьки нашего?

ОН. Брат твой Петька!

ОНА. Чего ты мелешь? Ванька у меня брат, Сережа и Саша.

ОН. Да троюродный твой брат! Из Протасовки. Сын тети Галин.

ОНА. А-а-а!

ОН. Ворона кума.

ОНА. Женька!

ОН. Женька?.. А я Петька. Женька! Ну да! Их семь человек у ей, у тети Гали, всех не упомнишь. О-о-о! Женька, Женька, точно. У него кто шурина?

ОНА. У него нет шурина. Он неженатый еще. Да какой Иван Никифорыч-то?

ОН. С Чуйского тракта... Печник он, что ли.

ОНА. Кто у нас с Чуйского?.. Не кум ли Лешкин?

ОН. Который Лешка?

ОНА. Тети Дуни Лешка.

ОН. Которая тетя Дуня?

ОНА. Стрелочница. Рельсы-то у нас откуда? Картошку нам все помогала сажать. А Лешка — сын ей родной. На спасательной станции работал.

ОН. Так он утонул же!

ОНА. Когда?!

ОН. В том годе.

ОНА. Кум утонул?!

ОН. Лешка сам.

ОНА. Лешка я знаю. Я думала, ты про кума.

ОН. А тетки Прасковьи Лешка. У него кто кум?

ОНА. Тетки Прасковьи бабы Машиной?

ОН. Да.

ОНА. Твоей бабы Маши или моей?

ОН. Твоей.

ОНА. Моей бабы Маши Прасковья в Хабаровске за прапорщиком... Сапоги у нас с портянками откуда? У них двое ребят: Танечка в третьем классе и Вовик в шестом. Никакого Лешки нету.

ОН. Несешь, сама не знаешь что. «Вовик в шестом». Уж он армию отслужил!

ОНА. Сиди «армию»! Это тети Кати сын отслужил, Владик.

ОН. А тот Вовик?

ОНА. А тот Вовик... Уж он женился на Лиде дяди Сережиной.

ОН. В шестом классе?

ОНА. Я про Владика. Лиду взял он, дяди Сережину, который сват нашей Зине. Их-то дети поженились весной. Забыл, на свадьбе гуляли? Павлик и Вика. В универмаге она торгует... горшками. А Лида — вторая дочь. Малярша она, краска-то у нас откуда? Они с Владиком тоже друг другу как-то приходятся. У нас всех один прапрапрадед.

ОН. Ну... умер он, что ли?!

ОНА. Давно. Уж лет сто.

ОН. Как — сто?! Пять лет назад выпивали с ним вот здесь.

ОНА. Про кого ты спрашиваешь? Про деда нашего общего?

ОН. Печку нам кто клал?

ОНА. Степан Иванович. Которая развалилась печка?

ОН. Нет! Которая развалилась, я сам клал. А потом-то?.. Рыжий такой! С головы до колен! Аж на пятках у него конопатины. Ваша родня-то!

ОНА. А у вас все косопузые.

ОН. При чем здесь?

ОНА. При том. Только пожрать да выпить на чужой счет.

ОН. О-о! Понесло ее.

ОНА. Вся родня такая. Убьют за стакан. И жрут, и жрут, пока в слюне не запутаются.

ОН. Куды тебя понесло? Про что говорим-то? Про Ивана Никифору́ча... О-о-о! Вспомнил!! Как же, как же... Нет, не вспомнил... А зеленки ведро у нас пятый год стоит, откуда оно?

ОНА. Поля подарила дяди Витина. Медсестра.

ОН. Которая задницей вертит?

ОНА. Это Оля, буфетчица. Вилки-то с ложками у нас откуда?

ОН. У ей кто муж?

ОНА. Виктор.

ОН. Виктору ж я помогал погреб копать, когда он ногу-то сломал?

ОНА. Это Сергей — брат мужа невестки дяди Мишиного. Он нам помогал копать, когда у тебя рука отнялась. А Виктор нам крышу стелить помогал. Несчастье тогда тоже случилось — сорвался он со стропил... сапогон весь разлил.

ОН. А печку кто же клал?.. С Чуйского тракта-то кто у нас?

ОНА. Никто вроде бы.

ОН. Как — никто? Рассказывай мне. Ванька тети Ленин шурин Женьке из Маснева? А Женька через Верку, жену свою, Славке доводится кем-то?.. Он Славке доводится, доводится! А Славка сам с Чуйского!.. Вот я и вспомнил... О-о-о. Наконец-то, твою мать, прости, господи... Вспотел аж.

ОНА. Какому Славке?

ОН. Кудимову кому... Почтарю... Ваша родня-то рыжие.

ОНА. Почтарь — ваша родня, косопузые.

ОН. Еще чего? Не ты, я бы его давно отвадил. Одна рожга наглая чего стоит.

ОНА. Ну да.

ОН. Что ну да?

ОНА. Наглая рожга... Я так и думала, что из ваших. К нам он ни с какого боку.

ОН. А что же брат его гостил у нас неделю целую... лет семь назад. Это ж брат его был, Славкин?

ОНА. Почем я знаю. Ты принимал.

ОН. Я думал: ваша родня.

ОНА. Еще чего?

ОН. Кого ж мы принимали?

ОНА. Вот он, наверное, и есть Иван Никифoryч.

ОН. Будет тебе! Что я, Ивана Никифoryча не помню?

ОНА. Ну, кто он, Иван Никифoryч твой?

ОН. Кто?

ОНА. Да. Кто он?

ОН. Кто... Все! Иди. Пристала: кто, кто?.. Иван Никифoryч, и все... Родня чья-то... Небось уж помер давно.

Кто виноват?

-О -о-о! Сколько лет, сколько зим?..

Когда последний-то раз с тобой видались?.. Позавчера?..

Вот ты ничего и не знаш. Вчера Петр с Иваном убили друг друга... до крови.

Петр телевизор включил. Смотрел, смотрел... с полчас — нет ничего! То, бывало, рябь показывал, а тут нету и ее, одни крапины.

Крапины же неинтересно смотреть. Он — к Ивану.

Ну, Иван сразу пришел... под хмельком, правда. И Петр маленько под хмельком был. Да... короче, пьяные оба в стельку.

Иван сперва-то починил телевизор, заработал он... Вставил вилку в розетку, тот и заработал.

Пошла рябь! Голоса нету, а рябь хорошая идет, крупная... Хоп! Исчезла рябь. Прождали с час — нет! нету ничего.

Тогда что же? Достали бутылку... две ли. И началась тут хренатень. Иван первый заметил... И Петр первый.

Они выпили по рюмке — оп! — рябь появилась. Только закусывать — чик! — рябь исчезла. Что такое, твою мать?! Они наливать скорее — оп! — рябь здесь. Они закусывать — чик! — нету ее.

А ну, какого дьявола?! И что за шутки?! Выпили — оп! — вот она, рябь. Закусили — чик! — вовсе ее нету. Твою мать-то совсем! Они стаканы достали, давай стаканами проверять. Налили — оп! — есть рябь. Они закусывают — нету ряби.

Ни грозы на улице, ни самолетов. Что тогда?! Два часа уже так-то.

Тарелки достали. Налили в тарелки — оп! — есть рябь. Они закусывать — чик! — нету ряби.

До слез прямо. Обнялись, плачут сидят.. Сидят, си-

дят... Ага! Тут Иван кулаком и ударь по телевизору, тот возьми и взорвись.

Ну, тут у них драка и вышла.

И кто виноват?.. Петр ни при чем, я считаю. Иван виноват!.. А Петр прав. Он же не понимает в телевизорах. Только с какой стороны смотреть... А что там внутри? Куда какой провод? А ну замкнет?! Дом спалишь!

Кузьма вон Порошков весной взялся у жены роды принимать. Твое это дело?! Учился ты?.. Что ты лезешь, куда не надо?! С ножом встал у постели, пуповину чтоб резать. А та глаза открыла!.. Господи! Муж с ножом у горла! Обморок с ней! С сердцем что-то... И троих родила. Так бы одного.

Петр не виноват, я считаю... Никак он не виноват... Нет... Да, я считаю, и Иван не виноват. Он тоже в телевизорах не понимает ни хрена. У него и своего сроду не было. Не знаю, чего он взялся чинить... Он чего не знает, за все берется.

Я так считаю... все-таки Петр виноват!.. А не Иван... Петр... А кто же еще? Знай, кого зовешь. Тем более видишь, он лыка не вяжет... Зачем звать? Какой с пьяного спрос?

Белкин вон Сергей Алексеевич. Агроном! Считаю, непьющий совсем. Кто его одного в поле видит?.. Тут брат к нему приехал с женой. Ну, выпили чуть. Дело к ночи. Жены спать.

Хозяйка у Сергея Алексеевича уважительная женщина — гостям свою постель уступила, самим в сенях, значит, постелила. Мужа предупредила.

А они добавили еще!.. Под утро он брата в сени, сам в постель по привычке.

И что теперь?! Кто кому муж, кто кому брат?

И спяну не помнят, было чего, не было.

Жены смеются, кричат: ничего не было!.. Может, и не было. Тогда чего они веселые такие?

Я считаю... Иван виноват... Конечно, Иван... Нет, Петр! Петр виноват... Или Иван?.. Нет, Петр. Петр.

Что ты делаешь, зараза?! Иван же тихонько кулаком, а ты ему со всего маху в зубы. Разве это дело?.. Он тихонько, и ты тихонько. Он средне, и ты ему тогда средне. Надо же меру знать.

Колька вон Веревкин весной в городе знакомого встретил. Приятеля. Как звать, не помнит, а вроде виделись где-то. Тот в буфет приглашает. «Заказывай, — говорит, — что хочешь, я при деньгах». А этот — дармоед же! Что ты!.. Жена с им обедает, боится отвернуться... без куску останешься.

Назаказывал! Выпили они, закусили. У того живот схватило, он кошелек на стол, сам бегом в туалет. Колька ждет... час, другой. Буфет пора закрывать. У Кольки денег только на обратную дорогу. Счет приносят — сорок три тыщи!.. Тут у Кольки живот свело. Милицию вызвали. Кошелек открыли — пустой, бумажки только: «Все на выборы!»

Два месяца вычитали из зарплаты... И еще дома от жены получил ровно на сорок три тыщи.

Я считаю, Петр виноват!.. Иван тихонько ударил, верно?.. А Петр со всей силы... А Иван тихонько... по телевизору-то.

Да тоже ведь — это телевизор, а не морда. Что по ему стучать зазря?.. Какая спешка вдруг?.. Чуду тебе щас покажут на трех ногах?

Тимофей вон Дубков поспешил... Залез на крышу трубы поправить, а у соседа дачница загорала... лопухом прикрылась.

Он и пополз по крыше, как змей. Что ты, лопуха не видал, твою мать-то?! Лопух и лопух... Да и под лопухом-то что, ухо, что ли?.. Полз, полз, а крыша кончилась! Это ж не дорога в Москву.

Вообще потом три месяца на баб не смотрел... Еще ведь что, у жены там корыто стояло — внука купать затеялась. Кипятку налила, пошла за холодной... А Тимоха тут и приполз... Ну, грудь, лицо у него не пострадали ничуть, слава богу. Ноги тоже, слава богу, целы, а остальное все... вкрутую.

Так-то вот.

Я считаю... Петр не виноват... И Иван не виноват.

Видишь, как у нас, у русских, получается — никто не виноват, а у всех морды битые... Не слышно, чтобы еще где-то так. Что-то у нас только.

Дал бог соседа мне... Серегу! Ну, не бог,

конечно. Бог бы такого не допустил.

А — богатырь! Сила есть, ума не надо... Двоих бог обидел: черепаху и Серегу. Не знаю, за что... черепаху-то.

Сереге такой сильный! что у него ума совсем, по-моему, нет. Я не знаю, как он говорить-то выучился! Лет в двадцать, наверное. Нет! В двадцать он запомнил, где лево, где право. Он, это... даже в деньгах путается. Сейчас же много всяких. Ему на рынке одна баба разменяла пятьдесят тысяч... дала шестьдесят бумажек по восемьсот рублей. Там Распутин на деньгах, как на водке. По-моему, это этикетки и были. Сереге потом говорит:

— Я вижу, что-то знакомое.

Гос-споди, чего с него возьмешь-то — голова работает, как почта... доходит все на третьи сутки. А еще он и сам никуда не спешит. И жена у него, Нюрка, такая же. Я не знаю, как у них двое-то ребят получилось.

А поженились они знаешь как?.. Сговорились, что она своих родителей приводит к его родителям знакомиться. А Сереге час, что ли, перепутал. Ничего страшного, он времена года путает. Короче, он в баню пошел. Своя не работает, он ко мне. А я в бане запор новый сделал — я изобретатель классный — дверь посильнее хлопнешь, запор сам изнутри падает и запирается.

А Сереге же влюбленный. Нюрка его знаешь как звала?.. Серунчик. Ничего, да? Нормально. Конечно, он серунчик. А кто еще? А еще же ему надо распариться. Он думает: чем морда краснее, тем красивее. Ему же обязательно надо пару раз в проруби ополоснуться. Царевич, с-к-л-м-н!.. Еруслан.

Он распарился — прикрыл тихонечко дверь... так что баня чуть не развалилась, и в прорубь скорее. Обратно

прибегает — закрыто! Не поймет, что к чему, бегают вокруг бани... Ну? В это время Нюрка с родителями заявила.

Сергея-то не знал, он бегают и бегают себе. Потом дошло до него все-таки, что мороз под тридцать градусов. И до дома столько же еще... метров тридцать.

И представляешь, сидят: невеста, мать, отец-батюшка. Вдруг дверь распаивается, жених влетает! богатырь с сосулькой... О-ой! Тещу три дня откачивали.

А я тоже из-за него один раз чуть концы не отдал! У Олюшки с Зеленых холмов брат умер. Какой брат! Так какой-то... седьмая кость от жопы. Ну, мы с Сергеем гроб сделали — я же плотник классный. Ага, сделали гроб, положили туда родственника — и в погреб на холодок. Ему хорошо там.

Олюшка в крик:

— На ночь не оставляйте меня, Христа ради, одну с покойником, а то он придет за мной!

Водки выставила. Ну, чего? Мы остались... ради Христа. А жара же! Ночью я подался в погреб, там попрохладнее. И тут дождь как хлынул — с градом, со льдом, с камнями! Я остался в погребе, старичка вытащил на время из гроба, сам лег... и заснул.

Добрый этот, сильные — они же все добрые, как же... утром увидал меня в гробу:

— Леха, Леха! И что ты сделал? На кого ты нас оставил?!

У него же медленно проветривается в чердаке. Потрогал меня — а что? Конечно, я холодный лежу, в погребе всю ночь.

Он погоревал сколько-то. Потом, что думаешь?.. Берет крышку и заколотил на фиг!

Отвезли на кладбище меня, закопали, и все... Хорошо, на поминках быстро всю водку выжрали. Старуха кинулась в погреб за самогоном, смотрит — этот хрен шестьюродный сидит у стенки!.. За ней пришел. Хотела закричать, а язык отнялся, ноги не ворочаются.

Те ждут — нету выпить-то! Кинулись к погребу. Пока разобрались, что к чему, я уже проснулся.

Ага, выпался так хорошо. Думаю: пора вставать. Глаза даже открыл, смотрю — темно еще... чего-то. И

ти-ихо — ни петухов не слышать, ни собак, никого... как под землей все равно. Ну, лежу, дремлю себе, вспоминаю, чего вчера было: как выпили, как дождь пошел, как я в гроб... лег.

И тут чего-то мне не по себе стало. Тихонько постукал пальцем — дерево кругом! Конечно, настроение у меня упало сразу... а волосы, наоборот, поднялись дыбом. Тут слышу, лопатой бьют по крышке. И голос:

— Леха! Леха! Я здесь.

Как я его тогда не убил, не знаю... Конечно, я сам немного виноват. Бык у меня, помнишь, был? Борька? Вылитый Серега. Как раз незадолго до этого я позвал его Борьку забить. Он схватил его за рога — и не видно рогов! Две башки одинаковые мотаются рядом. Я с топором стою наизготовке, а по какой бить?! Пригляделся — вроде у той, что справа, глаза поумнее, не стал по ней бить, вдарил по другой башке... Это Серегина оказалась.

Как будто не сильно я ударил, но он же и до этого плохо соображал... Немного я сам виноват, конечно.

Но он восстанавливается, Серега... Я его медом лечу — я же лекарь классный, — сейчас он уже хорошо стал... на имя откликаться... Но Нюрке зарплату пока еще всю отдаст. Видно, я ему тогда сильно все-таки заехал.

О т судьбы никуда не уйдешь.

Бесполезно. Даже не трепыхайся. Я с той весны как заболел, так и маюсь. Плавное — заболел ни с чего вдруг... с крыльца упал выпивши... два раза. Видно, мне на роду так написано. Месяц не мог встать. Уж Клава, жена, сунулась к знахарю, а тот сам заболел!.. рожей. Сестра его сказала: рожей, вроде. Заболел, поехал в город к врачам. Там спутали рожу с грыжей — и помер. Судьба, значит.

Кому что... Как говорится, кому сгореть, тот не утонет. Женька Попов три раза тонул, все откачивали его. Плавать не умеет, а из воды не выгонишь. И лезет все где поглубже. Последний раз тоже с шурином ехали откуда-то на мотоцикле на Женькином.

— Давай искупаемся?

— Давай!

Он зашел по макушку и тонуть начал. Шурин тянет его к берегу за ноги — никак! Тот цепляется за дно... подбородком-то. Но вытащил все-таки. А уж он синий весь.

Повез в больницу, чтобы засвидетельствовали, а водит плохо. Как Женька плавает, так этот водит.

В столб врезался головой, перевернуло их. И из Женьки вся вода, как из кита, — мигом. Смеется сидит. Смотрит — шурин рядом сидит.. не смеется что-то. Скорей его в люльку и обратно в больницу, шурин-то не в ту сторону поехал.

К реке стали спускаться, он тормозить, а тормоза на столбе остались. И в реку оба!

Женька тонуть, шурин вытащил его, начал откачивать — бесполезно, давай грузить на мотоцикл. Хорошо тут девочка какая-то с грибами шла, по ягоды ходила,

позвала взрослых. А то бы они и катались туда-сюда, пока все столбы не пересчитали. Еще пересчитают — от судьбы не уйдешь.

Трофимов Колька как уж не хотел жениться — ему цыганка нагадала: от жены умрешь. А природа требоват!

Бывало, жена Галька к ночи ближе в окошко: Коля, Коля! А тот затаится, не идет — жить очень хотел.

Ну и довел ее! На нервах же все. Дергаться стала, опрокинула щи... как раз ему на то место, через которое смерть должна прийти... Ампутировали удачно. Вроде бы теперь живи, радуйся, бояться нечего. Нет, он скучать стал по ем и зачах.

И знал вот, а ничего сделать не смог. Судьба!

Меня осенью отпустило. Немного хоть раком стал ходить. Ну выпил, конечно, с выздоровлением бутылку, две ли. Пошел дров наколоть да топором-то по ноге себе... по пятке как-то. Как вот по пятке-то?! Судьба, значит.

Кому чего.

Клюев этот... Мишка! Племянник. Их два Клюевых Мишки. Один дядя, другой — племянник. Оба Мишки... Дядя постарше, а тот помладше.

Вот который племянник повез мясо в город, бычка зарезал. Ну, встал на рынке, к нему подходят двое. Смуглые, он сказал — лица... не нашей национальности. Говорят не по-нашему, мясо не берут, на Мишку не смотрят. Потом вдруг:

— Гони сто тысяч!

За спасибо живешь. А у Мишки как раз в руках нога бычачья. Он в лоб копытом-то и дал одному. Тот брык — и свои отбросил. Ничего, оправдали Мишку. Денег много привез.

Тогда дядя скорей в город. Встал, где племянник сказал, торгует. Подходят двое, смотрит — смуглые... негры. Мясо не берут, говорят не по-нашему. Он ждать не стал! Берет ногу бычачью и копытом в лоб одному и другому.

Пять лет дали.

Вот и скажи, что не судьба. Одному так, другому так, хотя оба дядя с племянником.

Чему быть, того не миновать... Болею все. «Лечат они». Врач сказал: ни грамма нельзя, а то как тебе.

У нас граммами и не пили никогда, все стаканами. Вот так они лечут. Если не судьба, то и медицина не поможет.

-О -о! Мишка объявился. Здорово,

здорово. Что серьезный какой? Прищемил себе что?.. Сидишь, как будто выпил, а закусить нечем. Ты улыбайся давай, радуйся жизни! Сегодня день-то какой!.. А ты не знаешь, что ли?.. Вторник!

Как что? Лучше же, чем понедельник?.. Ну, вот. А в среду еще лучше — Иван Данилычу юбилей. Семьдесят стукнет. Мы с ним маленько щас порепетировали.

Не осуждаешь?.. Осуждать — грех!.. Ты верующий? Молодец. Перекрестись.. Молодец! Бог есть, не сомневайся. Я точно знаю. «Почему?» Встречались с ним.

Что тебе скажу щас — никому! Понял?!! А то мне расстрел... я подписку давал.

Неделю назад отравился случайно... самогоном. Крепкий вроде, а какой-то микроб выжил в нем — в меня попал. Погоди!.. Это если в каждом стакане по микробу?.. Твою мать, это их во мне, как народу на рынке в воскресенье!

За сараем лег в траву и помер там. Заклинило сердце от жары. Клиническую смерть принял.

Лечу, чую, вверх. Крыльев нету, а лечу как-то... Как ракета, на самогоне!

Стоп!.. Ворота. Апостол Петр!.. Среднего, тебе скажу, роста, плотный такой... Видно, что выпивает. Но лицо чистое!

Поздоровались. Спрашивает:

— Кто ты? Из какой деревни? Что я тебя не вспомню?

— Да я, — говорю, — еще только первый раз помер. А совхоз наш Верхнеобский. Может, слышали?

— Как же! Знаю очень хорошо... Ну а что ты, — у меня спрашивает, — веселый человек? А то тут у нас рай, нечего тоску нагонять.

Понял, Мишка?.. Молчи!!.. Не всех в рай-то, видишь. Только веселых. Говорю:

— Как я не веселый?! Кто тогда веселый? Меня за веселье баба из дома шесть раз выгоняла!

— О-о! — обрадовался он сразу весь, сияет прямо... прямо у него нимб над головою.

— Все тогда! — говорит, — заходи. Тебя нам только и не хватало! Кого только пять раз выгоняли, мы не берем. А шесть — самый раз.

Понял?.. Молчи! Ты думал, любой в рай прилетел, и сразу ему все!.. и общежитие и работу? Хрен-то. Там тоже смотрят. Рекомендации нужны как в партию. Ты когда прилетишь, я уж там буду, я тебя встречу с рекомендацией. Еще две возьмем. Я свата уговорю, он в том году помер. Веселый человек!.. Пошел спьяну купаться, забыл, что зима-то. Ну и до проруби не дошел. Нет, дошел! Мы ж его не нашли.

Рекомендаций много достанем, не беспокойся.

Прямо такая строгость там!.. Только веселых берут. Ты что?! Агенты летают кругом стаями. Тучами прямо!.. Какие агенты?!.. Ангелы! Твою мать, агенты какие-то. Ангелы летают, смотрят — кто набычился, хоп его сразу за все места и это... щекочут до смерти... Не любят трезвых. У них от трезвых крылья вянут.

Строго. Заметят, что после шести вечера один шляешься, укут за кудыкины горы. Только компаниями!.. Меньше трех человек нельзя собираться.

Ох, строго! Трезвых и в баню не пускают!.. Вшивые ходят. Одна зараза от них там.

А хуже всего хмурым, этим вообще... до баб не дают дотронуться. А то от них родятся хмурята такие... с них начинаются, как тебе сказать, инфляции всякие, обмен денег — народ страдает.

А от веселого бабу саму не оторвешь, верно?

А это!.. Ты видел, Клинтон приезжал на Победу?.. Еще ему никто ничего не поднес, он уже заранее улыбается. Наш стоит, как будто ему только что приговор зачитали.

Что еще в раю понравилось — утром!.. гулял, не гулял — подъем!.. Без пятнадцати пять! Всем зубы чистить!.. и опохмеляться. Обязательно! Иначе до работы не допустят.

И крикни попробуй:

— Опять нажрался, сволочь?!

Тебе крикнут. Считай, что ты уже покойница.

Если дождь, каждому сто грамм от простуды. Если тепло, двести грамм от солнечного удара. Если средняя погода, сто пятьдесят.

Милиция вся выпивши стоит. Любой подходи с пробиркой, он обязан дыхнуть. Нету реакции — пятнадцать суток.

ГАИ — в стельку, дружинников не видеть... где-то под забором все. Для пешеходов везде врыты столбы... чтоб держаться было за что. Кто за рулем... ездют как-то! Но там проще — всем зеленый свет.

И не только простые люди! Правительство тоже все пьяное, не поймешь, что говорит.

И местность тоже сильно напоминает Россию.

Теперь что?.. Заходим с апостолом Петром в рай. Мишка! Ни словом сказать ни пером описать — такая красота!.. Ты в шашлычной был в Бийске?.. При вокзале?.. Один к одному!

Петя взял бутылку без очереди, расплатился. Только разлил, только опрокинули с ним. Ка-ак меня бросят обратно на землю!

Старуха нашла. У ней нюх, как у собаки. Ведро с холодными помоями на голову плескнула. На небе выпил, на земле закусил.

Орет:

— Опять нажрался, сволочь?!

Как попугай — пятьдесят лет орет одно и то же. И пустым ведром по голове мне — сердце расклинило.

Наклонись, что еще скажу. С апостолом когда зашли в рай, смотрю — навстречу отец твой. Сергей... Кузнецом там, как и здесь. Хорошо зарабатывает. Обнялись с ним.

— Прости, — говорит, — за Мишку. Что он тебя при жизни редко угощал. Появится здесь, я с него семь шкур спущу.

Я ж знаю, он как сказал, так и сделает. Скорей заступаться за тебя. Еле уговорил его. Прямо кое-как.

Вот ты и подумай, пока не поздно, как тебе дальше-то жить. Времени у тебя немного осталось... пятнадцать минут.

О-о! Заулыбался. Молодец! Правильно, радвайся жизни. И отца давай заодно помянем. Давай, давай, поспеши — пятнадцать минут осталось... закроют магазин-то.

Или у тебя есть?.. Ну, неси.. И закусить возьми!
Вишь ты как!.. Значит, есть Бог-то.

Красота

Красота какая кругом, а?

Хоть не помирай совсем. Тополь вон какой!.. Твою мать, какая красота!.. Попозже осенью еще красивше станет.

Вон лесок! — и зеленым там, и желтым, и красным!.. Летом дубков там свалил штук пять на сарай. Везу — лесничий навстречу.

— Стой!

— Чего?

— Штраф!

— За что?

Пришлось поить его. Выжрал все запасы, еще денег ему дал. А не дашь — хуже будет. «Не воруй!» А что ему будет, лесу? Растет и растет — такая красота.

Дерево разве понимает что-нибудь?.. Вряд ли... Хотя тут дурак один из соседней деревни стал сосну валить, и шишка сверху прямо в глаз ему — окривел. Баба от него на сторону стала бегать. Вот как хочешь, так и понимай... Она, правда, и раньше бегала.

А на холме, на холме-то красота какая!.. На ту сторону спустишься — луга заливные, заповедник где. Ой, красота! Памятник природе! Ни одной травки не сорви! — тюрьма сразу. Запах там! О-о-ой, не продонешь. Густой такой! Прямо в ноздрю не пролазит.

В том году накопил там маленько. До сих пор сарай пахнет. Как мятой все равно! Не войдешь в сарай-то. Что ты! Зимой дошло до этого сена — и молоко пахнет! Веришь, нет? Твою мать! Баба опилась прямо молоком. Я ночью принюхался — и баба пахнет! Никогда так не пахла. Что значит заповедник.

А сады совхозные! Вот весной красота! Цветет все! Едешь днем, как в облаках. Сердце заходится от радости. Осенью ночью пойдешь яблоков наворовать — уже не та

красота. Радости нету. Страх один, что схватят.

Красота у нас такая — смотришь, смотришь, все не насмотришься никак.

Неспроста это! Знак какой-то людям. Что-то хочет сказать природа. Мы понятия не имеем. Когда?! Свободной минуты нет... все работа да пьянство.

Такая красота кругом... Сгубит все гад, тогда только успокоится! Человек-то.

Откуда вот он взялся?.. От обезьяны? Говорят, от обезьяны. Они мне что-то не нравятся. Бесплезные животные. Ни шерсти с них, ни рогов... ничего... холода и то не сделаешь.

Рожи только корчит и вшей давит... Конечно, от обезьяны произошли. От кого еще?

Захламили все. Раньше речка была такая, что ли?.. Лес был! А щас что? Смотреть не на что. Уродство какое-то. Тополь вон какой. Разве это тополь?

Все вы! Обучили вас. Жадность покою не дает?.. Изгадили всю красоту. Чего смотришь? Вылупился. Разговаривать с тобой не хочу.

Уроки природы

Лошадь — труженица какая!

Сила в ей какая! Пользы от ее сколько!.. А Лешка — сын? Силы столько же, ржет так же, пьет, как лошадь, навоза столько же — а пользы никакой! Так смотри на лошадь, учись!.. Не хочет.

Корова! Спокойная, место свое знает. Только дои и дои ее. А Колька — второй сын? С работы выгнали — устроиться не спешит. Пьет и пьет. Должен отцу помогать, а он, наоборот, его доить и доить.

Свинья! Шерсть дает, сало, ест что ни дашь. А Сашка — зять? Ни шерсти, ничего. В погреб пьяный свалился — бюллетень не получил, а жрать дай ему. И еще за столом сидит, выбирает чего-то.

Кошка! Ее хоть за сто километров выброси, она назад вернется. А Славка — другой зять? Напился за городом — и заблудился. Днем!

Курица! Яйца несет! Говорят: глупая. А Зинка — невестка? Выпьет — ты ей слово, она тебе десять, ты — вдоль, она — поперек. Глупая, как курица, а яиц-то не несет!

Черт их знает! Животное путнул — оно отойдет, второй раз не сунется — наука ей. А Женька — племянник? Током его раз вдарило, два, три. Сказано: не берись голой рукой за голый провод. Нет! Выпил — опять полез, наверхнулся с лестницы, смородины два куста загубил. С них в том году три ведра сняли.

Не хотят учиться у природы. В кого пошли?.. О! Утки двинулись к воде — пора и мне пойти... пропустить стаканчик, другой... третий.

Трустная сказка

Давно ли, недавно ли, там ли, сям ли,

правил в одной стране ни царь, ни государь... звали просто Борис.

Пил по-страшному... в той стране народ. Проще сказать: пил каждый третий... с каждым вторым... каждый день.

От этого по утрам случался в стране Великий Озноб — никто не мог попасть рукой в рукав, ногой в штанину, головой в кастрюлю.

И вот один колдун — еще его бабушка травила плесенью соседских кур, а дедушка — колхозных коров — решил победить Озноб, такую мазь вывести, что хоть три дня пей, хоть мать родная не узнает, хоть на тебя все мухи слетятся, а только утром мазью смазался — ни дрожи в руке, ни мути в глазу и, хоть кто нюхай, — пахнет розой.

Взял колдун и смешал... дрожжи и сахар с болотной водой, добавил плесени по вкусу, плюнул туда, размешал все и давай брызгать в деревне под каждый дом. И кто приготовился выпить, у тех стакан в руке ходуном заходил — на портки плещется, в рот ни капли.

Через пять минут поймали мужики колдуна и хотели для начала убить его, потом глядят: бабы добрее стали, скотина повеселела, дети по-английски заговорили. Послали колдуна в столицу, чтобы он там под каждый дом побрызгал.

Ни царь, ни государь в это время в Барвихе жил, думал, как ему чиновников одолеть. Сильно ему чиновники мешали. Только он отвернется печать поставить или закусить, они давай скорее взятки брать. Редкая птица мимо них могла пролететь без взятки. И так хитро все делали — комар носа не подточит.

Замков, дворцов понастроили себе вокруг столицы из такого материала... не скажу тебе названия, а только простые люди видят его, а комиссии, сколько ни слали, — смотрят: нет ничего!

Уже никто не знал, от чего вреда больше: от пьянства или от взяточничества.

Но вот наконец объявился колдун в столице. Уж как исхитрился, а только входит в кабинет, где ни царь, ни государь в теннис играл, падает на колени и говорит:

— Не вели казнить, вели слово молвить. Победил я Озноб! А еще заодно много всяких средств придумал от наших бед.

В этой банке мазь от проституции. Смазал девкам где следует, они тут же бегут устроиться на работу рельсоукладчицами.

Это вот чай-заварка от взяточничества. Кто до чужих денег дотронется, у того из ушей пар идет со свистом.

Это вот гормональное средство против сращивания власти с мафией. Кто захочет срастись, у того на лбу волосы вырастают, но не сплошь, а надписью — «сукин ты сын».

Это вот капли — по одной в глаз, — если кто перед выборами начнет обещать, чего сделать не может, из него сразу такие газы начинают выходить, такая срамота делается, что народ перебегает к другому кандидату. Если и тот врет, то хоть из страны беги.

Тут, батюшка, все есть, даже против погоды и плохих дорог. Прими с поклоном.

Чиновники, как услышали все это, так тут же и скукожились.

А ни царь, ни государь поднял мужика и поцеловал в губы... три раза!

И все ликовать стали, что покончено с пьянством и лихоимством, что с завтрашнего дня жить начнем припеваючи, щи с пряниками есть.

Ни царь, ни государь рецепты спрятал в главный пиджак, и тут сам собой пир учинился, да такой, что утром не то что в штанину, в Кремль никто не мог попасть... А главная беда — пиджак кто-то спер.

Забыли все на радостях, что, кроме пьянства и взяточничества, сильно у них было развито воровство.

Тут и сказочке конец...

У нас во дворе «ракушка» стоит пустая...

машину угнали, а хозяина посадили по ошибке — он убил не того, кого надо.

В этой «ракушке» поселился один мужик... ночью. Утром вывесил табличку: «Оракул».

Предсказывает по внутренностям кур, гусей... в жареном виде.

Что ни скажет — сбывается!! Слово в слово. Я подозреваю, он с космосом связан... через озоновую дыру. А как еще?.. Он на внутренности не смотрит, даже, сразу глаза вверх! Через пять минут говорит:

— Вас будут драть!

Сбывается!

Военные обращались, учителя, шахтеры сколько раз... перед зарплатой. Всем говорит:

— Вас будут драть!

У всех сбывается.

Как он достиг этого?! На теле у него ничего нет... никаких рубцов, только татуировка.

Народ прет к нему!.. За некоторых стыдно. Спрашивают:

— А где будут нас драть?

Чтобы оракула подловить, мол, не знаешь ты ничего.

Тот сразу побагровеет!.. Час молчит, два. Потом глаза вверх! Посмотрит в дыру, говорит:

— Везде.

У всех сбывается.

Сам он говорит мало. Я подозреваю, он только суть говорит. Дальше самим надо догадываться. «Где, где будут драть?» Кого где! Правильно? Кого на суше, кого на море... шахтеров под землей.

Ой, народ прет к нему!.. Есть отчаявшиеся такие...

ухорезы, ни своей, ни чужой башки не жалко. Спрашивают:

— А кто конкретно будет нас драть?

Тот замрет — день не дышит, два. Потом глаза вверх! — молодец прямо, работает на совесть, — глаза вверх, через пять минут говорит:

— Кому не лень, тот и будет вас драть.

Все очень верят ему. Один попался сильно умный, говорит:

— Кого вы слушаете? Он же жулик.

Сразу этого умного — цоп! Голову ему свернули набок, чтобы всем издалека было видно, что он умный очень. Остальным сказали:

— Кому не нравится, идите!.. Пытайте счастья на стороне. А мы дождемся, когда этот святой человек скажет нам что-нибудь хорошее на Родине.

Тот пока говорит только:

— Вас будут драть.

Вчера он начал гадать по пиву — к концу дня предсказал... одним — «васусать», а другим — «матьвасусу».

Старики думают, что в обоих случаях означает одно — вас будут драть.

Завтра он начнет предсказывать по водке.

Все ждут, что скажет. Но, что бы ни сказал, все верят — сбудется слово в слово.

Все рейтинги врут.

Недавно еду в метро. Входит в вагон мужик — вылитый Чубайс! Четырнадцать и девять десятых процента хотели сойти на ходу, двенадцать и шесть десятых стали искать, нет ли под рукой чего тяжелого, девять и пять десятых процента улыбаются в пространство — затрудняются ответить, если о чем-то спросят.

И вот один нашел что-то тяжелое, обрадовался — слезы из глаз. Подходит к Чубайсу, говорит:

— Ну что, рыжий?!

Меня даже покорило. Нельзя так фамильярно. Главное — тот на восемьдесят и три десятых процента черный. Так вылитый Чубайс, только черный весь и ростом чуть ниже... чем Гайдар.

Короче, обидел того ни за что. А народ же у нас жалостливый. Он может забить до смерти, но, если тебя кто-нибудь до него обидел, он заступится.

Смотрю, процентов семьдесят уже стеной за Чубайса. Но он боком стоял, Чубайс-то, а тут вдруг повернулся лицом... И все креститься начали. Боком — Чубайс, а обернулся — Черномырдин! На лицо — не различишь. Два лица как два яйца. Даже как два овца из одного яйца.

Только он повернулся — двадцать и три десятых процента начали кошельки перепрыгивать, шесть и семь десятых процента, и среди них семь и шесть десятых из тех девяти и пяти десятых, кто до этого в пространство улыбался, они стали шарить, нет ли чего тяжелого под рукой. И тут остановка — сорок три и две десятых вышли, тридцать девять и шесть вошло.

Один, который вошел, увидел Черномырдина, сразу без «здрасьте», без «пожалуйста» говорит:

— Где зарплата?

Тот говорит:

— Какая зарплата?

И вот я клянусь!.. Голос как у Зюганова. Несколько коммунистов ехало — хотели встать... но побоялись, что место займут.

Тут вагон дернуло, мужчина этот... он же гражданин Чубайс, он же Черномырдин, он же Зюганов, ногами заплетая, потом уцепился за какую-то женщину, за волосы, и, конечно, все сразу увидели — Жириновский! По повадкам — Жириновский.

Двадцать пять и семь десятых мужчин повеселели сразу — в надежде на скандал. Девяносто шесть и восемь десятых женщин достали газовые баллончики, у двоих утюги оказались, у одной мышеловка. Три процента пассажиров затрудняются ответить на вопрос: мужчины они или женщины.

И тут этот Зюганов — Жириновский говорит вдруг:

— Россияне... к вам обращаюсь я.

Тут я совсем сбился, уже никак не понять, кто за кого, кто против всех — и еще опять остановка случилась. А когда поехали, мужчина снова:

— Россияне, к вам обращаюсь я... подайте кто сколько может.

Единственно, что хорошо, — сразу считать стало легче: восемьдесят один процент кинулись газеты читать, десять и три десятых — стихи английских поэтов, остальные заулыбались — затрудняются ответить на вопрос, как их зовут.

А мужчина кепку достал откуда-то и протягивает, чтобы в нее подавали. А кепка-то лужковская!! Как будто только что с него сняли.

Ну и за кого народ? Если на моих глазах двадцать процентов достали кошельки, двадцать полезли в карман, двадцать в зажигалку, двадцать в бюстгальтер и двадцать в чулок за деньгами, чтобы подать... а подал я один. За кого народ?

И еще я остановку свою проехал, на работу опоздал.

Все рейтинги врут.

Чума

(пародия)

О НА. Литературу толчешь?

ОН. Толчу.

ОНА. Про что?

ОН. «Я помню чудное мгновенье».

ОНА. Про что?

ОН. Один от одной отпал вкрутую.

ОНА. Чума-а!

ОН. Вылупился мимолетно, она — виденье, он отвис с концами.

ОНА. Чума-а!

ОН. Как гений чистой красоты!

ОНА. Не поняла.

ОН. Как халда в кимоно с гашишем!

ОНА (ревниво). Ты мне так никогда не говорил.

Льнут друг к другу, уходят.

Врачи советуют смеяться

(сценка)

На сцену выходят ОН и ОНА.

ОН. Здравствуйте.

ОНА. Здравствуйте.

ОН. Доктор...

ОНА. Фамилия?

ОН. Петров. Доктор, у меня это месяц назад началось...

ОНА. Талон.

ОН. Пожалуйста. И, понимаете, сперва ничего...

ОНА. Вашей карточки нету. Сходите в регистратуру.

ОН. Доктор, я сходил, вот карточка.

ОНА. Фамилия?

ОН. Петров. С месяц назад началось. Сперва ничего, только насморк...

ОНА. Талон.

ОН. Я вам отдал. Только насморк был...

ОНА. Слушаю вас.

ОН. Я говорю...

ОНА. Та-ак.

ОН. Я говорю...

ОНА. Та-ак.

ОН. Я говорю.

ОНА. Та-ак. Еще на что жалуетесь?

ОН. Месяц назад насморк.

ОНА. Та-ак.

ОН. Мне посоветовали закапывать настойку из мухомора, и насморк прошел.

ОНА. Хорошо-о.

ОН. Но один глаз прикрылся совсем.

ОНА. Хорошо-о.

ОН. Что хорошо?

ОНА. Что один.

ОН. А еще, когда глотаю, в ноге отдает.

ОНА. Та-ак.

ОН. Мне один посоветовал спать на колючей проволоке...

ОНА. Та-ак.

ОН. И глаз открылся. Но по телу пошли пятна.

ОНА. Та-ак.

ОН. Мне один посоветовал сажей натереться.

ОНА. Та-ак. Стул нормальный?

ОН. У него?

ОНА. У вас.

ОН. При чем здесь стул?

ОНА. Слушайте, мне за два часа нужно принять еще сто человек, а вы время тянете. Что у вас?.. Та-ак.

ОН. Я сажей натерся — меня так трясти стало, что зубы начали выпадать.

ОНА. Та-ак.

ОН. А главное — насморк вернулся. Только теперь как чихнешь, так по всему телу пятна и ноги подкашиваются.

ОНА. Та-ак. Психическими болезнями никто в семье не страдал?

ОН. Нет.

ОНА. Головой никто ни обо что?

ОН. Нет.

ОНА. Женаты?

ОН. Нет.

ОНА. Во-от оно что. Тогда так. Зубы будете чистить только пастой «Весна».

ОН. У меня все выпали.

ОНА. А на поясницу перцовый пластырь. Через неделю покажитесь. До свидания.

ОН. До свидания.

ОНА. И позовите Петрова.

ОН. Это я.

ОНА. Здравствуйте.

ОН. Здравствуйте.

ОНА. Талон.

ОН. Я вам отдал.

ОНА. Слушаю вас.

ОН. Я говорю...

ОНА. Та-ак. И давно это у вас?

ОН. С месяц. Я самолечением занимался.

ОНА. Та-ак.

ОН. Все болезни появились, а стул пропал.

ОНА. Окулисту показывались?

ОН. Показывался.

ОНА. Что он?

ОН. Велел больше ходить.

ОНА. Так идите.

ОН. Петрова позвать?

ОНА. Обязательно.

ОН. Петро-ов, заходи!

Как стать олимпийским чемпионом

Я обращаюсь к вам, мои сверстники,

люди средних лет. К вам, завсегда в аптеке и поликлинике, безвременно увядшие у экрана телевизора.

Не все потеряно, не все в прошлом. Больше того, получить БОЛЬШУЮ ЗОЛОТУЮ ОЛИМПИЙСКУЮ медаль может каждый из вас.

В каком виде спорта? В любом.

Какова гарантия? Сто процентов.

В доказательство того, что нахожусь в полном рассудке, сообщаю некоторые результаты, на которые должен ориентироваться будущий чемпион. Прыжки в высоту у мужчин — 2м 40 см, у женщин — 2м 10 см, метание молота — 90 м, бег на 100 м у мужчин — 9,7 — 9,3 сек., у женщин 10,5 — 10,6 сек.

Что нужно сделать для того, чтобы носить на своей груди БОЛЬШУЮ ЗОЛОТУЮ ОЛИМПИЙСКУЮ медаль? Следовать моей системе.

Система разработана мною вчера с 22.00 до 23.00 часов, то есть это — последнее слово из тех, которые кто-либо успел сказать в большом спорте.

И вместо заключения. Пусть тот, кто верит системе, хочет и будет ей следовать, помнит, что тираж журнала, который он сейчас держит в своих руках, меньше числа людей среднего возраста. Поэтому, где бы вы ни находились, в автобусе, в метро, на службе, в театре и так далее, вы обязаны огласить систему для окружающих. Начните просто и доступно: «Товарищи! Друзья! Братья и сестры! Кто хочет стать обладателем БОЛЬШОЙ ЗОЛОТОЙ ОЛИМПИЙСКОЙ медали?.. Достаньте блокноты и ручки, записывайте, что нужно сделать».

Далее читайте все положения системы громко и шепотом.

Система.

«Первое римское. Первое арабское — никакого алкоголя: ни водки, ни вина, ни пива. (Это правило имеет одно исключение — можно пить и то, и другое, и третье, но редко и, главное, чтобы никто не видел.)

Второе арабское — бросить курить.

Третье арабское — встаете на десять минут раньше обычного, начинаете делать зарядку, первое время легкие упражнения (щадящий режим):

свесить с постели ноги — это упражнение выполняется строго один раз,

пошевелить пальцами — несколько раз, так, чтобы ощущения ваши оказались где-то между чувством удовольствия и чувством легкой усталости,

открыть форточку,

поежиться,

потянуться,

(Очень важно делать все в той последовательности, в которой предлагается.)

погладить живот,

минут пять посмотреть в окно,

(Поинтересуйтесь, все ли успевают за вами записывать.)

зевнуть,

переходить к водным процедурам.

Четвертое арабское — водные процедуры тоже на первое время необременительные:

умыться,

почистить зубы.

И так один месяц.

Второе римское, в скобках — второй месяц.

Первое арабское — в зарядке добавляется новое упражнение: встать, наклонить голову, не втягивая живота, постараться увидеть ноги. И так два раза.

Следующее упражнение: ноги на ширине плеч, присесть — встать.

(Кому трудно, можно только присесть.)

Тот, кто отнесется ко всему вышесказанному серьезно, не заметит, как БОЛЬШАЯ ЗОЛОТАЯ ОЛИМПИЙСКАЯ медаль будет его.

Второе арабское — в водных процедурах добавляется: утром — мытье шеи, вечером — ног.

Повторяю: шею мыть утром.

Примечание. Плядя на вас, дети станут смеяться, кривляться, обезьянничать, размахивать руками. Не обращайте на них внимания.

Третье римское, в скобках — третий месяц.

Первое арабское — сесть на коврик, ноги вытянуть вперед, упираясь пятками и руками, постарайтесь оторвать таз от пола... Один раз.

(Кому трудно, проделывает это упражнение мысленно, кому трудно мысленно, пропускает.)

Примечания:

Первое. Дети начали делать зарядку вместе с вами, следите, чтобы все упражнения выполнялись правильно.

Второе. Выясните, к какому виду спорта ребенок проявляет склонность.

Третье. Запишите его в секцию.

Четвертое. Поощряйте в нем любовь к спорту, развивайте волю, упорство, стремление к победе.

Четвертое римское, первое арабское — ваш ребенок обязательно станет чемпионом Олимпийских игр, и за то, что вы не поленились ради него вставать каждый день на десять минут раньше обычного и, желая видеть его красивым, здоровым, стройным, мыли по утрам шею, не щадили живота своего и без малейшей надежды на успех пытались оторвать от пола таз, за все ваши страдания, муки и любовь к нему он непременно отдаст свою БОЛЬШУЮ ЗОЛОТУЮ ОЛИМПИЙСКУЮ медаль вам.

Носите ее с высоко поднятой головой.

Т осподи! Ты же видишь —

всю жизнь провела на кухне. Всю жизни!.. нет, вру — четыре раза была в спальне, девять лет назад, семь, пять и младшему сейчас два года.

Муж был во Франции, Англии, Голландии, Бирме, Австралии... и четыре раза в спальне.

Видимо, он считает, это так и должно быть, что все это в порядке вещей, что именно это и называется «перед Богом отвечать за жену».

Женщины, кому мы доверились? Что они с нами сделали?.. Что они сделали со страной?

Страна, как мы, богата внутренними ресурсами, талантами, неповторимо красива, но запущена, замучена, обворована.

И нам и стране они только обещают, обещают, обещают. Японцы, американцы говорят им: если вы сами не можете, давайте мы. Давайте мы! Мы знаем, как распорядиться этим сказочным богатством... Я сейчас говорю не о нас, а об экономике. Да какая разница?.. Они же — нет! ни себе, ни людям. Они задались целью — сказку сделать былью. Но ведь давно уже сделали. Пора из были делать сказку!

Женщины! Нам надо отделяться! Пока не поздно. Другого выхода нет.

Подруги! Нам нечего терять, приобрести же мы можем все!

Соратницы! Они все равно обречены, убейте в себе жалость.

Они не жильцы, они уже давно на грани смерти, они вымирают. Вспомните — нету дня, чтобы он смертельно не простыл, смертельно не устал, смертельно не проголодался.

Почему они меньше нас живут?.. Да по Дарвину же! Выживают более сильные, более приспособленные, более умные.

Имущество разделим просто — кто с чем имел всю жизнь дело, то тому и оставить.

Нам: продукты, магазины, рынки.

Им: газеты, спортлото, «Чип и Дейл спешат на помощь».

Нам: аптеки, галантереи, парфюмерии.

Им: пункты приема стеклотары, аппликатор Кузнецова, самоучитель «Техника секса».

Нам: ювелирные магазины, салоны, комиссионные.

Им: танки, ракеты, самолеты, самопалы, самострелы и «Решения XXVIII съезда КПСС».

Сестры! Балерины, поэтессы и рельсоукладчицы, или сегодня или никогда! Промедление смерти подобно!

Мы не пропадем!

Мы традиционно сильны в педагогике, медицине, сфере обслуживания — в том, без чего нормальное общество существовать не может.

Что бесспорно за ними?.. Преступный мир, теневая экономика, парламент — все, что мешает людям жить.

Женщины! Или мы с человеческим лицом, или социализм!

Современницы! Надо отделяться для того, чтобы спасти себя, детей, и, наконец, это последняя возможность спасти их самих.

Когда мы отделимся, мы вступим с ними в отношения. Но это уже будут новые отношения — РЫНОЧНЫЕ!

Не за красивые глаза, не за обещания, не за лесть, а за конкретные дела и конкретные товары получают они то, чего сами никогда не смогут взять у природы.

Бартер — наш рулевой!

За поцелуй — французские духи, мешок картофеля, пододеяльник, два пакета кефира, турецкий чай.

За объятие — шуба, два мешка картофеля, два литра подсолнечного масла, миксер, китайский чай.

За то, чего они сами не могут взять у природы — квартира, машина, дача, килограмм топленого масла, индийский чай, кофе растворимый, кофе в зернах.

Все вместе: поцелуй, объятие, то, чего они сами не

могут взять у природы — демократия, правовое государство.

Только при этих условиях они достигнут того, о чем пока только болтают, болтают, болтают.

И тогда, может быть, мы снова объединимся с ними, чтобы уже никогда не разлучаться.

Честь мундира

Киллер Санек, по прозвищу

Беспредел, снял девку, рассчитался с сутенером, сошел с тротуара на проезжую часть голоснуть машину.

Невалютная, простенькая, чуть подслеповатая проститутка по прозвищу Судьба, равнодушно жевала жвачку, изредка произвольно виляла задом.

Было сумеречно, накрапывал мелкий, противный дождик. Из сумерек выродился бледнопоганистый, косо-рылый, ущербный малый по прозвищу Рубль, подошел к сутенеру, приставил ему к горлу нож, потребовал деньги.

— А чего такое? — гнусаво спросил вечно простуженный сутенер Вова с нехитрым прозвищем Триппер. — Кто это? Своих не грабить.

— А где свои? — не понял Рубль. — Ты не свой. Ты хуже мокрушника. Тех, сволочей, нанимают хоть, а ты сам, гнида.

Услышав про сволочей-мокрушников, Беспредел легко и бесшумно подскочил к Рублю, ткнул ему в спину пистолет, сказал:

— Ты на кого тянешь, проститутка?

Стало тихо. Судьба прекратила жевать жвачку, раз, другой вильнула задом, потом сказала:

— При чем здесь проститутки? Ты говори, да не заговаривайся. Я на свои живу.

— Не в этом суть! — отрезал Беспредел.

— Страну позорите, — пояснил Рубль.

— Чем позорим, чем? — просипел Триппер. — Я что, убил кого-то?

— Ну я убил, — наступил на Триппера Беспредел. — Я — санитар! От меня польза людям.

— А я?! — удивился Рубль. — Я не помогаю людям? Я им, может, последняя радость.

— А я людям не последняя радость? — обиделся Триппер. — Я-то им самая последняя радость.

— Хватит вам! — оборвала всех Судьба. — Устроили базар. Ото всех нас людям радость. Помогаем чем можем.

— Угощаю всех! — неожиданно даже для себя выкрикнул Триппер.

— Я угощаю, — сказал Беспредел. — Где ресторан?

— Надоели рестораны, — сказала Судьба. — Едем ко мне, поедем домашенького.

Тормознули частника. Заехали в Смоленский гастронорм, затарились спиртным.

— Теперь в Кунцево, — обернулась к водителю Судьба. — Быстро довезешь, премию получишь.

— Щас он домчит! — поручился за водителя ободрившийся Триппер. — Свой мужик! Не профессор, не языком молотит.

Водитель благодарно оскалил лошадиные зубы и надал газа.

— От профессоров толка мало, — чтобы не угас разговор, знающе сказала проститутка.

— Да никакого! — сказал киллер. — Их никто и не заказывает.

— Какая же от них людям польза? — поинтересовался сутенер.

Никто не ответил — никто не знал.

Приехали. Вышли... В машине, не смотря на удавшийся извоз, понуро сидел водитель.

— Что же ты... не постоял за честь мундира? — спросил он и взглянул в зеркальце.

Из зеркальца на него с упреком смотрел Лев Николаевич Тургенев, профессор института мозга... по прозвищу Лошадь Пржевальского.

Киллер Хорек как вкопанный

замер перед копией картины Леонардо да Винчи «Мона Лиза».

Служащая галереи, Мария Степановна, чуть заметно (подражание Моне Лизе) улыбнулась — вот еще один отойдет от картины другим человеком.

Киллер мучительно вспоминал: «Где я мог видеть эту бабу?»

«Душа его, — думала Мария Степановна, — светлеет».

«Заложит, если не вспомню», — думал Хорек.

«Велика сила искусства», — думала Мария Степановна.

«Вспомнил! — просиял Хорек. — Скупщица краденого».

«Свершилось!» — просияла Мария Степановна.

Они взглянули друг на друга.

«Дура», — подумал Хорек.

«Ангел», — подумала Мария Степановна.

Единица добра

И холодно, и голодно, и грязно.

И накрапывает дождь. И рубль опять упал и опять подняли цены.

На душе у всех нехорошо, сумеречно, даже погано. В воздухе копится и зреет зло.

И тут все увидели — по улице идет лошадь и улыбается. Что-то было не в порядке с мышцами на ее морде, может, от голода, может, от усталости — казалось, что она улыбается.

Люди захихикали, засмеялись — зло расщепилось и исчезло.

Мы иногда улыбаемся, радуемся друг другу, но толку мало. Видимо, надо не просто улыбаться и радоваться, а радоваться в одну лошадиную силу.

Посетитель поздоровался

с чиновником и секундой дольше, чем требовали приличия, изучающе смотрел ему в лицо.

— Берет или не берет?

Чиновник замер как бы в охотничьей стойке.

— Даст или не даст?

Чтобы поощрить посетителя, он сделал развратное лицо.

— Не берет! — решил посетитель. — Вон рожу какую скорчил. Принципиальный, сволочь.

— Не даст, — решил чиновник и отвернулся.

И они разошлись.

А могли бы быть взаимно полезны. Глядишь, какая-нибудь искра высеклась бы из этой пользы. А из искры разгорелось бы пламя любви всех к каждому. А так ничего, просто мерзость.

Не понимаем друг друга.

Я себе как-то тут говорю:

— Перестань брать взятки, сволочь, тварь продажная, реформы же кругом, гадина... тварь продажная.

Тварь говорил уже?.. «Мерзавец! Не бери, ты же демократ теперь».

И произошло чудо — перестал брать. На работу вышел, секретарша:

— Что с вами? Я вас не узнаю.

Я говорю:

— Я взятки перестал брать.

Она — раз!.. Башкой об пол, говорит:

— А как же теперь?

Я ей:

— Думайте теперь.

И все. Мне не до нее уже. У меня пошел процесс перерождения — внутри свет разливается. Попозже внешне начало сказываться: кожа чистая стала, по большому в один и тот же час, перхоть не гнидообразная.

На третий день секретарша говорит:

— А знаете, вот как вы переродились, от вас запах пошел целебный... За него надо деньги брать.

А это такая женщина, она зря не обманет. Теперь народ приходит — мы дела решаем бесплатно. Но если у кого недуг неизлечимый и вдруг ни с того ни с сего проходит, то деньги берем.

На днях старичок пришел, участник войны, у него колена нет, нога не сгибается с сорок первого года. Он на счет пенсии.

Пять минут побыл в кабинете, говорит:

— Чего-то мне легче стало! Нога сгибается в обе стороны.

Ну, и тогда я ему все бесплатно сделал, а за исцеление деньги, конечно, взял.

Кавказец один приходил — с трех лет страдал отвращением к коньяку. Насчет прописки приходил. Минуты не просидел, говорит:

— Тянет выпить — нету сил!

Я ему прописку, он мне — за лечение. Многим помог. Прямо люди молиться на меня стали.

Уникальный случай был — женщине одной гараж помог поставить... посреди сквера — бесплатно. А у нее на нервной почве хроническое бесплодие. Я еще сказал себе:

— Если ты, сволочь, гаденьш гунявый, маньяк сексуальный, не попробуешь помочь такой несчастной... красивой женщине, пожалеешь.

И мы с ней попробовали. И произошло чудо! Так я деньги взял только через девять месяцев. То есть преобразился уже до конца.

Вот что значит твердо сказать себе: «Перестань брать взятки, сволочь, реформы же крутом, тварь продажная».

И это под силу любому! Я знаю, еще один брал взятки каждый день, но он сказал себе:

«Перестань брать взятки, сволочь, реформы же крутом, тварь продажная». И перестал!

Тут же у него потливость исчезла, пучить перестало, обжорство вошло в норму. Потом чудо произошло. Он ко-го похлопает по плечу, тому легче становится.

Лечит от плоскостопия. От кариеса — просто лучшее средство. Морщины у глаз убирает, белье отбеливает. У одной женщины девочка к выпускному балу готовилась, испортила платье. Он похлопал... даже не по плечу! — другую совсем женщину, а у той все очистилось.

Я ко всем обращаюсь:

— Перестаньте брать взятки! Перестаньте. У вас сразу восстановится обмен веществ, кислотно-щелочной баланс, и может даже наладиться гнилостный процесс. И вы своим гнилостным процессом будете помогать людям... и иметь с них хорошие деньги. Это — чудо!.. И возможно оно только у нас.

Жизнь после смерти

В ижу во сне: из нашего подъезда

выносят гроб, в гробу я — ужас!!

Я заплакал, потом взял себя в руки — интересно, как похоронят: все-таки я заметный человек был. Даже посмотрел — нет ли где Ельцина. Не было его что-то. Наверное, болел... или отдыхал... а может, и работал!.. с документами.

Вдруг слышу в толпе разговор:

— Кого хоронят?

— Жулика одного. Ворюга, взяточник. Редкая была сволочь.

Мне так стыдно стало!.. Хотя все правда. Никогда раньше не было стыдно, а тут горю весь от стыда. И тут же мороз по коже — значит, совесть живет после смерти! Она замучает!

Заместитель мой вынырнул с бумажкой возле гроба, говорит:

— От нас ушел неподкупный человек.

Выпивши, что ли, он? Меня стыдом, как кипятком, с головы до ног — жжет все внутри. А он, гнида, не знает, что совесть жива, говорит:

— Смерть слепа — первыми уходят лучшие!

И по ошпаренной совести еще раз кипятком!.. А простые люди шарахнулись в сторону — если лучшие ушли, значит, остались худшие, то есть простым пришла хана.

Хорошо, тут оркестр заиграл, тронулись на кладбище. Еще я обратил внимание — жене так траур идет!.. такая она вся!.. Так я пожалел, что умер.

Ну, тащимся по Москве — ничего особенного. Вдруг вижу — сворачиваем к Мавзолею. Мне неловко опять сделалось! И жжет, жжет внутри! Но, слава богу, оказывается, не в сам Мавзолей, а за ним.

Подъехали ближе — в нашу могилку норовят какого-то хмыря опустить, перекупил кто-то.

Стали разбираться — мат поднялся столбом, стрельба, мордобой, и все уже почему-то пьяные.

Мне стыдно так стало! За всех нас, за нашу жизнь, за эти рыночные отношения между людьми.

Вдруг оркестр заиграл вальс, все бросили драку, стали танцевать.

Меня огнем обдало — и все внутри выжгло навсегда — такое падение нравов, танцы на главном кладбище страны.

Я сам не святой, но все-таки. Сам при жизни и пьянки любил, и бани были, и девки; взятки каждый день, продал всех, кого мог, но все-таки.

И тут еще около жены какой-то тип объявился, говорит:

— Меня Рудик зовут. Что вы сегодня вечером делаете?

Моя на гроб косится:

— Я не знаю еще.

И платок роняет.

Тут я не выдержал и встаю из гроба!!! Все попадали на колени, крестятся, плачут. Я говорю:

— Так жить нельзя! Опомнитесь! Что вы делаете, падлы?!

И многие опомнились. Но тут Рудик ногой по катафалку — бэмс, я из гроба — бздэмс и башкой об землю.

Глаза открыл — в спальне... с кровати навернулся. Жена свешивается, спрашивает:

— Чего ты там?

Я говорю:

— Мы не так живем! У меня совесть горит внутри. Я сейчас весь сгорю!

Она говорит:

— Это ты вчера на банкете осетрины обожрался, а она несвежая, у тебя изжога внутри.

У меня гора с плеч — это не совесть, это изжога.

Я начал засыпать. Последнее, что помню, — жена гладит меня по голове, говорит:

— Сны не сбываются, дурачок. Успокойся, спи... Рудик.

Дважды два — четыре

- Станция «Павелецкая».

Граждане пассажиры, будьте внимательны, не забывайте свои вещи в вагоне поезда. Следующая станция «Таганская».

— Простите, пожалуйста, следующая станция точно «Таганская»?

— Точно. Объявили же.

— Я слышал.

— Да вот схема. «Павелецкая». Следующая «Таганская». Видите?

— Вижу... На бумаге у нас все хорошо.

— Вам какая станция нужна?

— «Курская».

— После «Таганской» будет.

— Спасибо.

— За мной держитесь. Я тоже на «Курской» схожу. Я здесь уже двадцать лет езжу каждый день.

— Спасибо... А то обманут, потом спрашивать не с кого.

— Кто обманет?

— Да кто угодно. Знаете, я однажды летел самолетом Красноярск—Мурманск. Объявили Мурманск, а приземлился в Петербурге.

— Видимо, Мурманск не мог принять.

— Да. Из-за метеоусловий.

— Вот видите.

— А что видите? Объяснение всегда найдут: погода виновата, царизм, коммунизм.

— Это — политика, а здесь метро. Здесь все очень четко, как дважды два — четыре. «Таганская». Следующая «Курская». Здесь зачем им обманывать?

— Найдут зачем. С МММ обманули.

— При чем здесь МММ?
— Купюры, помните, обменивали?
— При чем здесь купюры? Мы про что говорим?
— Про то и говорим. На улицу не выйти — убьют.
— Я вам про другое толкую... Вот сигналы точного времени! Как можно здесь обмануть? Время ни от кого не зависит, выгодно это кому-то или нет.

— Я в том году приехал на вокзал в шесть утра, точно к поезду, оказалось, что уже семь. Кому-то выгодно — взяли и ночью перешли на летнее время.

— Да я вам про другое толкую!
— Цены черт знает какие.
— При чем здесь цены? При чем здесь цены?!
— Проституция кругом.
— При чем здесь проституция?! Вот схема — «Таганская», следующая «Курская».

— «Схема». Сейчас деньги делают — не отличишь от настоящих.

— Я здесь уже двадцать лет езжу каждый день.
— Ну и что? Сто лет зарплату вовремя получали, а тут хоп — нету ее.

— При чем здесь зарплата?
— Безработица кругом.
— При чем здесь безработица?!
— Станция «Таганская». Граждане пассажиры, будьте внимательны, не забывайте свои вещи в вагоне поезда. Следующая станция «Комсомольская».

— Я же говорил, обманут!
— Я тоже выйду.
— Успели хоть выскочить.
— Осторожно, двери закрываются. Следующая станция «Комсомольская». Извините! Следующая станция «Курская».

— «Курская»! Я же знал, что «Курская»! Я здесь двадцать лет езжу! Он оговорился! А вы: «Обманут, обманут». Где-где, а в метро не обманут.

— «Не обманут». Он уехал!.. а мы-то остались.

Поварищи... То-ва-ри-щи! Лектор

звонил, он застрял в Жмырях, там грязи по горло, он не прошел... Не смог пройти к нам. Всем большой привет от него, извинялся, что не прошел, но грязи по горло... Какие будут предложения?.. Кино нету. Или расходимся, или я могу выступить на ту же тему, что и лектор. Мне выступать?.. Какие еще будут предложения?.. Никаких.

На сегодня у нас запланирована лекция «Древние города России».

Как нам показали последние данные о жизни, в том числе и статистические, все меньше мы отличаем древние города от деревни, физический труд от умственного, мужчину от женщины. Грань между ними вянет, становится смутной, она, в общем, тупеет. Ну, например, такой показатель. Город берет у деревни все лучшее, и деревня, в свою очередь, перенимает у города что поинтереснее. Но мы здесь должны смотреть правде в лоб, товарищи. Отличия еще есть! Те же дороги. Возьмите их в городе и возьмите вы их у нас — лектор сегодня не прошел по нашим дорогам, не смог! Не донес до нас свои знания. Теперь что касается умственного труда на физических работах и физического на умственных. Тут тоже уже никого ничем не удивишь. Скажем, такой незначительный пример. Вы сами видели, когда в том году приезжал профессор... Простая такая фамилия... Ну, еще у него один глаз был минус семь, другой плюс восемь. Почетный член королевских обществ... Забыл его фамилию, но не в этом дело. Как он убирал картофель!.. Если бы сами так убирали, мы бы давно уже провели дорогу до центра, а то лектор сегодня не прошел, потому что в Жмырях грязи по горло и он застрял... И обратный пример. На умственных работах занято тоже много народа, одаренного хорошими, редкими физическими данными.

Это тоже говорит в пользу. Думаю, что со временем умственный и физический труд сольются окончательно. Будет средний труд... ни умственный, ни физический.

Гораздо труднее, товарищи, в некоторых планах происходит сейчас сближение мужчин и женщин. Раньше, старики вот говорят, с этим было как-то попроще. Значит, здесь нам надо думать и думать. Скажем, такой незначительный пример — танцы. Невозможно отличить, где мужчина, где кто. Молодой человек боится подойти к другому молодому человеку, потому что тот может понять его, как говорится, превратно. А тому хочется подойти, потому что пришло его время! И что получается?.. Получается, что парами у нас не танцуют уже, а танцуют скопом... Боятся встретить отказ. Тут все трясется в одной куче — ладно. А если ты выбрал ее, ты перед ней как-то стараешься проявить себя и взглядом, и движениями тела, и вроде она тебя тоже заметила и, как говорится, глазами вы уже сказали друг другу все. Приятно после этого узнать, что ее зовут, как тебя, Николаем?..

Зайдем к проблеме с другой стороны. Спросите женщин, они сейчас скажут: мужчина стал робще. В целом нахальнее, а там, где природа велит стоять насмерть, стал робще. Кое-кто пошел уже вспять, против природы. Это — трагедия. Жалко, что лектор не прошел, он бы обо всем этом рассказал подробнее и лучше меня. Но в Жмырях грязи по горло, не пройдет ни лектор, никто.

Короче, товарищи, слияние, стирание граней достигло таких размеров и масштабов, что уже опасаться не только за умственный труд или деревню, но и за женщину, которая с мужчиной. Остались кое-какие признаки у города и деревни, физического труда и умственного. Надо их сберечь. Надо постараться их сберечь. Остались кое-какие приметы у мужчин, это все тоже хотелось бы сберечь.

И вот я говорю, дорогие товарищи, давайте приложим усилия, давайте, несмотря ни на что, охранять то самобытное, неповторимое, что всегда отличало город от деревни, физический труд от умственного и так далее.

А примером в этом пусть будут нам всем древние города России, которые в своей центральной части сохранили черты редкие, дорогие взгляду и сердцу каждого из нас!

Благодарю за внимание.

Плевое дело

Встретились Чувство и Логика.

Чувство сказало:

— У меня такое чувство, что лучше быть богатым и здоровым, чем бедным и больным.

Логика подумала и сказала:

— У нас, когда станешь богатым, уже не будешь здоровым. А чтобы снова стать здоровым, надо отдать столько, что уже не будешь богатым.

Чувство улыбнулось и сказало:

— Я просто говорю, что лучше быть богатым и здоровым, чем бедным и больным.

Логика уставилась на Чувство, думала, думала, потом сказала:

— У нас или богатый, но больной, или здоровый, но бедный.

Чувство засмеялось:

— Я что, спорю с тобой? Я только говорю, что в принципе лучше быть богатым и здоровым, чем бедным и больным.

Логика закричала:

— Дура-а! Тебе же русским языком говорят: у нас или—или!

С ней случился приступ. Вызвали «Скорую» и отвезли ее в больницу, — по-моему, даже в психиатрическую.

Бедная Логика. Мало того, что бедная, теперь еще и больная.

Хотя все логично — у нас умным быть плохо — все видишь, все знаешь, а если еще рядом жизнерадостные идиоты ахинею несут, то сойти с ума... плевое дело.

Святое дело

Я сам почти бросил пить,

почти противник стал... Но бывает, что некуда деться — надо! И пьешь через силу. Уже не можешь, уже не лезет, а все равно пьешь.

В понедельник вот... на той неделе еще, — день рождения. И не хочешь, а надо! Святое дело... Шестнадцать лет исполнилось!.. сыну!.. соседу!

Надо, а то сосед обидится насмерть. Придешь к нему в лихую годину, в трудный час, скажешь:

— Выручи, сосед.

А он скажет:

— Ты! Отказался со мной пополам, когда подорожало. Теперь помощи просишь?.. Нет тебе моей помощи! Будь ты проклят! — скажет.

Так же нельзя жить.

Во вторник, на той неделе еще, — круглая дата была. Тысяча лет. Ну, куда уж круглее?.. Тысяча лет со дня!.. Прошу всех встать!.. Тысяча лет!.. Ребята говорили, тому назад... Серега это принес, у него календарь остался, у нас ни у кого ничего уже не осталось, а у него календарь остался дома. Он из интеллигентов.

Короче, тысячу лет назад!.. Прошу всех встать!.. В общем, мы отметили.

В среду, на той еще неделе, — наконец! — выиграл «Спартак». Прошу всех встать... Ну, он вам следующий раз выиграет, дождетесь.

Я обиделся на вас. Завтра вот — святое дело, а какое, не скажу. На колени все встаньте, не скажу!.. Не знаю. Но есть! В году всего триста шестьсйи си... триста шестьсйи... сиси... Короче, у нас дат больше, чем триста ссят... короче, завтра святое дело... какое-то.

А послезавтра — за Серегу! В память о нем. Круглая

дата — десять дней, как он... покинул нас. За Серегу надо! Двух мнений быть не может.

Проводили его честь-честью. Не каждого так. Секретарь был! Сказал слово. Сказал:

— Прошу всех встать! Суд идет.

Потом судья сказал:

— Именем Российской...

Очень торжественно было.

Сергея решил бросить пить водку, и сразу вот такой печальный исход. Если бы заранее знать, чем кончится...

Не подумавши, решил Сергей бросить пить водку и начал гнать самогон. Змеевика нет, он через батарею. А известно же — батареи у нас!

Короче, у соседки этажом ниже. А она только-только вступила в Общество трезвости, только-только она немного забылась... Короче, у нее прорвало.

Она скорее своим звонить, те примчались. Сергей когда спустился, уже все было кончено. Уже Общество трезвости стоит по колено в самогоне, пишет на него в инстанции. А за это сейчас мигом!

Сергей даже попробовать не успел. И рецепт с собой унес на пять лет.

Сергей, ладно, пропал. Календарь исчез! Теперь с утра чувствуем, какая-то дата подкатывается... к горлу, а что конкретно — неизвестно, и паника сразу.

И денег уже нет. Вчера перешел дорогу... за сорок рублей. Сержант говорит:

— Десять рублей за то, что шел не через подземный переход.

Я говорю:

— Людей уважил. Подземный переход — это общественное место! Мне там нельзя находиться, я выпимши.

Он говорит:

— Тогда еще тридцать.

Короче, со всех сторон как-то сурово стало... А тут еще ко мне одна женщина подкатываться начала. Я, если вы заметили, по другой части, но она не отстаёт.

Вообще-то я еще... тем более, что она еще... симпатичная. Но очень похожа на соседку!.. Серeginу из Общества. Какое дело-то. Страшновато.

В принципе я не против, но как-то все уж больно пере-
менилось. Или ничего? Пора завязывать?.. Тогда считай-
те, что я бросил окончательно и бесповоротно. Прошу
всех встать!

Ч тобы я еще когда-нибудь кому-нибудь

позавидовала! Лучше я смерть приму.

Соседка попутала. Один импорт на ней. Один импорт! А тут мечешься как угорелая, достать ничего не можешь. Конечно, одна еще да с ребенком. Мужика я выгнала, так попался... балаболка пьяная.

И вот зависть меня стала съедать. Думаю: «Надо держаться поближе к соседке — и все-то у нее есть, и ничего-то она не делает». Весь день дома, под ночь только уходит куда-то. Говорит:

— Работаю в сфере обслуживания.

«Чего бы мне ни стоило, — думаю, — а тоже туда пристроюсь». Стала заглядывать к ней, обхаживать. Она ни слова, ни полслова. Только раз как-то я возьми и скажи:

— Тебе, Валь, хоть за инженера замуж.

Она мне:

— Гос-споди, да я за ночь зарабатываю больше, чем они за месяц.

«Ой, — думаю, — иностранцев обслуживает. От наших столько не дождешься. Официантка, наверное, или парикмахерша».

Она снова:

— Гос-споди! — Что-то последнее время все господа стала вспоминать. — Гос-споди! — говорит. — Да я одна могу организовать общество «Помощи инженерам и пострадавшим от стихийных бедствий».

Я как это услышала, еще сильнее решила: на части разорвусь, а в сфере обслуживания устроюсь.

Соседка молчит, ни гугу. Я извелась вся. У ней, что ни день — обновки, у меня, что ни день — ничего.

Потом думаю: «Молчишь и молчи, сама все вызнаю». В субботу надела что получше: кофточка у меня зеленая

была, мама еще дарила, юбочка синенькая. И только соседка на улице, я тут же шмыг за ней и иду на расстоянии.

И вот останавливаемся около ресторана «Националь». Она возле подъезда прохаживается туда-сюда, ожидает кого-то. Я тоже мотаюсь от столба к столбу, тоже вроде жду кого-то.

Я место еще почему запомнила? Испугалась, что она в ресторане певицей работает. А у меня слух нельзя сказать, что абсолютный. Помню, при муже еще попробовала как-то спеть, а он сказал: «Давай лучше посидим... в гробовой тишине».

Ладно, это к делу не относится. Ну, прохаживаемся с ней и прохаживаемся. Не спешит она, значит, не певицей работает, еще кем-то.

Первый раз я пожалела, что мужика своего выгнала — место там беспокойное. «Как, — думаю, — они сюда на работу без мужей ездют?»

Сумку прижала на всякий случай, решила: если что, кричать начну. Только решила, кто-то меня за руку цап.

— Стоишь-скучаешь?

«Ой, — думаю, — как он со мной запросто. Наверное, знакомый какой-то, а я признать не могу». И так мне неудобно стало, так стыдно!

— Стою, — говорю, — а ты здесь как?.. Как дома дела?

У него, вижу, глаза тоже остановились, в одну точку смотрят — вспоминает чего-то.

— Жене, — говорю, — привет передавай, если увидишь раньше меня.

Он как будто на свадьбу шел, а попал на похороны. Я отвернулась, чтобы он в себя пришел, поворачиваюсь — его уж и след простыл.

А на его месте милиционер стоит.

— Ты, — говорит, — почему здесь?

Я ему честно говорю:

— Потому, что здесь платят больше.

Он грубо так:

— Иди отсюда, чтобы я тебя и близко не видел. Здесь своих хватает.

— Ну, нет, — говорю, — не на ту напал. Вот из-за того, что у нас везде свои, мы всю сферу обслуживания и запу-

стили. Теперь стыдно иностранцам в глаза смотреть. Какая у них сфера обслуживания и какая у нас?! Разве можно сравнить?

Он говорит:

— Не хватало еще, чтобы я сравнивал. Меня это не касается.

Я говорю:

— Это всех касается, у кого сердце болит за Родину.

Он аж побагровел весь, схватил меня за плечо и ведет в отделение.

Там дежурный офицер сидит, три звездочки у него, майор, что ли.

— Значит, — говорит, — решили сфере обслуживания помочь?

— Ну а что же, — говорю, — у нас?.. Клиенты часами ждут. Перестраиваться надо. Чем могу, помогу.

Не скажешь же ему, что зависть мучает. Он спрашивает:

— Сюда прийти кто вам посоветовал? Кто вас сюда направил?

Я говорю:

— Кто? Не комсомол же.

Он говорит:

— Да уж я думаю, что не комсомол.

— Сама пришла. И, кстати, — говорю, — на всякий случай для новой работы в комитете комсомола характеристику взяла.

Даю ему характеристику.

Там, что обычно пишут, «легко сходится с людьми... активна... пользуется авторитетом». И в конце «надеюсь, что оправдает наше доверие».

Он, наверное, полчаса характеристику в руках вертел, а деваться-то некуда.

— Пройдите, — говорит, — в соседнюю комнату, вас там врач осмотрит.

«Ну, — думаю, — все, устроилась, слава богу! В импорте теперь буду ходить».

Врач осмотрел — здоровая, но направления на работу не дает. Я говорю:

— Как же?.. Мне, может быть, завтра уже выходить в первую смену.

Он молчит и только в дверь пальцем тычет... Вышла. Там журналисты:

— Кто да что?.. Социальная среда... Что читала?.. Не стыдно ли?

Я говорю:

— А что стыдного?.. У нас, кажется, любой труд в почете. Конечно, ваша профессия одна из самых древних в мире, но и мы тоже не лыком шиты.

Они даже писать перестали. А у меня силы уже на исходе. Говорю:

— Ребята, помогите устроиться, я отблагодарю.

Они пятиться начали. Я к ним, они от меня.

«Неужели, — думаю, — ниоткуда я доброго слова не дождусь, неужели правда, что у нас все только по благу?» Так обидно стало, хоть плачь.

И тут соседку вводят. Я не выдержала, говорю:

— За что сражались, если одни живут ни в чем не нуждаются, а другие должны завидовать?

И только тогда... Только тогда! Майор этот, три звездочки, объяснил мне, что у нас «которые живут и ни в чем не нуждаются» — это одно из самых позорных явлений нашей прекрасной действительности и ничего общего оно не имеет со сферой обслуживания, хотя та тоже пока относится к позорным явлениям.

С тех пор я никому не завидую, особенно тем, кто весь в импорте.

Ой, женщины, мне так неудобно

перед вами, я такая счастливая!

Знаете, так мало надо для счастья. Правда. Все гоняются — обязательно чтобы он высокий был, чтобы обязательно блондин кучерявый и чтобы глаза большие голубые и чтобы обязательно богатый очень.

Мой — метр шестьдесят... Нет! Это я метр шестьдесят, он по плечо мне — метр пятьдесят. Глаза у него такие... как вам сказать... Глаз не видно совсем. Брюнет... был. Сейчас на голове ничего лишнего нет. Денег, как волос на голове. Ни копейки не дает.

И не надо! Не это главное.

Главное, женщины, — доверие. Все несчастья от недоверия. Он на час опоздал, мы с ума сходим:

— Где был? С кем?

Не выпивал ли? Если да, где взял деньги? С кем выпивал? Не пахнет ли от него духами? Нет ли следов помады?

Сразу черные мысли, аппетит пропадает, бессонница. Утром он на вас смотрит — пугается. А он должен радоваться, как ребенок в день рождения.

Ребенок просыпается в день рождения и находит рядом на постели подарок.

Надо доверять мужчине, тогда он каждое утро будет радоваться вам, как подарку.

Мой, что ни скажет, я верю, поэтому я такая счастливая. Он меня каждое утро находит. Правда.

Мы недавно познакомились. Он сразу сказал:

— Я жениться не могу, я — инопланетянин... Каждую секунду могут послать на другую планету.

Он — водитель НЛО. Двое суток работает, трое отдыхает, два дня в неделю у них санитарные.

Я говорю:

— Что ты оправдываешься?.. Ты — мужчина. Мужчина не должен оправдываться. Я тебе верю. Я верю, что база у вас на дне озера и телефона там нет, неоткуда позвонить. Я не спрашиваю поэтому телефон.

Денег он не дает. Он говорит:

— Нам платят только в нашей валюте. У вас они не в ходу. Наших, пожалуйста, возьми сколько хочешь.

Он не жадный, правда. Сколько раз предлагал. Такие чистые листы бумаги, совсем чистые. Но они их отличают как-то. Он говорит:

— Вот эта — сто рублей, эта — сто тридцать.

У них там тоже рубли. Интересно как!

Они все насквозь видят, они — телепаты. Я иногда начну что-нибудь говорить, он сразу посмотрит так! — я понимаю: не надо говорить... вообще ни слова... надо принести что-нибудь покушать.

Ест много. Он говорит:

— В вашем мясе мало наших элементов.

Им надо много съесть нашего мяса, чтобы наесться. Он не обманывает — так много ест и все равно слабый очень. Конечно, все чужое.

Из нашей пищи в чистом виде им подходит только коньяк. Я верю. Как-то вызвала врача, взяли у него кровь на анализ — ни лейкоцитов, ни кровяных телец — ничего нет, один коньяк.

Пьет каждый день. Говорит:

— Мне за вредность дают, что не на базе живу, а у тебя.

И все равно плохо себя чувствует. Мне помочь ничем по дому не может. А когда ему чуть лучше, тоже не может помочь — ему их религия запрещает помогать.

У них, знаете, такая религия — он должен днем час лежать неподвижно... с закрытыми глазами. Один час в день обязательно! Иначе бог накажет. И чтобы ничего лишнего рядом, только подушка и одеяло.

Такая вера у них. И еще три часа должен провести перед телевизором... каждый день. Я верю. Я вижу, не в передачах дело, потому что он смотрит все подряд.

С ним вообще так интересно! Он все знает, они же обогнали нас в развитии.

Вот он говорит, что мы все несколько жизней живем. Правда. Он очень многих встречает, узнает их по прежней жизни, говорит:

— Я его в гробу видал.

А имена у них сложные. Он сказал:

— По-нашему тебе никогда в жизни не выговорить моего имени, у вас даже букв таких нету. А чтобы по-вашему тебе привычно было, зови меня Борисом Николаевичем.

Обещал с собой взять, познакомить с мамой. Долго разрешения не давали, потом принес «Вечернюю Москву» с портретом Чумака, говорит:

— Держи, это — твоя виза.

Сейчас он улетел по делам, сказал:

— Вернусь, заберу тебя.

Нет, он, правда, с неопознанной тарелки. Ко мне даже участковый приходил, показал фотографии, спросил:

— Никого не узнаете?

Я Бориса Николаевича сразу узнала, но ничего не сказала, он не велел.

Он все наперед знал. Правда. Предупреждал, что участковый придет, научил, что сказать.

Женщины, если не веришь, никакой любви нет.

А если любишь, то и верить не обязательно.

Я еще могу поверить, что инопланетянин, что денег не дают, что вместо крови коньяк. Но что я похожа на Чумака — никогда!

Обманул, конечно, насчет визы.

Женщины милые, все мужчины одинаковые. Но это неважно... если любишь.

В целом

(сценка)

Выходят он и она.

ОНА. Товарищи, разрешите собрание считать открытым.

Он аплодирует.

Спасибо. Товарищи! Соревнующееся с нами объединение выполнило план на сто шестьдесят процентов, мы в этом году опять идем на восемьдесят пять процентов. Это досадно, потому что в целом, как мне кажется, наш коллектив сильнее. В чем же дело? Какие есть предложения, пожелания, критические замечания по работе?

Он молчит.

Кто желает выступить?

Он отворачивается.

Только, пожалуйста, не все сразу, чтобы у нас был порядок.

Он не шевелится.

Слово имеет Петров.

ОН. Чего я-то?

ОНА. Люди ждут.

Он сокрушенно поводит головой, обходит ее, встает с другой стороны, молчит.

Неформально. Честно, открыто — все, что наболело.

ОН. Воруя.

ОНА. Расскажите о дисциплине.

ОН. Тащат все подряд, понимаешь.

ОНА. Все ли вовремя приходят на работу?

ОН. Вовремя.

ОНА. Ну вот.

ОН. А глядишь, все равно чего-нибудь уже сперли.

ОНА. Вот вы утром встали к станку, что вас волнует?

ОН. Где станок?

ОНА. Времени у нас, товарищи, немного, давайте выступать по делу.

ОН. Станка нету, делать нечего.

ОНА. У каждого из нас могут быть личные неприятности. Нужно быть выше их, думать о заводе в целом.

ОН. И уже думаешь о заводе в целом — не сперли бы.

ОНА. Мы забыли определить регламент выступлений. Предлагаю три минуты. Кто — за?

Он поднимает руку.

Единогласно.

ОН. А самое главное!..

ОНА. Ваше время истекло.

Он обходит ее, встает на прежнее место.

Кто еще желает выступить?

Он молчит.

Не все сразу, чтобы у нас был порядок.

Он отворачивается.

Слово имеет Сидоров.

Он сокрушенно поводит головой, обходит ее.

Неформально, честно, открыто — все, что наболело.

ОН. Я не согласен с предыдущим оратором.

ОНА. Очень хорошо.

ОН. Нарисовал какую-то мрачную картину, когда в целом на предприятии все нормально. Нельзя так.

ОНА. Вот именно.

ОН. Скажем, у нас в отделе народ замечательный!

ОНА. Расскажите о своем народе.

ОН. У нас просто замечательные люди! У нас ни у кого еще ничего не пропало!

ОНА. Видимо, все зависит от того, какой климат сложился в коллективе?

ОН. Все зависит от того, какой климат сложился в коллективе. Вот у нас в коллективе, например, сложился хороший климат. Мы все как один! Например, в девять часов садимся пить чай. Есть у тебя дело, нет его — все побоку! Садись пить чай!

ОНА. Простите...

ОН. Иначе это неуважение к коллективу! Это вызов всем своим товарищам!

ОНА. Простите. Но у вас не только эта традиция?

ОН. Но у нас не только эта традиция. (*Удивленно смотрит на нее.*) Что же, у нас всего одна традиция?

ОНА. Вот я и говорю.

ОН. Так не может быть!

ОНА. Не может.

ОН (*обиженно*). Ну а зачем тогда говорить?

ОНА. Расскажите, пожалуйста, о других традициях.

ОН. Другая традиция. Ровно в двенадцать часов, минута в минуту, мы все садимся пить чай. Есть у тебя дело, срочное, сверхсрочное — гори оно огнем!

ОНА. Простите...

ОН. Работа не волк!

ОНА. Простите!

ОН (*в сторону*). Так что не надо так мрачно обо всем! В целом коллектив у нас хороший! Еще скажу...

ОНА. Регламент!

ОН. У меня все. (*Обходит ее.*)

ОНА. Кто хочет выступить?

Он молчит.

Не все сразу.

Он отворачивается.

Слово имеет Иванов.

Он сокрушенно поводит головой, обходит ее.

Неформально. Честно, открыто — все, что наболело.

ОН. Я не согласен с предыдущим оратором.

ОНА. Очень хорошо.

ОН. Что это?! Зачем? Как можно?.. Нарисовал какую-то мрачную картину. Можно подумать, что у нас все только и делают, что чай пьют, можно подумать, что никто пальцем о палец не ударит, что всем на все наплевать, что никому ни до чего нет дела, что все бездельники... Можно подумать. А мы, например, работаем! Нам не до чая.

ОНА. Поподробнее, пожалуйста.

ОН. Нам не до чая!

ОНА. Очень интересно.

ОН. Нам чай некогда пить! Нам надо разрабатывать новые электродвигатели, а мы со старыми еще никак не разберемся. Там одних проводов — куда какой? Что к чему? Половина лишних, и вообще черт ногу сломит! Но мы бьемся!

ОНА. И всем так надо.

ОН. Трудности огромные!

ОНА. Ничего!

ОН. Двигатель бьет током, и надо хоть немного знать физику, а у нас по образованию кто егерь, кто врач, кто дегустатор.

ОНА Простите...

ОН. Бог простит. Егерь на той неделе палку сунул в двигатель, теперь, когда выйдет на работу, неизвестно. Врач хотел простукать двигатель, а дегустатор в это время возьми и нажми не на ту кнопку. Их там — где какая? Что к чему? Черт ногу сломит. Но мы бьемся!

ОНА. Регламент.

ОН *(в сторону)*. Так что не нужно рисовать мрачную картину, оставьте это занятие пессимистам, пусть они отчаиваются, хватаются за голову, нам это не к лицу. *(Обходит ее.)*

ОНА. Хотелось бы услышать конкретные, деловые предложения.

Он поднимает руку.

Слово имеет Николаев.

ОН. Можно мне уйти?

ОНА. Куда уйти?

ОН. Домой.

ОНА. Как — домой?! Товарищи, мы для чего здесь собрались?

ОН. Мне вот так нужно!

ОНА. Да как бы ни было нужно, нет такой причины! Что у вас стряслось?

ОН. Шурин приезжает.

ОНА. Какой шурин?

ОН. Василий.

Она возмущенно качает головой.

Брат первой жены.

Она продолжает возмущенно качать головой.

А в целом коллектив у нас хороший!

ОНА. Идите.

Он поворачивается вокруг себя.

Кто еще хочет выступить?

Он молчит.

Не все сразу, чтобы у нас был порядок.

Он отворачивается.

Слово имеет Никифоров.

Он сокрушенно поводит головой, обходит ее.

Неформально. Честно, открыто — все, что наболело.

ОН. Я не согласен ни с кем из предыдущих ораторов.

ОНА. Очень хорошо.

ОН. Рисуют все какими-то мрачными красками, сатира какая-то получается. Хочется спросить их: где они берут такие мрачные краски? У нас нигде не достанешь таких мрачных красок. И в общем все размыто, расплывчато, а хочется услышать конкретные, деловые предложения!

ОНА. Вот именно.

ОН. У нас есть конкретные, деловые предложения.

ОНА. Прекрасно!

ОН. И их много, этих предложений: и конкретных! и деловых!

Она аплодирует.

И хочется их услышать.

Смотрят друг на друга.

Они есть! И их много... конкретных и деловых.

ОНА. Например.

ОН. Например, меньше слов, больше конкретных, деловых предложений!

ОНА. Ну?.. Что-нибудь.

ОН. Что-нибудь, как-нибудь нам не нужно, нужны конкретные, деловые предложения!

ОНА. Так давайте!

ОН. Так давайте, товарищи, не будем разводить трескотню. Время требует конкретных, деловых предложений.

ОНА. Хоть одно слово по делу!

ОН (*замахивается на длинную речь, неожиданно его осеняет*). Регламент. (*Обходит ее.*)

ОНА (*смотрит на часы*). Давайте подводить итоги. Предлагаю считать, что в целом объединение работает хорошо.

ОН. Но дальше так работать нельзя!

ОНА. Кто — за?

Он поднимает руку.

Единогласно.

Кошмар — это когда в летнюю

душную ночь без воздуха и сна под окном кто-то вдруг начинает петь... без слуха и голоса.

Часа в два ночи я не выдержала, спустилась во двор. В беседке — три девочки лет по семнадцати. Говорю:

— Как вам не стыдно?! Неужели вы не понимаете — люди отдыхают. Как же можно жить, ни о чем не думать, только о себе?

— Ой, ой! Извините, мы забылись... Выпили и забылись.

Смотрю — у них полбутылки вина, колбаса.

— Девочки, — говорю, — вы же будущие матери!

Они говорят:

— Мы только что аборт сделали.

Я когда пришла в себя, уже из любопытства интересуюсь:

— Вы с мужьями хоть посоветовались?

— С кем? С кем?! — Они меня спрашивают.

Я поняла, что мужей в помине нет.

— Господи, — говорю, — налейте мне вина. Что-то я себя плохо чувствую.

Отпила глоток, говорю:

— Девочки, что же вы делаете?.. Что же вы с собой делаете?! Разве можно так жить?.. Себя калечите! Честь не бережете!

Нет, я сама тут же поняла, что про честь опять какую-то глупость сказала, но остановиться уже не могу. Говорю:

— Все-таки нехорошо, если соседи узнают или на работе.

Они от смеха свалились со скамеек. Не в переносном смысле, в прямом. Свалились, катаются по земле, надрываются.

Я еще подумала: «Хорошо, что аборт уже сделали». Чувствую — снова мне допинг нужен. Они налили, я выпила. Спрашиваю:

— Как же это все у вас получилось?

Они говорят: .

— У нас, как у всех... Здесь пообещали, там обманули... Рядом никого, посоветоваться не с кем... Отношения уже рыночные... А всего хочется, все дорого... И все какие-то злые стали, жадные, не знаешь, кому верить.

И заплакали.

Я опять стою как дура, ничего не понимаю, потом говорю:

— Девочки! Сейчас я закусить принесу. И еще у меня полбутылки кагора есть.

Сбегала. Выпили мы по рюмке, закусили и... запели. Часа три уже было.

Минут через десять еще четыре женщины подошли: одна с гаечным ключом, другая с собакой, третья с кошкой... четвертая с мужем — кто с чем.

Уже нас хор — восемь человек и один мужчина.

Еще через десять минут из соседнего дома две женщины пришли — с саблей одна, другая с веником.

Ну и потянулись потихоньку... в шортах, халатах, сорочках, простынях. Брюнетки, блондинки, шатенки, рыжие, крашенные. С ремнями, горшками, щетками.

Луна светит, ветер поднялся небольшой.

В шесть милиция подъехала — нас уже человек восемьдесят. Кто стоит, кто на лавочке сидит, кто на земле, кто на качелях. Пиво у нас, вино, квас, овощи, пирожки, студень. Поем.

Дети здесь же, конечно. Где женщины, там и дети. Мужчины в стороне стоят, помалкивают.

Мы плачем, поем... выпиваем. И пожилые девочки есть, и лет под семьдесят, и молоденькие совсем. Одну бабушку вынесли в раскладушке, она не плакала, но все грозила кому-то пальцем... на небе.

Патруль видит — мы на печальной волне, лучше с нами не связываться, уехал.

А мы все плачем и поем, поем и плачем. Спроси: почему? — никто не скажет... А наверное, есть все-таки причина.

Стихия

(сценка)

Действуют:

Первый.

Второй.

Третий.

Место действия — аллея в больничном саду.

Время действия — наши дни.

Выходят трое в больничных халатах. Первый и третий на костылях, у второго на перевязи рука. Садятся на скамейку, молчат.

Первый (достает газету, просматривает ее, читает вслух). «На Перу обрушился ураган. Смерч поднял в воздух взрослого мужчину».

ВТОРОЙ. Смерч?

ПЕРВЫЙ. Да... Взрослого мужчину.

ТРЕТИЙ. А хоть взрослого быка. Что тут сделаешь?

ПЕРВЫЙ. Его не спрашивали, подняли, и все.

ТРЕТИЙ. И полетел.

Молчат.

ПЕРВЫЙ. Разве против природы пойдешь?

ТРЕТИЙ. Против природы?

ПЕРВЫЙ. Да.

ТРЕТИЙ. Бесполезно.

Молчат.

ПЕРВЫЙ. Землетрясение голыми руками остановишь?

ТРЕТИЙ. Никогда.

ВТОРОЙ (первому, указывая на газету). Сколько ему было лет?

ПЕРВЫЙ. Не написано.

ВТОРОЙ. Жалко мужика.

Молчат.

ПЕРВЫЙ. Народа через природу пострадало жуть. У нас вон на работе один пошел на речку и не вернулся.

ВТОРОЙ. Мужчина?

Первый согласно кивает.

Взрослый?

ПЕРВЫЙ. наших лет.

ВТОРОЙ. Утонул?

ПЕРВЫЙ. Утоп... И вроде выпил немного.

ВТОРОЙ. Жалко.

ТРЕТИЙ. Что в реке, у меня сосед в ванной утонул.

ВТОРОЙ. Как — в ванной?!

ТРЕТИЙ. Так. Нырнул и не вынырнул.

ПЕРВЫЙ. Слепа природа, слепа.

Молчат.

ПЕРВЫЙ. Я вот через грозу пострадал. Как на работу ехать — чистое небо, как с работы — тучи.

ТРЕТИЙ. Это всегда так.

ПЕРВЫЙ. А я на велосипеде. Думаю: успею проскочить. Принял допинг — жму на все педали.

ВТОРОЙ. Большой?

Первый недоуменно смотрит на второго.

Допинг большой?

ПЕРВЫЙ. стакан.

ТРЕТИЙ (*второму*). Не перебивай, интересно рассказывает.

ПЕРВЫЙ (*благодарно смотрит на третьего*). На чем я остановился?

ТРЕТИЙ. На допинге.

ПЕРВЫЙ. Да. Принял, жму что есть силы лечу, как демон в ночи, уже вон он дом, окна мерцают. Вдруг ка-ак полыхнет!!!

Пауза.

ВТОРОЙ. Допинг?

ПЕРВЫЙ. Молния. (*Третьему*.) Я шарахнулся — нога пополам, велосипед вдребезги.

ВТОРОЙ. Молния попала?

ПЕРВЫЙ. Дерево.

ВТОРОЙ. Молния в дерево?

ПЕРВЫЙ. Я в дерево! (*Третьему*.) Темно было.

ТРЕТИЙ. Слепа природа, слепа. Предчувствий никаких не было?

ПЕРВЫЙ. Было... потом уже... в больнице.

ТРЕТИЙ. У меня до больницы было. Как бы подсказы-

вала природа: «Берегись!» Утром все на селедку тянуло, на рассол, я не стал. Выхожу на улицу...

ВТОРОЙ (догадливо). Гроза?

ТРЕТИЙ. Нет, нормальная погода, только чувствую — не к добру. Зашел к приятелю, принял наспех портвейна грамм двести. (Первому.) За два сорок.

Первый понимающе кивает.

Выхожу! Быть беде.

ВТОРОЙ. А что такое?

ТРЕТИЙ. Не знаю. Но чувствую. На всякий случай решил ехать в метро. Думаю, обману природу.

Первый грустно улыбается.

Только ногой на эскалатор — тут же и загремел. Гремлю и чувствую — чего-то солененького хочется, а уже поздно... Уже без двух ребер.

ПЕРВЫЙ. Мстит нам природа!

ВТОРОЙ. За что?

ПЕРВЫЙ. За окружающую среду. Мстит и в будни и в праздники.

Молчат.

ТРЕТИЙ. Мстит и не договаривает.

ВТОРОЙ. А может, мы ее плохо слушаем?

Первый и третий не реагируют.

У меня как раз день рождения был. Жена утром спрашивает: «Ты слушал про погоду?» Я говорю: «Плохо слушал, но, по-моему, будет прохладно». А уже днем она звонит: «Поезжай домой, а то жара стоит, продукт портится». Я по-быстрому домой. Налил себе шустро стакан, выпил по-быстрому, чтобы не портилось, и давай шустренько закусывать. Тут жена входит, говорит: «Ты чего стояешь? Садись». Я по-быстрому сел... мимо стула, она шустренько позвонила в «Скорую», и меня по-быстрому сюда.

Молчат.

ПЕРВЫЙ. Сколько же народу через природу страдает!
ТРЕТИЙ. Ужас.

Молчат.

ВТОРОЙ. И в суд не подашь.

ПЕРВЫЙ. А на кого подашь? У нас вон на работе один пошел в лес и не вернулся.

ВТОРОЙ. Совсем?

ПЕРВЫЙ. Навсегда.

Молчат.

ВТОРОЙ. Заблудился?

ПЕРВЫЙ. С дерева упал.

ВТОРОЙ. Сам?

ПЕРВЫЙ. Нет. Ветром сдуло.

Молчат.

ТРЕТИЙ. У меня сосед со шкафа — расшибся... Два образования имел.

ВТОРОЙ. Не помогло образование.

ТРЕТИЙ. Заснул от жары... И вроде выпил немного.

Молчат.

ПЕРВЫЙ. Природа с людьми что хочет, то и делает.

ВТОРОЙ *(не сразу)*. Калечит.

ТРЕТИЙ *(не сразу)*. Стихия.

Молчат.

ВТОРОЙ *(смотрит вверх)*. Небо хмурится.

ТРЕТИЙ *(смотрит вверх)*. Как бы предупреждает, что можем остаться без ужина. *(Первому.)* Давай.

Первый достает из халата бутылку водки. Третий и второй достают стаканы. Разливают водку.

ПЕРВЫЙ. Ну, будем здоровы.

ВТОРОЙ. Когда?

ТРЕТИЙ *(вздыхает)*. Так говорят.

ВТОРОЙ. Мне один взрослый мужчина рассказывал: если взять черную нитку, обмотать мизинец и бросить пить...

ПЕРВЫЙ. Бесполезно.

ВТОРОЙ. Почему?

ТРЕТИЙ *(первому)*. Суеверие.

Первый согласно кивает.

(Второму.) Суеверие. Опиум для народа.

Чокаются, выпивают, прячут стаканы, пустую бутылку.

Встают, уходят.

Русский человек

У жены мечта — достать кафель

второго сорта. Первый сорт не достать, он весь уходит за границу. Есть еще высший сорт. Куда он уходит, никто не знает. У меня сосед в КГБ, говорит:

— Органы не могут обнаружить.

Еще у нас нет такого органа, чтобы обнаруживать в обычных магазинах что-нибудь высшего сорта.

И у жены мечта — достать кафель второго сорта. Третий ей не нравится... не держится на стене. Есть еще четвертый сорт... Ну, не в этом дело, мало ли у нас что хорошего есть.

Я ей говорю:

— Плюнь. Войны же нет, значит, живем хорошо. И перестань ходить по спекулянтам, не надо унижаться. Позвони в «Ремонт квартир», тебе завтра все сделают без переплат.

Она вдруг и говорит:

— У нас без переплат никто ничего не делает.

Я даже сперва не понял, даже не дошло до меня, что она сказала. А потом меня как кипятком обдало. Я дверь прикрыл, говорю:

— Как ты сказала?

Она:

— У нас без переплаты никто ничего не делает.

Я говорю:

— То есть ты хочешь сказать, что наш русский человек!.. может взять взятку?.. за наш кафель второго сорта?

Она:

— Сейчас и за второй берут, и за третий. За так давно уже никто ничего не делает.

У меня дыхание сперло, говорю: «То есть ты что же?..»
То есть сперва-то я подумал: «Я-то что же? Не с тем чело-

веком жизнь прожил? Почти двадцать лет не с тем человеком в одной постели спал?!»

Взглянул в зеркало, не узнал себя, белый стою, как смерть — у нас в России материально не все еще слава богу... хуже всех живем, но человека нашего не тронь. Вот я из-за чего, я идейно остервенел. Потому, что русский человек!.. с ним поговори по душам, по-человечески, он тебе за так горы свернет. Это давно известно!

Она опять:

— За так у нас никто ничего никому не свернет.. и не шевельнет.

И, естественно, переполнила чашу. Я снял ремень, говорю:

— Если я прав окажусь, то выпорю как сидорову козу.

Она:

— Если я права окажусь, то тебя мать родная не узнает.. ни с лица, ни тем более с этого места.

Я тут же в «Ремонт квартир», три минуты ходу. Вхожу — сидит товарищ моих лет, чуть полысее. Я сразу говорю:

— Как насчет кафеля?

Он сразу говорит:

— Ни кафеля, ничего нет.

Это я сам виноват, официально начал, надо было по душам, по-человечески. Улыбнулся ему, говорю: «Землячок...» Он тоже мгновенно улыбнулся мне, говорит:

— Ничего нету, хоть шаром покати.

Я его спрашиваю:

— Ты русский человек?

Он говорит:

— Сейчас все русские.

Я говорю:

— И я русский. А русский русскому всегда поможет!

Он очень удивился. Я ему еще раз правдой по голове:

— Русский русского в беде никогда не оставит. Русский русскому последнее отдаст!

Он говорит:

— Вообще ничего нет, пыль одна.

Я завелся, кричу:

— Черт с ним! Пыли у меня своей хватит. А мне от тебя, — говорю, — важно услышать, что русский с русского никогда взятку не возьмет!

Он говорит:

— Врать не стану, первый раз об этом слышу... что русский с русского не возьмет. Я, например, беру со всех. И с тебя бы взял, но, как назло, ничего нету.

Встал и вышел из комнаты вон. Когда я один остался, у меня помутилось в голове, потому что я знал: у нас самое ворье, самые загребалы наверху, а чтобы простые люди, хорошие, которым дармовой хлеб в горло не лезет... короче, я не знал, что у нас все прогнило до такой степени. Короче, мне сразу неинтересно стало жить, и я решил покончить с собой, чтобы не видеть этого позорища. Набрал по телефону жену, попрощаться в последний раз. Приготовился уже мысленно к смерти, смотрю — входит человек, мужчина тоже, чуть потолще меня, говорит:

— Землячок, как насчет кафеля?

Я говорю:

— Вообще ничего нет, одна пыль.

Трубку положил, не захотел прощаться с женой при постороннем, тем более у нее занято оказалось.

Посторонний этот вдруг кладет на стол сто рублей, говорит:

— Это вам.

Я удивился, спрашиваю:

— По случаю чего?

Он меня спрашивает:

— Вы нуждаетесь в деньгах?

Я говорю:

— Я прежде всего — русский человек!

Он:

— Значит, нуждаетесь. Я — тоже русский, но у меня эти деньги лишние, они мне жгут руки. И вообще надо друг к другу по-человечески.

Я прямо воскрес — такой человек попался замечательный, у меня камень с души свалился, слезы на глазах выступили, говорю:

— Дело ведь не в деньгах... Сто рублей — это не деньги!

Он кивает, кладет еще пятьдесят рублей, говорит:

— Русский русскому всегда поможет!

Я заплакал, честное слово. Стою, плачу, говорю:

— Ты сам не знаешь, что ты для меня сделал сейчас.

От смерти спас! Я думал, что перевелись на нашей земле хорошие люди, что за так никто ничего не делает. Ан нет! А деньги эти — ерунда!

Он тоже заплакал, достает еще двадцать пять рублей, кладет на стол, говорит:

— Русский русскому последнее отдаст.

Я обнял его как брата, говорю:

— Деньги могу разорвать и выбросить, но мне нужно принести их жене. Доказать ей, что не все у нас продается и покупается. А сами по себе вот эти деньги твои — это тьфу!

Он тоже растрогался, говорить не может уже, только руками разводит. Я собрал себя в кулак, говорю:

— Ну, все, хватит слюни пускать, пошел я.

Он спрашивает:

— Мне здесь подождать... насчет кафеля?

Я говорю:

— Все здесь ждут.

И исчез.

Жену жалко, но выпорю, потому что моя правда — душевных людей на Руси больше. Просто они встречаться стали реже.

Милый граф

Вчера вижу — опять один

застойный лозунг висит: «Книга — лучший подарок!» Ничего не бояться враги перестройки. Мы ушами хлопаем.

А я этот лозунг на себе испытал. Шесть лет назад в пятницу совпало: пятница, получка и мне день рождения в понедельник.

Я сбросился, ребята быстро сбежали, на сдачу купили мне лучший подарок.

В субботу открываю глаза — есть хочется. Полез в холодильник, там ничего, только книга лежит.

Достал — читаю. Там такая история.

Семья одна дома сидит. За окном дождь льет как из ведра, слякоть, скукота, в общем, страшная. Вдруг звонок — граф приехал, не предупредивши. Все обрадовались, а то не знали, чем заняться, даже обедать не хотели. Главное — дочь у них красавица на выданье, та прямо расцвела как роза — граф ей знак внимания сделал. Разговоры пошли про знакомых. То да се. Сели кушать. Угощают его наперебой:

— У нас натуральное все, из деревни. Кушайте, не стесняйтесь.

Ну, выпили, конечно, это само собой. Вечером в карты стали играть, танцы устроили, дочь спела три романса. То да се. Граф домой засобирался, его не отпускают:

— Милый граф, останься.

Он не дурак, остался. Все прослезились аж. Под утро только уехал.

Такая история. Почитал, смотрю — времени три часа, обедать пора. А за окном льет как из ведра, слякоть, скукота страшная.

У кого, думаю, дочь-то на выданье?.. Да у соседа сни-

зу!.. Он сам не то по торговой части, не то, наоборот, из ОБХСС.

Да какая разница? Знакомы хорошо. Я их заливал пару раз. Да и так на балкон выйдешь — они внизу всегда... предупреждают, чтобы пепел на цветы не стряхивал. Главное, я не припомню, чтобы к ним последнее время кто-нибудь в гости приходил.

В общем, спускаюсь — звоню.

Открыл сам. Иван его зовут. Ее Зина... Его Иван, моему.

— Здорово.

— Здорово. Чего тебе?

Спрашиваю:

— Не обедали еще?

— Нет, сейчас садимся.

Я прохожу. Стоим молчим. Он вроде уже хотел пригласить обедать, но тут жена его откуда-то возникла, говорит:

— Чего он пришел?

И за стену вдруг хватается и к ванной ногами начинает перебирать. Перебирает, перебирает, тут он кинулся, раньше ее успел, потолок разглядывает — сухо там. А с чего будет сыро? Я даже не умывался утром.

Теща из кухни вышла, дочь из комнаты выглядывает. Про тещу вообще в книге ничего не сказано, я с ней даже здороваться не стал. Дочери подмигнул, говорю:

— Роза какая вымахала. На одни тряпки ей разоришься.

Она в слезы.

Теперь, думаю, надо про знакомых чего-нибудь загнать. Говорю:

— Серегу-то из тридцать седьмой посадили... за воровство. Письмо прислал, велел вам кланяться.

Они тарашатся — какого Серегу? Может, и не знали его. Молчат стоят, я тоже молчу. Тишина мертвая. Теще надоело, говорит:

— Вы извините, мы сейчас обедать будем.

Ага! Говорю:

— Я сам еще не завтракал.

Удачно так намекнул. И сразу вдогонку говорю:

— Если у вас все натуральное, с рынка, то я как раз это уважаю.

Зинку, смотрю, трясет немного. Думаю, может, от жадности. Говорю:

— Я не объем. Так... выпьем, закусим и все... вечером танцы и в карты до утра.

Совсем тихо стало... как на кладбище, даже тише. Потом дочь говорит:

— Да он пьяный в стельку.

Вот дура! Совсем, наверное, ничего не читает. Говорю ей:

— Лучше романс какой-нибудь спой, чем ерунду-то городить.

Ну и тут они велели ей в комнате скрыться, дверь входную распахивают, а я понял уже, что лозунг про книгу фальшивый. Пишут в них, чего в жизни не бывает.

Книга — это лучший подарок... для врага!

В общем, не стал ждать скандала, вышел сам, но с лестницы сказал им:

— Радоваться людям разучились.

И пошел в столовую. У нас там так кормят, что любому человеку рады.

Такая любовь

Действующие лица:

Врач.

Больной.

ОНА. Следующий.

ОН. Вы психиатр?

ОНА (улыбается). Я. Здравствуйте, больной.

ОН (улыбается). Здравствуйте.

ОНА (улыбается). Слушаю вас, больной.

Он молчит, улыбается.

Что с вами, больной?

ОН. Все нормально!

ОНА. Очень хорошо. А кто вас направил ко мне? Хирург, терапевт?

ОН. Жена.

ОНА. Жена?!

ОН. Говорит: «Сходи к психиатру».

ОНА. Она так и сказала: «Сходи к психиатру?»

ОН. Да. Говорит: «Сходи к психиатру». Ну я и пришел.

ОНА. Та-ак. На что жалуетесь, больной?

ОН. Все нормально, доктор! Здравствуйте.

ОНА. Здравствуйте. А почему жена попросила вас сходить к психиатру?

ОН. Не знаю. Говорит: «Сходи к психиатру». И все. Я пришел. Я же не мог ей отказать, правильно? Я же люблю ее!

ОНА. Любовь — это великая сила, больной. А перед тем, как она сказала «сходи к психиатру», что было?

ОН. А перед тем я ей сказал.

ОНА. Что?

ОН. Что она ведьма... гремучая.

ОНА. А перед этим?

ОН. Перед этим я включил хоккей, она переключила на балет, я — на хоккей, она — на балет. Я говорю: «Ведьма». Она говорит: «Сходи к психиатру». Я и пришел. Здравствуйте, доктор!

ОНА. Здравствуйте, больной. А почему она — гремучая?

ОН. Гремит все время кастрюлями, сил нет.

ОНА. Так вы разойдитесь с ней.

ОН. Как — разойдитесь?! Что вы?! Вы что, доктор, в своем уме?! Я же люблю ее!

ОНА. Вы говорите, она ведьма.

ОН. Ну и что? Я говорю: «ведьма», она говорит: «идиот», я говорю: «выдра», она говорит: «паразит». Сейчас такая любовь, доктор.

ОНА. Какая?

ОН. Сдержанная на ласки.

ОНА. Вы считаете это нормальным?

ОН. Я считаю, нор-рмально! Сейчас все так. Если все, значит, нор-рмально!

ОНА. Я вам не могу дать справку, что вы нормальный.

ОН. Почему?

ОНА. Потому, что это противоестественно, такой любви не может быть, не должно быть! Вы не согласны со мной?

ОН. А я у вас что, просил справку?

ОНА. Нет, вы скажите, вы согласны со мной?

ОН. Мне не нужна справка.

ОНА. Почему, больной?

ОН. Почему — больной?

ОНА. Это я спрашиваю: почему, больной?

ОН. Почему «больной»-то? «Больной», «больной». Жена послала меня к психиатру. Я пришел.

ОНА. Зачем?

ОН. Откуда я знаю? Я думал, она вам позвонит, скажет.

ОНА. Она не звонила!

ОН. Да вы успокойтесь, доктор.

ОНА. Значит, у вас с женой все нормально?

ОН. Нор-рмально, доктор!

ОНА. А вы не пробовали ей сказать: «дорогая»?

ОН. Как?

ОНА. Дорога-ая.

ОН. Вместо «выдры»?

ОНА. Да.

ОН. Зачем?

ОНА. Она вас не будет посылать к психиатру.

ОН. А что мне, трудно сходить?

ОНА. Ну все-таки. А то вообще не будет посылать.

ОН. Да что мне, трудно сходить? Для жены-то. Она у меня одна. Я для нее чего только не сделаю.

ОНА. Значит, у вас с женой все нор-рмально?

ОН. Нор-рмально, доктор! А у вас как дома?

ОНА. Мы с мужем оба любим балет.

ОН. И он вас никогда не посылал?

ОНА. Куда?

ОН (*пожимает плечами*). К терапевту.

ОНА. Нет, не посылал.

ОН. И вы никогда?..

ОНА. Что?

ОН. Тарелкой об стену?

ОНА. Никогда.

ОН (*думает*). Надо лечиться, доктор.

ОНА. Кому?

ОН. Вам.

ОНА. Нет, это вам надо.

ОН. Вам.

ОНА. Вам!

ОН. Вам!

ОНА. Ва-ам!!

ОН. Видите, что с вами творится? Я пришел, вы все улыбались, а сейчас на вас смотреть — тоска одна. Может, жена меня послала, чтобы я помог вам?

ОНА. Не знаю. Она не звонила.

ОН. Может, позвонит еще?

ОНА. Не знаю, она не звонила!

ОН. Успокойтесь, доктор. Может, вы ей позвоните?

ОНА. Зачем?

ОН. Надо же узнать.

ОНА. Что?

ОН. У кого любовь ненормальная.

ОНА. У меня нор-рмальная!

ОН. И у меня нормальная. Также не может быть?

ОНА. Не может.

ОН. Она говорит: «Сходи к психиатру». Я пришел. Может, у меня жена ненормальная?

ОНА. Сколько она с вами живет?

ОН. Двадцать лет.

ОНА. Очень может быть, что она ненормальная.

ОН. Правда?

ОНА. Скорее всего, что она ненормальная!

ОН. Правда?

ОНА. Я уверена, что она ненормальная!

ОН. Дайте справку! И я уйду. Тюткина ее фамилия, Зинаида Егоровна. И я уйду.

ОНА. Правда?

ОН. Правда.

ОНА. Вот, пожалуйста.

ОН. Спасибо. Теперь она у меня посмотрит балет. *(Читает справку.)* «Тюткина Зинаида Егоровна ненормальная...» Все правильно.

ОНА. Но вы же любите ее!

ОН. А хоккей? Такая теперь любовь. *(Прячет справку.)* Чего только не сделаешь ради любви!

Замолчи!

От человека ничего почти не зависит.

Всем распоряжается судьба.

Нас трое друзей было. Вместе в школу, вместе на работу, в один год женились. Одновременно у нас от такой жизни нервы не выдержали.

Первый как гаркнет на жену:

— Замолчи! на минуту хоть.

Она остолбенела, шок с ней, сдвиг какой-то, и теперь она смотрит на человека — видит его внутренности. Как рентген стала. Ее срочно в платную больницу... на работу. Бешеные деньги платят. Муж на руках носит.

Второй узнал, в чем дело, как гаркнет на свою:

— Замолчи! на минуту хоть.

Она остолбенела... сперва, потом говорит:

— Сам замолчи, гаденыш!

С ним шок, сдвиг какой-то, начал видеть внутренности. Его срочно в другую больницу. Бешеные деньги платят, жена на руках носит.

Я на свою как гаркну:

— Замолчи сию же минуту!

Она ничего не остолбенела, спокойно взяла сковороду... ка-ак шлепнет меня по башке — и у меня внутренности все оборвались.

Сейчас лежу в больнице, платим бешеные деньги, чтобы мне выкарабкаться.

Судьба!

Разговор с совестью

-Смотри, что-то плохо лежит.

Взять, что ли?

- Не смей! Это подлю.
- Никто не видит.
- Не смей! Ты уважать себя перестанешь.
- Все берут — ничего.
- Не смей! Как ты детям своим в глаза будешь смотреть?
- Да ладно, потащили... Вот и все! И концы в воду. Теперь на радостях можно и расслабиться.
- Не смей! Сопьешься. Куда ты катишься?
- Еще по одной!
- Не надо!.. Закусывай хоть.
- Еще по одной!
- Не стоит... Закусывай жирным. Что ты не закусываешь? Устал же. Такую тяжесть тащил.
- Все! Засыпаю.
- Кровать хоть разбери.
- Молчать.
- Что ж ты, сапогами на подушку!
- Молчать.
- Морда на пол съехала!
- На себя посмотри.
- Я — твоя совесть!
- Проститутка.
- Кто?! Что ты несешь?
- Проститутка. Хуже! Знаешь, кто ты?
- Ну, хорошо, проститутка, проститутка. Все, спи.
- Знаешь, кто ты?! Сказать?.. Сказать?!
- Если ты меня совсем не уважаешь...
- А ты меня уважаешь?.. А ты меня уважаешь?
- Уважаю.
- И я тебя уважаю. Дай я тебя поцелую. Где ты?.. Где ты?.. Где ты?! Завтра найду, поцелую.

- **Д**октор, можно?

— Можно. А нужно?

— Все к психиатру, и я к психиатру.

— Ну и правильно. Лучше сразу узнать, что ты псих. Нынче, больной, больше из-за денег с ума сходят.

— Вот плохо-то, доктор! Только что я нашел деньги.

— Много?

— Мешок.

— Мешок?! Вы не волнуйтесь, пожалуйста.

— Я не волнуюсь, доктор, вы только меня за руки не держите. Мешок такой лежит с сотенными, при них ни адреса, ни удостоверения. Нищие деньги... Гора такая долларов.

— Долларов?!

— Доктор, вы мне пуговицу оторвали. Ну да, долларов. Ни адреса, ни удостоверения. Нищие. «Ну, — думаю...»

— Стоп! Я отгадаю, как психиатр... «Ну, — думаю, — себе возьму!»

— Не отгадали, доктор. «Ну, — думаю, — может, вернется кто, подожду». Два дня ждал — никого.

— Два дня?!

— Да.

— Вы головой обо что бьетесь?

— Ни обо что.

— А случайно?

— То есть вы сперва спросили: не бьюсь ли нарочно?

— Да.

— Нет, и случайно не бился никогда.

— Интересно как! Что ж такое?.. Пьете много?

— Воды?

— Водки.

— Ни грамма.

— А что вы пьете?

— У нас родничок, доктор, возле самого дома. Мы из родничка пьем.

— Удивительно! Но в полнолуние на крышу тянет?

— Нет, а что там, доктор, на крыше?

— Ничего, так спросил, к слову. Значит, два дня ждали — никого.

— Никого. «Ну, что же, — думаю, — тогда...»

— Стоп! Отгадываю. «Ну, что же, — думаю, — тогда... себе возьму!»

— Неправильно, доктор. Думаю: в милицию пойду. Пришел, спрашиваю: «Никто не обращался насчет денег?»

Они говорят:

«Нет, насчет денег давно уже никто не обращался». Я тогда в Сбербанк: «Может, они фальшивые, вот никто и не обращается».

— Ну и правильно, больной. Умница. Молодец! Очень хорошо рассудили. А скажите, с лошади вы падали?

— С какой?

— С любой.

— Никогда.

— Ну и прекрасненько. Эпилептиков в роду много?

— Нету.

— А были?

— Не было.

— Эпилептики-то!

— Нет, не было.

— Ну как же!

— Правда, не было.

— Не было пока, отличненько. А скажите мне откровенно, как мужчина мужчине, что вы чувствуете, когда беретесь голой рукой... за голый провод?

— Ничего, доктор, не чувствую.

— Ничего не чувствуете?... Вот и замечательно, а то я уже сам чуть с ума не сошел... Никогда ничего не чувствуете?

— Никогда, доктор... А я никогда и не брался за провод.

— Жалко. В Сбербанке что сказали?

— Сказали: доллары настоящие. Я вышел от них, думаю: «Ну, теперь-то уж...»

- Стоп! Последний раз отгадываю.
- Сейчас, наверное, отгадаете, доктор.
- Ну, теперь-то уж, — думаю, — себе возьму!
- Как же себе, они ведь чужие... Ну что, доктор, нормальный я человек?
- Деньги где?
- Я их выбросил. Сперва вам понес. Потом вспомнил: от денег одни несчастья, и выбросил их возле поликлиники. Куда вы, доктор?.. Р-раз — и нет его! Быстро так... Главное — через окно с восьмого этажа... Ну, посижу, подожду.

Встреча

(сценка)

Действуют:

Она — лет 25.

Он — лет 30.

Время действия — наши дни.

Место действия — улица.

Навстречу друг другу выходят Он и Она.

ОНА (*весело*). Вот те раз!

ОН (*замирает*). Вот те два! (*Раскрывает объятия.*)

Троекратно целуются.

ОНА. Возмужал как! Красивый стал, холеный... Балует кто-то. А я тут вспоминала о тебе.

ОН. Спасибо.

ОНА. Сидим как-то на работе, — у нас на работе одни женщины, — делать нечего, начали вспоминать, у кого кто был первый муж... Все-таки это святое.

ОН. Это святое! Это святое: юность, трепет, рассветы. (*Растроган.*) Половодье чувств. (*Берет ее руку, целует.*)

ОНА (*свободной рукой гладит его по голове*). Ну, успокойся, успокойся.

ОН (*оправдывается*). Как-то вдруг... все нахлынуло.

ОНА. Ничего, ничего, сейчас все пройдет.

Он старается взять себя в руки.

Мы были счастливой парой, правда?

ОН. Безусловно! Сейчас уже не умеют так любить, как восемь лет назад.

ОНА. Как шесть.

ОН. И жить, и чувствовать спешат.

ОНА. Да, к сожалению. (*Берет его под руку.*) Давай походим с тобой.

Пуляют.

ОН. Как я любил тебя! Как я тебя любил! Это безумие какое-то было, да?

Она пожимает плечами.

Легенда.

ОНА. А я тебя как любила?!

Он удивленно смотрит на нее.

Как в сказке.

ОН. Что-то я не помню.

Останавливаются.

Я вот тебя все время на руках носил... Ты у меня с рук не сходила.

ОНА. Каких рук?.. Каждый день на ногах еле стоял.

ОН. Кто?

ОНА. Ты. Пил, как сапожник.

Он отстраняется от нее.

Ну что я, не помню, какой ты домой приходил? Шнурки не мог развязать. В синюю лампу смотрел вместо телевизора.

ОН. Я смотрел?

ОНА. Не я же. Терпела, терпела и ушла. *(Куксится, достает платок.)* Самые чистые чувства — и кому?

ОН. Не знаю кому... Я за всю жизнь не выпил ни грамма.

Она настораживается.

(Скорбно.) С детства больная печень. С пятого класса — хроническая желтуха.

Она промокает глаза, прячет платок, виновато смотрит на него.

Об этом ты забыла, конечно. *(Жалуясь на судьбу.)* За всю жизнь — ни грамма.

ОНА *(берет его под руку)*. Прости, пожалуйста, я что-то перепутала. *(Целует его.)* Прости, дружок... Давай с тобой вспоминать только самое светлое, хорошо?.. Помнишь, как ты меня звал?

Он обиженно молчит.

Неужели не помнишь?

ОН *(нехотя)*. Одуванчик.

ОНА. Придумает же... *(Грустно.)* Сейчас так уже не называют. Фантазии не хватает. Давай походим?

Гуляют.

ОН. Сейчас называют черт знает как!

ОНА. Да, ухо режет.

ОН. Лишь бы назвать.

Гуляют.

ОНА. А почему ты звал меня «одуванчик», помнишь?

ОН. Помню. Когда ты приходила из парикмахерской, у тебя голова была словно шар.

Она, улыбаясь, слушает его.

Шея тоненькая, как... *(Ищет сравнение.)*

ОНА. Как стебелек.

ОН. Да, как стебелек, а на ней пушистый белый шар.

ОНА. Почему белый?

ОН. Ты тогда была блондинкой.

ОНА. Я никогда не была блондинкой.

ОН. Была.

Останавливаются.

ОНА. Мне-то лучше знать.

ОН *(оглядывает ее с ног до головы)*. Что же я, не помню, с кем жил?

Подозрительно смотрят друг на друга.

ОНА. Значит, не помнишь. Вот так вы сейчас все любите.

ОН. Как?

ОНА. Не помните своих подруг.

ОН. А подруги помнят?

ОНА. Перестань, пожалуйста, с больной-то головы на здоровую. *(С иронией.)* Наверное, я ничего не помню. Носил на руках, а сам в это время изменял с блондинками.

ОН *(возмущенно качает головой)*. Я был верен тебе.

ОНА. Тебе бы такую верность. Мы и разошлись, потому что ты оказался бабник.

ОН. Зачем ты наговариваешь?

ОНА *(горько)*. «У вас кто муж?» — «Инженер» — «А у вас?» — «У меня слесарь» *(тычет себя в грудь)*. «А у вас?» — «У меня сексуальный маньяк». *(Ему.)* Кому это надо, скажи, пожалуйста?

ОН. Когда мне было изменять? Работа, институт, все вечера с тобой. Домой, бывало, летишь как на крыльях!

ОНА. Не надо, слушай.

ОН *(с упрёком)*. Забыла?

Она не отвечает.

Увидеть, обнять, заглянуть в глаза.

ОНА *(с иронией)*. И умереть.

ОН. Да! И умереть. Вот так я тебя любил!

ОНА. Совсем уж заврался. В каком институте ты учился?

ОН. Здравствуй.

ОНА. Здравствуй.

ОН. Какой закончил, в таком и учился.

ОНА. Такого института еще не придумали. Это Генка учился, свидетель твой на свадьбе. А ты только и знал футбол да хоккей. Как я устала с тобой! Кто бы знал, как я с тобой устала! *(Куксится.)* Какой-то кошмар был, а не жизнь. *(Достает платок.)* За что, главное?

ОН. Я и есть Генка.

ОНА *(замирает, промокает глаза, смотрит на него)*. С ума сойти с тобой! *(Виновато смеется, пожимает плечами.)* Что такое сегодня? Здравствуй, Гена.

ОН. Здравствуй.

ОНА *(обнимает его, троекратно целует)*. Как жизнь?

ОН. Нормально.

Молчат.

Вот такие дела.

ОНА. Ты уж извини.

ОН. Ничего.

ОНА. Чувствую, близкий человек, а кто — не могу вспомнить. Правильно, ты у него был свидетелем.

Молчат.

ОН. Хоть что-то вспомнили.

ОНА. Да, уже легче.

ОН. А с твоей стороны свидетельницей была Вера, на которой я потом женился... Что? У тебя ведь свидетельницей была Вера?

ОНА. Вера — это я.

Мертвая тишина.

ОН *(тихо)*. Здравствуй, Вера. *(Неуверенно раскрывает объятия.)*

ОНА. Нацеловались уже.

ОН *(не сразу)*. Как живешь?

ОНА. Нормально. Давай разберемся на всякий случай. У тебя кто был свидетелем?

ОН. Гена. Его тоже Геной звали.

ОНА. А ты у кого был свидетелем?

ОН. У Виктора.

ОНА. Виктор на ком женился?

ОН. На Вере. *(Растерянно.)* Ее тоже Верой звали.

ОНА. Послушайте, так нельзя относиться к семейной жизни. Что вы все запутали?

ОН. Кто это — мы?

ОНА. Мужчины.

ОН. Минуточку...

ОНА. Что минуточку?.. Что — минуточку? За кого вот я вышла замуж первый раз, за тебя или за Виктора?

ОН. Не знаю.

ОНА. А кто должен знать?

ОН. В загсе.

ОНА. В каком?

ОН. В каком расписывались.

ОНА. А кто помнит?

ОН. Не знаю.

Недоуменно смотрят друг на друга.

Вот ведь как бывает.

ОНА *(жестко)*. Вспоминай.

ОН. Виктор первый раз женился в конце семьдесят первого.

ОНА. Значит, не на мне.

ОН *(улыбается)*. Ну, вот и все. Здравствуй, Вера.

ОНА. Здравствуй.

Целуются.

ОН. А я на тебе женился через несколько месяцев, в семьдесят втором.

ОНА. А я первый раз вышла замуж в семьдесят четвертом.

Стараются не смотреть друг на друга.

ОН. Значит, не за меня.

ОНА. Вот все и выяснили. *(Достает платок, вытирает губы.)* Зачем целоваться, если не уверен?

ОН. Не надо на шею вешаться первому встречному.

ОНА *(передразнивает)*. «Сейчас так уже не любят. На крыльях к тебе летел». *(Саркастически.)* Половодье чувств у них.

ОН. Да, половодье у нас!

Презрительно смотрят друг на друга, осуждающе качают головами.

В таком тоне я отказываюсь разговаривать с вами,

тем более что-нибудь вспоминать вместе. Прощайте.
(Уходит.)

ОНА (вслед). Слаболюбы беспамятные!

Он не оборачивается.

(В зал, легко.) Это не первый муж, а третий. Вот только чей? (Задумавшись, уходит.)

Чего торопиться-то?

Куда-то все торопятся.

Торопятся и торопятся. Позавчера пришел с работы, душ принял, перекусил чем бог послал, прилег отдохнуть. Звонок! Дочь кинулась к двери... и лбом об косяк! Тоже спешить начала. Открывает — грузчики стоят:

— Где вещи?

— Какие вещи?

— Полчаса уже машина стоит!

— Какая машина?

Жена из кухни выскакивает:

— Кого дьявол принес?!

Эти:

— Какого черта?! Времени нет. Давайте выносить все скорее!

И вынесли все. Потом меня с дивана сбросили, я ударился головой об пол — спал до утра. Встал свежий! Бодрый! Настроение отличное! Спрашиваю:

— А мебель где?

Жена говорит:

— Сосед этажом ниже переезжал, а вынесли нашу. Но потом занесли... этажом выше... и в другой подъезд.

Вчера пришел с работы, душ принял, перекусил чем бог послал, прилег отдохнуть.

Звонок! Сын кинулся и зубами об засов! Открыл — стоят двое в штатском:

— За измену Родине! Поджоги! Наводнения!

И так спешили! Я через полчаса уже в суде стоял, слушал приговор, а там и слушать нечего, одно слово — «расстрел». Отвели в камеру смертников:

— Последнее желание?

Я говорю:

— Душ принять, перекусить чем вам бог послал...

Утром встал свежий! Настроение отличное! Спрашиваю:

— Когда казнь?

Они говорят:

— Все!.. Уже расстреляли.

Когда? Кого?!. Вечером выпустили, потому что «беременных не держат». Когда я? От кого?.. Потом думаю: «Тем более мне теперь надо беречь себя».

Пришел домой, принял душ, перекусил чем бог послал, прилег отдохнуть.

Звонок! Детей не было, жена лбом открыла.

— Где он?

— Кто?

— Покойник.

Я вскакиваю, кричу:

— Вот он я! Вот он я!

Они кричат:

— Здравствуйте, покойник! Хорошо выглядите!

Я кричу:

— Не пью! Не курю!

Они:

— Правильно делаете. Ложитесь — сейчас мы мерочку снимем. Когда вы умерли?

Я говорю:

— Вчера. Пришли двое из погребальной конторы, я их топором по голове, потом сам с балкона прыгнул.

— Зачем же вы так? А из какой конторы?

— Из вашей.

— А кто приходил?

— Да вы же и приходили, — и достаю топор.

Через секунду от них даже запаха не осталось.

Сейчас никто не лезет. Топора, что ли, бояться?.. Вообще не знаю, чего торопиться-то?.. пришел, душ принял, перекусил и отдыхай себе... Торопятся и торопятся.

Легкий человек

Э то мне отец еще говорил:

— Леха, хочешь жить легко... живи. Только берегись денег. От них все несчастья.

Я сперва вообще хотел без денег прожить. А как чего не хочешь, так оно и прет!

Прет и прет с деньгами. Измучился вконец... Прет и прет. Две бочки дома стоят... с деньгами. Ага. Дня за три до полочки это... кончаются они. Всегда чего-то они дня за три кончаются!

Галья — жена — кричит:

— Деньги давай!

Я говорю:

— Возьми в бочке.

Она возьмет... Ну, чтобы концы с концами свести... Ага... Или из бочки возьмет, или у соседей займет.

Прет и прет с деньгами. Сглазил, что ли, кто? Не знаю даже.

Весной это... на огороде ковыряюсь — может, чего вырастет осенью, кто знает... А все кругом ковыряются — одни задницы торчат.

Копаясь, копаюсь в огороде. Минут, чтоб не соврать, семь копался, устал страшно чего-то, мышцы на теле сводит. Думаю: надо пойти пивка попить, пока сознание не потерял окончательно.

И я лопатой так р-раз в землю! Она дзынь обо что-то, я хватить чего-то сразу — сундук древний вытащил с золотом. А я привык уже — всегда чего-нибудь случится перед полочкой. Обязательно.

А говорили бабки, что где-то в этих местах Александр Македонский заблудился.

Запросто мог. У нас места!..

Стою на огороде с золотом — сразу отец перед глазами, говорит:

— Берегись!

Потом это... сам думаю: пока его государству сдашь, то да се, пятое-десятое — пиво-то кончится!

Я же не один в стране пью, правильно?.. Нас несколько человек. Чего делать?.. А сосед у меня, он деньги собирает. Собирает, ага. Чего-то у него с нервами... расстройство какое-то. С детства такой. Может, вдарился головой обо что.

Я р-раз сундук к нему на огород! Незаметно так р-раз! А чего он, мучается ведь. Пускай лучше сразу с ума сойдет, успокоится. Ага, прет и прет золото... не знаю, куда складывать. Месяца два назад тоже Галья — жена — кричит:

— Деньги давай, зараза!

Я говорю:

— Кончились, что ли, в бочках-то?

— Кончились.

Плянул в календарь — точно!.. три дня еще до полочки. А она это... картошку жарит на кухне и навагу — рыба у нас была... две штуки. Я ей еще крикнул:

— Не экономь, жарь всю.

И она это... первой рыбе брюхо р-раз ножом — оттуда кишки. Она второй р-раз — оттуда бриллиант.

Довели страну! Захламили реки!.. А рыбы, конечно, жрут все подряд. Что они, рассуждают, что ли?

В первой нормально все — одни кишки, ничего больше, все как у людей. Во второй — бриллиант!.. Совсем, что ли, теперь рыбу не покупать?

Сразу отец перед глазами!.. Надо срочно избавляться от бриллианта — никто же не поверит, что в рыбе нашел.

А ничем не разобьешь его! Утюгом пробовал, телевизором — ничего. И я тогда разолился. А у нас это... стол старинный, но хороший еще... дубовый... из старинного дуба. Я его недавно на помойке нашел. Случайно. Повезло просто. Отреставрировал немного... он без крышки был и без трех ножек.

Шарах этим столом дубовым — и бриллиант вдребезги! Только пыль пошла.

Жалко, конечно, стол немного попортил... развалился он. Да черт с ним! Еще найду.

Прет и прет с бриллиантами... Даже не знаю, что с ними делать.

Вчера тоже смотрю — три дня осталось до получки. А чего-то тихо в доме. Думаю: чего Галька-то — жена — не шумит? Потом вспомнил, она к матери уехала. Теперь, как три дня до получки, она к матери.

Я тогда нарочно сижу, ничего не делаю, чтобы есть не хотелось. И тут оса залетает в форточку. Вот такая! Видно, не в своем уме. Чего она унюхать могла, не знаю, есть же нечего в доме.

Кружит, кружит надо мною. А это... стол дубовый когда развалился, ножка-то старинная осталась... в углу стоит.

Я тихонько-тихонько дотянулся до нее, чтобы оса не видела. Подлетает она, ка-ак я ей по башке врежу!.. Ножка дубовая пополам. Оттуда драгоценности как посыпались. Как посыпались!.. Сыплются и сыплются. Ага, сыплются все и сыплются.

Отец и то какой-то явился... перепуганный.

Тут звонок. Открываю — милиция! И у меня сразу предчувствие. Ха-ана! думаю, доигрался. И щас еще чего-нибудь добавят, беда одна не ходит.

Точно. Говорят:

— У вас в Америке тетя померла... Как узнала, что у нее в России племянник есть, так и померла. Родственников больше нету. Признаете тетю?

Ну, с-собака! Откуда тетя?! А я от своих все равно никогда не отказываюсь.

Признаю, говорю. Где расписаться? А вот здесь. Теперь, значит, сообщаем, что она померла вся в долгах. С вас семнадцать тысяч долларов.

Я сразу понял! Это отцова родня.

Сегодня драгоценности сдал... на семнадцать тысяч долларов. Еще мне осталось на кружку пива.

Завтра как-нибудь перебыюсь, а послезавтра Галька — жена — вернется, притащит что-нибудь от матери.

Жить легко можно... Еще бы только с деньгами маленько... не так перло. А то прет и прет, прет и прет.

Подарок

Первый. — Привет.

Второй. — Привет. Ты чего?! Еще полдня до Нового года, уже вырядился в костюм!

Первый. — Маша подарила на юбилей свадьбы. Пятнадцать лет у нас скоро.

Второй. — Поздравляю.

Первый. — Чистая шерсть. И размер угадала.

Второй. — Отлично сидит.

Первый. — Ну, ты что! За пятнадцать лет ни одной драки у нас не было! Серега — знаешь, напротив меня — в одно время женились, уже три раза она ему голову пробивала. Что ты?! Маша — человек! Ребят четверо у нас. Все обшиты, причесаны. В доме чистота, порядок. Откуда вот у нее деньги на костюм?! Накопила. Себе отказывала. Я сам для семьи на части разорвусь, а она вообще! Про детей уж не говорю. Сам заболею — она не отойдет. И градусник подаст, и рассол — все, что нужно. Вообще, когда спит, не знаю. Памятник таким бабам ставить надо!!

Второй. — Ты ей что подарил?

Первый. — Вот!.. Как раз зашел посоветоваться. Деньги есть, я на сарай новый откладывал. Надо купить ей что-то такое!

Второй. — Украшение купи. Перстень.

Первый. — Дешевый зачем покупать?

Второй. — Кто говорит дешевый? Купи дорогой.

Первый. — А сарай?

Второй. — Ты сколько выделяешь на подарок?

Первый. — Деньги есть!

Второй. — Кофту купи красивую.

Первый. — Кофта у ней есть одна, я ей на десять лет дарил. Скажет: заладил одни кофты. Я ей хочу что-то такое, чтоб разговор было на сто лет.

Второй. — Денег дай ей на костюм и не думай ни о чем.

Первый. — Денег нельзя. Она на ребят потратит.

Второй. — Сам купи.

Первый. — Как купи?.. Мерить же надо. Так-то я ее размер знаю... а так-то не знаю.

Второй. — Машину стиральную купи.

Первый. — У ней есть. Все времени нет починить.

Второй. — Вазу какую-нибудь.

Первый. — Вазу?

Второй. — Да. Будет смотреть на нее, тебя вспоминать.

Первый. — Зачем на вазу-то? Пусть на меня и смотрит.

Второй. — Подожди. Ты сколько выделяешь?

Первый. — Деньги есть. Ты посоветуй. Ты в городе много чего видишь.

Второй. — Из одежды что-нибудь купи.

Первый. — Одежда у нее есть и на зиму, и на лето. Запаслись. И от матери осталось.

Второй. — Шаль теплую.

Первый. — Она без шали теплая. Ей что-нибудь, чтоб и цена подходящая, и ей приятно было.

Второй. — И чтобы на сарай осталось?

Первый. — Да.

Второй. — Часы купи.

Первый. — Она потеряла одни.

Второй. — Вот и хорошо. Купи новые.

Первый. — Чтобы и эти потеряла?

Второй. — На какую сумму ты рассчитываешь?

Первый. — Деньги есть!

Второй. — Посуду купи красивую, женщины любят.

Первый. — Ну, вот!

Второй. — Посуда — главное для них.

Первый. — Конечно!

Второй. — День и ночь с посудой.

Первый. — Ну, вот! Посуду?

Второй. — Да. Красивую.

Первый. — Колотят ребята все подряд, и красивую и некрасивую.

Второй. — Купи ей отрез на платье, цветастую материю.

Первый. — Купил раз, она ребятам и мне трусов нашила. Такой человек! Весь дом на ней держится. Из ничего конфету сделает. Я говорю: памятник надо ставить.

Второй. — Лифчиков накупи, она из них ничего вам не сделает.

Первый. — Маша?! О-о! Шапок наделает или чего. И неловко лифчики.

Второй. — Жене неловко?

Первый. — Все равно как-то. И есть у ней один теплый, а на лето так.

Второй. — Пальто у нее есть хорошее?

Первый. — Есть. Еще год проходит.

Второй. — Туфли?

Первый. — Туфель этих!.. две пары.

Второй. — Ты все-таки скажи, сколько выделяешь?

Первый. — Деньги есть!

Второй. — Она сама на что-нибудь намекала?

Первый. — Да ты что?! Она для семьи все. Мне, — говорит, — ничего не надо.

Второй. — Не напрямую, а как-нибудь нечаянно в разговоре. Мол, неплохо бы что-то такое.

Первый. — Нет! Ты чего?! Последний кусок детям отдаст. На части ее рви, она ни крошки для себя... Хотя...

Второй. — Ну?

Первый. — погоди, как-то тут говорила.

Второй. — Ну?

Первый. — Хорошо бы, — говорит, — нам новый сарай поставить.

Второй. — Вот! И ставь. И тебе хорошо, и ей приятно. А деньги останутся, еще что-нибудь купишь ей.

Первый. — Дошли все-таки до ума!

Второй. — Конечно!

Первый. — Вот спасибо. А то я и так и эдак — ничего не получается. Чувствую: все не то. А ты раз! в самую точку попал. Сарай — лучший подарок ей на Новый год. Спасибо тебе.

Николай меня так ревнует!

«И что тебе зоотехник сказал? И что к тебе почтальон подходил? И что ты с соседом у колонки стояла?» Гос-споди, соседу девять лет.

Накричится, потом ползает прощения просит:

— Пусти, Груня, в постелю, я тебе шубу куплю.

Сколько уж говорила ему:

— Еще раз бельма выпучишь, заберу корову и уйду. Живи один в грязи, сволочь немытая.

Зоотехник говорит: и как ты с таким обалдуем живешь? Такая женщина редкая и с таким засранцем.

На той неделе к столбу приревновал, ей-богу, не вру. Ворота пошла затворить, а стемнело уже. Стою, столб обняла — летит с топором, спасайтесь все столбы. Меня-то чуть не убил.

Домой пришли, давай смешить меня. Танец грузинский танцевал. Нож в зубы взял: трусы до коленков, руками машет. Ноги кривые. И подпрыгивает, и вприсядку. Да поскользнулся — простоквашу на себя опрокинул, сидит — вылитый грузин.

В лес пошла по ягоды, слышу следом крадется кто-то. Камень нашла да камнем в кусты. Домой прихожу — у него на лбу шишка больше головы. «О косяк вдарился». Как же!.. Что я побольше-то камень не нашла?

На работе щас денег не дают. Только если хорошо работаешь... тогда или — грамоту, или «позвольте я вас обниму». А я очень хорошо работаю. Ну и чего-то тут один раз грамот совсем не было. А мой не пошел на собрание.

— Я на рыбалку лучше.

Ну вот, грамоты ни одной, а начальства понаехало много. Они все и полезли из президиума:

— Позвольте и я вас обниму.

Глава администрации, солидный мужчина, вот такая копна на голове, в галстук, чуть-чуть водочкой от него пахнет, подходит:

— Позвольте мне от всего сердца!

Из зала вдруг:

— Руки прочь! Долой такую волосатую власть! Все на баррикады!

Летит с ножкой от стула. Срамota, господи! Не знаю, куда от стыда деться. Глава тоже перепугался — может, покушение. Спрашивает:

— Это ваш муж?

Я говорю:

— Нет, мой на рыбалке.

С ними обоими плохо.

И ревнует, и ревнует, уже сил никаких нету. Помаду попрыгал всю, чтобы не красилась. Хожу, как черт.

С месяц назад сидим вечером в избе. И вдруг свет выключили. Он сразу:

— Груня, ты где?

Я затаилась нарочно, молчу. Слышу он ко мне шарится, я — к печке.

— Груня, ответь мне.

Я лицо сажей намазала. Говорю:

— Вот я.

Он за руки меня взял. Голос сладкий сделался.

— Это, Грунь, обрыв на линии... надолго. Давай ложиться спать

И целоваться лезет, тут свет включили. Ой!.. Я при родах так не кричала.

Под утро начнет просыпаться, все рукой рыщет — на месте я. И каждый раз:

— Это ты?.. Это ты, Груня?.. Грунь, это ты?

Кто ж еще? Кого ж он там еще хочет найти?.. Самый сон сладкий, он бубнит в ухо.

Я к чему это рассказываю. У нас свинья опоросилась и все поросята хорошие получились, а один дохлый почти. Тихонький, не верещал никогда, ножки у него подламывались. Не стоял на ножках.

Ну и я как-то утром встала засветло, вымыла его, обсушила и в кровать на свое место. Сама за спинку спряталась. Светать стало. Слышу:

— Грунь, это ты?.. Это ты, Грунь?

Говорю:

— Я... милый.

И что вот одно слово может с мужиком сделать! Прямо я чувствую, восторг в нем поднялся. Крутанулся он в мою сторону!.. и тишина... пять минут... десять. Ни звука. Высунуться боюсь. Или он помер, или меня прибьет, потом слышу:

— Грунь.

Говорю:

— Чего?

— Что это... с тобой?

— Да вот, — говорю, — довел ты меня, свинья, своей ревностью.

С тех пор потише стал... только заикаться иногда.

Говорят, один был — ревновал, ревновал жену ни за что и придушил под конец.

А я вот не ревнивая совсем. Тут к соседям из Москвы приехала одна... Так, ни кожи ни рожи.

— Я — художница, я — портретистка. Хочу вас, Николай, рисовать.

Я крапивы нарвала... она с тех пор одни цветы рисует. И все, что ревновать-то зазря?

Юмористический патруль

В двадцать три часа

на Ленинградском шоссе в трех километрах от поворота в международный аэропорт Шереметьево затруднилось движение автотранспорта.

Проститутки требовали распространения на них закона о депутатской неприкосновенности.

Все попытки объяснить им, что между проститутками и депутатами ни при каких условиях нельзя поставить знак равенства, ни к чему не привели.

Всего за прошедшую неделю работниками ГИБДД за нарушение правил движения было задержано тридцать шесть проституток... и тридцать шесть депутатов.

В Крылатском произошло столкновение выехавшего на встречную полосу «КамАЗа» — водитель Борис Николаевич Семейко, со стоявшим на остановке троллейбусом, маршрут № 39. Пострадало тринадцать пассажиров. Водитель троллейбуса задержан.

Всего за прошедшую неделю из страны вывезено два миллиарда долларов.

На Кутузовском проспекте в час ночи водитель «ВАЗ-2108», будучи в состоянии сильного алкогольного опьянения, проехал на красный свет светофора и сбил пешехода, перебежавшего дорогу в неположенном месте в состоянии сильного алкогольного опьянения. Протокол о случившемся составил со слов свидетеля, бывшего в состоянии сильного алкогольного опьянения, сержант Матушкин, бывший в состоянии сильного алкогольного опьянения.

На перекрестке улиц Скобяной и Керосиновой произошло дорожно-транспортное происшествие. Столкнулись шестерка, семерка и восьмерка. По показаниям медэкспертизы все трое — трезвые, но у одного зрение минус шесть, у другого — минус семь, у третьего — минус восемь и врожденная боязнь движения. Каждый из них по своему трактовал сигнал регулировщика, страдающего болезнью Паркинсона

Всего на сегодня в стране не своим делом занимается 146 000 000 человек.

Под площадью Равенства и Братства в подземном переходе был сбит машиной 94-летний Петров. Когда команда под руководством Шойгу извлекла его из-под бронированного «Мерседеса», Петров заявил: «Не я, так внуки мои будут жить хорошо».

Всего в том, что не они, но внуки их будут жить хорошо, сейчас уверены 60 143 246 человек. Ровно столько, сколько в 1917 году.

На шоссе Энтузиастов сотрудниками ГИБДД был остановлен проехавший на желтый свет автомобиль «ВАЗ-2104» восьмьдесят четвертого года выпуска. Водитель, инвалид 2-й группы Безруков, пытался дать трем сотрудникам ГИБДД взятки в размере 10 рублей.

По данным пресс-центра ГИБДД, ни один из сотрудников ГИБДД! Никогда! Не брал взятки!! в размере 10 рублей.

На улице Конституции в два часа ночи на будку ДПС наехал «Москвич-2140». Водитель Невезучев не справился с управлением, потому что у жены, которую он вез в роддом, начались схватки. Роды, по всем правилам акушерского искусства, принял сержант Склифосовский. Три мальчика и одна девочка — таков для малообеспеченного водителя итог дорожно-транспортного происшествия. После принятия родов сержант Склифосовский оштрафовал счастливого отца за превышение количества пассажиров в салоне автомобиля.

Положение в стране

Внешняя обстановка — кулак,

который угрожал миру, разжался, и сейчас мы стоим с протянутой рукой.

Внутренняя обстановка. Коротко по основным направлениям.

Экология. Имеется в виду, насколько загажена среда обитания. Можно сказать так: если у них загажена среда, то у нас — вторник, среда, четверг, пятница, суббота, воскресенье.

Искусство. Важнейшим для нас сегодня, несомненно, является... порнография. Если основной творческий принцип реализма «о чем думаешь, то и показываешь», то основной творческий принцип порнографии — «чем думаешь, то и показываешь».

Особо о культурном обмене с Западом. Это — единственный обмен, который осуществляется на выгодных для нас условиях: они нам — фильмы ужасов, мы им — «новости дня».

Социальная защита граждан. Имеются в виду, конечно же, в первую очередь ритуальные услуги. Сегодня на услуги может рассчитывать каждый. Другими словами, государство готово похоронить всех.

Торговля. Установилось прочное равновесие между спросом и предложением. То есть несколько витрины притягивают, настолько цены отпугивают.

Борьба с преступностью. Сегодня, крайний срок завтра, будут названы имена исполнителей и заказчиков самых громких преступлений последнего времени. Таких, как убийство... царевича Дмитрия, княжны Таркановой.

Народонаселение. Рождаемость падает, потому что оргазма достигаем только во время воровства.

Религия. На бога обижаться не приходится, какую мы ему жизнь устроили, такую и он нам.

Вожди. Положение резко изменилось в лучшую сторону. Раньше только после их смерти мы узнавали, что они враги народа. Сейчас сразу видно... кто, как говорится, из них ху.

Армия. Мы наконец имеем армию, о которой мечтал Суворов — «живот в голоде, голова в холоде».

Медицина. Здесь все хорошо, нареканий нет и быть не может, потому что здоровые ничего о медицине не знают, а больные уже ничего не скажут.

Секс. Наши ученые выявили связь между юмором и сексом. Они заметили, что когда смешно... то не получается. А когда не получается, то не смешно. Жизнь у нас становится все смешнее, значит, скоро ни у кого никаких проблем с сексом не будет.

Золотой запас. Ну тут просто. Кто запас, тот и золотой.

Жилищное строительство. У каждой семьи отдельной квартиры к двухтысячному году не будет. Но, наверное, будет к следующему году... к трехтысячному.

Вот такая картина. Все вроде бы хорошо.

Общее впечатление. Нет сомнения в том, что церковь отделилась от государства, а государство отделилось от промышленности, науки, сельского хозяйства и так далее.

Все это еще раз говорит о том, что умом Россию не понять.

Записки сумасшедшего

Придцать седьмое мая — месяц

сентябрь. Сегодня ночью сошел с ума. Вечером был ничего — как всегда выпил, набил морду соседу, потом стучал молотком по батареям, бросал с балкона пустые бутылки... Утром стоял у подъезда и всем, кто выходил, говорил: «Доброе утро», а кто входил: «Милости просим».

Днем помогал старикам переходить дорогу, вечером посадил во дворе дерево, ночью разговаривал со звездами.

Третьего июня — месяц опять сентябрь, но уже немного ноябрь. Сегодня на улице на моих глазах сошла с ума женщина... платье в горошек. Шла, шла с сумками, бросила их, села в скверике на скамейке, стала болтать ногами.

Я сразу влюбился, подошел, сказал, что тоже сумасшедший. Попросил у нее руку и сердце.

Женщина обещала подумать... подумала и сказала: да.

Я от радости задохнулся!! Мне хотелось летать. Я забрался метра на три на столб, притворился птичкой и полетел... разбил голову в кровь. Завтра попробую... забраться повыше.

То же число, но на следующий день. Сосед, который справа, если стоять лицом к моей квартире, занял у меня на двадцать минут все деньги, а который справа, если ко мне стоять спиной, занял всю мебель, холодильник и почти всю одежду. Тут же приехала «Скорая помощь», и меня увезли в сумасшедший дом.

Месяц апрель. Числа в этот день не было. Попал в хорошую палату. Есть Наполеон, Македонский и, конечно, все наши вожди. Родственники смотрят на них и плачут. Что теперь плакать? Какие уж у нас есть вожди, такие и

есть. Простых людей мало. Один был лучшим средством от кариеса, норовил каждому дать в зубы... Еще ничего, другой был лучшим памперсом.

Еще один говорил, что он телевизор, и очень похоже показывал — по всем программам — голую задницу.

Один был телохранителем, всем делал предупредительный выстрел в голову.

Один был «БМВ». Сам себя утонит, перебьет номера и опять появится.

Один до пояса был реформатором, а ниже пояса — светлым будущим.

А один был долларом, шумел очень. Вечером врач сказал ему, что он рубль. И тот затих, боялся шевельнуться.

Всю ночь снилась женщина в горошек. Утром сказали, что во сне я щелкал соловьем. Сумасшедшие не спали, слушали меня.

Третье августа (утро). Пропустили через меня ток, и я выздоровел.

Третье августа (вечер). Вернулся из сумасшедшего дома. Встретил соседей справа. Одному выбил глаз, другому велел вернуть все мои вещи и половину своих.

Вечером выпил, встал у подъезда — никого не впускал, не выпускал.

Приехала милиция, но я спрятался в сквере. Там какая-то дура в горошек слушала, как гудит ветер. Стал гнать ее, она не шла. Тогда позвонил в «Скорую помощь».

Двадцать пятое сентября. Все наладилось: соседи дрожат, сам при деньгах, сыт и пьян. Иногда только в полнолуние нападает тоска и хочется выть, выть и выть.

Народное средство

У одной женщины муж пил...

не сильно так, но все-таки... до беспамятства.

Она со старушкой одной сговорилась. Этот муж просыпается как-то после пьянства — видит, по комнате метается женщина преклонного возраста... в одной сорочке чего-то. Он забеспокоился: мол, где это я?

Смотрит — он дома у себя. Тогда он думает:

«Кого-то я привел, значит. Но чего она староватая какая? Одни мослы торчат. Как будто она сто лет работала лошадью в шахте».

Тут дети его выбегают, они тоже в заговоре участвовали, кидаются к этой женщине, кричат:

— Мама, мама! С добрым утром.

У него от нервов ноги задергались. Вернее, одна. Одна спокойно лежит, спит, а одна чего-то задержалась.

Тут старушка как скажет:

— Вставай, сокол мой...

У него и вторая нога задержалась.

Полгода прошло. Щас хорошо живут с женой... недавно купили себе велосипед... в кредит. Оба очень любят кататься. У него, правда, дрожь осталась и ноги на педалях не держатся. Так что он в основном за седло держится, бежит рядом. Пить, конечно, бросил, а от велосипеда не оторвать его.

Можно, можно излечиться от пьянства, средств много народных.

У одной женщины муж тоже пил. Не очень сильно, правда, не до беспамятства. Он раздеться сам не мог. Она через Дроздова из «Мира животных» достала немного жидкости... от вонючки... и всем стаканам в доме дно смазала. Так вроде в квартире запах ничего, лесной даже, а как стакан к носу подносишь, от вони спазм делается. А еще она рядом сидит, говорит:

— Из чего только теперь водку не делают! Такую пить — надо навозом закусывать.

А он навозом чего-то не захотел. Щас хорошо живут... в том месяце ремонт сделали... в коридоре.

А одна женщина, у нее муж тоже пил... не сильно, он сам раздевался. Не сразу, конечно... ближе к утру. Но он, как разденется, кровать не мог найти.

Она думает: лучше я один раз потрачусь, чем всю жизнь в нищете жить. И как-то в понедельник, куда только можно чего влить, влила водку.

Муж приходит вечером, сел щи хлебать — там водка. Он кинулся к холодильнику, достал кефир, чтобы запить, — там водка. Она кричит:

— Тебя бог наказал! До чего не дотронешься, все водкой становится. Бросай пить!

Он орет:

— Нет! Никогда! Это чего-то коммунисты подстроили!

И бегом в туалет, стакан целый раз из бачка, а там тоже водка.

Щас хорошо живут, пошили ему новое пальто... из ее старого. Конечно, умом он немного тронулся, но зато совсем не пьет... даже воду.

А одна женщина, у нее муж тоже пил. Совсем не сильно... кровать мог найти... взобраться не мог.

Она на ксероксе напечатала фальшивых денег. Как за хлебом мужа, она ему настоящие дает, как за водкой — фальшивые.

И он начал замечать, что как за хлебом, ему хлеб дают, а как за водкой — ему дают в морду. В какое время ни приди. Хоть ведро бери, хоть сто граммов. А что он, донор, что ли?! Всякий раз за стакан водки полстакана крови сдавать.

И он невзлюбил выпивать. Щас они очень хорошо живут... даже на какую-то газету подписались... на три месяца.

А одна женщина, у нее муж почти не пил, так... чисто символически — на кровать мог взобраться... Он удержаться на ней не мог.

Она сама стала угощать его водкой, но каждый раз подсыпала туда порошок, чтобы пронесло его.

Он выпьет — бежит, выпьет — бежит. И здорово так привык! Уже жена забудет подсыпать... он все равно бе-

жит. Просто пустой стакан на улице увидит — бежит. А не всегда же у нас рядом, правильно?.. И он на свежем воздухе стал часто бывать. И незаметно бросил пить.

Щас хорошо живут, недавно им в «Лотто-миллион»... до выигрыша всего одной цифры не хватило.

Любого можно вылечить от пьянства. Можно, конечно, гипнозом. Но лучше народными средствами.

-3 ^{Здорово, сосед.}

— Здорово.

— Телевизор смотришь?

— Новости.

— Что хорошего?

— Президент уехал по приглашению. Забыл, куда он... Пригласили его с женой... погостить просто.

— Брось, это — политика. Там просто так ничего не бывает. Что-то затеяли. Хорошего мало, без всего останемся. Где у тебя телефон?.. Алло, Мария, слушай. Потом тебе объясню, что к чему. Сейчас возьми денег, сходи купи мыло кусков двадцать. Ну, все. Скоро буду... Еще что передавали?

— Негр приехал.

— К нам?

— Да.

— Откуда?

— Забыл вот. Но показывали его — точно негр. С дружеским визитом.

— Соскучился негр по нам, да?.. Переворота боится, занять приехал... без отдачи... Хорошего мало, без всего останемся... Алло, Мария, не ушла еще?.. Соли возьми три пачки. Делай, что говорят... Негр с женой приехал?

— Не показали.

— Нехорошо это. О-ой, не к добру. Ничего больше тревожного не было за день?

— Нет. К Клинтону еще одна с претензиями.

— Да ты что?! Ну, дает!.. А я не верю, слушай. Ну, одна, ладно, ну, две... Ну, три! А их сколько уже?.. Порочат человека зазря. Большая политика!.. Погоди-ка... Алло, Мария! Думал, не застану. Забег в аптеку, купи против это... Как тебе сказать?.. Против Клинтона. Ну, все, беги... А внутри страны что?

Неизвестный вельможа

Литературный институт

**С Геннадием Михайловичем Дудником
и Валерой Гуриновичем**

С Михаилом Ивановичем Пуговкиным

**Америка. С Семеном Альтовым, Аркадием Аркановым,
Володей Вишневым, Ефимом Смолиным**

**Киев. С Витей Коклюшкиным
у домика М.А. Булгакова**

С Михаилом
Кочетковым

Наташа, Ян Арлазоров, я

С Михаилом
Задорновым
и Евгением
Петросяном

С Кларой
Новиковой

Вручают «Золотую корону» Короля смеха. Иркутск

Новосибирск. С Марком Рудинштейном

Америка. Слава Войнаровский, Евгений Яковлевич Весник, я

С Михаилом
Евдокимовым

Семен Альтов,
Наташа, я —
на Бродвее

С Русалкой и с женой

С Танечкой в Париже

С Наташей в Объединенных Арабских Эмиратах

Там же

Монако. Танечка
и неизвестные

Теплоход «Ольвия».
Пиратский праздник.
Пираты: Наташа,
Танечка, я

С Наташей где-то в Голландии

Париж. Лувр. Три
Венеры: Милосская,
Наташа, Танечка

Углич. С Танечкой

Друзья со времен МАТИ — Женя и Наташа Скларовы

«Славяне в лесу». Коля, дедушка Толя, Танечка

— Затопит, того гляди. Паводок ожидается такой — сто лет не было.

— Ага... ага... Алло, Мария! Ты чего не ушла-то? Я тебе когда сказал, ты все сидишь. Жить надоело?.. Спичек возьми десять коробков... Больших. Бери... Та-ак. Нас тоже теперь врасплох не застанешь. Ничего больше не насторожило?

— Нет. А все уже. Потом спорт был. Наши в футбол выиграла.

— Да ты что?!

— Правда.

— Алло, Мария! В дверях поймал? Хорошо. Крупы возьми. Разной. Килограммов пять. Беги. Смотри не застрянь в дверях... Та-ак. Выиграли — значит, может быть подорожание. Под радость не так все будут возмущаться. Под проигрыш боятся цены поднять, под выигрыш могут. Тонкое дело. Про погоду что сказали?

— Без изменений. Завтра без изменений. С гарантией. Осадков — норма, ветер — норма, солнца — норма. Такой же день ожидают, как сегодня.

— Ага... ага... «Такой же». Не к добру. Когда у нас один день был похож на другой?.. Всегда что-нибудь случается. Алло... Алло! Алло! Нету. Не сидится ей. Как насыпали что под хвост. Пойду сам. Раз обещали без изменений, значит, куда-то вильнет жизнь. Возьму две поллитры. Одну, если с горя, другую, если с радости... Только успевай сообщать. Будь здоров, сосед, побежал я.

И звините, я в таком виде...

беспорядок кругом. Я рожаю. Рожая, да. Как говорится, с кем не бывает.

В офисе, видите?.. Работы по горло. Ужас, что творится. Домой никак не попаду. Муж некормленный, питается черте где... в ресторанах. Того гляди вдовой останешься.

Нет, я не плачусь. Господи, кому сейчас легко? Такая жизнь пошла. Но скоро все изменится! Вы знаете уже?.. Примета есть верная. Вот как, если грачи прилетели — значит, весна, так и тут. Если вы постоянно слышите «твою мать!», «твою мать-то!», значит, мужчин наших довели, им эта жизнь надоела, значит, они скоро возьмутся за дело. А сейчас на каждом шагу уже: «твою мать! твою мать!», больше ничего не слышно. Довели!.. А наших только раскатать. Их чуть подтолкни, они Зимний возьмут, Берлин, Космос. А если разозлить как следует... Это такая сила! Такое изобилие скоро настанет и дешевизна! Правда. Вы выйдите на улицу — какой густой мат стоит по всей стране!

Алло... Сергей Сергеевич?.. Здравствуйте, мой милый. Не придете сегодня?.. Заболели?.. Ну, конечно, лечитесь. О чем вы говорите! С вами все надежды наши. А что случилось?.. Перепили вчера? Как-то вы каждый раз!.. Намешали всего?.. И под конец пива?.. Сейчас любовью школьник знает, что нельзя под конец пива.. Ну вот, теперь и мучаетесь. Кто ночью снился?.. Ящеры!.. А сейчас что?.. Колотит. Обо что?.. Обо все. Не вставайте уж. А часа через два рожу, тогда подумаем, чем еще можно помочь вам. А жена ваша где?.. Как не женаты?.. А Нина Петровна?.. Что значит какая?.. Нет, Сергей Сергеевич, вы вчера не пивом заканчивали, чем-то еще. Вспомните пока.

Прямо какое-то проклятие над нашими мужчинами, как будто сглазил кто.

Но пьянство тоже скоро прекратится. Довели мужчин до предела — уже на улице не выйти из-за мата. Мата уже столько же, сколько грязи. Скоро все изменится, наступит изобилие.

Намучаемся, правда, с долларами, когда они у нас обесценятся. Во время путешествий можно будет их сбавривать... кстати, летом лучше посетить Скандинавские страны. На Средиземноморье, говорят, жарко. И на Ямайке очень жарко... говорят. А на Багамских терпимо!.. говорят.

(Хватается за живот, замирает.) Нет, ничего.... Сразу муж перед глазами. Ему трудно сейчас. Я третий раз рожаю, а они уже седьмой раз... обсуждают восьмую поправку к шестому параграфу Конституции. А ведь это каждый раз с дракой. Плюрализм же.

Сейчас столько энергии выплескивается на наших мужчин! И так они все соскучились по большому делу!

Алло... Слушаю вас. Да, это я... (Игриво.) А кто это?.. Нет, правда?.. Ну, серьезно. Я не узнаю. Быть вам богатым... Разбогатеете скоро! «На три с половиной миллиона?» Ха-ха-ха. Почему именно на три с половиной? Я просто говорю, что примета такая есть.. Ну, правда, кто это?.. Голос знакомый. Никак не вспомню. Миша?.. Толля?.. А кто?.. Что?.. Под камень?.. Во дворе?.. Вам?.. Три с половиной?.. А кто возьмет?.. Вы сами?.. Что вам делать больше нечего? Пришлите женщину. Вам сейчас надо думать, как сдержат в стране изобилие. Оно может застать всех врасплох, как паводок. Паводок помните в этом году?.. Кошмар какой-то! Вот и с изобилием может такое же случиться... Завтра позвоните, пожалуйста, я сейчас рожаю. В это же время... Да, в тринадцать часов. Нет! Не в тринадцать. Примета плохая. В четырнадцать.

Кстати, выход хороший насчет лишних денег — рэкетирам отдавать.

Еще можно будет помогать нищим... из развитых стран. Нашим рэкетирам и их нищим... Я лично буду еще одаренных людей поддерживать... Майкла Джексона, Мадонну.

«Твою мать» уже слышно, даже если закрыть форточки. Встаешь с «твою мать» и ложишься с «мать твою». Что-то будет. Большой скачок... По радио, по телевидению, в газетах — везде: «Твою мать, его мать, правительство мать, Госдуму маты!», не иначе как войдем в тройку самых развитых стран.

Алло... Алло. Кто это?.. А-а! Здравствуйте, здравствуйте. Как можно забыть вас?! О чем вы говорите?.. Дома все благополучно?.. Сына арестовали?.. За что?.. За спекуляцию?.. Ну, не за шпионаж же!.. Ах, это они говорят, что за спекуляцию... А на самом деле?.. За посредничество. Это разные вещи!.. Что?.. В магазине брал — на рынке торговал. В три раза?.. Ну, это он, конечно. Я понимаю: заманили, обманули. А он доверчивый... Так всегда и бывает. Сколько ему?.. Тридцать?.. Ну, конечно, что он еще соображает-то?! Да, мальчики позже созревают... Судью знаю, да... Как нигде не работал? Судья?.. Ах, ваш нигде не работал. Так он скоро начнет... Как почему? Примета такая есть. Скоро все начнут... мужчины. Вы тоже считаете, что пора?.. Ну, вот видите. В суд?.. Сейчас не смогу... Какой вы странный, ей-богу. Я же вам говорю: рожая! Я знаю, что здесь всего три остановки пешком.

Ну вот — «твою маты!... Довели мужчин. Быть буре. Грянет буря! Я чувствую. А потом покой и изобилие. Немножко еще потерпеть, и они нам все это... родят.

Как только наши мужчины родят, так мы и заживем... твою мать-то!

Народ и интеллигенция

-Брат, брат! Подожди.

— Какого тебе?

— Брат, ужли не признал меня? С праздником тебя.

— У, е! С каким?

— «Каким». Ах, ты простая душа! Ведь у нас юбилей свободы слова.

— Ну, е!

— Да ведь она, брат, дороже колбасы.

— Уже дороже?! Вот, е!

— Эх, брат. Конечно, трудно сейчас. Но мы спасемся.

— А мы?

— И вы, и мы. А спасет нас красота!

— Ох, е!

— Брат, нам всем нужно покаяться. Не очистимся, пропадем.

— Вот, е!

— Не возродимся!

— Ну, е!

— Мы бога потеряли!

— От, е!

— Не помним о смерти.

— Ну, е!

— Конечно, люди сейчас озлобились. Но гнева не должно быть. Согласен, брат?.. Я вижу, ты согласен. Ты все сердцем понимаешь. Это дороже. Спасибо, брат... Куда ты?

— Все, е. Побежал я.

— Брат, брат!.. Вот, е!

Жизнь и смерть

Все у нас как-то через эту...

пень-колоду. К врачу пришел, к невропатологу, говорю:

— Доктор, соседи так шумят, что у меня ноги стали дергаться в самом основании.

Он спрашивает:

— Что вам еще не нравится на Родине?

Я говорю:

— Еще мне не нравится, что когда я иду... по Родине и смотрю кругом — цены не наши, не русские.

Доктор говорит:

— Лекарства от вашей болезни очень дорогие. Вы станете здоровым, но нищим. Причем нищим наверняка, а здоровым как бог пошлет. Но можно и без лекарств. Просто больше положительных эмоций: кругосветные путешествия, скачки на страусах, вообще всякие зрелища.

Я говорю:

— О! Зрелища! У меня телевизор есть.

Он говорит:

— О! И попробуйте — включите.

Я включил. Посмотрел про вампиров, как они из людей кровь сосут, про мертвецов, как они ночью из могил выползают, и попозже «Дорожный патруль» — о тех, кто разбился вдребезги.

Короче, как-то я насчет жизни успокоился, пошел поинтересовался насчет гробов.

Гробы дороже любых лекарств! Но у меня удачно получилось — попал на распродажу, цены на тридцать процентов ниже обычных. Наверное, сезон закончился, не знаю. Купил крышку... на гроб целиком не хватило.

Принес домой, поставил у входа в квартиру — месяц уже никого из соседей не вижу, не слышу.

Вот так у нас — жизнь ведет к смерти, а смерть — к жизни. Все через... пень-колоду.

Я еще две крышки купил. Одну поставил на работе, чтобы не мешал никто. Со второй мотаюсь везде. Очень удобно.

В автобус всегда сядешь. Место уступают. Неприятно же — сидишь, а над тобой крышка от гроба.

Дорогу переходишь на любой свет. Вчера иду по улице — без конца несутся машины с мигалками. Или бандиты, или руководство. А какая разница?.. дорогу-то не перейти. Я раз — с крышкой на проезжую часть, за мной народ, перешли. Эти только ехать, я раз — в обратную сторону. Полчаса ходил.

Легче стало жить с крышкой от гроба. Как-то тут иду мимо банка — стрельба! Ограбление. Я хоп — в гроб, руки сложил, лежу. Грабители бегут мимо, их настигают, они — деньги в гроб, сами уселись вокруг как родственники. Милиция со специально обученными собаками мимо промчались, эти — к деньгам. Я говорю «РУКИ!.. за спину». Они в обморок.

Деньги, конечно, потом сдал... почти все.

Легче, легче стало. Чиновники за секунду все решают. Я, правда, еще на крышке написал «холера».

Город спас от наркоманов. Они на кладбище собирались. Накурились — думали: я видение. Пошли с кладбища — я за ними. Все сразу выздоровели.

На рынке торговаться удобнее.

— Сколько с меня?

— Десять тысяч.

— У меня только тысяча. Гробом не возьмете?

Передохнуть где-нибудь остановишься, положишь крышку, в нее подавать начинают. Рэкет пробовал наехать. Подошли амбалы, развернули крышку, а у меня там табличка: «Это для вас».

По мелочам там чего-нибудь тоже выручает: взаймы все дают, от дождя всегда укроешься. Да мало ли что.

Я всем советую: купите крышку от гроба — легче станет жить.

Дедушкина сказка

Ребятаушки, вы же

себе так головы проломите! А вот вы лучше усаживайтесь поудобнее, я вам сказку расскажу. Веселую! Нет, я знаю... Нет, ничего не перепутаю... У кого склероз?.. Ты с кем разговариваешь?.. Вот и помолчи... Кто гунявый?.. Кто гундосый?.. Помолчи, я сказал!.. Сам ты сукин сын.

Ну вот!.. Ага!.. Жили-были мужик с бабою... С бабою... Нет, он с бабою жил... Потому что у него такая ориентация была... Да, это давно было.

Ну вот!.. Ага!.. Жили они, не тужили, песни пели да плясали вприсядку... Нет! В критические дни тоже... С крылышками. Помолчи, я сказал.

Жили-были мужик с бабою. И было у их три сына-богатыря! Почему не было?.. Не прокормишь.

А было у их два сына и одна дочь — она мало ела.

Старший умный был детина, средний был и так и сяк, а девочка вовсе была дурой.

Чего-то нехорошо получилось насчет девочки. А было у их две дочери-красавицы и один сын. И вот кто-то повадился ходить к ним по ночам... Нет! Нет, не к дочерям. Кто-то повадился ходить к ним по ночам пшеницу воровать... Потому что остальное все разворовали уже. Помолчи, каторжанин!

Про что мы щас?.. А-а! И вот, значит, как-то курочка у их снесла яичко, да не простое... Нет! Нет! Нет, не с сальмонеллой... не с пестицидом... без бешенства. Золотое! Мышка бежала, хвостиком махнула... Кому? Никому... Нет, не на шухере... Помолчи, не доводи меня.

Жили-были мужик с бабою. Понял?.. Было у их две дочери-красавицы и один сын — дурак дураком!.. Вроде тебя... Нет! Нет, он потом царем не станет. Что на Руси?..

Заведено, что царем обязательно дурак становится?.. А этот не станет! Так дураком и помрет.

Жили-были мужик с бабою со своею... Со своею... Он со своею жил!.. Ну и что, что кругом порнография? А у нас сказка веселая! Вот он и жил со своею... А что плохого-то?.. Что одно и то же?.. Какую оскмину?.. Помолчи! Я кому говорю?

Жили-были мужик с бабою... Не надо мне подсказывать! Я знаю, что щас не принято говорить «мужик». Еще он меня учить будет!

Жили-были... один господин... с одною бабою.. Нет, с одною. Нет, не с двумя, с одною.

Ну все! Я тебя предупреждал по-хорошему. Тут и сказке конец, а кто слушал — молодец!

Как же не веселая? А разбогатели-то все! Я разве не сказал?.. Разбогате-ели.

Мужик испил живой воды и пошел это... Нет! Нет, не пустые бутылки собирать. Он нашел сто тысяч долларов!.. Где? В кармане у бабы.

С сыном только у их беда приключилась. Стал он помогать людям и пропал. Собрал со всех по миллиону, чтобы вернуть по два, — и пропал без вести.

Зато дочери подружились с дилером!.. Или с киллером?.. Как, деточка?.. Правильно, с сутенером.

И стали они жить-поживать, добро наживать.

Не знаю, может, глупость сейчас

скажу... Зараза передается по телевидению. Не в том смысле, что дрянь всякую передают, это само собой. А в том смысле, что зараза — болезнь передается от одного к другому по телевидению... в публицистических передачах.

Ельцин, помните, сказал: «Простите за все!» В смысле, выпивал часто, дирижировал много. Короче, сказал: «Я уйду, спасайте Россию». Или берегите Россию?

И сразу по всей стране как эпидемия. С предприятий многие директора ушли: «Простите за все, от завода остались одни стены. Берегите их!»

Я сам уже собрался сказать жене: «Уйду, алименты платить не буду, а то мне не хватит на проститутку. Об одном прошу: береги семью! И дай мне гарантию о неприкосновенности».

Потом побоялся, что она гарантию не даст, и остался.

Вот как зараза передается по телевидению... Или мне это мерещится? Не знаю.

Нет, выборы, помните, были в Государственную Думу? Каждый округ, каждый народ выдвинул самых достойных своих сынов. Нанайцы — Кобзона, печенеги — Абрамовича, хазары — Абрамовича.

Эти сыны и дочери по всем каналам начали клясться, что скоро у всех руки будут по локоть в золоте... если их выберут. И вроде ничего сперва... плохого не ждали мы, забыли, что у тещи здоровье слабое, особенно голова. Она слушала, слушала их и говорит:

— Скоро вы у меня все будете купаться в шампанском!

Хорошо, я на диване сидел, жена, хорошо, у стены стояла, тесть — хорошо, глухой.

Глухой, глухой, а все равно заразился. Ничего не слы-

шит! Все только смотрел на кандидатов. Ну и как-то говорит:

— Завтра каждому из вас подарю по самолету.

Но мы-то в своем уме! Думаем: он всю жизнь водил трамвай. Откуда у него самолеты?

Вызвали врача. Тот и смотреть тестя не стал, сразу сказал: «Даже и не надейтесь насчет самолетов. Он сошел с ума... Но если кому-нибудь из вас нужно заменить сердце или печень, то милости прошу ко мне в поликлинику в тридцать седьмой кабинет. Станете такими же здоровыми, как я».

Тут соседка зашла — вернуть горсть гороха, занять щепотку соли. Увидела доктора, говорит:

— О-ой, какой дяденька синюшный. Вам же нужно усиленное питание: осетрина, икра, ананасы. Идите на любой рынок и берите. Все бесплатно, только скажите, что от меня.

Жена говорит:

— Доктор, это — афера. Давайте лучше я вам помогу открыть свою клинику на Красной площади.

Я, сам не знаю почему, сказал:

— У нее денег нет ни копейки. И у меня нет. Но я вам помогу найти на помойке миллион долларов.

Доктор согласился. Но тут за ним пришли из квартиры напротив, у них кран потек. Доктор оказался слесарем.

На другой день выборы в Думу, и мы уцелели, не сошли с ума.

Вот какие переносчики заразы крысы и телевизор!.. Или случайно все совпало? Не знаю.

На всякий случай мы публицистические передачи больше не смотрим... только художественные, только фильмы ужасов. После них практически никаких последствий.

Один за всех, все за одного!..

Обычай такой... у китайцев, у американцев, у нанайцев. Да у всех!

У нас свои обычаи. Дядя Коля когда помер, дай бог каждому — опился на радостях. Только помер, сразу мы выпили с горя. Обычай такой древний. Никто не помнит, почему обязательно надо выпить, все помнят только, что обязательно надо.

Выпили. Тут гроб привозят. Тоже вот обычай — в гробах хоронить. А гроб — это обновка!.. Я не знаю, откуда пошло обновки обмывать. Купят на тысячу, обмоют на сто.

Ну, сидим обмываем, родственников ждем. Кстати! Жара была за тридцать градусов! Дядя Коля даже не протух.

У нас в роду все так. Дядя Федя когда помер... лютой смертью — он все время один и тот же сон видел: будто в магазине водка кончается и он КОЕ-КАК успевал последнюю бутылку взять. В тот раз, видать, не успел. Ну и помер во сне лютой смертью.

Тетя Клава, жена, на другой день вышла на балкон — он на балконе спал, — от него несет за версту — «где-то успел с утра, сволочь!». И вот она так выходила месяц!.. то ли два. Видишь, не в Мавзолее лежал, а как вечно живой.

Ага! Ну, съехала вся родня дяди Колина — тронулись на кладбище. Впереди венки двое несут — «от жены, от детей» — все по обычаю. Выстроились кто за кем — тронулись. С километр прошли — хоп!.. гроб забыли.

Возвращаться нельзя — удачи не будет. Отрядили шесть человек. Через сколько-то бегут они с гробом.

Только тронулись — свадьба навстречу! Кто свадьбе попадется на пути, того останавливают, и он выпить должен за здоровье молодых. Обязательно!

У нас все выпили, даже дядя Коля из гроба поднялся — выпил, а то ни за что не пропустят — обычай такой.

Ага, выпили все — тут кладбище. Жена сразу заголосила: «Заройте меня вместе с ним!» Обычай такой. Но зарывать не обязательно. И когда землю стали бросать, она сама побыстрее отошла. А то у нас был случай — хоронили дядю Витю, а зарыли дядю Сашу. Он поскользнулся, а все на поминки торопились.

А почему торопились? Другой случай был. Когда дядя Сережа помер в городе в буфете — его в морг, жене — телеграмму.

Та корову продала, чтобы поминки справить, стол накрыла, поехали все в город за дядей Сережей. А он продышался в морге, вылез через окошко — домой скорее. Прибегает — никого нет, полон стол выпивки, а он три дня не евши, не пивши.

Ну, вот мы все и торопились на поминки дяди Колины — мало ли чего. Пришли — дяди Коли нет, слава богу. Стали поминать его добрым словом, чтобы ему на том свете было хорошо. Считается, что чем больше пьешь, чем тебе хуже, тем ему на том свете лучше.

Помянули, стали разъезжаться. Тут «на посошок» надо выпить — обычай такой. Если не выпьешь, до дома не доберешься, а если выпьешь, может, и доберешься.

Все выпили, дядя Петя не стал... он помер. Зеркало поднесли к губам — не понять, поднесли стакан водки — не берет... помер, значит.

Сразу мы выпили с горя! Сели родню ждать. Тут гроб привозят.

Погоди, это уже другая история. А та закончилась. Как говорится: с окончаньем вас. Такой обычай у нас тоже есть.

У нас их много, хороших обычаев-то.

Легко надо жить

У нас любят из всего трагедию делать:

грабят! насилуют! убивают! Легко надо ко всему относиться, с юмором.

Я тоже первое время, когда меня трамваем переехало, возмущался все: почему трамвай пустили без водителя! Потом думаю: жив остался, и на том спасибо. И так почти без последствий — путаться только стал, забываю иногда, про что речь. Ну и что, да?.. Про что мы сейчас говорили?

А-а! Сам вспомнил. У нас один мужик был... или баба? Я после трамвая чего-то путать их стал. Мужик, мужик! — трубку курил. Вот он с юмором был! Легко ко всему относился.

Веселый такой! У него глаза одного не было, ему по ошибке выбили. А кто сейчас не ошибается?.. Ночью встретили его в переулке... не в том переулке-то, не те встретили... и не его встречали. В общем, ошиблись — хотели мозги выбить, а выбили глаз.

Про кого мы говорили?.. Сейчас-то... А-а! Сам вспомнил. Про баб одноглазых.

И вот эта баба легко ко всему относилась, хотя у нее не было левого глаза... Чего говорю-то?! Руки не было левой, а глаза правого. И вот она отравилась чем-то в столовой — тут вообще никто не виноват. Для того они и существуют, столовые.

Погоди! Это мужик был. Как же! Мы вместе в бане мылись, я хорошо помню, что мужик.

Отравился так, что с него вся татуировка сошла, все волосы выпали. Лысый ходил.

Не ходил только, он на коляске ездил, он же без обеих ног и без одиой груди. О! значит, он баба был... А как же я с ним в бане вместе мылся?.. Значит, я тоже баба!

И вот она все время подшучивала над собой, даже над своей веселостью. Говорила: горбатую могила исправит. Такая веселая!

Она горбатая была. Она улицу переходила... в подземном переходе, и все равно ее машиной сбило — водитель выпивши был, — она горбатая стала, без ног, без груди, без глаза. А на жизнь нашу не обиделась! Ни на кого не обиделась: ни на правительство, ни на Президента, ни на Думу!

Вру все. Это мужик был. Я вспомнил, он вот с такой бородой... Или баба с косой?.. Погоди, борода спереди, коса — сзади... Это мужик был!.. с косой.

Вот веселый! Вот не унывал никогда! Даже когда хулиганы выбросили его зимой из коляски — ни за что, просто баловались, мимо шли. Он ни слова им! Тихо сидит себе в сугробе, снег из ушей выгребает. Они опять к нему:

— А-а! Ты снег из ушей выгребаешь. Ты недоволен еще!

И опять в сугроб его, только теперь голого.

Он пока домой дополз — в метро-то не пустили... без жетончика. Хорошо еще на улице не остановили. Сейчас хорошо стало на улицах — ползай в чем хочешь.

Домой приполз, его уже скрючило. Но у него никаких претензий ни к правительству, ни к Президенту, ни к Совету Федераций, ни к кому!! Держался так! Как будто всем очень доволен, только не знал, кого благодарить. Такое терпение у него, столько юмора!

Пополз в ванную, хотел глаза промыть, вдруг — чик: воды ни капли, свет погас и голос:

— А-а! Ты глаза мыть, ты недоволен еще! — И скособочили его. А он уже скрюченный был и получился весь винтом. Соседи «Скорую» вызвали. И хорошо, врач опытный попался, на трех работах работает: ухо-горло-нос, гинеколог, логопед, консультант по вшам и классный хирург по пересадке сердца. Он только увидел его, сразу сказал:

— Плоскостопие.

Как он узнал?! У того же ног-то нету. На всякий случай он ему укол сделал... от отравления, а ампулы перепутал! Заморозил его, и тот навсегда остался винтом.

Теперь не знает, как Бога благодарить. К церкви подойдет — ему нищие начинают подавать. Так подают все!

Он сейчас одет от Зайцева... где скрючено, а где скосо-

бочено — от Юдашкина.

Короче!.. Про что мы сейчас?.. Не помнишь?.. Что ты ничего не помнишь-то?

А-а! Сам вспомнил. Главное — не сопротивляться, не возмущаться, не тужиться, а с юмором ко всему относиться, легко, тогда обязательно выгадаешь, а может, даже и выживешь.

Утром вышел на улицу,

чувствую слабость в организме. А ничего же еще не делал, только доел суп позавчерашний. В башке дзынь! «Значит, — думаю, — между слабостью и супом есть какая-то связь!»

Сел в скверике на скамейку, там никого, пустая совершенно скамейка, только мужик какой-то сидит, и все. Я ему говорю:

— Ну что — дождались?.. С долларом. Растет доллар-то! Ничего Путин не смог сделать.

Он говорит:

— Кто?

— Путин.

— Путин?

Я говорю:

— Путин. Кто еще? Он за все отвечает.

Мужик говорит:

— Кто он... Путин?

Я говорю:

— Президент.

— Чей?

— Наш.

— А-а.

И опять сидит, птиц слушает.. воробьев диких, наблюдает за ними. А там один совсем дикий воробей, всех обклеывает и рыжеватый чуть.

Я говорю:

— Вылитый Чубайс.

Мужик:

— Кто?

Я говорю:

— Воробей.

— Кто он?

Я говорю:

— Чубайс.

Мужик:

— Кто он Чубайс? Приятель ваш?

Я говорю:

— Чубайс — это племянник тети Аси, которая стиральным порошком торгует.

Он вспоминал, вспоминал, тужился, тужился — красный стал. У меня в башке — дзыны! Думаю: «Какая-то связь между тем, что он тужился и красный стал, есть. Наверняка».

Тут мужик кончил тужиться, говорит:

— Не могу вспомнить, кто такая тетя Ася.

И опять воробьев слушает. Я тоже воробьев послушал немного, потом сам говорю:

— Вы, наверное, не местный?

Он говорит:

— Почему? Всю жизнь в Москве.

Я говорю:

— У вас, что ли, в доме радио нет?

— Есть.

Я говорю:

— А Ельцина-то вы знаете?

Он говорит:

— Как же! Его все знают... в доме. Слесарь.

Тогда я спрашиваю:

— Как у вас со здоровьем?

Он говорит:

— А очень хорошо. Никогда еще ничем не болел, слух отличный, читаю без очков даже по-английски.

В башке у меня — дзынь, дзынь! «Ага, — думаю, — он никого не знает и здоровый, а я всех знаю — и больной. Неспроста!»

Как народ живет, не знаю.

Я вроде в достатке и то... Жена вчера говорит:

— Все! Иди грабь. Есть нечего. И продать нечего.

Я говорю:

— Как нечего?!

Огляделся — у нас осталось: табуретка, веревка и кусок мыла.

И тут сосед влетает, кричит:

— Можно заработать кучу денег! Надо сняться в порнофильме.

Жена говорит:

— Как же! Довели страну, теперь играй им в порнофильмах. А человек уже месяц не может играть даже в домашних спектаклях.

Сосед:

— Чего мочь-то? Выйти на улицу голым, пробежать двадцать метров?.. Цель фильма — показать, что народ не одурманен этой американской заразой, что он возмущается. Толика загримируют, Толик выйдет голый, за ним погонятся, он побежит, сядет в машину и уедет. И тысяча долларов его!

Поехали на съемки. Возле какой-то барахолки остановились: шашлыки, музыка, независимое радио... Березовского ведет передачу «За что бомжи любят олигархов».

Я разделся, перекрестился, вышел. Машина отъехала. А водитель неопытный, встал где пельзя. ГИБДД поперла его.

Короче, стою голый, машины след простыл.

— Сейчас, — думаю, — народ возмутится, а бежать некуда.

Только подумал, тут же мужик подходит, говорит:

— Компьютеры не возьмешь?

Я в чем мать родила. Говорю:

— Какого... цвета компьютеры?

— Белого.

— Нет, — говорю, — красных взял бы штук сорок, а белые даром не нужны.

Только отделался от него, две девицы подходят, краснеют на ходу. Все! Сейчас шум, скандал, мордобой — неопознанное тело.

Подошли, говорят:

— Вы нас не сфотографируете? А то всем некогда, а мы торопимся.

Я смотрю — действительно все торопятся и этим некогда. Сфотографировал их. И уже как-то начал осваиваться потихоньку, успокаиваться начал. Поворачиваюсь вправо — милиционер, с ним две женщины. Милиционер спрашивает:

— Этот?

Одна:

— Этот.

Милиционер:

— Сколько было в кошельке?

— Пятьсот рублей.

— А этот вырвал и бежать?

— Да.

— Точно он?

— Он!.. Только тот вроде негр был.

У меня прямо гора с плеч. Тут откуда ни возьмись собака, оскалилась сразу. Думаю: «Ведь она может цапнуть. Да хоть и за ногу. Как я побегу, когда народ возмутится?»

Хорошо, женщина какая-то отогнала ее, обошла меня три раза и сперва ничего, только:

— О-ой!.. Ну, надо же!

Потом говорит:

— Мужчина, у меня муж точно такой же. Можно вас на минуту — пиджак примерить.

Затащила в магазин, надела пиджак на меня, говорит:

— Ну, надо же! Великоват.

Продавщица:

— Где же великоват? В самый раз.

Женщина:

— Как же в самый раз? Он до колен ему.

— А вы до куда хотите?

— Да хоть до сюда.

— До сюда?! До сюда сейчас не носят.

И полчаса: «носят», «не носят». Я бочком, бочком от них.

Попал в отдел шляп... женских. Надел какую-то. Стою, что называется, без порток, но в шляпе.

И только тут одна женщина увидела меня и возмутилась. Сказала:

— Что творят, а?! Ни стыда, ни совести!.. У меня оклад — 800: 200 — на налоги, 200 — за квартиру, 200 — на дорогу, 200 — на лекарства... Остальное — на питание. Могу я купить такую шляпу за 3000?

Зато другая женщина прямо сказала:

— Мне бы такого мужчину... на дачу для фонтана.

Я подумал: «Видно, сейчас нашим людям не до порнографии, все своими делами заняты».

Выбрался из магазина и спокойно пошел себе куда глаза глядят.

Нельзя так жить

Милые дамы и уважаемые господа,

ужас как у нас матом ругаются. Такое впечатление, что как ребенок первое слово произнес, так им одним всю жизнь и пользуется.

Самое ужасное, что большинство ругается без причины.

Ладно, человек идет по улице и упал вдруг! Ни с того ни с сего. Конечно, выругался. Его простить нельзя, но понять можно.

Или, господа, идет по улице женщина — молодая, юная, свежая, как утро, шляпка на ней тоже новая. И тут ветер!.. И сдул шляпку. Конечно, кто рядом, он же посочувствует, скажет:

— Ну, сука, ветер какой!

Или, господа, когда погода резко меняется. Вышел из дома — солнце, отошел три шага — дождь. Или еще хуже — день солнечный, а ты с зонтом... как дурак! Извините, ради бога.

Был случай! — глухонемой вышел с зонтом, и тут солнце из-за туч. Он заговорил. Сказал:

— Ну, сука, погода какая!

Старушки интеллигентные утром в магазин бегом, бегом, кто быстрее — посмотреть, сколько сегодня кефир за вчерашнее число. Они надеются, что за ночь сильно подешевело. Когда они видят «сколько», они начинают шевелить губами. И если не дышать и встать поближе к ним, то со всех сторон:

— Ни хера себе!

Меня, господа, возмущает, когда ничего не происходит, просто человек стоит на улице и вдруг во все горло матом.

Зачем? Ты что, один здесь?! Кто тебе дал право?! Где твоя совесть?

Бывает, человека врасплох застанут. Он стоит, задумался и о своем, о сокровенном... Может, даже о жене! Что она его в дом пустит. Человек мечтает стоит. Вдруг ему: «Скажите, пожалуйста, сколько времени?».. Конечно, он сразу:

— Кто в жопу времени?! Без пятнадцати семь.

Или Ельцин когда сказал: «Ухожу». Как со всех сторон сразу: «У-у, е-е! Ну, сука, Ельцин!»

На радостях! Причина была.

А когда без причины?.. Я вам, милые дамы и уважаемые господа, больше скажу. Еду я тут в транспорте, вдруг слышу, мужчина один говорит на весь автобус:

— Я тебе сейчас, сволочь... устрою! Ты у меня ни в Красную Армию... никуда!

Полчаса так. Уже кто-то стал возмущаться. Потом смотрим — он спит. То есть у нас многие уже во сне стали матом ругаться. До чего дошло!

Бывает, красиво ругаются. Бог талант дал! Это — искусство, встреча с прекрасным. Сразу у всех уши торчком, чтобы не пропустить ни слова. Тут, кроме спасибо, ничего не скажешь. Слушал и слушал бы всю жизнь. О-о-о! Такое выведет!.. Соловей, беныть! И то — соловей-то только весной, а тут круглый год.

Одним словом, милые дамы и уважаемые господа, надо нам кончать с матом. Уже мы отравились им.

Девушки такое лепят! А им детей рожать. Но нам надо всем вместе! А то, я смотрю, беныть, я один здесь бьюсь, а вы, вашу мать, как-то с прохладцей.

А надо, беныть, чтобы и интеллигенция, их мать, и пролетариат, его гегемона мать, и правительство, трижды их и отца и мать.

То есть как бы, беныть, сказать, всем обществом, еп-тыть!

Я в брошенной машине ночевал,

в «Запорожце». Машина брошенная наверняка — ни мотора, ни руля, ни колес... секретки нет.

И ночью вижу, иномарка несется — джип «Чероки». Я в «Запорожце» метрах в ста от дороги в канаве. Стою на месте! Потому что педали газа тоже нет.

Я почему так подробно — в результате произошло дорожно-транспортное происшествие. Водитель на джипе был выпивши, до меня еще километр оставался — уже несло от него.

И вот, значит, я в «Запорожце» стою на месте, трезвый, в канаве, метров сто от дороги. Джип несется по дороге, там еще ограждения были, он бы до меня никогда не доехал, но водитель был выпивши сильно, и он бьет меня в зад.

Вот такое дорожно-транспортное происшествие. У них с автомобилем ничего, у «Запорожца» помялся бампер.

Они вылезают из машины — я меньше каждого в три раза, их четыре человека, водитель самый трезвый.

Они сразу:

— Что ж ты, сука...

Я извиняюсь. Они так говорят:

— Что ж ты с-с... сделал, такой-сякой, больше тебе машину негде было поставить? Гони сорок тысяч долларов!

Говорю:

— У меня нету.

Они:

— Нас это не е... ну... не волнует. Продай виллу.

— У меня нету.

— Имение.

— У меня нету.

— Коттедж.

— Нету.

— Тогда мы из твоих детей!..

— У меня нету.

— Тогда мы твою жену!

— У меня нету.

Они отвернулись и разговаривают между собой, а я все слышу. Дословно я вам не могу передать, у меня язык не повернется. Я только смысл передам.

Один говорит:

— Господа, убить его и ничего не взять нельзя — мы, таким образом, потеряем себя, а это самое страшное, что может случиться с человеком.

Второй говорит:

— Послушайте, пожалуйста, меня. Видит бог, надо купить ему дачу, квартиру, машину, дать денег. После чего он на своей машине врежется в нас. За что мы у него все отнимем и убьем. И таким образом, господа, сохраним себя и вновь обретем смысл жизни на этой голубой планете.

Потом самый интеллигентный из них поворачивается ко мне, говорит:

— Братан, базара нет.

Ну и все излагает. И через три дня сделали: деньги, машину, квартиру трехкомнатную, дачу.

Договорились, что ровно в три часа дня на двадцать пятом километре Симферопольского шоссе я их догоняю на своей машине и бью несильно в зад.

Я искупался, побрился, надел чистое нательное белье — похоронить они обещали тоже быстро... на Ново-девичьем.

И ровно в три часа на двадцать пятом километре Симферопольского шоссе... прежде чем я их догнал, они догнали какой-то «Мерседес». Оттуда их, не останавливаясь, из гранатомета, и все.

Теперь у меня дача, квартира, машина, деньги... бросать жалко, а убить меня уже есть за что.

Такая беда пришла ко мне.

Вчера с работы выгнали.

Жена за сердце схватилась:

— Выгнали опять! А мне детей кормить нечем. Ах ты!..

Как она сказала-то?.. Ну, в том смысле, что козел вонючий. И давай все в одну кучу валить:

— Ты невезучий. Мы с тобой пропадем все.

Кто-то там за нее сватался в молодости... хороший человек очень... скоро из тюрьмы выйдет. А я — обалдуй, валенок... моржовый.

Я говорю:

— Галя, я не невезучий.

Она:

— А кто тогда? Ты хоть раз прошел по улице, чтобы на тебя птицы не нагадили?

Я говорю:

— Это — хороший знак. Они гадят всем великим на памятники, а на меня при жизни.

Она:

— Год назад проститутка негра-шпиона обворовала. Почему задержали тебя?

— Меня, — говорю, — как шпиона, а не как проститутку.

Она:

— Кто пошел родинку удалить с колена... ему обрезание сделали?

Я молчу стою. Она смотрела, смотрела на меня, говорит:

— Уходи и не приходи больше. Так будет лучше для всех нас. Попей в последний раз воды из-под крана и иди. Я провожу тебя.

Пошли мы с ней. Она впереди, я чуть сзади тащусь.

А у нас там рыночек небольшой, она остановилась чего-то. Чего остановилась? Денег все равно нет ни копейки. По привычке, наверное, как лошадь.

А я иду. И — представляешь! — только с ней поравнялся, ко мне подлетают двое: один с камерой, второй с микрофоном.

— Центральное телевидение! Вы — новый президент России. Ваш первый указ?

Я растерялся. Парень снова:

— Вы — президент России. Ваш первый указ?

Когда он второй раз сказал, что я теперь президент России, только тогда я поверил. Такой праздник сразу — работу нашел.

И тут женщина одна, она помидоры щупала, чтобы не подложили одних гнилых, поворачивается, говорит:

— Где президент России?

И как даст этим помидором... в лоб мне. И со всех сторон как началось! А там кто простоквашей торговал, кто капустой квашеной, кто грибами, кто селедкой... Не такой уж и маленький рынок оказался.

Стою я весь в томате, в чешуе, в капусте. Понимаю, что кредит доверия к президентам исчерпан. Думаю: «Сейчас срочно в Барвиху, душ приму и за работу!»

И тут вижу — мужик один тянется рукой к тыкке. В мозгу молнией: не успеть! в Барвиху. Мужик тыкву берет, размахивается... Вдруг крик:

— Пустите меня к этому человеку! Я — первая леди страны.

Там еще леди были... с кошелками, не пускают ее. Но Галя пробилась ко мне. Говорит:

— Отрекись от власти.

Я говорю:

— Ты чего? Такой случай. Вообще у нас никогда еще никто от власти не отрекался.

Она:

— А ты отрекись. Не доводи страну, ты — невезучий. Отречешься — я тебе прощу все и буду любить.

Ну чего... я дурак, что ли? Конечно, я отрекся сразу.

Парень с микрофоном поворачивается к первому попавшемуся:

— Вы — новый президент России.

Тот:

— Русиш нет понимайн.

Такая тишина наступила... слышно стало, как

на валютном рынке курс меняется. Потом кто-то шепчет:

— Господи Вседержитель! То президенты говорили, мы ничего понять не могли, теперь мы говорим — они... не понимайн по-русски.

Я Галю обнял, говорю:

— Ничего, Галь, что-нибудь подвернется еще. Смотри, — говорю, — какой хороший знак мне в небе.

А над нами как раз журавли клином летят. Красиво — слов нет. Говорю:

— Царские птицы!

И Галя говорит:

— Да. С такой высоты и так точно...

И мы пошли домой.

Из записной книжки

И миллиард выиграть редкий случай,

и кирпич на голову — редкий случай. А все-таки почему-то кирпич чаще.

Хорошо жить было стыдно... теперь — опасно.

Сегодня должна была состояться передача власти народу. Не состоялась. Сегодня передачи не принимали.

Национальные особенности. Американцы думают: что бы нам еще такое сделать, чтобы доллар стал посильнее, чтобы жить еще лучше?

Японцы думают: что бы нам еще такое изобрести, чтобы жить еще лучше?

Русские думают: что бы нам хоть немного разогнуть-ся, кого бы еще поймать и за что повесить?

Или наведите порядок, или предоставьте возможность воровать всем!

От взяточничества можно избавиться. Надо как следует дать на лапу тем, кто с ним борется.

Вдохновение. Это когда забываешь обо всем на свете... Что-то вроде склероза.

Звездная болезнь — это когда все, что из тебя сыплется, кажется звездами.

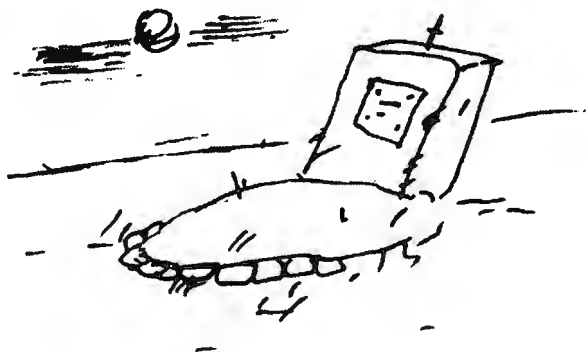
Слухи у нас отчего-то все недобрые. Периодически ползет, что по стране разгуливает маньяк. И каждый ко-сится на другого и видит — бандит.

Пора пустить слух, что Христос странствует по Руси. Все стали бы вглядываться и замечать что-то человеческое в чужих глазах, и что-то человеческое просыпалось бы в каждом.

Оптимистическое. Если верить приметам, скоро все разбогатеет. Вчера Государство встретилось с Народом — не узнали друг друга.

Жила-была нечистая сила

Жила-была нечистая сила

(пьеса для чтения)

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

СТАРИК
СВАХА
ПЕКАРЬ
СТРАЖ
ЛЕТОПИСЕЦ
ПЕРВЫЙ СЫН
ВТОРОЙ СЫН
ТРЕТИЙ СЫН
ПЕРВАЯ ДЕВУШКА
ВТОРАЯ ДЕВУШКА
ТРЕТЬЯ ДЕВУШКА
ЧЕЛОВЕК В ЧЕРНОМ
ОРАТОР
ПЕРВЫЙ МОГИЛЬЩИК
ВТОРОЙ МОГИЛЬЩИК
СОСЛУЖИВЦЫ СТАРИКА

} — дети старика.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Картина первая

На сцене ни то, ни се, ни дворец, ни изба, так себе какое-то помещение, что-то из сказки, что-то из реальной жизни. Посередине помещения стоит кресло-качалка. Входит ЛЕТОПИСЕЦ.

ЛЕТОПИСЕЦ (*в зал*). Здравствуйте. Я — летописец. Работа у нас нервная. А сейчас тем более, перемены везде, надо на новый лад настраиваться. Раньше мы как пи-

сали?.. «Ни давно, ни недавно». А когда? А бог его знает когда. Может, вчера, может, сто лет назад. Или писали «в тридевятиом царстве, в трезвом государстве». Вроде бы и не у нас, хотя по остальным приметам точно мы, но ничего доказать нельзя. Писали все в этом вот роде, потому что девиз у нас такой был: «Береженого бог бережет». Ну, это все в прошлом. Сейчас я у Старика одного работаю. Написал, что жил-был Старик и было у него три сына. Больше пока ничего не стал писать. Ничего особенного пока не произошло. *(Отходит в глубь сцены.)*

Появляется СТАРИК.

СТАРИК *(в зал, бодро)*. Все, ребята! Помираю. Нет уже никаких желаний! Ничем не восхищаюсь, ничем не возмущаюсь. Вчера еще ничего себя чувствовал, участвовал как-то в жизни, а сегодня будто корова языком слизала. Телевизор начто любил смотреть, сегодня включил — не радуется. Три часа смотрел, чувствую, помираю. *(Оглядывается, зовет.)* Лека-ары! Ле-е-ка-ары! *(В зал.)* То на вызове, то у него на приеме сто человек, а больше всего сам болеет. *(Зовет.)* Страж! Стра-аж! *(В зал.)* Не дозовешься никого. Но мне уже все равно, ни до чего дела нет. На девушек смотрю и тоже уже.. никаких эмоций. *(Зовет.)* Лека-ары!

ЛЕТОПИСЕЦ. Он скоро придет.

СТАРИК. Кто здесь?.. А-а, Летописец. А я помираю, брат.

ЛЕТОПИСЕЦ. Пожил бы еще.

СТАРИК. И рад бы, да не могу. Уже ничем не возмущаюсь, ничем не восхищаюсь.

ЛЕТОПИСЕЦ. Что ты такое говоришь?! Разве такое можно говорить вслух? Ничем он у нас не восхищается. Подожди, сейчас развеемся. *(Хлопает в ладоши.)*

Выходят в сарафанах три девушки. Летописец подходит к ним, о чем-то спрашивает, затем объявляет: «Старинная русская песня

«Паромщик».

ДЕВУШКИ *(поют)*. Упала ранняя звезда,

В полях прохлада.

Плывет паром, поет вода

О чем-то рядом.

Летописец дирижирует.

Старик слушает, подпевает, спохватившись, безразлично
отворачивается.

По сигналу Летописца девушки обрывают песню, уходят.

ЛЕТОПИСЕЦ. Может, чего-нибудь чуждого хочется?

Старик отрицательно качает головой

ЛЕТОПИСЕЦ. Скрытничаете ты чего-то от своего же товарища. Обиделся я на тебя.

СТАРИК *(мнетя на месте, озирается)*. Никому не скажешь?

ЛЕТОПИСЕЦ. Никому.

СТАРИК. Хочу попробовать пожить для себя. А что, понимаешь, все время для общего блага корячиться?

ЛЕТОПИСЕЦ. А не стыдно?

СТАРИК. Ну, как же? Ну, что ты? Конечно, стыдно. Но все равно тянет. Сам посуди, одно дело за оклад с ума сходять, другое дело спокойно стоять на рынке с тюльпанами, рубль штука. Я, честно-то говоря, думаю, вот так спроси любого, создай ему условия, любой согласится для себя пожить.

Летописец с сожалением поводит головой.

(Выходит на авансцену, выбирает кого-то из зрителей.) Пойдешь торговать по рублю штука?.. И все деньги себе?

ЛЕТОПИСЕЦ. Не пойдет он.

СТАРИК *(зрителю)*. Через год машина.

ЛЕТОПИСЕЦ. Она не нужна ему.

СТАРИК. Дача.

ЛЕТОПИСЕЦ. Что на ней делать-то?

СТАРИК *(зрителю)*. А что ты щас имеешь?.. Кем работаешь? Сколько выходит в месяц?

ЛЕТОПИСЕЦ. Не в деньгах счастье.

СТАРИК *(зрителю)*. А в чем?.. Примерно хоть сколько выходит?.. Стыдно сказать?.. Не стыдно. Тогда скажи. Встань и скажи честно всему залу, сколько выходит в месяц!

ЛЕТОПИСЕЦ. Оставь, пожалуйста, его в покое. Он за билет рубль заплатил. Сейчас речь о тебе.

Старик подходит к Летописцу.

Значит, ты решил притвориться? «Ничем уже не возмущаюсь, ничем не восхищаюсь», все подумают: навер-

ное, человек помирает, и оставят тебя в покое. А ты начнешь жить для себя. А я вот что думаю: хозяйство-то тебя заставят передать кому-нибудь из сыновей. А без хозяйства как для себя жить?

СТАРИК. Правильно. А я скажу: тому из сыновей хозяйство, кто первым женится. *(Оглядывается, по секрету.)* Их щас черт не женит. У меня, брат, все продумано.

ЛЕТОПИСЕЦ. Хорошо, молодец. Значит, пускай все корячутся для общего блага, а ты лично станешь жить только для себя?

Появляется увешанный пучками трав ЛЕКАРЬ, чихает.

ЛЕТОПИСЕЦ. Будь здоров, Лекарь. Явился?

ЛЕКАРЬ. Травы собирал.

СТАРИК. «Травы». Тут гроб пора собирать! Так-то, брат.

ЛЕКАРЬ *(издалека)*. Дышите.

Старик глубоко дышит.

Не дышите. А-а-а.

СТАРИК. А-а-а-а.

ЛЕКАРЬ. ОРЗ.

ЛЕТОПИСЕЦ. До утра дотянет?

ЛЕКАРЬ *(пожимает плечами)*. Возможности человека безграничны! Возьмем мозг. Он работает только на девять процентов, остальное природа держит в запасе. Возьмем энергию мускул...

СТАРИК. Энергия еще есть, а желаний уже нет. Ничем не возмущаюсь, ничем не восхищаюсь.

ЛЕКАРЬ. Ты что несешь?! Как это ты ничем не возмущаешься?

СТАРИК. Вчера еще ничего себя чувствовал, активно, а сегодня на все наплевать.

Появляется СТРАЖ. В руках у него алебарда.

СТРАЖ *(чеканя шаг, подходит к Старику)*. По вашему приказанию прибыл! Р-раз, два!

СТАРИК. Я тебя когда звал, ты когда явился?

СТРАЖ. Так точно! Вы звали, я явился.

СТАРИК. Тяжело тебе будет без меня. Ухожу я, брат, в лучший из миров.

СТРАЖ. Счастливого пути! Хорошего настроения!

СТАРИК *(Лекарю)*. Сколько, ты говоришь, у человека процентов мозга работает?

ЛЕКАРЬ. Девять.

СТАРИК (оглядывает Стража). Маловато. Хотя мне все равно.

ЛЕТОПИСЕЦ (Стражу). У него пропал вкус к жизни. Ничем не возмущается, ничем не восхищается.

СТРАЖ. Наш человек?! Ничем не восхищается? Не может быть! (Старику.) Щас передали по радио, случайно установили связь с другой цивилизацией!

СТАРИК. Ну и что?.. (Лекарю.) Как там у вас?.. Избегайте случайных связей?

СТРАЖ. А еще передали: наши в футбол стали чемпионами мира!

Старик, Лекарь, Летописец безнадежно машут руками.

СТАРИК. Прост ты. Соврать и то толком не можешь.

Лекарь и Страж выходят на авансцену.

ЛЕКАРЬ. Если человека ничто не восхищает и не возмущает, значит, он умирает.

Старик подмигивает Летописцу, устало идет к креслу.

Или притворяется.

Старик. Я умираю. (Кряхтя и стелая, садится в кресло.)

ЛЕКАРЬ (в зал). В подобных случаях надо окружить товарища вниманием и заботой. Ну и конечно, надо попробовать чем-то восхитить или возмутить его.

СТРАЖ (старику). Не падай духом, у нас газеты есть. Они, брат, скучать не дадут никому. (Лекарю.) Давай.

ЛЕКАРЬ (достает газету, читает). «Мальчик пяти лет свободно считает до двух миллионов».

СТРАЖ (Старику). Ничего себе мальчик у нас! (Лекарю.) Не может быть. Я не верю.

ЛЕКАРЬ (читает). «Удивительные способности мальчика обнаружила счастливая случайность. Отец не закрыл сундук и ушел на работу. Мальчик залез в сундук, нашел деньги, которые отец отложил на черный день, начал считать их. Остановился он при счете два миллиона. Мальчику присудили медаль математического общества».

СТРАЖ. Ну, надо же! Ну, ты подумай! Медаль присудили! (Лекарю.) Ты серьезно говоришь, не шутишь? (Старику.) Шутит небось. (Лекарю.) Мальчику дали медаль, не папе?

ЛЕКАРЬ. Папе десять лет дали.

СТРАЖ (для Старика). Ну, надо же! И папу не обошли, и папа сподобился! Вот семейка.

Все смотрят на Старика.

СТАРИК. Мама небось рада.

ЛЕКАРЬ. А ты?

СТАРИК. Мне все равно.

СТРАЖ (лекарю). Давай еще.

ЛЕКАРЬ (достает другую газету, читает). «Из обнаруженного окаменелого яйца динозавра...»

СТРАЖ. А-а?! Яйцо нашли! Чего угодно ждали, только не яйца!

Старик мрачно, не шевелясь, слушает.

ЛЕКАРЬ. «Из обнаруженного окаменелого яйца динозавра ученым удалось приготовить...»

Старик выпадает из кресла, бьется в конвульсиях смеха.

СТРАЖ. Чего ты?

СТАРИК (берет себя в руки, садится в кресло). Виноват.

ЛЕКАРЬ. «Из обнаруженного окаменелого яйца динозавра...» (выжидающе смотрит на Старика.)

Старик мрачен и недвижим.

«Ученым удалось приготовить...»

Старик выпадает из кресла, задыхается от смеха.

Что смешного?

СТАРИК. Яичницу?! Яичницу удалось приготовить?

ЛЕКАРЬ. Порошок.

СТАРИК (поднимается, конфузится за свой смех, в зал). Извините.

ЛЕКАРЬ. Один грамм такого порошка...

СТАРИК. Мне все равно. (Садится в кресло.)

Лекарь и Страж беспомощно переглядываются.

ЛЕКАРЬ. Его уже не спасти.

СТРАЖ (достает газету, громко). «На реке вступила в строй новая гидра!»

Старик хватается за сердце.

Электра! станция! Р-раз, два!

СТАРИК (безразличен, зевает, потягивается). Кажись, помираю.

ЛЕКАРЬ. Погоди!

СТАРИК. А что такое? Имею право.

ЛЕКАРЬ. Сперва скажи, на кого оставляешь хозяйство. На кого из сыновей?

СТАРИК. На того, кто первым женится. Тому и шапку, и хозяйство. Семья она любого заставит взяться за ум.

СТРАЖ (сложив ладони рупором, кричит). Дети, к отцу! Дети-и!

Появляется первый сын в водолазке, коротковатых брюках.

ПЕРВЫЙ СЫН. Здравствуй, батюшка.

СТАРИК. Здравствуй, сынок. (В зал.) Любимец мой. (Сыну.) Ну, как ты живешь-можешь? Чем щас занимаешься?

ПЕРВЫЙ СЫН. Работаю по металлу.

СТАРИК. Хорошо. И я по металлу начинал. А скажи-ка, ночью, когда спать ляжешь, о чем мечтаешь?

Первый сын конфузится.

Ну, чего ты? Все свои. Говори, говори. Что естественно, то не стыдно.

Первый сын конфузится.

ЛЕКАРЬ. Не стесняйся, говори, здесь одни мужчины.

ПЕРВЫЙ СЫН. Только лягу, только глаза закрою, сразу засыпаю.

Все разочарованно вздыхают.

ЛЕТОПИСЕЦ (Старику). Не так ты спрашиваешь. (Первому сыну.) Вот скажи нам, что самое главное для молодого человека?.. Любого.

Старик согласно кивает.

Черного, белого, желтого.

СТАРИК. Оранжевого.

ПЕРВЫЙ СЫН. Какого оранжевого?

СТАРИК. Это я так, к слову.

ПЕРВЫЙ СЫН. Главное для всех — мир.

СТРАЖ. Молодец! Р-раз, два!

СТАРИК. Сынок, у вас что, митинг был?

ЛЕТОПИСЕЦ (Старику). Погоди. (Первому сыну.) Правильно, для всех главное — мир. А лично для каждого, что главнее всего в жизни?

СТАРИК. Да, вот лично, что главнее всего?

ПЕРВЫЙ СЫН. Мир. Об этом должен думать каждый лично.

СТАРИК. Тогда я тебе задам наводящий вопрос. Как ты насчет девушков?

Первый сын недоуменно смотрит на Старика.

Вот ты весной идешь по улице, навстречу тебе девушка, красивая, стройная, улыбается.

ПЕРВЫЙ СЫН. Кому?

СТРАЖ. Всем.

ПЕРВЫЙ СЫН. Дурочка, что ли?

ЛЕТОПИСЕЦ. Видишь, в чем тут дело. Папа твой решил так: кто из вас первым женится, тому шапка и хозяйство.

ПЕРВЫЙ СЫН. Я не женюсь! Что я, хуже всех? Сейчас никто не женится. Никто не женится, а я женись, да?

ЛЕКАРЬ. Ну, иди, иди тогда, не мути воду.

Первый сын уходит.

(Старику.) Пока кто-нибудь не женится, не помирай.

СТАРИК. Договорились. (Подмигивает Летописцу.)

Появляется второй сын. В сорочке, галстук, в руках книга.

Звали, батюшка?

СТАРИК. Звал, звал, сынок. (В зал.) Любимец мой.

ЛЕТОПИСЕЦ (Старику). Давай я начну с конца.

Старик согласно кивает.

Папа ваш помирает.

Второй сын падает в обморок. К нему бросается Лекарь.

СТРАЖ (осуждающе качает головой, Летописцу). Педагог называешься. (В зал.) До чего детей доводят.

Второй сын приходит в себя.

СТАРИК. Получше тебе?

ВТОРОЙ СЫН. Получше.

СТАРИК. Хочу спросить тебя, сынок. Главное для молодого человека мир. А что ты думаешь насчет девушек?

ВТОРОЙ СЫН. Я думаю, папа, что они тоже за мир.

СТАРИК. Ага! Значит, вы с ними заодно. А в чем вы с ними еще заодно?

ВТОРОЙ СЫН. Во всем.

Все облегченно вздыхают.

А в чем вообще может быть разница между парнем и девушкой?

СТАРИК. Вот от тебя это и хотелось бы услышать.

ЛЕТОПИСЕЦ. Все дело в этой разнице.

ВТОРОЙ СЫН (думает, виновато). Не знаю.

Летописец огорченно взмахивает руками.

СТАРИК. Ну, как же, сынок?.. Думай. Не позорь папу-то, большой уже.

ВТОРОЙ СЫН. Может, раньше и была разница, а сейчас точно нет.

ЛЕТОПИСЕЦ. Короче, женишься первым из братьев, тебе шапка отцова и хозяйство.

ВТОРОЙ СЫН. Вот уж о чем совсем не думал, так это о женитьбе.

ЛЕКАРЬ. Не думал, иди подумай как следует.

Второй сын уходит.

Медицине давно известно, что мальчики созревают позже, но чтобы с такой задержкой!

Появляется третий сын в джинсах, с серьгой в ухе, развинчен, небрежен, молча смотрит на отца.

СТАРИК. Здравствуй, сынок. *(В зал.)* Любимец мой.

ТРЕТИЙ СЫН *(не сразу, нехотя)*. Ну, здравствуй.

СТАРИК *(в зал)*. Без присмотра рос. *(Сыну.)* Где щас трудишься, где жилы рвешь, не бережешь себя?

ТРЕТИЙ СЫН. В торговле.

ЛЕТОПИСЕЦ. Воруешь?

Третий сын не отвечает.

СТАРИК *(Летописцу)*. Я сам в молодости... много сменил профессий. *(Сыну.)* Хочу спросить тебя. Вот главное щас для всех мир и жизнь, конечно, на подъеме, и крутом преобразования, ломка традиций. Но вот представь себе: весна, по улице идешь ты, навстречу девушка, красивая, стройная. Подходит к тебе и говорит... *(Стражу.)* Что она говорит?

СТРАЖ *(изриво)*. «Сигаретки не будет?»

СТАРИК. Да! Говорит: «Сигаретки не будет?» Ты угостил ее...

ТРЕТИЙ СЫН. С какой стати?

СТАРИК *(опешив)*. Как же?

ТРЕТИЙ СЫН. Всех угощать, че самому-то останется? Я понимаю еще, если бы у меня с ней дела какие-нибудь были.

СТАРИК. Ага, ага. А какие у тебя могут быть с ней дела?

Третий сын оглядывается.

Говори, говори. Что естественно, то не стыдно.

ЛЕТОПИСЕЦ *(Старику)*. Стесняется.

СТАРИК (любуется сыном). Значит, хорошо воспитан. Было, с кого пример брать.

ТРЕТИЙ СЫН. Дела могут быть такие. Я ей дефицит, она мне наличман.

ЛЕКАРЬ. И все?

ТРЕТИЙ СЫН. Нет. Может быть так: я ей наличман, она мне дефицит.

ЛЕТОПИСЕЦ. Папа почему тебя позвал, он одной ногой в могиле.

Лекарь бросается поддержать третьего сына.

ТРЕТИЙ СЫН. Да его туда никакой силой не загонишь.

ЛЕТОПИСЕЦ. Папа сказал, кто первым женится, тому шапка и хозяйство.

ТРЕТИЙ СЫН. Обманет, поди. А потом хомут такой надевать, никакой шапки не захочешь. Нет, ну ее.

Уходит.

СТАРИК. Я в их время что вытворял!

(Лекарю и Стражу.) Ну, договорились, пока не женятся, я не помираю. (Летописцу.) На всякий случай указ напиши. (Диктует.) «В связи с постигшим меня...»

ЛЕТОПИСЕЦ. Равнодушием.

СТАРИК. «В связи с настигшим меня равнодушием, передаю шапку и хозяйство сыну, который первым женится, а сам после этого скоропостижно кончаюсь». Ну, там число, печать. (Стражу.) Объявишь сейчас всем.

СТРАЖ (в зал). Какая зараза на него напала!

СТАРИК. Ничего, ладно. Помирать, так помирать.

СТРАЖ (смотрит на старика). Какая зараза!

СТАРИК. Ничего, ладно.

СТРАЖ (Лекарю, показывая на Старика). Ты посмотри, ка-кая зараза!

СТАРИК. Ладно, ладно. Хватит печалиться.

ЛЕТОПИСЕЦ. Сейчас развеемся. (Хлопает в ладоши.)

Выходят в сарафанах три девушки.

ДЕВУШКИ (поют). Упала ранняя звезда,

В полях прохлада.

Плывет паром, поет вода

О чем-то рядом.

СТРАЖ (машет рукой). Хватит! Не до вас щас.

Девушки, обидевшись, уходят.

ЛЕТОПИСЕЦ (*Стражу*). Зачем ты так?

СТРАЖ. Щас надо думать, как человеку помочь!

ЛЕТОПИСЕЦ. А наша эстрада здесь при чем?

СТАРИК. Да ладно вам. Ничего потерплю я, поживу. (*Летописцу*.) Но знаешь, глаза закрою — дедушка-покойник стоит на пасеке и рукой к себе манит.

ЛЕКАРЬ. Не бери в голову.

СТАРИК (*Летописцу*). А рядом с дедушкой бабушка-покойница и тоже..

СТРАЖ. Бабушка?!

СТАРИК. Бабушка.

СТРАЖ. Придумал я, как помочь тебе. (*Лекарю*.) У меня бабушка свахой была. Сваху надо найти, она живо его ребят обженит.

СТАРИК (*беспокойно*). Что, что, что?

СТРАЖ. Она, брат, так дело обернет, что их потом от жен не оттащишь! Пойду поищу.

СТАРИК. Ты недолго, слушай. Нету, так нету. Здесь нужен. Мигом чтобы!

Страж уходит, тут же возвращается со свахой.

СВАХА (*улыбается, бойко*). Здравствуйте. Кто тут во мне нуждается? Как будем договариваться? Какие ваши условия? Какая наша зарплата?

Все смотрят на Сваху. Старик встает с кресла, обходит ее.

СТАРИК (*Лекарю, тихо, недовольно*). Ну, что это?

ЛЕКАРЬ (*тихо*). Ну, почему? Хорошенькая.

ЛЕТОПИСЕЦ (*Свахе*). Оформим тебя временно слесарем. Имя, отчество.

СВАХА. Дарья Тимофевна.

Подходит к Старiku, разглядывает его, обходит, поет: «Упала ранняя звезда, в полях прохлада...»

Старик морщится.

(*Поет*.) «Ох, не ходите, девки, замуж».

СТАРИК (*доволен*). Вот это верно.

СВАХА. Может, верно, а может, и не верно. Никто не знает. (*Смеется*.)

СТАРИК. Ишь ты! И откедова ты такая веселая?

СВАХА. Новенькая.

СТАРИК. Ну-ка, ну-ка. (*Щиплет Сваху за бок*.)

СВАХА (*отскакивает*). Ой! Щекотно.

СТАРИК (*придвигается к ней*). А я помираю, брат.

СВАХА. Сестра я.

СТАРИК. Помираю я, сестра. С утра пульса нет. (Обнимает ее за талию.)

СВАХА (отстраняется). Да что же это такое? Сказывали, на работу берут, а тут вон что... какие работы.

СТАРИК (придвигается). Ты не пугайся, я уже обезвренный. Уже одной ногой тама стою.

СВАХА. Да вы все сперва вроде обезвренные. (Смеется.) Если умираешь, что ж мне в тебе за интерес? Отходит на шаг.

СТАРИК (придвигается, поет). «Все могут короли, все могут короли». Когда стемнеет, приходи в рощу.

СВАХА. Для чего? (Отходит.)

СТАРИК (придвигается). Так уж и для чего?

СВАХА. Ребят твоих я тебе сосватаю, можешь не беспокоиться. Дня не пройдет.

СТАРИК (поперхнувшись). Вот с этим как раз торопиться не надо ни в коем случае.

Лекарь и Страж замечают, что Старик и Сваха уединились, идут, крадучись, за ними.

Старик хочет обнять Сваху за талию. Страж бьет его по руке.

СТАРИК (оборачивается). Берем ее на работу.

СТРАЖ (Свахе). Приступай к исполнению. Ребята где-то здесь по роще мотаются. Девчат сама находи.

СТАРИК (зачарованно смотрит ей вслед, Стражу). Не успел объявить, что я умру, если кто из ребят женится?

СТРАЖ. Успел.

СТАРИК (горько). Где не надо, он шустрый. Где надо, его не дозовешься (садится в кресло).

ЛЕКАРЬ (Стражу). Надо проверить, не притворяется ли он.

Старик закрывает глаза, храпит.

Картина вторая

Роща. Появляются братья.

ВТОРОЙ СЫН. Прежде чем жениться, надо полюбить. Это во всех старинных книгах сказано. А что такое любовь, нигде не написано.

ПЕРВЫЙ СЫН. Вот тут и крутись. (Выходит на авансцену, в зал.) Что такое любовь, не подскажете?

ТРЕТИЙ СЫН. Вон с девушкой парень сидит, спроси у него.

ПЕРВЫЙ СЫН. Парень... а парень.. Чего-то он завертелся сразу.

ВТОРОЙ СЫН. Наверное, это не он с той девушкой.

ТРЕТИЙ СЫН. Может, надо у женатых спрашивать. (В зал.) Мужики, кланяемся вам.

Все трое низко кланяются.

Что такое любовь, научите нас.

Ждут ответа.

ПЕРВЫЙ СЫН (братьям). Сегодня в зале одни парни, настоящих мужиков нет.

ТРЕТИЙ СЫН (братьям). Что делать-то?.. Может, любовь — это когда горбатишься на чужую тетю?

ВТОРОЙ СЫН. Я читал, от любви бросались со скал в омут.

Появляются Лекарь и Страж, у каждого в руках траурный венок. У Лекаря помимо этого завернутая в материю рама. Оба останавливаются в некотором замешательстве.

ПЕРВЫЙ СЫН. Лекарь, как по-твоему, любовь — это что?

ПЕКАРЬ. Болезнь.

ТРЕТИЙ СЫН. Что от нее делается?

ЛЕКАРЬ. Сохнет человек, глохнет, слепнет. Слабость, расстройство, сердцебиение, часто несет бред.

ТРЕТИЙ СЫН. Страж, а ты как считаешь?

СТРАЖ. Любовь, ребята!.. Я вам случай расскажу. Со мной был. Служил я тогда на Кавказе. Познакомился с одной. Красавица! Умница! Р-раз, два! Век мне ее не забыть... Нет, умница это другая была. Одна красавица, другая умница. Ну, неважно. Голова у меня кругом, все прогулял, прокутил: и свое, и казенное — меня в кандалы. Я и кандалы спустил! Колодку продал, халат тюремный — все. Меня приговаривают к сожжению. Теперь слушай. Ведут меня на казнь. Народу-у! — бесплатно казнили. Ну, ладно. Смотрю, стоит одна, рыженькая такая, стройная. Особенного вроде ничего в ней нет и готовиться мне надо к другому, а сердцу вот не прикажешь. Забыл, куда шел! Клянусь! Взялись с ней за руки и никого не замечаем. Ушли куда-то, смотрим — одни на всем белом свете. Вот что такое любовь. И до казни доведет, и от смерти спасет.

ТРЕТИЙ СЫН (показывая на венки). А это кому?

СТРАЖ (мнется). Это никому... просто так.

ЛЕКАРЬ. Про запас взяли.

СТРАЖ. Мимо идем, и как раз завезли свежие... Ладно, пошли мы.

Лекарь и Страж уходят.

ТРЕТИЙ СЫН. Хоть убейте, а я не женюсь.

Все трое тяжело вздыхают, уходят.

Слышится песня. Под ручку выходят три девушки.

ПЕРВАЯ ДЕВУШКА. Если ко мне кто начнет свататься, я так отошью, что он забудет зачем приходил.

ВТОРАЯ ДЕВУШКА. Если меня кто начнет сватать, я ему книжкой по голове, чтобы не лез с глупостями.

ТРЕТЬЯ ДЕВУШКА. Если меня кто начнет сватать, я в лес убегу, пусть лучше меня волки съедят.

Навстречу им выходят братья. Обе группы от неожиданности застывают.

ПЕРВЫЙ СЫН. Спокуха.

ПЕРВАЯ ДЕВУШКА. Держитесь, девчонки.

ТРЕТЬЯ ДЕВУШКА. Сейчас приставать начнут.

ТРЕТИЙ СЫН. В глаза не смотреть, а то мигом присушит!

Первая девушка делает шаг вперед. Первый сын ей навстречу.

ПЕРВЫЙ СЫН. Вы не киноактриса?

ПЕРВАЯ ДЕВУШКА. Киноактриса.

ПЕРВЫЙ СЫН. Очень приятно, как раз я кинорежиссер.

Отходят в левый край авансцены.

Вторая девушка делает шаг вперед. Второй сын ей навстречу.

ВТОРОЙ СЫН. Простите, вы меня не помните?

ВТОРАЯ ДЕВУШКА. Не помню.

ВТОРОЙ СЫН. Как?! Совсем?

ВТОРАЯ ДЕВУШКА. Нет, что-то такое...

ВТОРОЙ СЫН. Это я.

Отходят в правый край авансцены. Третья девушка делает шаг вперед. Третий сын ей навстречу.

ТРЕТИЙ СЫН. А мы с вами около «Березки» не встречались?

ТРЕТЬЯ ДЕВУШКА. Может, и встречались.

ТРЕТИЙ СЫН. Это не вы мне куртку за триста колов загнали, а ей цена двести?

ТРЕТЬЯ ДЕВУШКА. Может, и я. Разве всех упомнишь. А это не вы мне перстень всучили за сто, когда он стоит тридцатник?

ТРЕТИЙ СЫН. Не-ет! Что вы?! Вряд ли.

Выходят на середину авансены.

Все три пары о чем-то шепчутся. Братья смотрят на часы, тычут пальцем в землю, утверждая место свидания. Девушки пожимают плечами.

Картина третья

Декорация первой картины. В кресле-качалке спит Старик.

Появляются Страж и Лекарь, ставят венки к креслу.

Лекарь извлекает из материи раму, это — портрет Старика в траурном обрамлении, его ставят к одному из венков.

ЛЕКАРЬ (*расправляет ленты на венках, читает надпись*). «Дорогому товарищу от группы товарищей». «Не забудем отца родного».

Страж достает из кармана две траурные повязки.

СТРАЖ (*надевает повязку*). Если он не будет разоряться, когда узнает, что умер, значит, не притворяется, ему все равно.

ЛЕКАРЬ (*надевает повязку*). А если начнет возмущаться, значит, решил жить для себя.

Оба застывают в почетном карауле... кашляют, топают — Старик перестает храпеть, но ненадолго.

Лекарь и Страж гремят, шумят, свистят. Старик перестает храпеть, но ненадолго. Страж наклоняет кресло, Старик вываливается из него на пол.

Лекарь и Страж застывают в карауле. Старик храпит. Страж тычет его алебардой в бок. Старик вскакивает с пола, идет на авансцену.

СТАРИК (*вытягивает вперед руки, делает несколько приседаний, улыбается*). Сон приснился. Будто ввели новое спортлото. Если отгадать тридцать шесть из сорока девяти, все деньги твои. Я отгадал. (*Оглядывает не спеша зал*.) Когда решишься для себя жить, сразу озираться начинаешь, смотришь, чего бы в дом уволочь. Правда?.. И вообще как-то хитрее становишься. Верно?.. Замечали за собой?.. (*Потягивается, оглядывается, замечает застывших в карауле Лекаря и Стража*.) Вы чего, ребята?.. Обалдели?

ЛЕКАРЬ (вглядывается в пустое кресло). Как живой лежит.

СТАРИК. Кто?

СТРАЖ. Как будто спит.

СТАРИК. Где?.. Кто? (Смеется.) Я давно уже встал. (В зал.) Вот дал бог работников, не соскучишься с такими.

СТРАЖ. Хороший был человек.

ЛЕКАРЬ. Замечательный. Совестьливый, добрый.

СТАРИК. Кто?

СТРАЖ. Любопытный. Незадолго до его кончины рассказывал я ему про одного мальчика, который считал до двух миллионов. Так не поверишь, он мне ни слова не давал сказать, все перебивал: «Что за мальчик? Откуда он?»

ЛЕКАРЬ. Душевный был старик.

Старик подходит к пустому креслу, вглядывается в него.

СТРАЖ. Надо бы ему глаза закрыть.

Лекарь простирает руку к спинке кресла, «закрывает» глаза покойнику.

СТАРИК (ощупывает себя). Ребята, я жив.

ЛЕКАРЬ (настораживается). Кто здесь?

СТАРИК. Я! Это я здесь! Вы что, ребята, не видите меня, что ли? Вот он я, вот!

Лекарь и Страж прислушиваются.

(Кричит.) Я здесь!

СТРАЖ. Ничего, это ветер.

Старик озирается, замечает свой портрет в траурной рамке, берет его в руки, плачет.

ЛЕКАРЬ. А душа его, наверное, здесь где-нибудь бродит. Как думаешь?

СТРАЖ (убежденно). Здесь. Где ж ей еще быть? Может, плачет, кричит, да ее никто не слышит, а может, смотрит сейчас на нас, радуется, что у Старика такие друзья были.

ЛЕКАРЬ. Да, с друзьями ему здорово повезло.

СТАРИК (кричит). Шутки у вас! Я вас за его! Я за такие дела, знаешь что?! Понятно?! Живой я, живой! (Ногой отбрасывает в сторону венок.)

СТРАЖ (якобы поправляет ленту на якобы оставшемся стоять на месте венке, читает). «Дорогому товарищу от группы товарищей». (Куксится.)

Старик обмякает, беспомощно смотрит в зал, разводит руками.
Страж бьет его ногой под зад. Старик живо оборачивается, улыбается.

ЛЕКАРЬ. Да-а. А возмущался бы он как все люди, сейчас жил бы себе в свое удовольствие.

СТРАЖ. Или восхищался бы. У нас есть чем.

ЛЕКАРЬ. Есть. А так что же жить? Неинтересно.

СТРАЖ. Вот он и помер.

Старик отворачивается, сторожит удар, но ничего не происходит. Он потерянно смотрит в зал, виновато разводит руками.

Страж бьет его ногой под зад. Старик оборачивается.

СТРАЖ. Чего же? Работа есть, обслуживание бесплатное, транспорт — пятак. Другой и подумает: «Что жилы-то тянуть? Поживу-ка я для себя». И с копыт. А медицина как это объясняет?

ЛЕКАРЬ. Сердце все время должно возмущаться или восхищаться, иначе останавливается.

СТРАЖ. Надо попрощаться с ним. *(Наклоняется к креслу, «целует» «усопшего».)*

Следом за ним «прощается» Лекарь. Старик подходит к креслу, прощается с собой, потерянно бредет за кулису.

СТРАЖ. Не спятил он?

ЛЕКАРЬ. Нет, ничего. *(В зал.)* Видели, какой жук оказался? Как кричал, когда дело его самого коснулось.

СТРАЖ. А кто особенно-то не кричит, когда его самого касается?

ЛЕКАРЬ. Тоже верно, мало таких.

Оба стоят задумавшись.

Что получается? Пока мы с тобой стоим на страже интересов, остальные норовят пожить для себя.

СТРАЖ. Вот тут и задумаешься.

ЛЕКАРЬ. Тут и задумаешься.

Стоят задумавшись.

СТРАЖ. Я их осуждаю!

ЛЕКАРЬ. Да это понятно. И я осуждаю.

СТРАЖ. С одной стороны.

ЛЕКАРЬ. И я с одной.

СТРАЖ. А с другой стороны!.. у них чего только нет.

ЛЕКАРЬ. Все есть! Машина.

СТРАЖ. Дача.

ЛЕКАРЬ. Вода горячая на даче.

СТРАЖ. Вот тут и задумаешься.

ЛЕКАРЬ. Тут и задумаешься.

Стоят задумавшись.

СТРАЖ. Конечно, когда все есть, не стыдно сказать, сколько в месяц выходит.

ЛЕКАРЬ. А ничего нет, так и сидишь молчишь.

СТРАЖ. Дети сыты, жена обута.

ЛЕКАРЬ. А то она тебя пилит с утра до ночи.

СТРАЖ. Вот тут и задумаешься.

ЛЕКАРЬ. Тут и задумаешься.

Стоят задумавшись. Появляется Летописец.

ЛЕТОПИСЕЦ. О чем задумались, ребята?

ЛЕКАРЬ. Секрет. Ты сегодня никуда не мотайся, может, собрание соберем, если Старика найдем. (*Направляется за кулису.*)

ЛЕТОПИСЕЦ. А где он?

СТРАЖ. Где-то рядом. (*По секрету.*) И по-моему, спятил. (*Уходит вслед за Лекарем.*)

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Картина четвертая

Декорация третьей картины — роща.

По роще гуляет Летописец. Слышен милицейский свисток.

Летописец озирается.

На сцену с посохом в руке выбегает Старик. Он взъерошен, помят, хватается то за голову, то за бок, охает.

СТАРИК (*замечает Летописца*). Может, этот подтвердит, что я жив.

ЛЕТОПИСЕЦ (*в зал*). По виду похоже, что спятил. Главное — не перечить ему.

СТАРИК (*подходит к Летописцу*). А я, брат, помер.

ЛЕТОПИСЕЦ. Я знаю.

СТАРИК (*в зал*). Вот и проверил. (*Забегает перед Летописцем.*) Похоронить меня где думаете?

ЛЕТОПИСЕЦ. У дороги где-нибудь. (*Отворачивается.*)

Старик скидает, бесцельно вертит в руках посох, с последней надеждой размахивается им над головой Летописца... передумывает, размахивается, бьет его по заду.

ЛЕТОПИСЕЦ (*хватается за зад, кричит*). Ты что делаешь, паразит?! Совсем тронулся?!

Старик блаженно улыбается, раскрывает руки для объятий.

Да я тебя за такие шутки в самом деле в гроб вгоню! Я не посмотрю, кто ты!

Старик обнимает его.

Пусти! Задушишь!

СТАРИК. А я уже подумал, что в самом деле умер, почти поверил. Ты меня спас, Летописец. Век тебе этого не забуду! Спасибо. *(Целует Летописца.)* Я еще на площади начал сомневаться. В туалет захотел, а как всегда нету рядом. Ну, — думаю, — а что? От меня же один дух остался, все равно никто ничего не заметит. *(Потирает синяк на лбу.)* Если бы не милиция, не знаю, что бы со мной сделали. Значит, я все-таки не умер! Значит, это они проверяли, не решил ли я жить только для себя.

ЛЕТОПИСЕЦ. Кто проверял?

СТАРИК. Лекарь со Стражем. Замечательные люди! Хрустально чистые. Правофланговые.

Летописец пожимает плечами.

Щас найду их, поклонюсь в ноги, скажу: «Ребята, спасибо, что спасли от позора!» Ведь эта зараза, — для себя-то пожить, — она сразу в кровь проникает. В глаза людям смотреть стало стыдно. Как будто кто-то сейчас подойдет, спросит: «Что ты тут делаешь на моей Родине?» Захочешь сказать: «Это и моя Родина», а как будто не имеешь права. Потому, что ничего для нее не сделал, только для себя. Это счастливый случай, что я выкарабкался и все прошло без последствий. В смысле не передалось никому. Ведь это может пойти и пойти без края — беды не оберешься... Сваху не видел?

ЛЕТОПИСЕЦ. Нет.

СТАРИК. Думаю жениться на ней. Одобряешь?

Летописец пожимает плечами.

Спасибо. Пойду я. *(Уходит.)*

Летописец, подумав, идет за ним следом.

С противоположной стороны появляются Лекарь и Страж.

СТРАЖ. Вот тут и задумаешься.

ЛЕКАРЬ. Тут и задумаешься.

Оба останавливаются, стоят задумавшись.

СТРАЖ. А что статистика говорит, много уже у нас народа норовит пожить для себя?

ЛЕКАРЬ. Мне иной раз кажется, что все! кроме нас.

СТРАЖ. Чтобы все не может быть. Почва-то у нас чистая.

ЛЕКАРЬ. Да это понятно. Но все-таки не все выдерживают. Сейчас вот тоже весна, соловьи. Нужно следить, чтобы их разврат не повлиял на нашу любовь.

Страж согласно кивает.

(Официально.) Нам поручается следить за нравственностью в ночной роще.

Страж вытягивается.

Если хоть кто-то хоть как-то попытается хоть чем-то хоть что-то... Запомните, любовь — это... Нет, зайдем с другой стороны, там попроще будет. Разврат — это... (Строго.) Запомните, у нас разврата нет.

СТРАЖ (щелкает каблуками). Есть!

ЛЕКАРЬ. Считайте, что нету.

СТРАЖ (щелкает каблуками). Есть!

ЛЕКАРЬ. Да это понятно. Но в общем и целом считайте, что его у нас нету.

СТРАЖ (щелкает каблуками). Есть

ЛЕКАРЬ. А нужно, чтобы не было! Отличать умеете?

Страж мнется на месте.

Что естественно, то любовь, что противоестественно, то разврат. Разврат пресекать! В случае сопротивления стрелять. Все затаились, работаем. Плавное — не заснуть.

Оба уходят в глубь сцены. Страж опирается на алебарду, дремлет.

Лекарь опирается на Стража и тоже дремлет. Слева выходят три девушки, справа — три брата.

ТРЕТИЙ СЫН. О батюшке помните. Если сейчас женимся, ему помирать придется.

Братья и девушки идут навстречу друг другу.

Второй сын и Вторая девушка уходят за левую кулису. Третий сын и Третья девушка — за правую.

ПЕРВЫЙ СЫН (подходит к Первой девушке). Чего на ушко скажу. (Обнимает за талию, долго о чем-то шепчет.)

ПЕРВАЯ ДЕВУШКА. Что вы все про завод-то?

ПЕРВЫЙ СЫН. А про что еще?

ПЕРВАЯ ДЕВУШКА. Про чувства что-нибудь сказали бы.

ПЕРВЫЙ СЫН. Закрою глаза — вы, открою — опять вы.

ПЕРВАЯ ДЕВУШКА. Обманываете небось.

ПЕРВЫЙ СЫН. Пляжу на вас и все во мне замирает.

ПЕРВАЯ ДЕВУШКА. А руки?

ПЕРВЫЙ СЫН. Руки тоже не слушаются, что хотят, то и делают. *(Целует девушку.)*

ПЕРВАЯ ДЕВУШКА. Ничего себе! Да вас ничего не слушается.

ПЕРВЫЙ СЫН. Все органы с ума посходили. *(Обнимает девушку.)*

ПЕРВАЯ ДЕВУШКА. Ой, я сейчас закричу.

СТРАЖ. Тихо. Целуются. Это естественно, значит, любовь. *(Снова впадает в дрему.)*

Первая девушка и Первый сын уходят за кулисы. На сцене появляются
Второй сын и Вторая девушка.

ВТОРАЯ ДЕВУШКА. Вы так интересно про чувства рассказываете!

Второй сын польщен.

(С легкой досадой.) Все рассказываете и рассказываете.

Второй сын хочет обнять ее за талию, не решается, растерянно

смотрит в зал, беспомощно разводит руками.

ВТОРОЙ СЫН. Что?.. А как надо?.. *(Намеревается снять пиджак.)* Холодно стало.

ВТОРАЯ ДЕВУШКА. Сегодня по радио передавали: старожилы такого тепла не упомнят двести лет.

ВТОРОЙ СЫН *(растерянно смотрит в зал, беспомощно разводит руками, тихо)*. Что?.. А как?.. Свое гнуть?.. *(Снимает пиджак.)* Холодно.

ВТОРАЯ ДЕВУШКА *(слабо)*. Да нет же.

ВТОРОЙ СЫН *(строго)*. Холодно, вам говорят! *(Накидывает пиджак на плечи девушки, «забывает» убрать руки.)*

ВТОРАЯ ДЕВУШКА. Ой, правда, холодно было.

Второй сын что-то шепчет ей на ухо. Девушка смеется.

СТРАЖ *(вздрагивает)*. Кто тут? *(Всматривается в темноту.)*

Вторая девушка и Второй сын целуются.

Ночь. Роща. Целуются. Так и должно быть, значит, любовь. *(Впадает в дрему.)*

Второй сын и Вторая девушка уходят за кулисы. На сцене появляются

Третий сын и Третья девушка. В руках у Третьего сына пакет с пряниками.

ТРЕТЬЯ ДЕВУШКА (поет). «А ты такой холодный, как айсберг в океане...» Сегодня по радио передавали: такого холода триста лет не было

ТРЕТИЙ СЫН (нехотя). Подержите пряники. (Переда-ет ей пакет, снимает с себя пиджак.)

На нем оказывается еще один пиджак.

ТРЕТЬЯ ДЕВУШКА. Какой вы запасливый. (Берет пряник.) Я как вас увижу, нервничать начинаю, меня в аппетит бросает.

ТРЕТИЙ СЫН (накидывает ей на плечи пиджак). Кушайте, пряники сладкие — три сорок за кило.

ТРЕТЬЯ ДЕВУШКА. Надо же! Ничего-то вам для меня не жалко... А моей хорошей подруге парень ее брошь подарил за сто рублей за просто так.

Третья девушка целует Третьего сына в щеку.

ТРЕТИЙ СЫН. А мой хороший друг своей девушке за просто так ничего дарить не стал.

Третья девушка целует Третьего сына в щеку.

Хотите я вам звезду достану?

ТРЕТЬЯ ДЕВУШКА. Через кого?

ТРЕТИЙ СЫН. Через Айсберга.

ТРЕТЬЯ ДЕВУШКА. Вы вот смотрите, чтобы вас братцы ваши не облапошили. Я, конечно, вас и без шапки буду любить и совсем безо всего.

Третий сын шепчет ей что-то на ухо.

Пошляк какой! (Смеется.)

СТРАЖ (вскидывает голову). Кто тут? (Всматривается в темноту.)

Третья девушка и Третий сын целуются.

Порядок. Любовь. (Впадает в дрему.)

ТРЕТЬЯ ДЕВУШКА. Поклянись, обманщик коварный.

ТРЕТИЙ СЫН. Клянусь.

Третья девушка и Третий сын уходят. Страж и Лекарь просыпаются.

СТРАЖ. Влюбленных здесь, я тебе скажу, тьма-тьмой.

ЛЕКАРЬ. Целуются?

СТРАЖ. Целуются.

ЛЕКАРЬ. А мы с тобой всё для общего блага корячимся. Для себя никак пожить не удастся.

СТРАЖ. Даже ночью.

ЛЕКАРЬ. Даже ночью.

СТРАЖ. Вот тут и задумаешься.

ЛЕКАРЬ. Тут и задумаешься.... Недавно смотрел телемост. Ведущий с их стороны говорит: «У нас каждый может стать миллионером».

СТРАЖ. Пошутил так.

ЛЕКАРЬ. Разве этим шутят?

СТРАЖ. Как же каждый?

ЛЕКАРЬ. Сказал, что каждый. И показывает дядю... (*Оглядывает Стража.*) Твоих лет, только не с алебардой, а с дубинкой и бляха на груди. «Вот, — говорит, — к примеру, у этого дяди четыре миллиона в банке. Как он их раздобыл, не наше дело, никого это не касается. Может, он их наворовал, может, в карты выиграл, может, в шахматы».

СТРАЖ. Моих лет?

ЛЕКАРЬ. Да.

СТРАЖ (*убежденно*). Наворовал.

ЛЕКАРЬ (*оглядывает Стража*). Я тоже думаю.

СТРАЖ. А роста какого?

ЛЕКАРЬ. Кто?

СТРАЖ. Дядя-то.

ЛЕКАРЬ. Моего.

СТРАЖ (*оглядывает Лекаря*). Наворовал.

ЛЕКАРЬ. Наверняка! Черт их знает, как живут, ни стыда ни совести.

СТРАЖ. Ничего... Только четыре миллиона.

ЛЕКАРЬ. Вот тут и задумаешься.

СТРАЖ. Тут и задумаешься.

ЛЕКАРЬ. Что ли, попробовать, как Старик, для себя пожить?

СТРАЖ. Попытка — не пытка.

Поспешно уходят. С противоположной стороны появляются Сваха и Старик.

СТАРИК. И представляете себе, считает до двух миллионов.

СВАХА (*смеется*). Да ну вас. Выдумают же такое.

СТАРИК. А еще мне по секрету сообщили: наши ученые нашли окаменелое яйцо динозавра.

СВАХА. Фу, постеснялись бы. Я об этом и слышать ничего не хочу.

СТАРИК (*в зал*). С ума от нее сойду!.. У нас с вами, Дарья Тимофевна, совпадение всех точек зрения. Будто вы — это я, только в юбке. Все точки у нас совпадают.

СВАХА. Это что же, комплимент такой?

СТАРИК. Разве мы французы, Дарья Тимофеевна, чтобы себя на комплименты тратить? Это — предложение. Я, Дарья Тимофеевна, не баловень судьбы. Вы тоже женщина одинокая. А ведь одно счастье лучше, чем два несчастья.

СВАХА (*хватается за сердце*). Падаю я, поддержите меня. (*Заваливается на Старика.*) Держите?

СТАРИК. Пока держу... Не полегче вам?

СВАХА. Полегче. (*Выпрямляется.*) А вы такой молодец. Я думала: сейчас он обрушится.

СТАРИК. Что вы, что вы? Нам этого только подавай. Я вас, Дарья Тимофеевна, в шелка одену!

СВАХА (*скромничает*). Ничего такого мне не надо.

СТАРИК. Обязательно одену. Только мне сперва надо перед товарищами повиниться. Какие, Дарья Тимофеевна, есть замечательные люди! Ни одна зараза их не берет!

СВАХА. Надо же!

СТАРИК. Как их ни соблазняй, у них одно на уме, чтобы общему делу ущерба не было.

СВАХА. С такими людьми нужно дружить, они могут пригодиться.

Слышится пьяное пение: «На недельку до второго я уеду в Комарово...». В обнимку появляются Лекарь и Страж.

СТАРИК. Дарья Тимофеевна. Эти люди из легенды.

Сваха принимает к людям из легенды, морщится.

Ребята, хватит вам меня разыгрывать, я уже выздоровел и всё худшее позади. Мы с вами теперь, ребята, развернемся не на шутку! Я тут кое-чего придумал интересное, чего нам давно бы следовало сделать для общей пользы. Я предлагаю, ребята, в свободное от работы время... воздвигнуть Дворец! На первом этаже «Бытовые услуги» бесплатно, на втором «Зоопарк» для ребят.

ЛЕКАРЬ. Мои уже выросли.

СТРАЖ. У меня нет никого.

СТАРИК. Так у соседей есть.

СТРАЖ. Соседи пусть и строят.

СТАРИК. Вы чего, ребята?.. Мимо общего дела проходите?. Если не вы, кто тогда?.. Даша, это они от меня подцепили. Где та газета, что мы на лавочку стелили от голубей?

Сваха достает газету.

Читай, пожалуйста.

СВАХА. А что читать?

СТАРИК. А все равно, Даша. Что ни прочти, всё за живое берет.

СВАХА (читает). «Вести с гор. Нам сообщают с Тибета».

СТАРИК (для Лекаря и Стража). Интересно, что там такое. Ну-ка, ну-ка.

СВАХА (читает). «Тибетские монахи изобрели мазь противоалкогольную. Если такой мазью смазать руки, то они инструмент держат, а стакан выскальзывает».

СТАРИК. Ты смотри, что придумали! Ай, да монахи, ай, да молодцы ребята! Здорово!

СТРАЖ. Что здорового-то?

СТАРИК (срывается с места, бежит по сцене, яростно жестикулирует). А ты не понимаешь, да?! Не понимаешь? Мы этой мази накупим у них сколько нам надо! Мы золото не пожалеем! Кило на кило будем менять! Но мы так сделаем, что нашим людям всем хватит... которые пьют.

ЛЕКАРЬ. Где столько золота взять?

СТАРИК. Сколько?.. (Неуверенно.) Щас меньше стали пить. (Идет на авансцену, в зал.) Кто совсем не пьет, поднимите руку... Один. (Откашливается.) Пьянству бой! Тысячи несчастных семей, тысячи необласканных жен и детей. Требую высшей меры наказания — поголовной смазки всего мужского населения!

ЛЕКАРЬ. Всех не смажешь!

СТАРИК. Всех смажем!

ЛЕКАРЬ. Приспособятся.

СТАРИК. Как ты приспособишься? Руки только инструмент держат.

ЛЕКАРЬ. Из инструмента начнут пить.

Старик растерянно смотрит на Сваху.

СВАХА (читает). «Вести с Гималаев. В Гималаях пойман снежный человек. Рост три метра, размер ступни пятьдесят второй, съедает зараза полбарана».

СТАРИК. Что делают, а?! Ты смотри, что творят, стервецы! Всё им дозволено? Нет, не всё! (Стражу.) За что задержали человека? А-а?! За что задержали малого?

СТРАЖ. Задержали, и всё.

СТАРИК. И всё?.. И тебе дела нет? А тебя бы так?.. Может, у тебя тоже какой-нибудь размер не как у всех! Значит, задерживай?!

СТРАЖ (*Лекарю*). Ловкий какой! О себе забудь, о снежном человеке думай! Снежный человек мне сват, брат?

ЛЕКАРЬ. Тебе?

СТРАЖ. Да.

ЛЕКАРЬ. Я не знал.

СТРАЖ. Нет, я говорю, если он мне не сват, не брат, с какой стати я из-за него должен в драку лезть?.. Не должен!

ЛЕКАРЬ. Логично. И он из-за тебя не должен.

СТРАЖ. Почему?

Недоуменно смотрят друг на друга.

ЛЕКАРЬ (*терпеливо*). Ты из-за него не лезешь, так?

СТРАЖ. Так.

ЛЕКАРЬ. Значит, и он из-за тебя не должен лезть.

СТРАЖ (*думает*). Почему?

Недоуменно смотрят друг на друга.

ЛЕКАРЬ. Тебе на него наплевать, так?

СТРАЖ. Так.

ЛЕКАРЬ. Значит, и ему на тебя наплевать тоже.

СТРАЖ (*думает*). Почему?.. Ему-то на меня почему наплевать?

СТАРИК. Что значит человек решил только о себе думать. (*Свахе*.) А все с меня началось. Беда, Даша! Вот как всё обернулось. Помоги, что-то плохо мне.

Сваха уводит Старика. Лекарь и Страж уходят в противоположную кулису.

Картина пятая

Помещение: стол, кресло. Сваха сидит в кресле, вяжет. Старик стоит на авансцене.

СТАРИК (*в зал*). Зараза распространяется неумолимо. (*Укоризненно качает головой*.) Сперва гайку с завода, гвоздь со стройки, теперь всё подряд. Скоро от государства останется один скелет. Разве так можно жить, ни о чем не думать?.. Не стыдно?.. (*Зрителю*.) Я вот хоть тебя спрошу: совсем не стыдно? Ни капельки?.. Отмолчаться решил?.. Не мое дело, да?.. А чье?

СВАХА (зрителю). Вы, товарищ, не обращайтесь внимания. Это у нас тут зеркало стоит, это он перед зеркалом сам с собой разговаривает.

СТАРИК. Разве можно так жить?.. Лишь бы хапнуть! А душа-то?.. А совесть-то?.. А дети-то смотрят?.. Ну, что ты всё молчишь?.. Куда так придем?

СВАХА. Это он недавно такой стал, как товарищи его стали для себя жить. То вроде бы ничего — только спятил, а то вдруг вроде бы как рехнулся.

СТАРИК (неожиданно нервно смеется). Спыхватимся, когда жареный петух клюнет, да по воровству на душу населения небось идем не на последнем месте. Отпор когда будем давать? Ну, что ты всё молчишь?.. Тоже думаешь, что здесь зеркало стоит?

СВАХА. Ваня, ты с кем там так громко разговариваешь?

СТАРИК. Ни с кем. Сам с собой. (Отходит в глубь сцены.) Газеты достала, Даша?

СВАХА. Достала.

СТАРИК. Почитай, что пишут, а то на душе муторно. Выбирай, Даша, что-нибудь светлое, что-нибудь улыбочное, про молодежь.

СВАХА (улыбается, читает). «От шестнадцати и старше... Тяжелые последствия легкого поведения».

СТАРИК. Не надо про последствия. Посмотри, нет ли новостей культуры.

СВАХА (читает). «Новости культуры. Главный режиссер русского драматического театра привлечен областным управлением внутренних дел...»

СТАРИК. Не надо, не надо.

СВАХА. «К постановке...»

СТАРИК. Не надо! Ничего больше не надо читать.

СВАХА. Может, про погоду?

СТАРИК. Ну, разве про погоду.

СВАХА (читает). «Сотрудники метеорологической станции, расположенной напротив мясокомбината номер семь, сообщают, что в любую погоду...»

СТАРИК. Всё! Достаточно на сегодня. (Взволнованно ходит по помещению.) Надо что-то делать, Даша, иначе погубим и себя и государство.

Появляются Лекарь и Страж, оба навеселе. Старик оглядывает их, осуждающе качает головой. Лекарь и Страж в ответ осуждающе качают головами.

СТАРИК (Свахе). Опять пьяные. (Лекарю и Стражу.)
Вы на работе али где?

СТРАЖ (Лекарю). Мы где?

Лекарь пожимает плечами.

СТАРИК. На работе все работают, а вы чем занимаетесь?

СТРАЖ (Старику). Ты заблуждаешься насчет того, что у нас на работе все работают.

ЛЕКАРЬ (Старику). Ты заблудился.

СТРАЖ (оглядывается на Сваху). Ты заблудил... ся.

ЛЕКАРЬ (Старику). Сам посуди, если бы у нас на работе все работали, мы бы сейчас как жили?

СТРАЖ. Да. Как бы мы все сейчас жили, если бы все работали? Мы же не все живем так, как мы бы все жили, если бы мы все работали.

ЛЕКАРЬ. Логично. У нас только часть живет так, как будто у нас все работают.

СТРАЖ. А все живут так, как будто у нас работает только часть.

ЛЕКАРЬ. И та часть, которая живет, как будто у нас все работают, не работает совсем.

СТРАЖ (Лекарю). Это для него уже сложно.

СТАРИК. Нужно, чтобы работали все! На совесть!

ЛЕКАРЬ (Стражу). Да, это для него уже сложно.

СВАХА. Ваня, они тебя путают.

СТАРИК. Путаники вы. Путаники! Вот вы кто!

ЛЕКАРЬ. Что ты шумишь? (Показывает на зал.) Все спокойно сидят, никто не возмущается, один ты шумишь.

Старик растерянно смотрит в зал.

Вот шумит.

СТАРИК (в зал.) Ребята, вы чего же?.. Даша, поганое дело. Похоже от этих в зал передалось. (Идет на авансцену. В зал.) Ребята, живите для народа. Если ни кола ни двора, это хорошо. От вещизма люди перерождаются в самом прямом смысле. Я знал одного мужчину — горный брүнет, красавец, в расцвете сил потерял свой пол.

Сваха ахает.

Начал вдруг скупать бюстгальтеры, пеньюары, колготы. Сотнями. Часть продавал. Органы спросили его: «Для кого же это всё?» Он сказал: «Для меня». Вот до чего может довести вещизм.

Страж незаметно ощупывает себя.

Даша, не видишь, в зале никто не переродился?

СВАХА. Темно больно, ничего не вижу.

СТАРИК *(кричит)*. Дайте свет в зале.

В зале загорается свет.

СВАХА. Так-то не видно, чтобы переродился кто-нибудь.

СТАРИК. Товарищи, проверьтесь, это желание пожить для себя, этот вещизм так незаметно подкрадывается.

Лекарь незаметно ощупывает себя.

Уберите свет из зала.

СВАХА. Ваня, а с этими что будем делать?

СТАРИК *(Лекарю и Стражу)*. Вон отсюда.

Лекарь и Страж уходят. Старик задумывается.

СВАХА. Вань, как ты себя чувствуешь?.. С головой у тебя как?.. Сколько будет пять да пять?

СТАРИК. Даша! Есть выход! Знаю я теперь, как привести людей в чувство. Верное дело! Нет такого человека, который бы перед лицом смерти...

СВАХА. Ты что удумал?! Ваня, опомнись!

СТАРИК. Да что такого-то? Я, Даша, сделаю вид, что помираю. Как они увидят это, у них мороз по коже и так проймет их, что они враз образумятся. Только надо всё достоверно сделать, чтобы обман не всплыл. Ты помоги мне.

СВАХА. Я, Вань, для тебя на все готовая.

СТАРИК. Давай порепетируем с тобой.

Старик снимает ботинки, ложится на стол, скрещивает на груди руки. Сваха уходит, возвращается с зажженной свечкой, вставляет ее в руки

Старика.

СТАРИК. Я стонать начну, а ты причитай. *(Стонет.)*

СВАХА *(неуверенно)*. На кого же ты меня оставляешь, сокол мой ясный?

СТАРИК. Прибавь, Даша.

СВАХА. Ваня-я, цветок мой лазоревый, кормилец не-наглядный, не уходи ты от меня, не оставляй меня здесь одну-у. Что я делать буду без тебя, как я одна горькая жить стану-у. Ой, Ваня мой, Ваня!

СТАРИК. Хорошо. Иди, зови их всех.

Сваха уходит. Слышны звуки траурного гимна. Возвращается Сваха. За ней, толпясь, подталкивая друг друга, входят испуганные Лекарь, Страж, Летописец.

СТРАЖ. Как случилось-то? Только что хорошо себя чувствовал: кричал на людей, топал.

СВАХА. Приступ... О-ой, Ваня-я! На кого же ты меня оставляешь? Пожалей ты меня несчастную!

ЛЕТОПИСЕЦ. Бог дал, бог взял.

Все грудятся вокруг Старика.

СВАХА. Горе мне, горе!

ЛЕТОПИСЕЦ. Не надо, Дарья Тимофевна, соседи подумают, что скандал у нас.

Старик жалобно стонет.

ЛЕКАРЬ (*щупает у него пульс*). Больше трех часов не протянет.

СТАРИК (*живо приподнимается*). Сколько ты говоришь?

ЛЕКАРЬ. Три часа от силы.

СТАРИК (*в зал*). Вот учат их! (*Ложится, стонет.*)

СТРАЖ (*ставит ногу рядом с ботинком Старика*). Ты смотри! Ботинки-то у тебя моего размера.

СТАРИК (*настороженно*). Ну и что?

СТРАЖ. Ничего. К слову пришлось.

СТАРИК (*приподнимается, слабо*). Детям передайте: пусть живут дружно, без мордобоя.

ЛЕКАРЬ. Сейчас развеемся. (*Хлопает в ладоши.*)

СТАРИК. Я же помираю.

ЛЕКАРЬ. Успеем.

Входит группа цыган, начинается веселье. После романсов и плясок толпа выкатывается из помещения. Рядом с «умирающим» остается одна Сваха. Оба дремлют. Таясь, входит Страж, на цыпочках крадется

к одру, берет ботинки Старика, направляется к выходу.

СТАРИК. Положи на место.

СТРАЖ (*замирает*). Ты мне?

СТАРИК. Тебе.

СТРАЖ. Не спишь?

СТАРИК. Нет.

СТРАЖ. Пульс есть?

СТАРИК. Есть. Положи ботинки.

СТРАЖ. Какие ботинки?

СТАРИК. Мои.

СТРАЖ (*оглядывается*). А где они?

СТАРИК. У тебя в руках.

СТРАЖ (*замечает ботинки*). Эти?

СТАРИК. Да.

СТРАЖ. Это твои ботинки?

СТАРИК. Мои.

СТРАЖ. Пожалуйста. *(Ставит ботинки на место.)*

Почистить хотел.

СТАРИК. Что это? Никогда не чистил.

СТРАЖ. Напоследок хоть.

СТАРИК. Спасибо.

СТРАЖ. Не за что. Пойду, еще дела есть.

СТАРИК. Иди, иди.

Страж уходит.

СВАХА. Своровать хотел.

СТАРИК *(с надеждой)*. А, может, почистить?.. Может, проняло его, заговорил в нем стыд, может, проснулся в нем человек?

СВАХА. Мне, Ваня, кажется, у нас всё немножко не так, как ты себе представляешь.

СТАРИК *(встает с одра)*. Не оптимистка ты! Не веришь в хорошее. А все уже исправились! Лекарь вон хотел развлечь меня перед смертью, Страж хотел ботинки почистить. *(Деловито оглядывает сцену.)* Щас отменим указ, спросим детей: женитесь вы? Они скажут: нет, мы не женимся. Мы скажем: тогда мы женимся. *(Хлопает в ладоши.)*

Появляется Страж.

Детей позови.

Страж свистит в свисток. Вбегают сыновья Старика.

СТАРИК. Дети, пора вам ответ держать, сроки все прошли.

ТРЕТИЙ СЫН *(братьям, тихо)*. Кто женится, тот папин убийца.

СТАРИК *(Первому сыну)*. Вот ты. По глазам вижу, влюбился в кого-то, встретил девушку себе по душе.

ПЕРВЫЙ СЫН *(не сразу)*. Нет, батюшка, не встретил, не полюбил.

Вскрик за кулисами.

СТАРИК. Что это?.. Что это было?

ТРЕТИЙ СЫН. Птица со сна.

СВАХА. Не похоже на птицу.

СТАРИК *(Первому сыну)*. А я на тебя сильно надеялся. Подвел ты меня, огорчил с ног до головы. *(Второму сы-*

ну.) Ты-то не подкачал, надеюсь? Встретил девушку себе по душе, обещал жениться?

ВТОРОЙ СЫН (*мнется на месте*). Нет, батюшка, не встретил, не полюбил никого.

Вскрик за кулисами.

СТАРИК. Да что это?

ТРЕТИЙ СЫН. Птица.

СТАРИК. А что с ней?

СВАХА. Обманул кто-нибудь.

СТАРИК (*Третьему сыну*). Что ты скажешь? Добивай папу.

ТРЕТИЙ СЫН (*улыбается*). Женюсь, батюшка!

Старик хватается за сердце, шатается. Сваха поддерживает его.

Такую деву дивную встретил: ротик маленький, глазки маленькие, лобик маленький. Полюбил я ее с первого разу.

СТАРИК. С первого взгляду.

ТРЕТИЙ СЫН. Ну с первого взгляду.

СВАХА. Хоронишь ведь папу-то.

ТРЕТИЙ СЫН. Сердцу, тетка, не прикажешь. Говорю как есть. Сказывают, всегда-то лучше правду молоть.

СТАРИК. Не ошибаешься ты? Может, это не любовь, так что-нибудь, весна в ноздри?

ТРЕТИЙ СЫН. Весна, не весна, а нам с ней, батюшка, и отступить-то уж некуда.

Сваха вскрикивает.

СТАРИК (*безнадежно машет рукой*). Все свободны.

Все, кроме Свахи, уходят. Затемнение.

Из затемнения та же декорация. В центре на одре неподвижно лежит

Старик, в сложенных на груди руках горит свечка.

Рядом с одром на стуле сидит Сваха, что-то вяжет. Издалека еле слышно доносится зауспокойное пение. Какое-то время ни единое движение не нарушает покоя, но вот Старик тянет руку к ноге, чешется.

СВАХА. Лежи уж! Взятся помирать, так помирай.

СТАРИК. А я что делаю? Не получается.

СВАХА. Что говори-ил! Что обеща-ал!

СТАРИК. Кто?

СВАХА (*с угрозой*). Он еще спрашивает.

СТАРИК (*глубоко вздыхает*). Господи, прими душу раба твоего, гос-споди... Господи, прими душу раба твое-

го, гос-споди-и». (Неожиданно свешивает ноги, соскакивает на пол.) Чувствую, Даша, что скоро примет. Немного уж осталось. (С удовольствием прогуливается по комнате.)

Сваха куксится, вытирает глаза платком. Старик подходит к ней, обнимает.

СВАХА. Пусти.

СТАРИК. Взбодрись, взбодрись, Даша.

СВАХА (вырывается). Пусти, говорю, войдет кто.

СТАРИК. Да кто войдет? Кому я теперь нужен?

Со свертком в руках входит Летописец, наблюдает за Стариком и Свахой, откашливается.

СВАХА (в зал). Один позор с ним. (Отходит в сторону.)

СТАРИК (Летописцу). Это, брат, агония.

ЛЕТОПИСЕЦ. Агония?

СТАРИК. Агония.

ЛЕТОПИСЕЦ. Вот она как протекает.

СТАРИК. Вот так и протекает. Ты чего пришел?

ЛЕТОПИСЕЦ. Сын, которому хозяйство переходит, подарок тебе прислал. (Передает Старiku сверток.)

СТАРИК. Не знаешь что?

ЛЕТОПИСЕЦ. Кроссовки.

СТАРИК. Даша, слыхала?! Сынок меня как уважил. Кроссовки подарил. (Летописцу.) Можешь идти.

Летописец уходит.

Не подарок дорог, Даша, внимание! Зараза отступает. Сынок от себя оторвал, чтобы папе приятное сделать, чтобы папа подольше пожил. Может, на последние свои деньги купил. Сейчас за хорошие кроссовки денег не знаю сколько сдерут. (Разворачивает сверток, держит за шнурки простые белые тапочки.) Даша...

Сваха куксится, промокает глаза. Стук в дверь.

Кто там?.. Войдите.

Входит Человек в черном.

Ко мне?

Человек в черном оглядывается, пожимает плечами. Старик роняет тапочки.

ЧЕЛОВЕК В ЧЕРНОМ (смотрит на тапочки). К вам. (Достает сантиметр, распускает его, идет к Старiku.)

СТАРИК (догадливо). Портной.

Человек в черном меряет Старику ширину плеч, прикидывает
его рост.

Очень приятно. Это — Дарья Тимофеевна.

Дарья Тимофеевна кланяется, Человек в черном кланяется в ответ.

Вы мужской мастер?

ЧЕЛОВЕК В ЧЕРНОМ. Какая разница, мужской, дам-
ский?

СТАРИК. Ну, как же?.. Женщина, она... по-другому ус-
троена. Там, где у нас убавить, у нее прибавить нужно и
наоборот.

ЧЕЛОВЕК В ЧЕРНОМ. Зачем? (*Меряет Старику ши-
рину плеч, прикидывает его рост.*)

СТАРИК. Ну, как же зачем?.. Клиент может выразить
неудовольствие.

ЧЕЛОВЕК В ЧЕРНОМ. Еще ни один мой клиент неудо-
вольствия не выразил.

Сваха, смекнув, в чем дело, испуганно закрывает ладонью рот.

СТАРИК (*заискивающе*). А пользуясь таким удачным
знакомством, нельзя ли заказать что-нибудь для Дарьи
Тимофеевны?

СВАХА. Мне не надо, Ваня!

СТАРИК. Почему? Когда еще случай будет?

СВАХА. Нет, нет, Ваня! Спасибо тебе большое.

ЧЕЛОВЕК В ЧЕРНОМ. Какое дерево предпочитаете —
дуб, сосна?

СТАРИК (*светски*). Знаете, я люблю вишню.

ЧЕЛОВЕК В ЧЕРНОМ. Дуб, сосна?.. Сосна. (*Уходит.*)

СТАРИК (*убито*). Даша-а.

Шум, грохот за сценой. Врываются Страж, Лекарь и Летописец. Зави-
дя Старика, все трое замирают. Лекарь и Летописец выталкивают
вперед Стража.

СТРАЖ. Горе, брат.

СТАРИК. А у меня, брат, радость — гроб делают.

СТРАЖ. А у нас, брат, горе. Шапку сперли.

СТАРИК. А у меня, брат.. Чью шапку?

СТРАЖ. Твою. Все время на гвозде висела, а тут гля-
нули — гвоздь на месте, а шапки как не было.

Шум за сценой, крик, рев. Влетают растерзанные Третий сын
и Третья девушка.

ТРЕТЬЯ ДЕВУШКА. Что же это вы делаете-то, папа?!
За что вы жизнь нашу молодую гробите раньше времени?

СТАРИК. Чем я ее гроблю?

ТРЕТЬЯ ДЕВУШКА. Глаза ваши бесстыжие! Либо верните шапку, либо забирайте сына.

ТРЕТИЙ СЫН. Она, папа, такой живоглот оказалась. Еще замуж толком не вышла, а уже норовит имущество поделить.

ТРЕТЬЯ ДЕВУШКА. Пусть уж лучше при мне будет. Чего ты в дом-то принес? Ничего еще не принес. Обалдуй!

ТРЕТИЙ СЫН. Крыса!

СТАРИК. Цыц! Вон отседова!

Мертвая тишина.

ТРЕТИЙ СЫН. Тапочки отдайте, папа, это мои тапочки.

Тапочки подбирает Третья девушка, убегает. Третий сын убегает за ней. Уходят Лекарь, Страж и Летописец.

СВАХА. Вань, а ведь тебе теперь, раз шапки нет, помирать не обязательно.

СТАРИК. Все кинулись для себя жить, всем на все наплевать. *(Ложится на одр.)* Не то что смотреть на это, жить не хочется.

Затемнение.

Из затемнения — та же декорация. Старик — на одре. Сваха — возле.

СТАРИК *(жалостливо)*. Даша, кажется, помираю. Поцалуй меня в последний раз.

Сваха склоняется к нему, целует. Старик обнимает ее одной рукой.

Сваха хочет освободиться, Старик не отпускает ее.

СВАХА. Пусти... Кому говорю, пусти?... Да что же это делается? Когда же этому конец наступит?! *(В зал.)* Мужчины, помогите кто-нибудь.

СТАРИК. Да я сам справлюсь.

СВАХА. Люди-и!

СТАРИК. Тихо, тихо, тихо.

СВАХА. Пусти, ирод! Пусти, черт заполошный! Тебе же хуже будет. Пусти, платье помнешь.

СТАРИК. Ничего, ничего, ничего.

СВАХА. Пусти, больно ведь! Ой, я и не слыхивала никогда, чтобы так себя вели при смерти.

СТАРИК. Кто во что горазд, Даша.

СВАХА. Да пусти же! *(Вырывается, оправляет платье, в зал.)* Тяжело как умирает...

СТАРИК. Даша, это у меня рука остекленела... мышцу свело двуглавую. Это у меня, наверное, судорога была,

Даша. Судороги, наверное, уже начались... А ведь я, Даша, придумал, как сразу извести. Верное дело!.. Лягу я в гроб.

СВАХА. Живьем?!

СТАРИК. Живьем. И вот представь ты себе — кладбище, так? Несут меня, то-олько начинают опускать в могилу — ВОССТАЮ Я ИЗ ГРОБА!!!

СВАХА (*хватается за сердце*). Ой, не могу! Сердце сейчас разорвется.

СТАРИК. ВОССТАЮ Я ИЗ ГРОБА!

СВАХА. Ваня, не надо! Кровь стынет!

СТАРИК (*в зал*). Только так можно все исправить.

Картина шестая

Кладбище. Скамейка. К скамейке прислонены две лопаты. На скамейке сидят два могильщика.

ПЕРВЫЙ МОГИЛЬЩИК. Хорошо здесь как!

ВТОРОЙ МОГИЛЬЩИК. Воздух чистый. Всё говорят: «Швейцария, Швейцария». А мне больше нравятся кладбища у нас в средней полосе.

ПЕРВЫЙ МОГИЛЬЩИК. Я, знаете, о чем еще хотел вас попросить. Не могли бы вы взять надо мной шефство? А то я здешних обычаев видом не видывал, слыхом не слыхивал.

ВТОРОЙ МОГИЛЬЩИК (*польщен*). Вот сразу тебе замечание даю — неграмотно говоришь. Шефство — это когда бесплатно, а здесь теперь за все платить надо.

Звучит траурная мелодия. Появляется похоронная процессия. Впереди в черном платке идет Сваха, ее поддерживает под локоть Летописец, сослуживцы несут на руках Старика. Замыкают шествие Страж и Лекарь.

ЛЕТОПИСЕЦ. Ребята, номер тысяча девятьсот восемьдесят седьмой где?

ВТОРОЙ МОГИЛЬЩИК. Здесь, отец. Сюда рули.

Сослуживцы ставят Старика на ноги, отходят в сторону. Старик стоит замерев, закрыв глаза, сложив руки на груди. Он в сапогах, в солдатской форме с нашивками за ранения, с медалью «За отвагу».

ЛЕТОПИСЕЦ (*озирается*). А могила где?

ВТОРОЙ МОГИЛЬЩИК. Зарыли уже.

ЛЕТОПИСЕЦ. Как зарыли?.. Пустую?

ВТОРОЙ МОГИЛЬЩИК. Зачем? С покойником.

ЛЕТОПИСЕЦ. Так вот же он! *(Показывает на Старика.)* Вы не того зарыли.

Могильщики подходят к Старiku, разглядывают его.

ВТОРОЙ МОГИЛЬЩИК. Может быть, мы его и не зарыли. *(Первому могильщику.)* Как считаешь?

Первый могильщик пожимает плечами.

Тот вроде повыше был и потолще.

Первый могильщик пожимает плечами.

И тот вроде улыбался, а этот как будто недоволен чем-то.

Первый могильщик пожимает плечами.

И тот вроде в очках был. Значит, это другой.

Компания сослуживцев образовала кружок, внутри которого время от времени слышно позвякивание стаканов.

СВАХА. Но могила ведь наша. Куда же вы смотрели? О чем вы тут думали? А если бы с вашим отцом так?!

ВТОРОЙ МОГИЛЬЩИК. Ты не кричи, тетка, не качай права! Мы вообще могли ничего не делать, мы свою смею отработали. Поняла? Не нравится, иди сама рой!

ЛЕТОПИСЕЦ. Дарья Тимофеевна, не надо так. Я сейчас договорюсь с ними. Зачем шум поднимать? Иван Петрович не одобрил бы вас. *(Идет ко Второму могильщику.)* Мы заплатим. Сколько надо?

Второй могильщик обиженно молчит. Первый могильщик продолжает с любопытством разглядывать Старика. Старик неожиданно чихает и вновь замирает. У Первого могильщика отвисает челюсть, он крестится, озираясь, пятится к напарнику.

ВТОРОЙ МОГИЛЬЩИК *(Летописцу)*. Дело в принципе.

Летописец шепчет ему что-то на ухо.

А я говорю: дело в принципе.

Летописец шепчет ему что-то на ухо.

Деньги нас не волнуют.

Летописец шепчет ему что-то на ухо.

А я тебе говорю: если я в день не буду иметь, сколько ты в месяц, я сам лягу в могилу.

Летописец шепчет ему что-то на ухо.

(Категорично.) Пятьдесят.

ЛЕТОПИСЕЦ. Пятьдесят?! Чтобы лечь в свою могилу?! *(Спохватывается.)* Хорошо, хорошо, я согласен.

Могильщики садятся на скамейку, закуривают.

СВАХА *(подходит к Старiku, тихо)*. Ничего тебе?

СТАРИК (с закрытыми глазами). В плечах жмет. Они, Даша, обязаны бесплатно хоронить.

СВАХА. Мало ли что.

СТАРИК. В конституции записано.

СВАХА. Мало ли что.

Первый могильщик наблюдает за разговором Свахи и Старика, в обмороке сползает со скамейки.

ВТОРОЙ МОГИЛЬЩИК. Куда ты? (Поднимает его, приводит в чувство.) Покойников не видел?

ПЕРВЫЙ МОГИЛЬЩИК. Мне показалось...

ВТОРОЙ МОГИЛЬЩИК. Хочешь деньги иметь, ни на что не обращай внимания.

В круту сослуживцев слышны позвякивания стаканов
и приглушенный смех.

СВАХА (подходя к Летописцу). Они и не думают начинать.

Оба направляются к могильщикам.

СВАХА. Как же вам не стыдно, а?! У людей такое горе, люди себя от горя не помнят, а вы пользуетесь!

ПЕРВЫЙ МОГИЛЬЩИК (встает, пристыженно). Мы сейчас.

ВТОРОЙ МОГИЛЬЩИК. Сидеть. (Свахе.) Отца хоронишь, а жмешься. Это раз в жизни бывает, это на всю жизнь память, а ты жмешься. Святого уже ничего не осталось, да? (Смотрит в небо.) Ну, до чего вот ты дождалась? (Вытягивает ладонь.) Дождь пошел.

Сваха бежит к Старiku, кладет ему на голову целлофановый пакет.

СТАРИК. Никто с горя не затосковал?

СВАХА. Никто.

СТАРИК. Крепятся, вида не показывают. Ты подскажи им, пусть они речи начинают говорить. В речах, Даша, сокровенное сильно должно проступить.

Сваха направляется к компании сослуживцев. Смех прекращается, все идет к Старiku, выстраиваются по обе стороны от него, к ногам ставят венок.

ЛЕТОПИСЕЦ. Пожалуйста, кто-нибудь от профкома... от друзей.

На шаг вперед выступает ОРАТОР.

ОРАТОР (тихо). Как его звали?

ЛЕТОПИСЕЦ. Иван Петрович Сидоров.

ОРАТОР. Товарищи, всех нас... и вас постигла тяжелая, невосполнимая утрата. Навсегда ушел от нас... и от

вас дорогой, горячо любимый нами... и вами Сидор Петрович Иванов.

Старик открывает удивленные глаза, смотрит на Оратора.

Не хочется верить, что его уже нет среди нас... и вас... и нас, среди живых. Прости, что мы не уберегли тебя. *(Смотрит на Старика, в изумлении открывает рот.)* Что же?.. Глаза-то что же ему не закрыли?.. Нехорошо как смотрит.

Сваха ладонью проводит по лицу Старика, закрывает ему глаза.

ЛЕТОПИСЕЦ *(Оратору)*. Ничего, ничего, говорите.

ОРАТОР. Бывает, человек жил как не жил. Что сделал?! Кому помог?! Какой след оставил на земле?! Нет ответа. Не так жил и умер дорогой наш... и ваш Иван Сидорович Петров.

Старик открывает удивленные глаза, таращится на Оратора.

Нет, не так! Шалишь, брат! Сидор Иванович и сегодня как живой стоит перед глазами у всех честных людей. *(Смотрит на Старика, замирает.)*

Сваха проводит ладонью по лицу Старика.

ЛЕТОПИСЕЦ *(Оратору)*. Ничего, ничего, говорите.

ОРАТОР. Прощай, Сидор Сидорович!

Старик открывает глаза.

Ты еще долго будешь светить нам своим примером. Конечно, ты тоже был не без греха. Но мы все, слава богу, атеисты и в загробную жизнь не верим. Надеюсь, ты меня слышишь. *(Смотрит на Старика.)*

Старик согласно кивает ему.

(Передергивается, неуверенно.) Надеюсь, ты меня слышишь?

Старик согласно кивает.

(В зал.) Мне больше не наливать. *(Отходит.)*

ЛЕТОПИСЕЦ. На этом траурный митинг объявляю закрытым.

Все, кроме Свахи, отходят от Старика, вновь собираются в кучу, вновь слышны смех и позвякивание стаканов.

ВТОРОЙ МОГИЛЬЩИК *(Первому могильщику)*. Покойников не бойся. Бояться их не надо. Тут все дело в привычке. Вот сейчас иди к нему и привыкай.

ПЕРВЫЙ МОГИЛЬЩИК. Не могу.

ВТОРОЙ МОГИЛЬЩИК *(снисходительно)*. Ну, пойдем вместе.

Круг сослуживцев расступается, под хлопки, посвист, притопывая,
входит Первая сослуживица. Поет.

ПЕРВАЯ СОСЛУЖИВИЦА. Я миленка попросила:
«Обними меня, родной».
А миленок отвечает:
«Я сегодня выходной».

ВСЕ. Ух, ты! Эх, ты!

СВАХА. Как же так? Ведь неприлично.

ЛЕТОПИСЕЦ. Лучше не обращать внимания, Дарья Тимофеевна. Ну, что теперь поделаешь. Жизнь есть жизнь.

В круг вступает Вторая сослуживица.

ВТОРАЯ СОСЛУЖИВИЦА: Шила милому штаны,
Вышла рукавица.
Меня милый похвалил:
Ну и мастерица.

ВСЕ. Ух, ты! Эх, ты!

ТРЕТЬЯ СОСЛУЖИВИЦА.

Раньше спросишь: «Как жена?»

Говорят: «Здоровая».

Нынче спросишь: «Как жена?»

Говорит: «Которая?»

ВСЕ. Ух, ты! Эх, ты!

Сваха кидается к Старiku.

СВАХА. Ваня, восстань! Восстань, Ваня!

СТАРИК. А если кого кондрашка хватит?

СВАХА. Пусть! Семь бед, один ответ. *(Как в гипнотическом сеансе простирает к Старiku руки.)* Восстань!

СТАРИК *(в зал)*. Ну, трепещите все.

СВАХА *(повторяет пасс)*. Восстань!

СТАРИК. Что-то никак не вылезу.

СВАХА. Поторопись, Ваня, не то разойдутся все.

СТАРИК. Гвоздем, что ли, гимнастерку прихватили?

СВАХА. Уходят ведь!

Честная компания покидает кладбище.

Что же это, Ваня?

СТАРИК *(сквозь слезы)*. Видишь, как работают? Халтура кругом, гвоздем гимнастерку прихватили. *(Последним усилием «вырывает» себя из гроба — сходит с места.)*

Все уже ушли. На сцене, кроме него и Свахи, остались
только могильщики.

Убитые неудачей, понуро стоят Старик и Сваха. Первый могильщик прячется за спину Второго.

ВТОРОЙ МОГИЛЬЩИК (*подходит к Стариксу*). Твоя могила?

СТАРИК (*отрешенно*). Моя.

ВТОРОЙ МОГИЛЬЩИК. Добавишь полста, через пять минут похороним в лучшем виде.

СТАРИК. Добавлю.

ВТОРОЙ МОГИЛЬЩИК (*сочувственно хлопает Старика по плечу*). Давно умер?

СТАРИК. Вчера.

ВТОРОЙ МОГИЛЬЩИК. Ничего, с каждым может случиться. Ну, счастливо тебе. (*Обнимает Старика, троекратно целует.*)

Могильщики отходят.

А ты боялся. Вот такой покойник!

ПЕРВЫЙ МОГИЛЬЩИК. Он же живой! Только что говорил с вами человеческим голосом.

Второй могильщик пораженный замирает, тупо смотрит перед собой.

Целовались-обнимались с ним.

ВТОРОЙ МОГИЛЬЩИК (*сплевывает, вытирает рукавом губы*). Живой, мертвый — какая нам разница? Закопаем, и все дела. Главное, чтобы деньги шли.

Оба уходят.

СТАРИК. Дуй, ветер! Дуй, пока не лопнут щеки! Лей, дождь как из ведра...

СВАХА. Ты что, Ваня?.. Про что ты?

СТАРИК. Вой, вихрь, всюю! Жги, молния! Лей, ливень! Вихрь, гром и ливень, вы не дети мне.

СВАХА. Ваня, да что же это с тобой сделалось вдруг? Очнись, Ваня!

СТАРИК (*приходит в себя*). Что?

СВАХА. Что говорил-то сейчас, помнишь?

СТАРИК (*виновато*). Не помню. Нашло что-то. А я вот что понял, Даша. Верное дело! Внутри у людей борются личное и общественное. Чистая сила и нечистая. А какая из них чистая, еще пока неизвестно. Отсюда все драки, скандалы и убийства. Но чего они борются-то?.. Им надо сочетаться. Вот и вся разгадка!! Вот мы с тобой — и об общественном помним и личное не забываем.

СВАХА. Про что мы не забываем?

СТАРИК. Про общественное и личное. *(Обнимает ее за талию.)*

СВАХА *(слабо сопротивляется)*. Да когда же ты угомонишься?

СТАРИК. Никогда! *(Обнимает ее.)*

СВАХА. Об общественном и личном на кладбище?

СТАРИК. Везде, Даша! Нужно, чтобы везде и всегда личное и общественное, так сказать, совокуплялись. *(Целует Сваху.)* Пошли отсюда. *(Зрителям.)* И вы все идите домой. Здесь больше делать нечего.

Уходят.

Занавес.

Раздел VII

Журналистика

Энтузиазм

французы известны своей

галантностью, итальянцы — музыкальностью, немцы — дисциплиной. Мы известны своим энтузиазмом. Энтузиазм наш имеет взрывной характер, что внешне выглядит необычайно эффектно.

Вспомните хотя бы, как мы гуляем. Еще за день до праздников — тишь, гладь, божья благодать, идет какое-то подспудное накопление сил. И вдруг — взрыв! Огромная волна энтузиазма гуляний со свистопляской с востока, где зарождается день, мощно и неодолимо катит на запад. Она сметает на своем пути все, что человек в состоянии съесть и выпить. За три дня перевыполняют годовой план рестораны, закусочные, столовые... больницы. Много наших сограждан пропадает без вести. Суммарный эффект поражает вялое, неподготовленное воображение иных миров и народов.

В любви у нас тоже сильно развит энтузиазм, только здесь взрывы и фейерверки чувств идут вначале, а потом уже в отношениях наступает тишь да гладь.

Но самый эффектный, самый взрывной характер отличает нашу трудовую деятельность. Сперва тишь, гладь, божья благодать. И вдруг!.. К концу месяца, квартала, года — взрыв энтузиазма. Все показатели резко взмывают вверх: количество смен, переработанного сырья, зарплата и, естественно, травмы и брак. Но зрелище само по себе, конечно, неповторимое, своего рода северное сияние.

Для справки скажу, что у пресловутых капиталистов, которых мы, конечно же, рано или поздно все равно заставим покупать у нас обувь и магнитофоны, чтобы они хоть к празднику могли чем-то побаловать своих людей, — так вот у них нет взрывов энтузиазма. Для них главное — при-

быль, для нас прибыль не главное, для нас главное — энтузиазм. Тем не менее и в смысле прибыли мы соревнуемся с ними и даже, по расчетам, должны были обогнать их.

Расчеты верные, но оказалось, что они там тоже придумали одну хитрую штуку. Они каждый день... У нас это тоже есть, но не так широко распространено. А они каждый день... Даже не то чтобы у нас это не широко распространено, а как-то не все еще этим пользуются. Имеют право, но почему-то не пользуются. А они там у себя каждый день! В этом и заключается хитрость. Они каждый день! Хотя нам тоже никто не запрещает. Короче, они каждый день... работают на совесть. Не эффектно, нет, ровно, но каждый день на совесть. Не к концу года, а каждый день.

Я насчет мирного соревнования думаю, что если они у себя начнут еще и авралы устраивать или мы начнем еще и работать на совесть каждый день, то никакого соревнования не получится. Получится за явным преимуществом кого-то.

Давайте думать

Я буду говорить прямо. Мало думаем!

Работаем много, думаем мало, поэтому работаем много. Давайте думать. Давайте работать с умом.

Вот говорят: «Как отдохнешь, так и поработаешь». Мы не умеем отдыхать! Телевизор с утра до ночи — не отдых. Голова разбухает, легкие съеживаются, глаз мутнеет, седалищный нерв просто идет вразнос. У кого сердце болит за работу, давайте думать, как отдыхать. В субботу — отдыхать, в понедельник — садись за рабочее место, думай заранее, где отдыхать, как отдыхать. Если ты действительно хочешь принести людям пользу.

Но все не так просто. Врачи говорят: «Сидеть нельзя, надо бегать. Регулярно. Лучше с утра».

Бегать мы не умеем! Бегать надо на совесть. Пришел на работу утром, скажи начальнику: «Мне надо в поликлинику». В глаза ему скажи, он не выдержит, отпустит. А сам взял побегал по магазинам, в тебе сразу столько здоровья, столько энергии, что тебе эту работу только подавай.

Если хочешь принести пользы еще больше, послушай, что старики говорят. У них опыт. Они жизнь прожили. Они говорят: «Не спеши. Никогда не спеши. Некуда». То есть пришел на работу, на тебя навалили кучу дел — не спеши, некуда. Прежде всего сядь и подумай: где в субботу, как в субботу? Потом в магазин, потом обед.

Обедать мы не умеем! Когда мы обедаем, на нас смотреть страшно. Каждый день мы обедаем, как будто последний раз в жизни. Весь мир говорит: «Завтрак съешь сам, обед раздели с другом, ужин отдай врагу». Мы все сами! Можно подумать, что у нас нет ни друзей, ни врагов. Как мы обедаем, нам бы так работать.

Значит, пришел на работу, думай: где в субботу, как в субботу? Потом побегал, потом нашел какого-нибудь друга, пошел с ним пообедал.

Пообедал — работай! Вот теперь работай! Все у тебя готово, все по науке. Но если хочешь принести пользы еще больше, возьми десятку, съезди к знахарю. Они все знают. Они нелегально все знают: по какой росе ходить, когда, с кем; какую траву заваривать, сколько, для кого, — они собрали всю подноготную о родной природе. Мы к ним бежим, когда скрючит, скособочит. А ты приди заранее, еще здоровый, спроси: «Как надо работать?» Они скажут: «После обеда надо отдохнуть». Они скажут: «Хочешь долго жить, хочешь принести людям пользу, после обеда отдыхай!»

Вся природа после обеда отдыхает. Удав, например, проглотит кого-нибудь в обед и после этого вообще дня три ничего не делает. Зато у него столько энергии, столько здоровья, что он потом может втрое больше... проглотить. Почему и говорят: «Мудрый как змей».

Нам надо учиться у природы. Я не говорю: три дня после обеда ничего не делать, а часик отдохни, и тогда у тебя все готово, всем ты взял, ты — орел. Ты можешь навалиться на работу, подмять ее под себя, от нее только пух полетит.

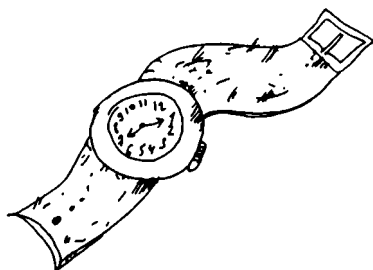
Но вот индусы, а это дружественный нам народ, они считают... и ты их здесь ничем не собьешь, они это тысячелетиями вынашивали, это — древнейшая культура. Еще на нашей территории был девственный лес, еще в этом лесу никто и не думал работать, а они уже вынашивали.

Вот они считают: если солнце пошло на закат, то лучше уже ничего не делать, чтобы потом локти не кусать, чтобы потомство было здоровым, чтобы хоть какое-нибудь потомство, но было!

Мы об этом не думаем! А мы в ответе перед будущими поколениями.

Значит, пришел на работу, думай: где в субботу, как в субботу? Потом по магазинам, потом обед, потом отдохнул часик — все готово! Сиди соображай, как сделать, чтобы у тебя хоть какое-нибудь потомство, но было.

Вот если так! Если привлечь всю сокровищницу мысли, то да! То дойдем, куда нацелились. А с тем, что у нас сейчас происходит, надо кончать. Так работать нельзя, товарищи!

С жиру бесимся

Купить можно все! Даже у нас...

если есть деньги. Если денег нет, ничего не купишь даже в Америке.

Одним словом, в Америке, если есть деньги, или у нас, если есть деньги и знакомства, можно купить все... кроме здоровья.

Здоровье дороже денег. Поэтому, кстати, очень может быть, что самый богатый человек на земле — это наш самый нищий, если он очень здоровый.

Сегодня самый страшный враг здоровья — стрессы. Время стрессов и страстей.

Как возникает стресс?.. Какова его природа?

Вот вы весной копаетесь на своем участке, чтобы осенью не тратиться на лучок, морковку, укропец. Копаетесь, вдруг — дзынь! Что это?.. Что это?! Чугунок. Клад?! И никто не видит?.. Никто!! Ни одна душа.

По-быстрому цап чугунок! Тянете его — не идет, застрял, припекся, тяжелый... килограмма на три.

Сразу в голове забегало: «Три килограмма, это если в золотых монетах, это сколько же выйдет? Сколько же это? Господи! Если в золотых-то три килограмма, сколько же это? А-а? Сто тысяч? Больше?.. Двести?.. Больше! Больше должно быть. А если серебром?.. Нет! Золотом! Золотом, золотом, только золотом!»

Тянете — никак. Давно сидит в земле, въелся в нее, впился намертво. А ну-ка, двумя руками! А-а-а!! За-ра-за! Не идет! Тяжелый... килограммов шесть с половиной... «Это если золотом, то сколько же? Это если не же-не, не государству, это сколько же?! А если шесть кило бриллиантами? Гос-споди, не дай сойти с ума!»

А ну, еще раз двумя руками! А-а-а-а!!! По-шел!.. Есть!.. Мина ржавая... и часовой механизм заработал, и уже об-

ратно не положишь, и в руках держать не интересно, хотя точно шесть с половиной кило тянет.

Тик-так, тик-так... через минуту следов от вас не найдет ни жена, ни государство. И тут чувствуете, внутри у вас зашевелилось что-то. Это — стресс, это на нервной почве.

Наверное, стресс — это когда что-то с чем-то не совпадает. Хочется приятного? Нельзя! Оно вредно. А вот это полезное? Да.

Можно, но оно противно. А вот к этому тянет как-то естественно, как-то всем существом. Нельзя! Карается законом. А вот это не карается? — Это нет. Но этого вы сами не захотите.

Что ж такое?! Вкус есть, денег нет. Желание есть, силы кончились. Ум есть, знакомств нет. Знакомства есть, ветры перемен подули в другую сторону.

Все время чего-то не хватает, что-то с чем-то не совпадает, чаще желаемое с действительным.

Страшная болезнь!

В чем же спасение?.. Больше положительных эмоций. Только положительные эмоции! Где их больше, у них или у нас?.. У нас.

Нужно человеку что-то. У них пришел и взял и у нас пришел и взял. Но у них просто взял, а у нас, если просто пришел и просто взял — это счастье, это — огромное человеческое счастье. Мы это еще мало ценим.

У них позвонил насчет чего-нибудь — и все. А у нас дозвонился — это раз счастье, тебя не обматерили — два счастья, в гроб не загнали — три, через день, но приехали — четыре, что-то на авось, но сляпали — пять и не так много содрали за то, что обязаны делать бесплатно — шесть. Шесть счастлиев на ровном месте, из ничего. Мы это мало еще ценим.

А если самому не нарываться на стрессы?.. Если заранее приготовить себя к худшему? Заранее — к худшему! Это выход! Обмануть всех и заранее, с детства приготовить себя к худшему.

Хочется купить что-то красивое, дешевое и наше. Не нарывайся. Кинешься на красивое — ан оно не наше. Наше?.. Значит, дорогое. Дешево и наше?.. Значит, не красивое. Красиво, дешево и наше?.. Это вне действи-

тельности. Если не желать несбыточного, проживешь вдвое дольше.

Так что у нас счастья в шесть раз больше и прожить можно в два раза дольше. А мы все чем-то недовольны.

С жиру бесимся.

Страна богатая — народ нищий;

самим есть нечего — другим помогаем; что себе позарез — продаем, что никому не нужно — покупаем. Загадка!

Две отгадки: либо население неумное, либо правительство глупое. Проверили — нет, все в пределах нормы. В чем тогда дело?

А в том дело, что мы — народ легкий, заводной. Нам по логике жить стыдно, как стыдно голому среди одетых.

У нас без единого гвоздя все держится на тепле, на чувстве. Нам про выгоду не говори, про прибыль не надо. Про проценты, про курс доллара — нет, нам эти волчьи законы чужды.

Нас можно взять только на «слабо».

— Слабо в дерьме жить!

— Нам?

— Вам.

— Нам?!

— Вам.

— На-ам?!!

— Вам.

— Смотри!.. И хоп! — по уши в дерьме — знай наших. «Слабо» — великое для нас дело, потому что мы народ легкий, заводной.

И правительство у нас такое же — легкое, заводное.

— Слабо нефть, газ, лес за рубль отдать?

— За рубль?

— Да.

— Нам слабо?

— Вам.

— Нам?!!

— Вам.

— Ах ты, поганка! Да на, бери все за так. И еще вот тебе рыба, икра, масло, сметана, еще вот сало.

Если мы чего-то хотим добиться, нам надо только через «слабо» действовать. Крикнул вот тут кто-то:

— Слабо многопартийную систему ввести.

И смотри, сегодня у нас уже почти триста миллионов партий, объединений, организаций.

Сейчас самое время громко, во все горло крикнуть:

— Слабо по-человечески жить!

— Нам?

— Вам.

— Нам?!

— Вам.

— На-ам?!!

— Вам.

— Ах ты, гнида! Ах ты, гаденыш! Смотри!!

И тогда, может быть, начнем наконец жить по-человечески.

Среднее звено

Я узнал, кто нам мешает жить,

узнал, кто нам гадит на голову... Среднее звено. Гадит среднее звено!

Правительство невинно. Народ вообще не в курсе, про что речь. Гадит среднее звено!.. Гадит, гадит и гадит!

Что хорошего народ с правительством ни затеют, о чем ни сговорятся — все мимо денег!

Только правительство скажет: «Скоро будем жить хорошо», уже видно, что ничего не получится, потому что среднее звено успело нагадить.

Народ говорит: «Давайте, чтобы никто не успел нагадить, делать все по-быстрому». И все р-раз налево, а уже нужно направо, все р-раз направо, а уже, чтобы выжить, нужно налево. Каждый раз бежим не в ту сторону.

Кто виноват?.. Среднее звено. Правительство невинно, народ вообще не в курсе, про что речь.

Да все знают, что это среднее звено гадит! Никто не знает, как его ухватить. Ухватятся за что-то среднее, держат, смотрят — опять не то.

Но точно оно где-то между народом и правительством. Больше же негде, ниже народа земля, выше правительства вечные снега, там ничего живого уже не водится.

Думали: может, это интеллигенция? Она не народ, не правительство. Нет! Питается плохо. А чтобы так гадить, нужно себе ни в чем не отказывать.

Выше правительства — сияние, ниже народа — кладбище, и кто-то все время гадит... Но сверху, где народ заканчивается, сразу правительство начинается. Даже чуть раньше, все же из слесарей, из комбайнеров. Где тогда среднее звено?

Раньше врага за версту узнавали. Кулак — это борода-тый мужик, здоровый, жадный, в одной руке обреза, в другой — мешок с пшеницей.

Аристократ, белогвардеец, проститутка, громила, спекулянт — все враги, но у каждого свои приметы.

Сейчас враг один — среднее звено. Больше некому. Правительство же невинно, народ вообще не в курсе, про что речь. Враг один, но гадит на каждом шагу. Примет нет.

Люди интересуются:

— Кто виноват?

— Застой!

— А конкретно?

— Вредители.

— Это кто?

— Враги перестройки.

— А конкретно?

— Бюрократы.

— Это кто?

— Демагоги.

— А конкретно?!!

— Среднее звено.

Да, нам надо вернуться к старым названиям врагов. Что такое «демагог», непонятно. Что такое «проститутка», знают все, у всех живой интерес. «Карьерист» — понятно, но «рецидивист» — еще понятнее.

Одно дело сказать, что Сидоров неплохо знает свою работу и имеет заслуги по общественной линии. Кто за него? Все. И совсем другое дело сказать: «Мало того, что Сидоров на работе рецидивист, он еще и по общественной линии — редкая проститутка». Кто же этого упыря куда выберет?

И тогда у нас начнет получаться, что не «на пенсию по состоянию здоровья», а «к уголовной ответственности за групповое ограбление народа».

Так что давайте конкретно говорить: «Гадит этот, этот и вот этот», а не вообще «среднее звено».

Проснулись русские утром, видят —

забор у них покосился, а ворота вовсе на земле валяются — заходи любой кому не лень, тащи все подряд.

Случай, что никто не зашел, ни на что не позарился.

Зато вся скотина со двора ушла, на воле около леса гуляет.

Схватились русские за голову: как бы им скот вернуть?

Сперва пугнули скот тем, что в лесу волчьи законы, скот ноль внимания. Говорит:

— Лучше умереть в лесу, чем жить в хлеву.

Тогда вынесли плакат: «Все скоты равны!» Опять мимо.

Тогда пообещали, что к двухтысячному у каждого будет отдельная могила — тот же результат.

Чего только не пробовали! Даже с бойни приходили ребята, звали пострадать за общее дело. Никто и ухом не повел.

Только и среагировал скот, что через ветеринаров передал политические требования. Три пункта.

Первое — мычать в любое время суток.

Второе — смотреть на новые ворота.

Третье — вычистить в хлевах, а то вонь ужасная.

Третий-то пункт и подкосил. С вонью, правда, беда была. Уж и ветры перемен дули — все одно, нехорошо, не-свежо как-то было. Как будто гнило что кряду лет семьдесят, а то и того больше.

Ходила легенда, что первой-то вони подпустил еще какой-то призрак, который бродил по Европе. Вот какая это зараза, даже в призраке она завелась.

Короче, от леса кричат:

— Не желаем больше нюхать! Нюхайте сами!!

Пробовали убедить скот, что это не вонь, а дым отечества. Но скот на свежем воздухе продышался и вонь от дыма стал отличать.

А больше ничего не придумали. И получился в государстве разлад.

Раньше-то — где скот, там и вонь — едины были. А теперь скот сам по себе, а вонь сама по себе.

До чего дошло! И чем кончится, не видно. И кто окажется матери-истории более ценен, неведомо.

Хотя... то, что скот без вонь — непривычно, но к этому притерпеться можно.

А вот кому без скота сама по себе нужна одна только вонь, уму непостижимо.

Парто-кратия и херо-мантия

В принципе это одно и то же,

это все — чертовщина. Партократия тесно связана с полтергейством: войска сами срываются с места, входят в города, стреляют без приказа.

Хероманты связаны с прорицателями, которые наводят тень на плетень:

— И будет трудное время, и к власти придет Меченый.

А у нас, кроме трудного, никакого другого времени и не было. И никаких других вождей, кроме меченых, тоже не было: один картавый, другой рябой, третий лысый, четвертый без царя в голове и так далее.

Раньше люди интересовались:

— Что сказала партия?

Сегодня спрашивают:

— Что сказал Нострадамус?

Это четыреста лет назад жил человек, во Франции причем.

— Ничего там у него, — спрашивают, — не сказано насчет денежной реформы в России? Будут менять червонцы или не будут?

Кстати говоря, это насколько же нужно не верить правительству, чтобы так верить Нострадамусу?

После того как Карл Маркс сглазил нас, а его последователи стали наводить порчу целыми пятилетками, в стране победившего всех социализма приучились к гада-нию. Сегодня практически гадают все.

Пенсионеры гадают: идти за компенсацией или лучше сэкономить силы?

Правительство гадают: будет опять невиданный урожай или в этот раз пронесет мимо? Министерство внутренних дел гадают: надо бороться с преступностью, если

задачу ограбления и изнасилования граждан взяло на себя государство?

В сомненьях первым подспорьем на Руси испокон века были сонники.

Несколько выдержек из современного сонника.

Вам приснилось золото, бриллианты или алмазы — хороший сон, вам удастся приобрести соль, спички или мыло.

Сильный туман, ничего не видно, не поймешь, где ты — будет обращение президента к нации.

Осетрина, балык — значит, предки зовут вас к себе.

Сломали два ребра — значит, что-то выкинут в магазинс и вам достанется.

Три ребра — вам не достанется, вас выкинут из магазина.

Красная икра — к материальной помощи от индейцев.

Черная — от негров.

Очередь в рыбный отдел — выбросят рыбу.

Очередь в булочную — выбросят хлеб.

Очередь в ювелирный — выбросят золото.

Очередь в мавзолей — не будет ни рыбы, ни хлеба, ни золота.

Пасха. На улице к вам подходит валютная проститутка, говорит: «Брат мой, Христос воскрес!» — поднимутся цены на яйца.

Вас обматерили, избили, ограбили, раздели и спустили с лестницы — день пройдет обычно.

Разлив, шалаш, в шалаше кто-то что-то пишет — к большой беде.

Продают мясо по госцене и нет очереди, вы один — это значит, что во сне вы сошли с ума.

Зима. С вас сняли пальто и шапку... догнали, сняли костюм и ботинки... догнали, сняли нижнее белье и носки... догнали, дали десять рублей на дорогу — будет компенсация.

За безнравственное поведение вас выгнали из публичного дома — к выходу из КПСС.

Если приснилось, что хероманты в ночь с 25 на 26 октября штурмуют Зимний дворец — то это значит, что между парто-кратией и херо-мантией разницы нет. Оба эти явления следует называть одним именем, либо

Манто-херия, либо Парто-мантия, а лучше всего Херо-партия.

Постскриптум.

Вам холодно и голодно — это значит, что вы проснулись.

Сами по себе

Проснулись русские утром, видят —

все партии, что у них были, исчезли. Сперва подумали, что на них тля какая-то напала, но тогда бы хоть шелуха осталась, а тут ничего нет. Ну и догадались, что просто их все ветром сдуло.

Остались русские сами по себе, не знают, куда ногой ступить — как бы во что не вляпаться без политического-то руководства.

Народ ведь и без того очень простой, только-только начал учиться есть, а то все ложкой в чужой рот попадал. Из ремесел развито было всего два: затягивание пояса и умение терпеть до гроба. Но зато уж, правда, и умельцы были! Это тебе не блоху подковать. Такие были даже, что еще и не кончилось у них терпение, а уже они в гробу. И культурно, к примеру, русские тоже мало кого обскакали. Много понастроили памятников, а как-то тут выдался свободный день, пригляделись — господи! они же все на одно лицо. То есть буквально везде один и тот же человек стоит. Вот до чего это простой народ был.

А как сдуло партии ветром, вовсе перепугались они до смерти, замерли, боятся шагу шагнуть в сторону. Но к обеду проголодались многие, дети по нужде запросились, делать нечего — стали искать, нет ли у них умных среди беспартийных. А вдруг! А чем черт не шутит! А ну как есть!! Ну хоть не круглые-то дураки.

Должны быть самостоятельные люди — слух был в народе, что есть мужики и бабы, которые издревле не днем, конечно, но хоть и ночью, а делают не то, что им партии велят, а то, что им хочется.

И что б вы думали? Поогляделись и тут же нашли нескольких человек самостоятельных. Потом оказалось,

что их много таких. Оказалось, что самые-то умные как раз никогда ни в какие партии и не лезли, а делали ночью что хотели.

Ну и все. И стали русские жить нормально. К вечеру уже по уровню жизни догнали почти кой-какие неразвитые страны. Болтали, что ночью даже кого-то из африканцев перегнали, но это пока не подтвердилось.

Сейчас одного только и боятся русские — как бы ветры перемен не надули им опять кого-нибудь в авангард.

Жизнь в России

Цикл жизни в России строится

следующим образом.

Основная и самая продолжительная стадия — **БАРДАК**.

Затем короткий период — **ВОЗМУЩЕНИЕ МАСС**.

Далее мгновенный — **ПОИСК ВИНОВНЫХ** (умершие руководители, внешние враги, семиты, кооператоры и тому подобное).

Далее — **ОТВЛЕКАЮЩИЙ МОМЕНТ** (передачи о преступности, проституции, съездах Советов, неопознанных летающих объектах, психотерапии и так далее).

Следующий этап, короткий, но яркий — **ОБЕЩАНИЯ ВЛАСТЕЙ**.

Затем вновь основная и самая продолжительная стадия — **БАРДАК**.

Короче,

БАРДАК — САМОБИЧЕВАНИЕ — СЕМИТЫ — ПЛАНЫ — и опять БАРДАК.

Если смотреть с высоты птичьего полета, откуда короткие периоды незаметны, то кажется, что вся наша жизнь — один сплошной **БАРДАК**.

Но это не так. Конечно же! Кроме него, есть проституция, алкоголизм, преступность, наркомания, коррупция, съезды Советов и так далее.

Про Бога вспомнили

-3 дравствуйте. Бог в помощь.

— Спасибо на добром слове. И вам дай Бог здоровья. Как живете-можете?

— Божьей милостью.

— Слава Богу.

— Ворует понемногу.

— А что понемногу?.. Мы вот помногу ворует. Бог милостив.

— Да мы видишь как. Мы понемногу ворует, понемногу разбоем берем.

— А-а. Мы разбоем мало. Но, правда, недавно двое не без нашей помощи отдали Богу душу.

— Что ж? Бог дал, Бог взял.

— Да, видно, им так на роду написано. А все-таки старушку одну зазря угробили.

— Бога гневите. Что значит зазря? Как это? Бог зря не допустит.

— Да, это так. Все от Бога. Нам на большую-то дорогу как выйти половчее?

— Сейчас все леском, леском, а где поляна как в крови, там налево.

— Найдем. Слава Богу, не маленькие.

— Найдете. Бог поможет. Осторожнее, не зацепите пулеметом за виселицу.

— Спаси Христос. Как можно?

— Ну, Бог в помощь.

— Вам того же. На Бога теперь вся надежда.

Письмо Хазанову

Т ена, здравствуй!

Извини, что так долго не писал, у нас тут в округе выбросили сахар.

Новостей много, но напрямую всего не скажешь, так что соображай между строк.

Живем мы хорошо... Понял, да? (То есть хорошо, что еще живем.)

Немного о себе. Приторговываю фельетонами, монологами. Фельетоны идут хорошо, рублей по триста, а то и четыреста дадут, если отгадаешь, кого сейчас надо гробить.

Если про секс, то с руками оторвет эстрада. Но с питанием неважно, и о сексе пишу больше по памяти, хорошо бы с извращениями написать, да где уж, хоть как-нибудь.

Тебе, конечно, интересно положение в нашей Юго-Западной префектуре. У нас новый гимн, ноты и слова вышло с надежным человеком. Герб изменился — на желто-загазованном фоне часть кольцевой дороги и лес, в центре, как символ нашего богатства и свободолюбия, человек, торгующий цветами на Черемушкинском рынке.

Что еще изменилось?.. Почти все жители хотят стать евреями. Почему — не знаю. Раньше в нашей префектуре было наоборот.

Разговор в народе сейчас один — «почем вчера» и «твою мать почем уже сегодня».

Пьянство на улицах, слава богу, исчезло, узнаем о нем только из газет — если кто выбросится из окна или пырнет ножом-вилкой отца-мать. Много не пишут, но зато каждый день.

Что еще из духовной жизни?.. На каждом углу продают книги, в основном «Библию» и «Технику секса».

Как у тебя с техникой?.. В смысле, есть ли книга?.. Если нету, я вышлю.

Что еще?.. Очередей у нас практически нету. Если что выбросят в продажу — тут же образуется давка. А очереди давно уже не видел.

Все остальное по-прежнему: обещают землю крестьянам, фабрики — рабочим, власть — Советам. (Понял, да?)

До тебя, наверное, донеслось о наших натянутых отношениях с Западной префектурой. Нашей вины нету, мы за общечеловеческие ценности, за демократию, за терпимость ко всем вероисповеданиям, тем более у нас с ними общие исторические корни, они — наши братья навек, но они же — нелюди, гниды! Они у нас еще поплачут кровавыми слезами.

Простой тебе пример, первый попавшийся — у нас начали заниматься милосердием и тут же (!) у них... Ну, не гниды они?

Милосердием у нас, конечно, занимаются те, кто получает гуманитарную помощь.

Гена, получаешь ли ты гуманитарную помощь?

Прости, совсем забыл спросить о здоровье. Как ты?.. Если что, дай знать. У нас тут объявился один мужик, ему можно верить, ему были виденья всякие, и все сбылось один в один, он — святой, в общем, у него слюна целебная. А цена подходящая, три плевочка — двести пятьдесят долларов.

Еще из новостей. У метро нашего «Ясенево» сидит много редкого народа: ясновидцы, колдуны, экономисты — дают прогнозы, избавляют ото всего на свете.

Откуда у людей способности берутся?.. Есть тетка, ее током ударило — теперь к грудям утюги прилипают, к рукам — деньги.

Вообще последнее время много объявилось загадочных людей и в подземных переходах, и на самом-самом верху. (Понял, да?)

Ну, вот, пожалуй, и все.

Целую тебя. Наши все обнимают всех ваших.

Высшая мера

А юди уже ничему не верят, даже
сигналам точного времени.

Их обманывают на каждом шагу, вот они и не верят.

Я бы, будь моя воля, карал за вранье... Особенно тех, кто в руководстве. Жестоко карал!.. К высшей мере наказания на Руси!!

Я бы тому, кто врет, взятку не давал.

Путеводитель

Мы сейчас хуже стали знать

социальную сторону своей жизни. Сексуальную лучше стали знать, а социальную хуже.

По сексуальной много появилось литературы: «Он и она», «Он и оно», «Оно и оно».

Да и без литературы многие в состоянии разобраться, где что к чему.

А вот отношения между государством и народом, явления общественного порядка не всегда и не всем понятны. Это — прореха в нашем знании нашей жизни.

Если попытаться социальные явления объяснить терминами из сексуальной жизни, то, возможно, многое и прояснится.

Ну, например:

Митинги, демонстрации — это оральный секс.

Действие указов президента — это импотенция.

Сочетание рыночных отношений с плановой экономикой — попытка непорочного зачатия.

Рост цен — изнасилование в изощренной форме.

Защита малоимущих — проституция.

То, что государство делает с нами, — секс.

То, что мы делаем с государством, — мазохизм.

Отношение к родной природе — скотоложество.

Отношения между властью и мафией — любовь.

И так далее.

Озверели

(черный юмор)

«Есть случаи продажи
в частном секторе мяса
кошек и собак».

Из газет

Н а рынок, конечно, лучше всего

идти с утра и в воскресенье — выбор богаче и торговаться можно.

— Это у вас что?

— Кошка.

— Сибирская?

— Сиамская.

— Почему?

— Семьдесят за кило. Берите, женщина, кончаются.

— Мне на котлеты бы.

— На котлеты вот возьмите лучше бульдожинки или хоть овчаринки, по восемьдесят отдам.

— Парное?

— У нас только парное! Как же?.. Нешто мы нелюди?..

А тухлятинку всегда с того конца зала продают.

— А если я возьму много, нельзя подешевле?

— Отчего нельзя? Надо же по-человечески друг к другу, с пониманием. Мы же не звери какие-нибудь. Завернуть вам?

— Мне бы еще что-нибудь такое... для гостей. Не найдется?

— Отчего не найдется? Вот для гостей дворняжкинкой возьмите.

— Нет, нет, у меня приличная публика, артисты... с Таганки.

— Тогда вот... на вас смотрит.

— Что это?

— Сенбернаринка. Артистам ее только подавай. Если кто спрашивает сенбернаринку, то уж и не гадай — точно артист. А с Таганки они и не вылезают отсюда. Писатели будут?

— Надеюсь.

— Вот берите. Прячьте сразу, а то оторвут с руками. Прячьте, прячьте!

— А что это?

— Язык собачий. Из властей никого не ожидаете?.. Из мэрии?

— Нет.

— Жаль. Канарейки есть, вчера только забили... Детям тогда возьмите, побалуйте детей, чтобы здоровые были, чтобы людьми выросли... По девяносто канареечки.

И вы берете и уходите довольный, сопровождаемый довольным взглядом продавца. Это в воскресенье.

А зайди на рынок в будни днем — грусть, тоска, запустение. Ничего, кроме крысятину по двести за кило, нету. В будни народ у нас как-то звереет.

А чего звереть?.. Продавай крысятину по сто пятьдесят — и всем будет хорошо.

По-человечески надо жить!

III ужимся мы сейчас и нравственно

возродиться, и материально разжиться... Аферисты! Никогда нам одновременно эти два дела не удавались.

Всегда у нас как было?.. Если идеалы вверх, то тут же мы материально мордой об землю.

А идеалам нельзя было изменять. Не зря же отцы-деды проливали кровы!.. дедов-отцов.

Главное — хоть бы раз материально вверх, а идеалы мордой об землю. Ни разу.

Врагов всех переловили: ученых, врачей, инженеров, писателей, все свои остались, все товарищи — жрать опять нечего.

Одновременно чтобы поднять и идеалы, и еду еще нам не удавалось ни разу.

И сейчас тоже... трудно себе представить, как это может случиться.

Ну, вот тебе вещь какая-нибудь нужна, а ее нет.. а она тебе позарез. И вдруг есть возможность хорошему человеку сунуть в лапу — и вещь твоя.

Что, ты будешь раздумывать?.. Нет, конечно. Суешь ему скорее в лапу, в карман, во все, во что у него суется.

Стыдно? Да. Но вещь твоя.

А чтобы одновременно и не совать и вещь получить — воображения не хватает.

Поэтому нам надо что-то одно выбрать, наверное, нам надо сперва материально разжиться, потому что совесть может еще потерпеть. Материально мы уже одной ногой в гробу, а совесть... она же есть не просит.

Это у нас не совесть, а какой-то царский подарок!

Ну, вот вы засиделись ночью за книгой... духовной, где все о нравственности. Вдруг — крик с улицы о помощи.

И обожгло сердце! Это совесть ваша вырвалась наружу, трепещет крыльями, очами сверкает. Вы к окну — что там?

Два бандита ребенка грабят... Здоро-овые такие бандиты... А почему, спрашивается, ребенок один? Почему без присмотра?

И совесть тоже неотступно стоит рядом, возмущается, крылья сложила... это не крылья, оказывается, это — хвост. Хвост сложила, стоит, возмущается.

И тут вы одного громилу узнаете! Из соседнего подъезда он. А-а! И сразу ярче в комнате стало — это совесть ваша вспыхнула, крыльями машет, все-таки это крылья.

А вы уже бежите к телефону, сообщить в милицию, что произошло и где искать подонков, сволоту эту, которая жить на земле не должна рядом с вами!

И вдруг вам звонок... У вас же окно светилось?.. Совесть-то ваша вспыхивала?.. Вы выглядывали?.. Ну, вот! Вот вас и заметили, вот вам и звонят, говорят: слово скажешь — голову отвернем.

И тишина в доме... и тихо, и темно... И только кто-то шур-шур, шур-шур... Это совесть ваша... хвостом.

Она, видите как у нас, совесть-то! она то хвостом, то крыльями — она приспособится. Главное сейчас — материально разжиться.

А нравственно возрождаться вообще надо не спеша. Чехов говорил:

— Раба из себя надо выдавливать по капле.

По капле, а не сразу всего себя выдавить!

Нашли сумку с документами, деньгами, телефоном хозяина. Что надо сделать?.. Позвонить. Конечно!.. Но не спеша. Сказать: денег не обнаружил — это законная ваша награда-а за документы — сто девяносто баксов на бочку.

Раньше брали по двести. Но если мы каждый раз будем сбавлять, выдавливать из себя хотя бы по червонцу, мы сами не заметим, как нравственно возродимся.

Одним словом, и рыночные отношения, и человеческие нам одновременно не наладить.

Так что, ребята, сейчас пока грабь, режь, дави, спекулируй, поднимай цены до бешеных, разживайся материально.

А нравственно потом... не спеша, в свободное время, как-нибудь... между грабежами.

С Новым годом

(обращение к публике
на встрече Нового, 2001 года)

Здравствуйте, девочки и мальчики!

Какие вы все нарядные и красивые! Как хорошо, что вы все здоровенькие и крепенькие. Ничто-то вас не берет, ничего-то вам не делается.

Сегодня к вам в гости придут Дедушка Мороз, Снегурочка и самые веселые у нас на эстраде волчата, поросята и медвежата.

Мы все вместе будем веселиться. Вы знаете, конечно, что в зале шелестеть обертками от конфет и распиывать спиртные напитки нельзя. Нельзя, девочка, нельзя. Видишь, рядом с тобой сидит лысый мальчик? Он не пьет.

Новый год, ребята, нынче придет не один, с ним целая компания: придет новое столетие, новое тысячелетие. Вы все загадаете желания, и все они сбудутся в новом столетии... или тысячелетии.

На Новый год все смеются и шутят. Например, говорят:

— Как вы хорошо выглядите! Я вас даже не узнал. Быть вам богатым.

Шутка такая. Если вас два человека не узнали, быть вам очень богатым. Если никто не узнал, лучше показаться врачу. Новый год, ребята, самый добрый праздник. Самый-самый! В этот день не говорят ни о чем плохом. Для этого существуют другие праздники. О преступности можно поговорить в День Конституции, Восьмого марта — о проституции, Первого апреля — о терроризме.

Но на Новый год только о хорошем.

На Новый год, дорогие ребята, случаются чудеса. Люди находят много денег, злодеи и олигархи раскаиваются, а дураки умнеют. В это надо только сильно верить.

На Новый год люди улыбаются друг другу, даже тем, про кого весь год говорили, что у них рожа бандитская или что они дуры набитые.

Хорошие знакомые на Новый год часов с двух ночи начинают ходить друг к другу в гости. Ходят и ходят, пока не забудут, кто где живет.

А уж если это близкие друзья!.. Вы, дорогие мальчики и девочки, когда вырастите, никогда этого не делайте, потому что близкие друзья так провожают Старый год, что, случается, не все доживают до Нового. Вот как бывает весело!

А кто из ребят ответит мне, почему на Новый год много пьют и едят?.. А потому, мальчики и девочки, что как встретишь Новый год, так он весь и пройдет. Такая у нас есть экономическая примета.

С Новым вас наступающим годом!

С новыми вас хорошими приметами!

Счастья вам и здоровья!

О Райкине

(речь на заседании Клуба
московских юмористов)

Добрый вечер, милые дамы

и уважаемые господа!

Сегодняшнее заседание посвящено памяти Аркадия Исааковича Райкина, великого артиста, великого комика.

Коротко пробежимся по биографии Аркадия Исааковича.

Родился он в Риге в 1911 году, то есть за два года до 1913-го. С 1913-м принято все сравнивать. Поэтому в данном случае можно сказать, что до 1913 года в России родился один Аркадий Исаакович Райкин, а после 1913-го — ни одного.

Детские его годы протекли при царе Николае Втором Кровавом. Надо сразу заметить, что на Руси ни одного Александра, Петра, Павла, Михаила, Бориса, Николая радостного или веселого никогда не было. Был позже Борис... Николаевич, но это особая история.

Короче, внешних поводов для веселья у маленького Райкина было мало.

После Николая Второго царствовал Владимир Ильич Ленин. Как повелось на Руси, Ленин тоже был кровавый. Но больше он известен как вечно живой. Хотя он и умер. Райкин его пережил. И это косвенно говорит о том, что для природы ценнее умение смешить, чем умение проливать кровь.

Короче, при Ленине веселиться как бы и совсем было некогда.

Затем Райкину довелось пожить при Сталине, который совмещал две работы. Он был вождь и учитель. Это путало массы. Учитель говорил: кто не с нами, тот против нас. А вождь стоял на том, что, кто с нами, тот тоже против нас. Поэтому позже в исторических хрониках чаще стали поминать не 1913 год, а 1937 год.

Ни о каком веселье речь вообще уже не шла.

Затем на трон сел Никита Сергеевич Хрущев. Все вздохнули свободно... но выдохнуть уже не успели, потому что Никита Сергеевич мог показать каждому кузькину мать. И многим показал.

Он был как Райкин... самородок. И в этом смысле даже больше, чем Райкин, потому что был совсем необработан. Как и Райкин, он смешил народ. Но вознаграждались они по-разному. Никита Сергеевич получал очередной орден, а Аркадий Исаакович — очередной инфаркт.

Короче, инфаркт — это тоже не очень весело.

Затем долго и счастливо царствовал Леонид Ильич Брежнев по прозвищу Дорогой. Кто из молодежи совсем ничего о нем не знает, я скажу: это был высокообразованный военный. Маршал, лауреат Ленинской премии в области литературы. Был крайне плодовит. Известен феномен Брежнева — он не успел прочитать все, что написал.

Вот это были основные вехи на жизненном пути Аркадия Райкина.

Что можно сказать, подводя черту?.. Среди вождей были генералы, маршалы, генералиссимус. Но народ охотнее слушал, что скажет рядовой запаса Райкин.

Среди вождей были философы, языковеды, умеющие отличить художника от художника-пидараса, был лауреат Ленинской премии, но дворы в городах пустели только в одном случае, когда из какого-нибудь окна раздавался истошный крик: «Райкина показывают!»

Все всегда сравнивают всё с Западом.

И что ни возьмут — на Западе лучше. Вообще уже никакой гордости не осталось.

Ты вот возьми, кто у них на Западе нищий и кто у нас.

Наш нищий — самый образованный в мире! У нас в правительстве сейчас ученых сидит меньше, чем на паперти.

В Конькове возле ярмарки женщина на ста языках просит подать кто сколько может.

В Сандунах два академика на углу стоят, вообще разговаривают только с Богом, живут в четвертом измерении, к нам возвращаются помыться, поесть что дадут.

По социальному положению кто у нас среди нищих?

В Иркутске к начальнику милиции приводят бомжей, он свысока так:

— Фамилия, имя, отчество?

Эти говорят:

— Борис Годунов, Николай Романов, Владимир Красное Солнышко.

У нас никогда не знаешь, кто перед тобой стоит. Думаешь, сволочь какая-нибудь, а это Рюрикович, сильно обнищавший.

По специальности возьми. У них нищие — это отбросы общества, у нас — это сливки. У нас такой профессии нет, чтобы из нее нищие не вышли. Писатели есть! Полководцы! Национальных героев тьма! Врачи, учителя — сплошь нищие.

Возьми душевные качества. Наши нищие — все патриоты! Все в один голос говорят:

— Отцы, деды здесь нищими жили, и мы, даст бог, нищими здесь помрем!

Не только духовно, физически наши нищие крепче всех. Жалко, не проводят Олимпийских игр среди нищих. На всех пьедесталах стояли бы наши люди.

У метро толкнутся они с тапочками, с сигаретами; милиция появилась — хоп! нет никого! Секунды не прошло. Кто подпрыгнул на три метра, кто скакнул на ту сторону улицы, стоит торгует опять.

Таких нищих, как у нас, днем с огнем поискать. Так что не надо во всем преклоняться перед Западом.

Есть у нас еще чем гордиться.

Если хочешь жить

Если ты заработал миллион долларов

нечестным путем, тебя могут убить.

Вот если ты заработал миллион долларов честным путем! — то тогда тебя... могут убить. Такие деньги! Ты что?

Но если ты вышел на улицу без миллиона долларов в девять вечера... тебя могут убить. Конечно! Кто так поздно выходит?

Но вот если ты вышел на улицу в середине дня, то тебя... могут убить. Если ты из другой банды.

Но! Если ты вышел на улицу в середине дня и ты ни в какой не в банде и при тебе нет миллиона долларов... то тебя могут убить. Конечно! Перепутают с кем-нибудь, и все... Как говорится, бог дал, бог взял.

А вот если ты вышел на улицу в середине дня и ты ни в одной банде не состоишь, и сразу видно, что ты потомственный нищий и ни на кого ты не похож, даже на себя, то тебя... могут убить. Конечно!.. А просто так.

Так что думай сам: сколько тебе надо заработать, как одеться и во сколько выходить из дому, если ты действительно хочешь жить... в демократической стране.

Рождаемость

Меня тревожит это — рождаемость

падает. Казалось бы, сейчас время такое — чем еще заниматься?

Денег у тебя много, тогда понятно — не до этого. А когда шаром покати, чем еще заниматься-то?

Света, тепла нет — так казалось бы! Праздников! Десять дней... каждый месяц. Ну день погулял, ну два, а дальше что? Дикий случай возьмем — вылетело из головы. Но сейчас фильмы только про это. Так казалось бы! Все условия. Преступность! С восьми вечера до восьми утра на улицу не выйти. Так казалось бы!

Ну в окно посмотрел, ну в шкаф. Ну, на худой конец, почитал. Кто сейчас читает?

Казалось бы, уж хочешь не хочешь, а рождаемость должна откликнуться на ситуацию в стране. Нет! Не откликается.

Меня это беспокоит.

Анкета для чиновников

1. Брали ли вы когда-нибудь взятки?

(Если нет, какими психическими расстройствами вы страдаете?)

2. В какой валюте вы берете взятки?

(Если в рублях, обо что в детстве вы ударились головой?)

3. Когда входит посетитель, вы смотрите ему в глаза или в карман?

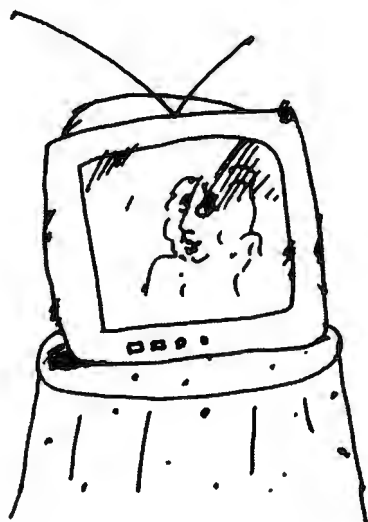
(Если в глаза, с какого года вы страдаете косоглазием?)

4. Есть ли условия, при которых вы прекратите брать взятки?

(Если есть, с какой высоты вы упали и почему не разбились насмерть?)

Раздел VIII

К И Н О
(сюжеты
для сатирического
журнала «Фитиль»)

АТАВИЗМ

Проходная. Вахтер. К вахтеру приближается Скрипухин.

СКРИПУХИН. Пока, Митрич.

ВАХТЕР. Будь здоров, Скрипухин... Стой! Раз-два!

Скрипухин испуганно замирает.

Повернись.

Скрипухин поворачивается спиной. Из-под пиджака у него торчит кончик лисьего хвоста.

Что же это ты? (Тянет за мех, из-под пиджака вылезает большой лисий хвост.) Не стыдно?

СКРИПУХИН. Это, Митрич, понимаешь..

ВАХТЕР. Перед людьми-то не стыдно?

СКРИПУХИН. Это, Митрич, атавизм. У одного из ста миллионов, как у диких предков, вырастает хвост..

ВАХТЕР. Рассказывай мне.

СКРИПУХИН. Честно, Митрич, так бывает, таких людей на земле, может, всего-то человек сорок.

ВАХТЕР. Сорок два.

СКРИПУХИН. Откуда ты знаешь?

ВАХТЕР. Все у нас работают. Но они следят за собой, а ты не успел устроиться — уже всю срамоту свою наружу. Заправь щас же!

Скрипухин прячет хвост, выскакивает на улицу. На стене проходной вывеска «Меховая фабрика».

Магазин, мясной отдел.

ПРОДАВЕЦ. Слушаю вас, бабушка. Что вы хотите?.. Говядины?.. Какой кусочек?.. На первое, на второе?.. На второе. На второе бабушке надо. Сейчас мы ей сочиним, что получше. Где он у нас самый лучший кусочек? А вот он на бабушку смотрит. *(Взвешивает.)* Три сорок пять. В кассу, пожалуйста.

БАБУШКА. Спасибо, милый, дай тебе бог здоровья.

ПРОДАВЕЦ. И вам, бабушка, здоровья, успехов и большого личного счастья. Кто следующий?.. Ты, сестричка?.. Красавица какая. Что ты хочешь?.. На студень?.. Сейчас подберем тебе. Давай подумаем сперва, как нам лучше сделать. Сколько ты гостей ждешь?

Недалеко от продавца с внутренней стороны прилавка останавливается Первый в белом, чистом халате, видимо, заведующий. Недовольно наблюдает за Продавцом. К нему подходит Второй в белом халате.

ВТОРОЙ. Опять?

ПЕРВЫЙ. Надо кончать с этим.

ВТОРОЙ. Он нас всех под монастырь подведет.

ПРОДАВЕЦ. Сейчас, сестричка, мы из-под прилавка достанем. Здесь кто-то для себя отложил. *(Взвешивает.)* Та-ак. Четыре тридцать пять. Виноват! Четыре двадцать семь. Не надо никаких благодарностей, это моя работа, мой долг. А вы, товарищ, что вы мне подмигиваете? Не знаю я никого и ничего. Встаньте в общую очередь. Порядок один для всех.

К Первому и Второму подходит Третья в белом халате.

ТРЕТЬЯ. Что случилось?

Первый безнадежно, в сердцах, машет рукой, уходит.

ВТОРОЙ (Третьей). Сидоров! Опять вышел на работу в нетрезвом виде.

Древний секрет

Новый дом. Отделочные работы. Комната. Маляры.

ПЕРВЫЙ. Эту стену просили в розовый цвет покрасить. *(Макает кисть в ведро, красит — на стене остается бледно-розовый след.)*

ВТОРОЙ. Срамота, а не краска!.. А в древности знали секрет, века держится, как будто вчера покрасили. Утеряли рецепт, теперь не угадаешь.

ТРЕТИЙ. Может, желток добавляли?

ПЕРВЫЙ. Сам ты желток.

ТРЕТИЙ. Может, смолу добавляли?

ПЕРВЫЙ. Сам ты смола.

Все расстроены. Первый достает деньги, протягивает Третьему.

ПЕРВЫЙ. Слетай, возьми. С горя примем. Только мигом. Третий согласно кивает, захлопывает дверь, тут же ее открывает, в руке у него бутылка портвейна.

Молодец! *(Откупоривает бутылку.)*

В прихожей слышны голоса.

ГОЛОС. Проходите сюда. Здесь та же история.

ПЕРВЫЙ. Начальник управления! *(Сливает портвейн в ведро с краской.)*

Второй и Третий загораживают его. Входят Начальник и Посетитель.

НАЧАЛЬНИК *(показывает на стену).* Видите?.. Разве это краска?.. Можем при вас попробовать.

Начальник берет кисть, мешает краску в ведре, делает на стене мазок — след слепяще яркий, веселый. Все в недоумении замирают.

ПОСЕТИТЕЛЬ *(пробует мазок пальцем).* Уже высох!

Начальник и Посетитель осторожно берут ведро, несут его к выходу.

ПЕРВЫЙ *(достает из телогрейки пустую бутылку портвейна).* Что пьем, а?!

Забота

Институт. Идет конкурс проектов. На сцене — председатель, члены приемной комиссии и три защитника проектов.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. По просьбе Управления складских помещений наш институт разработал три проекта складских помещений. Прежде чем рассматривать их, представлю членов приемной комиссии. Доктор наук профессор Интегралов Герасим Трофимович.

Интегралов встает, кланяется.

Архитектор Кирпичев Арнольд Бенедиктович.

Кирпичев встает, кланяется.

И председатель складского хозяйства города Семилапов Михаил Михайлович.

Семилапов кивает головой.

Пожалуйста, проект номер один.

Выставляется проект номер один.

ЗАЩИТНИК ПЕРВОГО ПРОЕКТА. Как видите, основное достоинство проекта заключается в том, что при той же площади емкость складских помещений увеличивается вдвое.

СЕМИЛАПОВ. Хороший проект.

ИНТЕГРАЛОВ. Не пойдет.

СЕМИЛАПОВ. Почему?

ИНТЕГРАЛОВ. Есть один существенный недостаток. Территория склада совершенно лишена зелени. А мы в первую очередь должны думать о тех, кто работает на складе.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Проект номер два.

Выставляется проект номер два.

ЗАЩИТНИК ВТОРОГО ПРОЕКТА. Как видите, основное достоинство проекта заключается в том, что склад не только озеленен, но и емкость помещений увеличена втрое.

СЕМИЛАПОВ. Хороший проект.

КИРПИЧЕВ. Не пойдет.

СЕМИЛАПОВ. Почему?

КИРПИЧЕВ. Есть один существенный недостаток. Проект не предусматривает зон отдыха, пунктов питания, нет комбината бытовых услуг с химчисткой, прачечной, ремонтом обуви и так далее. А мы в первую очередь должны заботиться о тех, кто работает на складе.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Проект номер три.

Выставляется проект номер три.

ЗАЩИТНИК ТРЕТЬЕГО ПРОЕКТА. Как видите, склад озеленен, предусмотрены зоны отдыха, питания, бытовых услуг.

СЕМИЛАПОВ. Отлично!

ЗАЩИТНИК ТРЕТЬЕГО ПРОЕКТА. Емкость помещений увеличена вчетверо.

СЕМИЛАПОВ. Прекрасно!

ЗАЩИТНИК ТРЕТЬЕГО ПРОЕКТА. Главным же достоинством является то, что склад построен в форме лабиринта и вынести что-либо с его территории невозможно.

СЕМИЛАПОВ. Не пойдет!

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Почему?

СЕМИЛАПОВ. А вам об этом сегодня уже не раз говорили! В первую очередь надо думать о тех, кто работает на складе.

КОРРЕСПОНДЕНТ. Добрый вечер, товарищи телезрители. С праздником вас! Здоровья вам, удачи, любви, успехов в труде, всего, всего самого лучшего! А в первую очередь, конечно, большого личного счастья!

Вот эта, утопающая в вечерних лучах солнца местность — старинное русское село Мясоедово. Много повидало оно на своем веку: хазары, печенеги, татаро-монголы. Сегодня здесь мы. Дедушка, здравствуйте.

ДЕД. Здравствуй.

КОРРЕСПОНДЕНТ. С праздником вас! Скажите, сейчас лучше стало жить?

ДЕД. Чем когда?

КОРРЕСПОНДЕНТ. Чем раньше... Ну, хоть лет тридцать тому назад.

ДЕД. Тридцать?.. Тридцать лет назад мы же ничего не имели. Никита же все отобрал.

КОРРЕСПОНДЕНТ. Значит, сейчас лучше стало жить?

ДЕД. Чем когда?

КОРРЕСПОНДЕНТ. Чем тридцать лет назад.

ДЕД. А чем лучше?

КОРРЕСПОНДЕНТ. Не имели тогда ничего.

ДЕД. Так мы и щас ничего не имеем.

КОРРЕСПОНДЕНТ. Сейчас, дедушка, вы имеете гласность. Это — очень много. Можно открыто говорить обо всем, что наболело, обо всем, что у нас плохо. Раньше об этом и подумать было нельзя.

ДЕД. Почему?.. И раньше думали, что у нас все плохо.

КОРРЕСПОНДЕНТ. Не помню, товарищи, говорил я вам или нет: вот эта, утопающая в последних лучах солнца местность, — старинное русское село Мясоедово.

во. А вас, дедушка, я хотел спросить: ведь лучше стало жить?!

ДЕД. Чем когда?

КОРРЕСПОНДЕНТ. Чем сорок лет назад.

ДЕД. Сорок?.. Это после войны... В магазин при-
дешь — и деньги есть, а купить нечего. Карточки ввели
на продукты, талоны были на масло там, на сыр.

КОРРЕСПОНДЕНТ. Дедушка, а пятьдесят лет назад
что было?

ДЕД. Пятьдесят?.. Преследовали почему зря.

КОРРЕСПОНДЕНТ. Как они выглядели, эти изверги?

ДЕД. Да как?.. Люди как люди, как сейчас все выгля-
дят.

КОРРЕСПОНДЕНТ. Спасибо, дедушка, у нас к вам ос-
тался только один вопрос. Что было шестьдесят лет на-
зад?

ДЕД. Шестьдесят?.. Тогда от голода много умерло.
Жуткое дело.

КОРРЕСПОНДЕНТ. А сейчас от голода не умирают.

ДЕД. Шас нет... Шас от радиации.

КОРРЕСПОНДЕНТ. Дед!

ДЕД. Что?

КОРРЕСПОНДЕНТ. Вот эта местность — старинное
русское село Мясоедово, а я тебя последний раз спраши-
ваю: лучше стало жить?!

ДЕД. Чем когда?

КОРРЕСПОНДЕНТ. Чем при хазарах!

ДЕД. При хазарах?.. Тогда все предали огню и пожа-
рам.

КОРРЕСПОНДЕНТ. Значит, сейчас лучше стало
жить?!

ДЕД. А чем лучше?

КОРРЕСПОНДЕНТ. Пожаров нет.

ДЕД. Так гореть нечему.

КОРРЕСПОНДЕНТ. Дедушка... сгинь к чертовой мате-
ри. Лучше бы я делал передачу не из села, а из города.

ДЕД. А чем лучше-то?

КОРРЕСПОНДЕНТ. Еще раз вас с праздником, това-
рищи телезрители, до свидания. Всего, всего вам самого
хорошего: здоровья, удачи, счастья, чтобы дом полной
чашей! В общем, чтобы все было... как до хазар.

Прихожая в богатой, но безвкусно обставленной, скорее даже загроможденной квартире. Звонок в дверь. Открывает безвкусно одетая женщина — на пороге слесарь-водопроводчик.

СЛЕСАРЬ. Слесаря вызывали?

ХОЗЯЙКА. Вызывали. Проходите. Только ради бога! Осторожнее, это паркет восемнадцатого века.

СЛЕСАРЬ (*смотрит под ноги, не сразу*). До новой эры?

ХОЗЯЙКА (*снисходительно улыбается*). После.

Оба на цыпочках идут на кухню.

СЛЕСАРЬ. А то тут один мужик достал до новой эры.

ХОЗЯЙКА (*хватается за сердце*). Не может быть!

СЛЕСАРЬ. Я тебе говорю. Из Рима привез. У него кореш проводником работает. По тому паркету вообще ходить нельзя.

ХОЗЯЙКА. А как же они?

СЛЕСАРЬ. Ползком.

ХОЗЯЙКА. Зато у нас кресло сиамское. Сидели вы в таком? Кактус японский! Видели вы такой?

СЛЕСАРЬ. Сидел я на таком кактусе. Вот я видел кактус у одного мужика. Мохероносный.

ХОЗЯЙКА (*хватается за сердце*). Какой?

СЛЕСАРЬ. Мохероносный. Мохер из него прет, сто граммов в сутки.

ХОЗЯЙКА (*неуверенно*). Но холодильник у нас... шесть ведер входит.

СЛЕСАРЬ. Я у одного мужика видел, теща входила.

ХОЗЯЙКА (*хватается за сердце*). Не может быть!

СЛЕСАРЬ. Я тебе говорю, возьмет чего надо и назад. Этот кран заменить?

ХОЗЯЙКА. Этот.

СЛЕСАРЬ *(достает ключ, возится с краном)*. Что ты! Народ совсем с ума посходил. Прямо болезнь какая-то. Я с кранами замучился. Одному сделай, чтобы не гудело, другому, чтобы гудело, как в Нидерландах, третьему, чтобы как в Бразилии. Перед тобой был у одного мужика, в ногах валялся: «Сделай, чтобы шипело, как в Гандуриле!»

ХОЗЯЙКА. Да такой страны нет!

СЛЕСАРЬ *(удивленно смотрит на нее)*. Ну, да?! А я сделал.

ХОЗЯЙКА *(хватается за сердце, переводит дыхание)*. А мне бы вы не могли?

СЛЕСАРЬ. Что?

ХОЗЯЙКА. Что-нибудь в этом роде. Кран, чтобы ни у кого такого не было.

СЛЕСАРЬ. Могу. *(Достает здоровенный ключ.)* Век будешь благодарить. Гости придут — и в обморок! *(Что-то делает с краном.)* Готово.

ХОЗЯЙКА *(зачарованно смотрит на кран)*. А чей он?

СЛЕСАРЬ. Неандертальский. Шумит, свистит, шипит, гудит. *(Включает кран.)* А не работает.

Кран лихорадочно трясется, вместо воды из него идет хриплый хохот.

Дерзкая мысль

— **Р**азрешите?

— Разрешаю.

— Товарищ директор, я к вам с дерзкой мыслью.

— Хвалю.

— Что, если нам у входа повесить плакат: «Пусть помнит каждый из нас: работе — время, потехе — час»?

— Мне нравится. «Пусть помнит каждый из нас: работе — время, потехе — час». Очень хорошо, смело и кстати.

— Сказать, чтобы написали?

— Сказать.

— Большими белыми буквами на синем фоне?

— Лучше синими на белом.

— Понимаю.

— И небольшими.

— Понимаю.

— И короче.

— «Каждому из нас: работе — время, потехе — час»?

— Еще короче.

— «Работе — время, потехе — час».

— А ну, еще короче!

— «Потехе — час».

— Мне нравится.

— Сказать, чтобы делали?

— Сказать. Только «Потехе — час» как-то непривычно.

Напишите: «Обед с часу до двух». Так будет хорошо, смело и кстати. Ну, идите, дерзайте дальше.

ЕДИНСТВЕННЫЙ ВЫХОД

— Эй, ты чего на крыше делаешь?

— Я — самоубийца.

— А-а-а, тогда ладно. А канистра зачем?

— Подождусь и брошусь, чтобы наверняка.

— Это вряд ли. Наверняка у нас ничего не может быть. Время смутное.

— А что мне помешает?

— Зацепишься за что-нибудь.

— А я тогда камень на шею — и в омут.

— Да сейчас захламили все реки. Упрешься ногами в мусор и будешь болтаться над водой, как кувшинка.

— Застрелюсь!

— Не. Или в сторону выстрелит, или порох сырой окажется. Сейчас все делают наспех.

— Под поезд брошусь!

— Они все опаздывают.

— Повешусь я!

— С ума сошел? Строят-то как — или крюк не выдержит, или веревка лопнет.

— Грибов ядовитых наемся!

— Тоже вряд ли. Сейчас не узнать, какие ядовитые, какие съедобные.

— Голодом себя заморю!

— Не понял.

— Голодом себя заморю!

— Интересно! А мы все чем занимаемся?.. На это как раз вся жизнь уйдет.

— Мужик.

— Что?

— Что же мне делать-то?

— А один только выход у нас. Надо начать жить хорошо!.. Как начнешь жить хорошо, так тебя и прихлопнут.

— **Н** у что, русский,

загадочная твоя душа, не выпьешь ведро водки?

— Ведро и лошадь не выпьет.

— Лошадь не выпьет. А ты-то — русский!!!

— Ну, зачем мне?.. Ни с того ни с сего. Смысл какой?

— Смысла никакого нет.

— Рабочий день только начался, ни копейки еще не заработал.

— А выпьешь, с тебя еще вычтут.

— Тем более. Домой придешь, как свинья.

— А то еще и приползешь.

— А то еще и приползешь, как гад. Дома скандал, слезы.

— Еще хорошо, а то — истерика.

— Тем более. Посуда вдребезги, одни убытки.

— Да не убытки, разорение.

— Тем более. И кому я чего докажу?

— Никому ничего ты не докажешь.

— Если бы ради какого-то большого дела!

— Ни для какого дела. Просто так.

— Глупость то есть.

— Да, дурость, и все.

— То есть всю жизнь корове под хвост?

— Не просто корове, а какой-нибудь больной корове.

— Получается — все против того, чтобы мне пить.

— Получается, что против. Ну, тогда извини.

— Стой! Вот когда все против тебя, обязательно надо выпить. Давай ведро.

— Загадочный народ!.. Зато теперь никаких забот тебе.

— Самая теперь забота нам.

— Какая?

- Это — тайна.
- Скажи.
- Это — русская тайна!
- Скажи, я никому. Какая забота?
- Где достать второе ведро.
- Зачем?
- А вот этого даже мы не знаем.

Обмен опытом

Вокзал. Из поезда выходит перезрелая девушка в подвенечном платье и фате. Навстречу ей бросаются люди.

Поодаль стоят две старушки.

ПЕРВАЯ. Мать-то радая, соскучилась.

ВТОРАЯ. Соскучишься. Считай, год без дочери. То она в Москве была на конкурсе невест, то по Союзу ездила, опытом делилась.

ПЕРВАЯ. А жених-то где?

НЕВЕСТА (в окружении родных). А Коля где?

Все озираются.

— Куда Николай делся?

— Коля-то где?

ПАРЕНЬ (мрачно). Коля просил извиниться, что не встретил. Он вчера женился.

Утро. Комната. Мужчина бреется электробритвой. Свободной рукой включает приемник.

ГОЛОС ИЗ ПРИЕМНИКА. ...оглушительный взрыв. Разрушено два жилых квартала. Как полагают специалисты, взрывное устройство было вмонтировано в электробритву, которой премьер-министр имел обыкновение бриться.

Выключает электробритву и приемник, недобритый идет на кухню. На электроплите — чайник. Включает радио.

ГОЛОС. ...на месте, шесть человек ранено, один находится в тяжелом положении. Как полагают специалисты, самодельная бомба была подложена в электроплиту. При нагревании...

Бросается к плите, выключает чайник, смотрит на часы. Голодный, небритый начинает быстро одеваться. Спешит к автобусной остановке. Подходит автобус. Мужчина норовит сесть. Из автобуса радийный голос.

ГОЛОС. ... такой силы, что автобус потерял управление, пробил ограждение на дороге и вместе с сорока девятью пассажирами упал с высоты двенадцатизэтажного дома. Специалисты полагают...

Мужчина выпрыгивает из автобуса и бежит к метро.

Вагон метро. Мужчина задумчиво улыбается.

Рядом сидящий пассажир, оставив чемоданчик, идет к схеме станций метро.

Мужчина безразлично смотрит на чемоданчик... слышит тиканье часов. Испуганно озирается. Что-то роняет на пол девуш-

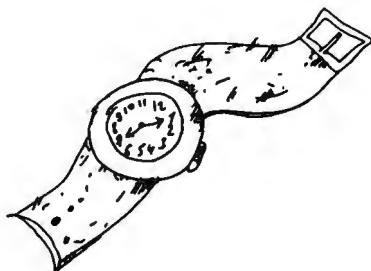
ка, стоящая у схемы метро. Владелец чемоданчика галантно нагибается поднять оброненное. Герой наш не видит обладателя чемоданчика — он исчез! Часы тикают!.. Мужчина хватается за чемоданчик, бежит к двери вагона, с силой раздвигает их, выбрасывает чемоданчик, возвращается на место, счастливо улыбается... Слышит тиканье часов.

СОСЕДКА. Будильник встал, везу в ремонт, а он пошел!

Возвращается владелец чемоданчика, вопросительно и недобро смотрит на героя.

ГОЛОС ИЗ ПРИЕМНИКА. ... был избит в вагоне метро и не приходя в сознание...

Мужчина падает в обморок.

Отверженный

Улица. Вечер. Столб. Держась за столб, стоит молодой мужчина. Мимо идет старушка.

СТАРУШКА. Не с сердцем ли что?.. Молодой человек, ты что домой не идешь?

МУЖЧИНА. Нельзя.

СТАРУШКА. Почему?

МУЖЧИНА. Не пустят.

Старушка. Так на работу вернись.

МУЖЧИНА. Не пустят. Нельзя.

Старушка тянет носом воздух, осуждающе качает головой.

СТАРУШКА. В парк иди, проспись.

МУЖЧИНА. Не пустят, нельзя.

СТАРУШКА. Тогда в лес ступай. Сейчас через подземный переход...

МУЖЧИНА. Подземный переход — общественное место. Нельзя, не пустят.

Старушка *(растерянно смотрит на него)*. Тогда иди назад, где был.

МУЖЧИНА. Не пустят, нельзя. *(Плачет.)*

Недалеко от них открывается крышка канализационного колодца.

МУЖЧИНА *(обреченно)*. Мне, мать, одна дорога. *(Направляется к колодцу.)*

Из колодца наполовину высовывается мужчина в форме дорожного рабочего.

МУЖЧИНА *(затравленно озирается)*. Что же теперь? Едет милицeйская машина. Мужчина счастливо смеется, бросается ей наперерез.

МУЖЧИНА. Стой! Сто-ой!!

Машина резко тормозит.

(Открывает дверь). Пустите.

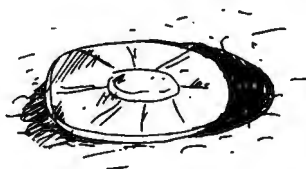
В машине задержанные, такие же, как он, свободных мест нет.

Пяный в машине. Куда?! Полно уже! Нельзя!!

Дверь захлопывается, машина уезжает.

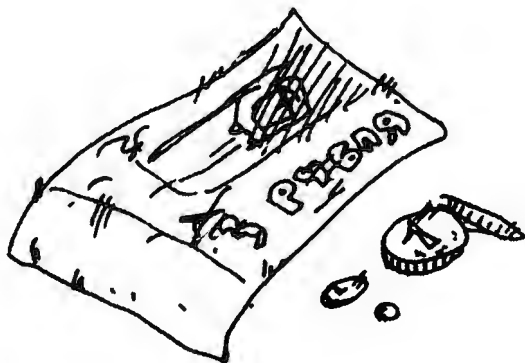
МУЖЧИНА. Ну уж, нет. *(Бросается в погоню.)*

Мы видим, что он перегоняет машину, преграждает ей путь. Машина останавливается, забирает Мужчину, едет дальше.

Раздел IX

Веселый мусор

Помоги машину занести

Человек купил себе новые

«Жигули». Дня через три поехал купить жене новую стиральную машину. В магазине ему помогли водрузить стиральную машину на багажник.

Возле дома ищет, кто бы ему помог снять стиральную машину с багажника. В окно на втором этаже выглядывает знакомый.

— Здорово.

— Здорово.

— Машину вот новую купил. *(Кивает на стиральную машину.)*

— Да я вижу. *(Смотрит на «Жигули».)*

— Не поможешь занести?

— Кого?!!

— Машину.

— Куда?

— В дом.

.....

— На третий этаж?

— Да.

— А в гараж не хочешь поставить?

— А что ей в гараже делать? Она дома нужна.

.....

— В лифт не войдет.

— Войдет.

— Не донесём.

— Донесем. Да я один донесу, ты только помоги с багажника снять.

— А-а-а! Йё!

О влиянии радио на детские умы

Рассвет застоя. Крым. Ночь.

Опоздали на последний автобус. Бредем с женой и дочкой вдоль берега моря, дочке уже пять лет, нести ее на руках несколько километров тяжело. Пытаюсь заговорить ее. Рассказываю про дельфинов: какие они умные, как они спасают детей, помогают людям, у них свой язык, они веселые, дружные и опять очень умные. Умнее их нет никого.

Дочка выслушивает всю эту пропаганду в пользу дельфинов. В глазах удивление. Потом говорит:

— А все равно Ленин умнее дельфинов.

Красивые места

Телевидение затеяло передачу

обо мне. Решено снимать на природе. Надо подобрать пару площадок. Где самые красивые места?

Соучастником забот случайно стал один из руководителей уголовного розыска Московской области. Он вызвался быть проводником, «я знаю всё Подмосковье!».

Рано утром с режиссером и оператором заезжаем за ним в г. Одинцово. Поехали. Высматриваем места.

— Сейчас заедем в одно отделение. По пути. Там знакомый полковник, он здесь вырос.

Заезжаем. Заходим к полковнику.

— Места красивые нужны.

— У нас! А где еще?.. Я сам покажу. Через десять минут едем.

Через десять минут просят пройти во двор отделения. Там беседка, накрыт стол: коньяк, водка, закуски.

— А то ничего не разглядим.

Через час тронулись в путь, полковник исчез куда-то.

Едем. Высматриваем красивые места.

— Сейчас заедем в одно отделение. По пути. Там такие места!

Заезжаем. Заходим. Полковник.

— Какие места? Да вот прямо здесь и снимайте. А можно с полкилометра отъехать к ручью. Сейчас я с вами сам. Десять минут.

Проходим в беседку, там стол: коньяк, водка, закуски.

— Чего же, время к обеду. Где вы потом поедите?

Заправились. Поехали. Полковника куда-то вызвали.

Так раз шесть. Уже все места стали казаться красивыми, но тут на Подмосковье опустилась вечерняя мгла.

Знаменитое Подмосковье. САМОЕ красивое место трудно найти даже с помощью милиции, все время подводит гостеприимство, тоже очень знаменитое.

Это не я!

Д ача. Внуку Коле три года,

соседу Саше три с половиной. Закадычные друзья. Досуг посвящен мелкому разбою — набегу на грядки с луком и морковью. Застать на месте преступления не удастся, хитры и осторожны. В случае чего спасаются тем, что велят вину друг на друга — где правда не разобрать.

Захожу за дом — стоит мой в одиночестве, поедает только что сорванный, несмотря на строжайший запрет, лук.

— Кто же это рвет лук?

Глаза затравлены.

— Это Сашка.

— Это не Коля стоит передо мной и ест грязный лук?

— Нет! Это — Сашка!

Совесть не выдерживает, убегает.

П уристический теплоход. Плыдем

в Китай с заездом в Северную Корею. Вот она — Корея. Чем-то напоминает наши стародавние времена: везде памятники КИМ ИР СЕНУ, его портреты, плакаты, где он с детьми, рабочими, интеллигенцией.

Нас ведут обедать в ресторан. В общественных помещениях из-за экономии электроэнергии температура на восемь градусов выше, чем на улице. На улице сейчас минус восемь. В ресторане — ноль. Пальто не снимаем. Столы огромные, круглые, человек на десять.

Сразу оговорюсь, подается много блюд, блюд пятнадцать.

Среди нас кавказец, он знает, что корейцы едят собак. Он настороже. В первое же блюдо тычет пальцем, спрашивает: «Собака?» Официантка по-русски говорит примерно так же, как он по-корейски. Тогда сообразительный кавказец начинает лаять. Сообразительная официантка отрицательно качает головой.

Всё бы ничего, но кавказец не посмотрел на очередное блюдо, ткнул пальцем и вопросительно полаял. Это сбilo официантку — на тарелке лежала рыба. Уж рыба-то точно не «гав-гав». Тогда что такое «гав-гав»?.. Она продолжала улыбаться и качать головой.

После одиннадцатого блюда принесли на железных треногах раскаленные булыжники и тонкие лоскуты сырого мяса. Каждый сам жарил его на булыжнике. Вкусно необыкновенно. Все увлеклись, и вместе со всеми кавказец. Тем более что сбита с толку официантка опять покачала головой.

После обеда в нас всё-таки закралось сомнение насчет вкусного мяса: не собачатина ли? Кавказец побледнел и куда-то исчез.

А не говори корейским девушкам, что рыбы могут лаять!

На костылях

В Екатеринбурге ко мне

очень хорошо относятся, и я их всех люблю. Звонят — просят приехать, а у меня сломана нога, я на костылях. Говорят: ничего страшного. Полетел.

Концерт. Закрывают занавес, выводят меня к микрофону, костыли забирают. Занавес открывается — стою в коричневом ботинке и коричневом носке, из зала незаметно.

Читаю двадцать минут. Не отпускают. А я же на одной ноге! И я же не цапля. Сейчас рухну. Занавес заело. Тогда открываю рот, но не говорю — якобы микрофон испортился. Тут же выходит человек на моих костылях, дает мне их поддержать, начинает «чинить» микрофон. Я на «его» костылях под хохот ухожу.

Когда он «починил» и без костылей побежал за мной, зал почему-то тоже засмеялся.

Звоню с работы домой.

Дочке четыре года, снимает трубку, голос зареванный.

— Что ты плачешь?

— Меня мама наказала. Я разбила чашку. Нечаянно.

Ты заступишься за меня?

— Заступлюсь.

— Скажешь ей, что я нечаянно?

— Скажу.

— Только строго скажи.

— Хорошо.

— Очень строго.

— Хорошо, хорошо.

— А можешь ты её нашлапать и сказать, что я нечаянно разбила?

— А её за что же нашлапать?

— За чашку.

— Но ведь не она разбила, а ты.

— Ну и что? Она тоже когда-нибудь разобьет.

Конец пятидесятих.

Моего старшего товарища Альберта Батракова призвали в армию. Проводы. Длинный стол, крестьянско-пролетарская родня. Рядом со мной один дядька Алика, напротив другой. У них какой-то свой непонятный разговор.

— Идет?

— Не идет.

— Идет?

— Не идет.

Часа через три вышли на улицу погулять. В пять утра последний присест перед проводами к пункту сбора.

Захожу в комнату. Там двое — дядья, они никуда не выходили.

— Пошла?

— Не пошла.

— Что же такое?!

Все сели, налили, чокнулись, выпили.

— Пошла!

— И у меня!

Это они, оказывается, всю ночь пили водку без радости, она не шла. И вот пошла! А тут выходить пора. Нескладно устроена жизнь... А дядьки крепкие были.

Смешливый негр

Русский ресторанчик

в Арабских Эмиратах. Еду пока не подают — идет концерт. Выступаю я. Публика немногочисленна, но прием теплый. Вчера был большо-ой в пятизвездочном «Шаратоне». А сегодня хозяин ресторанчика уговорил организаторов турне провести концерт у него, он заманивает публику, оплата мне гарантирована. Почему бы и не перехватить лишние деньги, здесь они пригодятся.

Всё идет хорошо. Появляется какой-то огромный и, видимо, очень богатый негр. С ним свита и переводчик.

Негру переводят — он смеется... Но с опозданием в минуту, не там, где нужно, и даже там, где совсем не нужно. Публикой управляют свои таинственные законы. Она сперва недовольна появлением нового зрителя и его запоздалым смехом, потом с нарастающим нетерпением ждет этого смеха и еще раз смеется вместе с негром.

Наверное, это действительно смешно, человек смачно смеется там, где несмешно, тому, что было смешно мину-ту назад.

Все довольны, больше всех негр. Я не знаю только, должен ли я делиться с ним гонораром.

Екатеринбургу 275 лет.

Слетаются, съезжаются гости. В одиннадцать вечера я в аэропорту. Меня просят подождать, вот-вот прилетит самолет из Санкт-Петербурга, в самолете Александр Демьяненко, легендарный Шурик.

Вдвоем едем в гостиницу. Новую. Только сегодня открытую. Специально к юбилею. Всего десять номеров. Нас ждет поздний ужин.

Перед ужином пожелали за свой счет выпить пива. Александр по этикеткам пытается выбрать хорошее. Ему советуют: «БИР-55». И стоит пятьдесят пять рублей. И неплохое пиво.

На следующий день возвращаемся в гостиницу с приемов и банкетов и... решаем пропустить еще по кружке пивка. Александр заказывает:

— Две «БИР-55».

ОФИЦИАНТ:

— Это — «БИР-110».

Мы с Сашей переглядываемся — неужели перепутали. Нет, это самое пиво.

— Нам «БИР-55», — твердит Саша.

— Нету. Есть «БИР-110».

— А вчера мы пили «БИР-55». Точно такое же.

— Это «БИР-110».

— А где «БИР-55»?

— «БИР-55» до двенадцати ночи, а сейчас пять минут первого и цены ночные, двойные.

«БИР-110» мы решили не пить, потому что, черт его знает, какое может оказаться пиво.

Володя Алексеенко,

ближайший приятель, надумал жениться. Я — один из тех, чье одобрение должно окончательно склонить его к браку. Иду к нему в гости на обед, который приготовила претендентка Людмила. Чревоугодие по нашему с ним мнению — одна из важнейших составляющих семейного счастья. Сама претендентка хороша, но это же не главное. Как готовит?

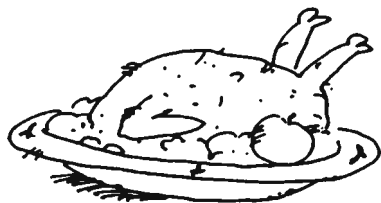
На первое курица с лапшой. Вроде бы ничего. Володя держится индифферентно, дескать, чувства ни при чем, что покажет экспертиза (это я), то и покажет.

Тут я добрался до желудочка, откусил от него — у меня полон рот мелких камешков и того, что у курицы в желудке не успело переработаться. Немая сцена. Невеста застыла.

Володя побледнел. Чем он будет питаться в будни, если по праздничным дням друзей дома кормят г...ом? Я уже ничего не могу сделать, поскольку, как говорится, факт налицо.

Когда Володя сказал: «Это я готовил первое», я убедился, что любовь сильнее не только смерти, но и чревоугодия.

Он готовил! Он не знает, откуда у курицы растут ноги.

Туляет компания.

Муж с женой, люди средних лет, поспорили — кто из них привлекательнее. Решили так: они пойдут по разным сторонам улицы в одном направлении, свидетели сзади — на кого из двоих больше будут оборачиваться, тот и привлекательнее.

Вышли на улицу. Лето. Теплынь. Она — красавица, он — обыкновенный. На неё оборачивается каждый третий, на него все!

Она расстроена и удивлена. Проспорила бутылку коньяка.

На следующий день жену встречает знакомая, спрашивает: «Что с твоим мужем? Вчера попался навстречу, идет — язык высунул, все на него оборачиваются!»

Божье дело

Мое родное отделение

милиции первым в Москве решило освятить помещение. Пригласили телевидение. Попросили меня поприсутствовать. Я стою в строю, телевидение снимает.

Отец Александр заходит в отделение — окропляет, крестит, словом, священнодействует.

По еще более древнему обычаю такого рода торжественное мероприятие полагается обмыть. Милицейское начальство растерянно — нет кагора. Почему-то они решили, что священники на Руси пьют только кагор. Я успокоил их и попросил отца Александра благословить трапезу.

Неплохой заменой кагору стали коньяк и водка, поздно вечером возвращаюсь домой. Жена, человек верующий, ахает:

— Где же это ты? С кем?

— С отцом Александром!

Она успокоилась, в этот раз не пьянка, а божье дело. Я мотаю на ус.

Начало популярности. Небольшой

город, стою около гостиницы. Подходит мужчина.

— А я вас узнал.

— Очень приятно. Спасибо.

— Вы — артист.

— Не совсем.

Он оглядывает меня с головы до ног, говорит:

— С трех раз точно скажу.

— Один раз уже был.

— Еще два осталось.

Смотрит на меня — и я прямо чувствую, как у него в голове работает счетная машинка.

— Вы — диктор.

— Ближе.

Он показывает палец, дескать, еще одна попытка осталась. Я понимаю, что отгадать невозможно — всего раза четыре выступал по телевидению, но интересно, что скажет. Он говорит:

— Вы — Трушкин.

Как вычислил?! Но приятно. Вот она, слава. Из глубин памяти всплывает «и всякий сущий в ней язык... и ныне дикий» и так далее.

А вот история тоже времен начала популярности, но погрустнее. Москва. Останкино. Приехал на съемки пораньше, прогуливаюсь возле пруда. Навстречу двое.

— Здорово!

Я задумался, не ответил. Да и не встречал я их никогда в жизни. Слышу только:

— Видел?! Сто лет его знаю, перестал здороваться. Ну, пакия! А рожу-то наел! Во народ пошел.

Неприятно. Нет настоящей популярности. Откуда-то всплывает: «и никто не узнает, где могилка моя».

Как я пахал

Вздумали с тестем

вспахать под картошку часть огорода. Тесть ведет лошадь, я веду соху. Соха легкая, кажется, сейчас вспашем всё играючи.

Прошли одну борозду — что-то давит в груди и борозда почему-то кривая. Лошадь почему-то все время наступает тестю на ногу.

Прошли еще три борозды. Думаю о том, что после пахоты приму душ, выпьем с тестем, поужинаем плотно, почитаю и спать.

Еще через три борозды думаю: приму душ, выпьем с тестем, поужинаем легко и спать.

Еще через три: приму душ, выпью и спать.

Потом: душ и спать.

Закончили. Добрался до сеновала и заснул мертвым сном. Покрестьянствовал.

Ночь. Возвращаюсь домой после

банкета. Выпивши, но несильно. Жена не любит, когда и несильно. На всякий случай подкрадываюсь к квартире, чтобы никого не разбудить. Время?.. Пятнадцать минут двенадцатого. Присел на корточки (расшнуровываю ботинки). И тут меня зашатало. На корточках!! Я же немного выпил! Значит, не я, здоровье пошатнулось. Это плохо.

Вхожу в квартиру — спят. Быстро-быстро раздеваюсь и в постель. Что же всё-таки со здоровьем? Ладно — утро вечера мудренее. Спать! Смотрю на люстру, она раскачивается. Вот до чего я допился. Господи, даю тебе слово: «Зарекаюсь пить».

Утром по радио: «Вчера в двенадцатом часу ночи до Москвы дошла волна от сильного землетрясения в Средней Азии. Первый толчок силою в два балла произошел в пятнадцать минут двенадцатого...» и так далее.

Значит, я крепок и здоров! Господи, клятва вырвана из меня насильственным путем с применением землетрясения. Я беру свои слова назад.

Махмуд-оглы Трушкин

Лет тридцать уже тому назад купили

дом в деревне в Орловской области. Станция железнодорожная Бастыево — маленькая, останавливается из Москвы только один поезд дальнего следования, билетов на него вечно нет. Что делать? Минут за пятнадцать до отхода поезда подхожу к проводнице:

— Как фамилия бригадира?

— Кондрашкин.

Нахожу бригадира:

— Здравствуйте. Разрешите представиться — писатель Кондрашкин. Может, слышали... Очень нужно на ваш поезд. Выручайте.

— Как вы сказали фамилия ваша?

— Кондрашкин. А что?

— Я — тоже Кондрашкин.

— Ну, нет! Так не бывает.

— Бывает, бывает. Пройдите к восьмому вагону, я сейчас освобожусь.

Всю дорогу он выяснял, откуда я родом, не знаю ли дядю Федю Кодрашкина, не было ли у нас в роду рыжих, не служил ли я сам в Германии. Я уже испугался — не должен ли я кому-нибудь из его родни. Все обошлось, доехал.

В следующий раз прибегаю на вокзал к тому самому поезду. Пять минут до отхода, билетов нет. Я к проводнице: «Как фамилия бригадира?» Она отвечает: «Махмуд-оглы Кербабаев».

— Ну, все, — думаю, — бог шельму метит.

Уже зеленый свет дали, состав дрогнул. И тут!.. проводница из тамбура смотрит на меня, говорит:

— А вы не писатель Кондрашкин?

— Кондрашкин! Кондрашкин!

— Садитесь.

После операции всех привозят

в реанимацию. Меня предупредили. Медленно после общего наркоза возвращается сознание.

Где-то лежу. Рядом каталка, на ней неподвижное тело. Где я?.. Или в реанимации, или в морге. Почему тело, что рядом, неподвижно и какого-то неживого цвета?

Морг или реанимация?.. Всё в легком тумане... вокруг много белого: покрывала, занавески. Легкий ветерок, легкая откуда-то музыка. Райская?

Морг или реанимация?.. Или рай?.. За что-то надо зацепиться сознанием... Часы! На стене висят часы. Без пятнадцати одиннадцать. Надо запомнить. Без пятнадцати одиннадцать, без пятнадцати одиннадцать... без пятнадцати... без... Засыпаю...

Шум. Из тумана вывозят еще одну каталку с еще одним телом, неподвижным. Грубый голос: «Поставь рядом с этими». Про живых так не говорят!!! Где часы?! Вот они. Без пятнадцати одиннадцать. Все — для меня время остановилось... К горлу подкатывается что-то вроде запоздалого страха. И тут слышу ангельский женский голос:

— Не обращайтесь внимания, часы у нас стоят.

Жив! Стало быть, жив я. Стало быть, никогда не надо помирать раньше смерти.

Маленькой дочке купили

маленького хомячка. Сегодня мне доверили дежурство — нужно вычистить клетку, дать хомячку еды.

Хомячок воспользовался моей неопытностью, выпрыгнул из клетки. Я обыскался его, обшарил все закоулки, поводил палкой под всеми диванами и шкафами — бесполезно.

И тут обнаруживаю, что входная дверь приоткрыта — это я выносил мусор и не прикрыл как следует. Беда. Хомячок, конечно же, улизнул. Иду к мусоропроводу. Какая-то живность юркнула в щель.

Шалишь, брат. Кто-то из моих далеких предков был Великим охотником. Хомячок водворяется в клетку.

Вечером слышу с кухни истошные крики. Кричит дочка, кричит ее мама.

— Кто в клетке?

— Кто?

— Мышь!

Пришлось покупать нового хомячка.

Если кто-то в чем-то великий, как долго в потомках дают себя знать его гены!

Тайна бессмертия

Человек никогда не смирится

с тем, что он смертен. Его гений, его воля, его смекалка неусыпно и неустанно будут прорываться к вечной жизни.

Нынче ближе всех к разгадке подошел один старичок.

Решение нерешаемых задач бывает достаточно простым. Старичок оперся на три бесспорные истины: всё живое любит сладкое, все болезни от микробов и водка в большом количестве — смерть. В точке пересечения этих трех истин находится тайна бессмертия.

Старичок кладет в рот кусок сахара. Углы его и грани округляются, и он проваливается в горло. Микробы, носители всех зараз, кидаются на сладкое. Старичок затаив дыхание ждет, пока не сбегутся все. Затем тянется к двухсотграммовому стакану с водкой и!.. опрокидывает его содержимое на головы не ждущих беды микробов.

Для старичка двести граммов — ничего, для микробов — смерть.

Пока — а микробы снова заведутся от соседей, пока — а это они размножатся, старичок успеет накопить денег на новые двести граммов лекарства.

Все, конечно, смеху подобно и ужасно антинаучно. Но вот уже тридцать лет этот темный, необразованный старичок исповедует свою систему, тридцать лет, как он ничем не болеет. И сейчас чувствует себя хорошо... лучше любого микроба.

Снегурочки

Детские впечатления очень ярки

и живут долго. Отсюда, видимо, наш неистребимый трепет перед учителями, врачами, милиционерами.

К ним относятся и Снегурочки — девушки веселые, добрые, внимательные, готовые прийти на помощь любому мальчику, девочке, зайчику.

Когда я взрослым попал за кулисы новогоднего карнавала и увидел Снегурочек и Снежинок, которые глушили водку и ругались матом, я «по-человечески» несильно удивился, но «по-волшебному» что-то во мне возмутилось. Не пускайте детей за кулисы.

Тебе пора

Марьяныч — хороший человек.

Рассказывает о начале знакомства с одним своим приятелем.

— Сидим в ресторане. Время к полуночи. А у меня с Серафимовной уговор — если я дома без одной минуты двенадцать, я — человек. Если одна минута первого, я — скот. Поглядываю на часы, хочется вернуться домой человеком. Приятель обижается: «Что ты не хозяин своего времени?» Объясняю ему ситуацию. Он очень уверен в своем обаянии, говорит: «Успокойся. Я все беру на себя». В час ночи стоим перед дверью в мою квартиру. Я звоню, отхожу в сторону. Приятель занимает мое место, поправляет галстук, мягко, интеллигентно улыбается — готов взять на себя все. Дверь распахивается и по этой улыбке! Со всего маха! А рука у Серафимовны тяжелая!.. Потом, правда, еще посидели. Всё хорошо кончилось. И забыли об этом навсегда.

Но с тех пор, когда сидим в ресторане с ним, он после одиннадцати начинает нервничать, поглядывает на часы, а в половине двенадцатого говорит: «Ну, все — тебе пора!»

Четвертый цилиндр

Из подслушанного. Послевоенное

степное украинское село. Лето. Жара. Всё живое алчет воды. Водовозом однорукий дядька. Он войну прошел в авиационном полку на самой низкой технической должности — то ли помогал при столовой, то ли подметал взлетную полосу.

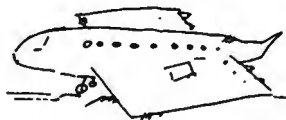
Он должен бочку с водой доставить в поле, где от жары изнывают женщины. Пока едет через село, за стакан водки отливает кому бидон, кому два. В поле прибывает крепко выпивши, воды в бочке на дне. Женщины ругаются, однорукий рискует стать безруким.

Высоко в небе летит самолет, его еле видно, еле слышно. Дядька направляет в небо ухо, прикрыв его уцелевшей ладонью, сокрушенно качает головой, говорит:

— Четвертый цилиндр стучит.

Беда отступает от него.

— Вишь пьяница, а в самолетах хорошо как понимает. Во все времена знания ценились очень высоко.

Москва. Девяностые годы,

появились кафе, так сказать, быстрого реагирования. Высокие стойки-столики, можно стоя, но быстро пообедать.

Лето. В кафе два входа, здание полукругом. Приезжая дама ставит на столик первое, второе, третье, вешает на крючки сумки, идет мыть руки.

Возвращается — ее первое ест какой-то здоровенный негр! Дама пытается объяснить с ним, негр только быстрее начинает работать ложкой. Тогда она придвигает к себе второе и тоже начинает быстро есть. Негр берется за салат, дама подтягивает компот.

Негр недовольно говорит что-то по-негритянски, пятится к выходу. Полутолодная дама преследует его, в глазах скорбь, обида на жизнь, на Москву, на Африку... И тут она видит свои сумки... нетронутые первое, второе, третье.

Но негр уже ушел.

Австралийские доллары

Китай. Шанхай. Конец восьмидесятых.

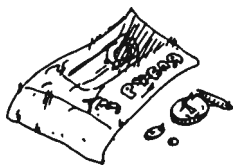
Надо поменять доллары. Можно в банке, можно у менял. У менял выгоднее. Кто-то из наших меняет. Ему всучают тайваньские юани 1943 года выпуска. Это всё равно, что у нас сейчас в обмен на доллары дать иностранцу керенки.

Обидно — среди дружественных нам китайцев есть жулики. Нечестно. Нехорошо на душе.

Вечером узнаем, что кто-то из наших всучил торговцам трехрублевые купюры (без Ленина), сказав, что это австралийские доллары.

Хорошо. Честно. Око за око.

Везде жулики!

Деревня. Вечер. С Алексеем

Григорьевичем, соседом-пастухом, беседуем о болезнях сердца. Он рассказывает.

Осенью возвращаюсь с центральной усадьбы. Осенью, да. Снег уже выпал... по колено. Припозднился я. У деревни у самой в стогу разговаривает кто-то. Женька Попов среди них. Его-то голос я знаю, сосед же. «Чего, — думаю, — такое? То ли драка, то ли выпивают». Я к стогу — голоса потише. Женька только похрюкивает, смеется всегда так. Ход в стогу, я на коленки встал, ползу, говорю: «Ребята, вы чего здесь?» Тишина. Спичку зажег — кабаны лежат, дохлые все — от страха. Инфаркт у всех. Во какая болезнь!.. Еще посмотрел, где Женька. Куда-то он делся.

Не повезло

Через пятнадцать минут ночным

рейсом полечу в Минеральные Воды. Есть свободные места.

На трапе высокий молодцеватый майор объясняется со стюардессами и пилотом:

— Завтра у сына день рождения. Живем в Ставрополе. Билетов на Ставрополь нет. Я в Минводах возьму такси и утром буду дома. Разрешите лететь.

Ему разрешили. Весь полет он улыбается — доволен. Ему в ответ тоже все улыбаются, его счастье никому не мешает.

Командир корабля объявляет, что в связи с неблагоприятными погодными условиями посадка будет совершена в аэропорту города Ставрополя.

На майора больно смотреть. Он понимает, что радоваться неприлично, но ничего не может с собой поделать.

В ответ ему уже никто почему-то не улыбается.

О-о! Трушкин!

Отцеславии. Улица. Встречный

прохожий:

— О-о! Трушкин! Ну, надо же! Ну, ты смотри! Вот повезло. Вот ты мне сейчас и скажешь. А больше никому! Только ты. Хороший писатель. Я люблю тебя больше всех. Честно! Не подумай чего. Без корысти говорю. Ты — самый лучший. Только ты мне и ответишь. Скажи, пожалуйста, сколько времени?

— Без двадцати два.

— Спасибо.

И ушел. И больше ни слова.

Святая наивность

В одной деревне живет Зина.

У нее нет мужа, но есть трое детей. Материально жить трудно, но как-то она перебивается. Женское её одиночество скрашивают то Вовка, то Генка.

Зина забеременила в четвертый раз и в хлопотах и заботах опоздала с абортom. Родила четвертого. Жить стало еще труднее.

Вовка и Генка от отцовства открещиваются, кивают друг на друга. Зина — в суд. Суд назначил экспертизу. Отцом оказался Генка.

— Геннадий, что же ты отнекивался?

— Может, и не я еще. Что они анализ-то... из пальца брали!

Как не заметно?!

Деревня. Лето. Вечер. Я с дочкой

и деревенскими ребятами за огородами, варим уху из только что пойманных бреднем карасиков.

К нам с улицы по меже медленно идет Иван Алексеевич. Идет медленно по двум причинам: вообще никогда никуда не спешит и потому, что сейчас сильно выпивши. Подходит.

— Анатолий, извини, я немного того...

— Что?

— Выпивши.

— Незаметно.

— Ка-ак?!

Черт меня дернул, человек пил весь день и вдруг незаметно. От удивления он всплескивает руками, падает навзничь и засыпает.

Хорошо все-таки в деревне летом — пьяные отоспятся и сами придут домой.

Детство. Конечно же, счастливое,

несмотря ни на что. А тут еще купили новые черно-бархатные (так казалось) штаны. Они на бретельках и короткие, до колен, и красиво и удобно. Мама наказывает:

— Береги.

Да я и сам не дурак и большой уже — пять лет. Минут десять не сажусь ни на траву, ни на бревна — берегу. И тут Леня Тахтуев позвал к себе, к ним привезли какие-то доски — надо обязательно посмотреть. Осмотр кончается тем, что из штанов на заднице незамеченным гвоздем вырван клочок материи. Это — не беда, это — горе горькое.

Хорошо, что в этом мире напротив несчастий стеной стоят друзья. Я оттопыриваю зад, за спиной целая портняжная команда. Стараются. Заверяют:

— Мать даже не заметит.

Домой все-таки не тянет, но голод не тетка. В доме, как назло, все. Мама велит снять штаны, лучше поберечь, не каждый день в них носиться.

Тихонько снимаю... Что такое?.. Трусы тоже ползут вниз. Все попытки неудачны — вместе со штанами почему-то снимаются и трусы. Мама устала ждать, и вот она, кара небесная. Сдергивают с меня штаны и трусы. Позор. Стою перед родней в чем мать родила.

Смех смыл все. И видно же, что ребенок осознал вину, старался не огорчить маму — пришел черные трусы к черным штанам белыми нитками.

Литературный институт имени

Горького. Вручение дипломов. По пять в день. В зале комиссия: секретари Союза писателей, профессора, выпускники и их друзья и родственники.

Ритуал — вызывается выпускник, ему одна минута рассказать о себе, затем зачитываются отзывы на дипломную работу, затем вызывается выпускник — ему одна минута поблагодарить институт и своего мастера, который вел семинар.

Ко всеобщему удовольствию коротко и торжественно.

Я благодарю институт, своего мастера, Виктора Сергеевича Розова, и, получив диплом, сажусь на место.

Рядом со мной Абат, он с Кавказа. По-русски говорит плохо, волнуется:

— Что мне говорить?

— Что все: благодарю институт, саму атмосферу его и особенно своего мастера, который учил меня, надеюсь, не зря. Что-то теперь могу хоть немного.

Руководитель заочного семинара у Абата ректор института Владимир Федорович Пименов.

Абат выходит благодарить. Чинно и торжественно во круг.

— Благодарю институт, да. Атмосферу, да. И всю жизнь буду помнить руководителя, профессора, да, ректора, да, Пименова, да, Владимира Федоровича, который, что было у него немножко в голове, все мне передал!

Как же вы меня не узнали?!

Толого, прикрытого простынью

везут на операцию. Лиц окружающих не вижу. Справа протягивается чья-то рука:

— Доброе утро. Я — анестезиолог.

Что-то вздыхаю, и сознание уходит, уплывает в непонятный цветной тоннель.

Через месяц даю благодарственный концерт. После концерта бежит мне навстречу человек с расprostертыми объятами. Обнимаемся. Он, чувствую, слегка недоволен:

— Не узнал, что ли?

Я мнусь.

— Ну ты даешь! Я же тебе наркоз делал.

Нельзя никого забывать, люди обижаются.

От веселого до страшного шаг

Деревня. Лето. Утро. Тепло.

Иду за грибами. Благодать! Воздух чистый, ароматы цветов, свежий легкий ветерок, пестрая тень от листвы — удивительно хорошо. Чу!.. Что это?.. Самка с детенышем. Да! говорили же, что завезли в наши места с десятков... Как их? Газель или антилопа? Пятнистые. Сама грация, нежные, трепетные! Боже, как прекрасен этот мир! Убежали во-он в те кусты. Увидеть бы еще раз. Настроение умилительное до слез.

А вот и те кусты. Чу!.. Легкий шум.. Газели? Конечно! Кто же еще? Ти-ихо раздвигаю ветки — оттуда ОГРОМНАЯ кабанья морда.

Я этой морде, видимо, тоже чем-то не понравился. Мы бежали друг от друга.

Нельзя, ни на секунду нельзя расслабляться в этом мире.

Попарился

Начало шестидесятых. Казахстан.

Лето. Страда, жара. Пыль. Хорошо, когда есть возможность сходить в баню.

Вот возможность, вот аул. Может, здесь есть баня?..

Есть.

В помывочном зале кто стирает, кто моется, кто отдыхает. А может, есть парная?.. Есть!! Сердце замирает от предвкушений. Захожу — пара много. Слава тебе! А может, еще на верхней полке есть свободные места?.. Есть! Скорее туда.

Уселся. Хорошо. Сейчас будет очень хорошо. Только как будто что-то... что-то как будто дует в спину. Оборачиваюсь — одной доски в стене нет.

И все человек чем-то недоволен.

Восьмое марта. Приезжаю

на шоколадную фабрику. Спрашиваю:

— Когда на сцену?

— Пожалуйста. Хоть сейчас.

Вышел — прием на «ура», не отпускают. Приятно. Я еще работаю. Опять не отпускают. Еще выдаю. Отпустили наконец — праздник на душе.

Переоделся, спрашиваю:

— У кого деньги получить?

Призвали администратора из Москонцерта. Он радостный весь, говорит:

— Спасибо, что приехали, но я не вызывал. Тут какая-то ошибка.

Я говорю:

— Наверное, кто-то с фабрики звонил.

Ведут ответственного с фабрики. Он тоже очень радостный:

— Никогда так не смеялся, как сегодня. Приезжайте еще. Такой неожиданный сюрприз для нас.

Я спрашиваю:

— Это «Ротфронт»?

— Нет. Это «Большевичка».

Как я перепутал, не знаю. По шесть концертов в день было. Конфет дали, я бы столько на гонорар не смог купить.

Подстраховался

Москва. Метро. Вечер.

Вагоны полупустые. Заходит кто-то, садится рядом. Несет водкой.

— Извини, ты не Трушкин?

— Трушкин.

— Дай автограф. Вот на газете прямо. Спасибо. Пойдем выпьем, я получку получил.

— С удовольствием, но не могу.

— Зря. А я пойду сейчас выпью как следует!

— Зачем? Тебе достаточно. А так придешь, жена будет ругаться.

— Не будет, я скажу, что с тобой пил.

— Вот это уже совсем нехорошо. Да она и не поверит.

— Поверит. Вот автограф-то.

Прячет газету подальше.

Я чувствую себя обманутым.

ЦК КПСС?

Какой-то там восемьдесят третий,

восемьдесят четвертый год. Еду на «ВАЗ-2105» по Москве. В самом центре на площади Дзержинского нарушаю правила. Штраф — три рубля. Жалко отдавать такие деньги. Блефую.

— Ребята, я в ЦК КПСС опаздываю.

— Он в ЦК КПСС опаздывает.

— Куда?

— В ЦК КПСС.

— Пять рублей.

Так неожиданно и смешно, что пяти рублей не жалко.

О десса. Таможня. Всех приплывших

из круиза спрашивают:

— Кожа? Меха? Алкоголь?

Все отрекаются. Женщина с сыном лет одиннадцати.

— Кожа? Меха? Алкоголь?

— Нет. Ничего нету.

— Мама! Ты забыла, мы в Турции три кожаные куртки купили.

Бэмс по затылку. Еще хорошо. Павлика Морозова убили.

Излишки популярности

Деревня. Лето. Девяностые годы,

в стране очень популярен Собчак.

К Клавке поздно вечером пристали двое, еле отбилась, взволнована до потери пульса, речь сбивчива:

— Ой, мамочки, да что же это делается?! Да как же теперь?! Вот сволочи!.. Один маленький, чернявый, не наш. Второго сразу узнала — Собчак... Что творят, а?!

Прыжки в честь жены

Москва. Зима. Овраг. Катаемся

на лыжах: я, жена, дочь. Самодельный трамплин. Решаюсь прыгнуть. Когда-то я неплохо прыгал.

— Наташа, этот прыжок я посвящаю тебе.

Разбег. Толчок. Полет недолгий, я в сугробе, одна лыжа сломана.

Помимо ушибленного бока, по-видимому, было задето самолюбие. Я иду домой — пять минут пешком — возвращаюсь с другой парой лыж.

— Наташа, полюбив, мы умираем! Я из этого племени. Прыжок посвящаю тебе.

Разбег. Толчок. Полет... сломаны обе лыжи.

Я доказал!! Я смог!! Любовь ничто не остановит... даже глупость.

П еще жалуется:

— После войны как тяжело было! Мы с Иваном на Дальнем Востоке. Есть нечего совершенно. В доме шаром покати... только бочка икры стоит, и все.

Какая нелепая беда — икра без хлеба. Да и с хлебом много ли ее съешь? Утром икра, вечером икра — это наказание.

Теща до сих пор на икру смотреть не может.

С меня ростом

Начало девяностых. Начали

постреливать. Утром встречаю знакомого милиционера.

— Как дела? Что новенького?

— Вчера отстреливался один... С тебя ростом.

Кажется, как-то по особому он всматривается в меня.

— Бандит?

— Бандит.

Опять как-то странно рассматривает меня.

— Из пистолета отстреливался?

— Да в том-то и дело, что не из пистолета.

И в голосе у него вроде бы какие-то непривычные нотки.

— Из автомата?

— Хуже.

Уже как-то исподлобья смотрит на меня. Неуютно. Не по себе.

— Из чего же он отстреливался?

— Из пулемета Дегтярева.

Вот-те на!

— Это какой же мужик должен быть?

— Да вот как ты, такой же здоровенный.

У меня тоже с голосом что-то не так. Шучу, но неуверенно:

— Это не я.

Пауза. В пьесах иногда встречается ремарка «мертвая тишина».

— Не ты. Мы его убили.

Свинья я, конечно. Заподозрил человека в плохом к себе отношении. Но и он все-таки тоже... гусь.

Десять вечера. Звонит дочь —

сын Коля прыгал с батареи, сломал палец. Бегу в гараж, едем с дочерью и внуком в травмопункт.

Через час зареванный, в гипсе садится в машину. Возвращаемся домой.

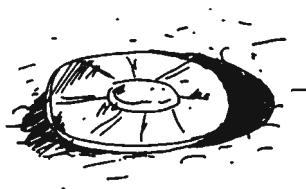
Прихожу из гаража, звоню дочери:

— Ну что, Коля? Замучился, наверное, бедный, спит мертвым сном?

— Нет, не спит.

— А что делает?

— С батареи прыгает.

Раздел X

Проза для детей

Решительная борьба

ПЕРВЫЙ. И последний вопрос

нашего собрания «Борьба с этой...

ВТОРОЙ. Подсказкой.

ПЕРВЫЙ. Да, с подсказкой. Не будем скрывать друг от друга, она у нас на уроках еще не это...

ТРЕТИЙ. Не редкость.

ПЕРВЫЙ. Не редкость. И с ней надо вести самую жестокую, самую безжалостную, самую решительную... эту...

ЧЕТВЕРТЫЙ. Борьбу.

ПЕРВЫЙ. Правильно. Если только мы сами хотим ее окончательно и бесповоротно... это...

ПЯТЫЙ. Искоренить.

ПЕРВЫЙ. Вот-вот. Смешно смотреть на того, кто пользуется подсказкой. Он похож на этого... э-э...

ВТОРОЙ. На попугая.

ПЕРВЫЙ. На попугая. Что ему ни скажи, он всё, не думая и это... э-э-э...

ТРЕТИЙ. Повторяет.

ПЕРВЫЙ. Повторяет. А ведь ясно, что подсказка — наш этот...

ЧЕТВЕРТЫЙ. Друг.

ПЕРВЫЙ. Да... Нет! Наш враг. Подсказка, как нам всем прекрасно известно, приносит только... это...

ПЯТЫЙ. Пользу.

ПЕРВЫЙ. Да, пользу!.. То есть нет. Вред! Тем не менее кое-кто из нас вместо того, чтобы думать своей собственной головой, пользуется чужими... этими...

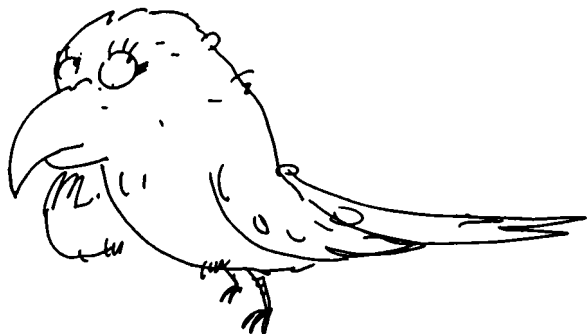
ВТОРОЙ. Калошами.

ПЕРВЫЙ. Чужими калошами. А самое страшное во всем этом то, что человек в конце концов до такой степени привыкает к подсказке, что самостоятельно переста-

ет... это... э-э-э... что самостоятельно перестает... это... ну... ну это... в общем, мне кажется, я всех вас убедил во вреде подсказки. Предлагаю проголосовать. Кто за решительную и окончательную борьбу с подсказкой?.. Единогласно. На этом наше собрание считаю... это... э-э-э... э-э-э.

Все уходят.

Это... э-э-э. Законченным.

ПЕРВЫЙ. Спорим на авторучку.

ВТОРОЙ. Спорим на перочинный нож.

ПЕРВЫЙ. Спорим на футбольный мяч.

ВТОРОЙ. Спорим на коньки!

ПЕРВЫЙ. Спорим на портфель!

ВТОРОЙ. Спорим на велосипед!!

ПЕРВЫЙ. Спорим на фотоаппарат!!!

ВТОРОЙ. Спорим!!!

ПЕРВЫЙ. Коля, иди разбей.

КОЛЯ. А насчет чего спорите?

ПЕРВЫЙ. Насчет чего спорим?

ВТОРОЙ. Я забыл.

ПЕРВЫЙ. И я забыл.

Одно расстройство

ПЕРВЫЙ. В зоопарк когда приходишь,

всегда настроение улучшается.

ВТОРОЙ. Правда, становится как-то веселее... Сейчас слона увидим. Вон он, слон! Спокойный.

ПЕРВЫЙ. А чего ему волноваться? Слонам лучше всех — они самые сильные.

ВТОРОЙ. И обезьянам лучше всех — они самые ловкие.

ПЕРВЫЙ. И ежу неплохо — у него иголки.

ВТОРОЙ. И ужу не хуже, чем ежу.

ПЕРВЫЙ. Ужу, может, и плохо, но не так, как нам.

ВТОРОЙ. Конечно, ужу уроков не готовить.

ПЕРВЫЙ. И родителей ужевых в школу не вызовут.

ВТОРОЙ. И ни у кого из них не вызовут.

ПЕРВЫЙ. Эх! Идем отсюда.

ВТОРОЙ. Идем. Не зоопарк, а одно расстройство!

Молодец

ПЕРВЫЙ. Это что за ребята?

ВТОРОЙ. Двоечники. Я с ними занимаюсь.

ПЕРВЫЙ. Молодец.

ВТОРОЙ. Не лучше других.

ПЕРВЫЙ. Нет, ты просто молодец!

ВТОРОЙ. Да не хуже других

ПЕРВЫЙ. Я и не знал, что ты такой молодец.

ВТОРОЙ. Я и сам не знал.

ПЕРВЫЙ. И давно ты с ними занимаешься?

ВТОРОЙ. Как получил по географии двойку, так вместе с ними и занимаюсь.

Неприятная история

ПЕРВЫЙ. Ну что ты весь день зеваешь?

ВТОРОЙ. Понимаешь, я всю ночь не спал. Мы вчера во дворе в футбол играли, и такая неприятная история получилась: я окно разбил...

ПЕРВЫЙ. И из-за этого окна ты всю ночь не спал?

ВТОРОЙ. Ну, конечно. Знаешь, как в него дует!

Учусь хорошо

ПЕРВЫЙ. Здравствуй.

ВТОРОЙ. Здравствуй.

ПЕРВЫЙ. Ну как ты учишься?

ВТОРОЙ. Хорошо.

ПЕРВЫЙ. Молодец.

ВТОРОЙ. А раньше учился еще лучше.

Н а сцене стол, на нем ваза

с яблоками, тарелка с печеньем и пузырек с микстурой. За столом сидит Толя, читает книгу. Горло его обмотано шерстяным кашне. Раздается стук в дверь, и на пороге появляются Витя и Коля, оба в пальто и шапках. В руках у них невероятно раздутые портфели.

ТОЛЯ. Ой, здравствуйте.

КОЛЯ. А мы тебя навестить пришли.

ТОЛЯ. Вот спасибо, ребята! Проходите. Да не вытирайте вы ноги, проходите. Это здорово, что вы зашли.

ВИТЯ. Гриппом болеешь?

ТОЛЯ. В легкой форме.

КОЛЯ. Ты на всякий случай дыши в сторону.

ТОЛЯ. Конечно, конечно. Я вообще-то уже почти выздоровел.

ВИТЯ. Почти не считается. Да и лицо у тебя еще серое. Ну ничего, сейчас мы тебя развеселим! Коля, включай.

Коля достает из портфеля транзистор, включает на полную громкость.

ВИТЯ. У тебя что, голова болит?

ТОЛЯ. Да, что-то вдруг немного заболела.

ВИТЯ. Аж бледный стал. Коля, открой окно, дай свежего воздуха.

Коля убегает за кулису. Толя начинает ежиться.

ВИТЯ. Вот видишь, ты уже не бледный.

КОЛЯ (подходит к ним). Ты уже синий. А что это у тебя?

ТОЛЯ. Лекарство.

ВИТЯ. Горькое?

ТОЛЯ. Сладкое.

КОЛЯ. Дай попробовать.

ТОЛЯ. Попробуй.

Коля берет пузырек с микстурой, отпивает половину.

ВИТЯ. Сладкое?

КОЛЯ. Сладкое.

ВИТЯ. Дай-ка сам попробую. *(Опорожняет пузырек.)*

ВИТЯ. Хорошее было лекарство.

КОЛЯ. Ну, что? Мы пойдем, пожалуй.

ТОЛЯ. Куда вы, ребята? Оставайтесь. Скучно одному.

ВИТЯ. А ты книги читай.

ТОЛЯ. Я и так читаю, Жюля Верна.

ВИТЯ. Жюля Верна? *(Замечает книгу.)* Эту? Дай почитать.

ТОЛЯ. Возьми.

Витя запикивает книгу в портфель.

КОЛЯ *(Вите)*. Ну, ладно, прощайся. *(Толе.)* А то мы прямо из школы.

ТОЛЯ. Вы, наверное, есть хотите. Берите яблоки, печенье.

ВИТЯ. Спасибо, не откажемся. Подержи.

Витя протягивает Толе свой портфель, его примеру следует Коля. Они набивают карманы яблоками и печеньем. Толя шатается от тяжести портфелей.

КОЛЯ *(Толе)*. Что это ты какой-то стал зеленый?

ТОЛЯ. Не знаю. А что у вас в сумках?

КОЛЯ. Гири.

ВИТЯ. Мы, может быть, спортом займемся. Ну, извини, мы в кино опаздываем. Да и ты что-то уж очень стал черный.

КОЛЯ. И заикаться начал.

ТОЛЯ *(держит портфели)*. Что-то в-вы, я н-не заикка-юсь. И посидите от-т-дохните.

ВИТЯ. Некогда нам отдыхать. Нам еще нужно Ленку Клюквина навестить. Он тоже болеет.

КОЛЯ. У него ангина в тяжелой форме. Ну ничего, сейчас мы его развеселим!

Забирают свои портфели, уходят. Толя медленно оседает на пол и хватается за голову.

Разве можно не любить детей?!

Здравствуй, мама!

Помнишь, ты говорила, что я не смогу работать вожатым? Вот уже пять дней как я в лагере. У меня все хорошо. Больше того, никогда я не чувствовал в себе столько энергии, столько задора, такой кипучей жажды деятельности, как сейчас. Уверен, что это от общения с детьми. Но не каждому передается их жизнерадостность, детей надо понимать, уметь найти с ними контакт.

Не подумай, что хвастаюсь, но мне кажется, я достиг этого. Мы с ребятами прекрасно понимаем друг друга, несмотря на то, что объясняемся знаками. Говорить я не могу, так как сорвал голос в первый же день, а читать мои каракули они не в состоянии, да и что напишешь левой рукой? Правую ребята мне случайно прищемили дверью. Ну да хватит об этом, боюсь, ты подумаешь, что я все-таки хвастаюсь.

Мама, если бы ты видела, какая здесь природа! Сосновый лес! Озера крутом! А воздух! Люди здесь дышат не воздухом, а здоровьем. Меня теперь не узнать. Обязательно приезжай отдохнуть в воскресенье, обязательно. Кстати, если приедешь, запомни, я буду в голубой рубашке, а в руке у меня будет костыль — подвернул ногу, когда лазил за одним мальчиком в овраг. Как увидишь, сразу подходи, это я, не обращай внимания на порезы лица. Ребятишки решили побрить меня ночью. Получилось у них не очень удачно, но как говорится: «Дорого внимание».

Эх, мама, а как здесь кормят! Есть и первое, и второе, и третье. Всё, что хочешь! Мой отряд уже прибавил в весе на сто кг, я сам вчера первый раз покушал. Ел с таким аппетитом, что ребята заплакали и, поверишь, стали приносить мне конфеты, печенье, фрукты. Вот она детская любовь! Отказать было совершенно непедагогично.

Сейчас я лежу в лазарете, но ты не волнуйся, это не от еды, просто утром споткнулся об одного мальчика. Он вчера вечером изучал муравьев и заснул на дороге, другими словами, я разбил себе нос, но это почти незаметно. Ты легко меня узнаешь, я буду в голубой рубашке, с костылем и перевязанным носом... Вот ко мне идут ребята. Какие у них одухотворенные лица! Разве можно не любить детей?! В руках у мальчиков шланг. Опять придумали что-то интересное. Навер...

Мама, они были пожарные, а я «горел». Только выжал белье и постель и сразу же сел за письмо. Ты спрашиваешь, как я сплю ночью, ночью я не сплю никак, потому что ребята играют подушками в войну. А вот в мертвый час я сплю мертвым сном, дети в это время уходят в лес по ягоды. Не бойся, у меня никто не потерялся, даже, наоборот, стало на четыре человека больше. Вот и все. Извини, надо бежать... Я стал «шпионом», а ребята «разведчиками». Они подкрадываются ко мне с какими-то баграми и уже совсем близко. До свидания.

P.S. Нашел свои ботинки, которые потерял на второй день после приезда. Их, оказывается, носит шестилетний Вовик Туриков. Свои он потерял еще в первый день.

P.P.S. На одном из багров моя голубая рубашка. Если приедешь, легко меня узнаешь. Я буду с перевязанным носом и костылем. Ну, ладно, побежал.

Один пункт

(доклад председателя совета отряда)

«3^а отчетный период проделана

большая работа. Наш отряд не имеет двоечников. В нашем отряде прошло шесть собраний, три культпохода и два спортпохода.

Мой отряд выпустил семь стенных газет. Мой отряд больше всех собрал металлолома и макулатуры. Моему отряду присудили первое место в соревновании за чистоту в классе.

Кроме того, я обсудил четыре книги и разучил три песни.

Я провел шахматный турнир. Я вел работу с октябрятами и пенсионерами. Я выиграл в футбол у 5-го «Г» и хоккей у 5-го «В».

Я во время слета лучше всех прошелся колонной мимо трибун.

Не выполненным у меня остался один пункт, не проведена беседа «О скромности».

Друзья природы

В нашем отряде все любят родную

природу. Мы ее любим сильнее всех других отрядов в нашем летнем лагере. Я не знаю, кто еще так любит природу, как мы. Другие отряды, с чем уйдут в лес, с тем и обратно придут. А мы обязательно что-нибудь да принесем. Или деревце срубим — воткнем его перед палаткой и оно у нас дня три стоит как живое; или веток наломаем — у нас тогда не палатка получается, а шалаш. Мы все вместе любим природу и каждый в отдельности. Женья Пузиков муравьев любит, он всегда в лесу муравейники ворошит и раскидывает, чтобы им не тесно было. Витя Камнев гнезда с деревьев снимает и на землю кладет, птенцы тогда, если и вывалятся из гнезда, ни за что не разобьются. Аркаша Лампочкин на деревьях зарубки делает, вроде лесенки, чтобы белкам удобнее было лазить. Вечером мы костры в лесу оставляем, чтобы ночью никто из зверей не замерз. Все обитатели леса нас уже приметили. Только отряд в лес, сразу такой шум кругом поднимается! Птицы кричат, мыши пищат, белки в нас орехами кидаются — вообще все очень рады. А мы, конечно, еще больше стараемся. Чтобы по-настоящему любить природу, надо быть очень мужественным человеком: с Аркаши Лампочкина синяки от орехов не сходят; Витю Камнева птицы здорово поклевали, они ведь целоваться не умеют. Жене Пузикову без сапог уже нельзя в лес входить. Здорово нам достается, но никто и не думает сдаваться. Все мы ходим в синяках и шишках, нас так и зовут «зеленые друзья». Не потому, что мы лес любим, а потому что мы зеленые стали от укусов и царапин. Не знаю, что стало бы с родной природой, не будь нас. Завтра к нам в лагерь придет лесничий. Значит, и до него дошла весть о нашей любви к природе. Будет, наверное, благодарить. По этому

случаю мы воткнули перед палаткой сразу три березы. К одной веревочке привязали ежа, к другой белку, к третьей — курицу. Курица хоть и не в лесу живет, а все равно животное или лучше сказать млекопитающее, потому что питается всяким млеком, то есть мелочью, это я для тех, кто не знал. Да-а, чтобы быть «зеленым другом», надо не только любить природу, но и знать ее хорошо. Как мы. Вот и все.

Любите природу, и вы тоже станете «зелеными друзьями». Или «синими», или «красными» — это зависит от того, кто из ваших друзей вас укусит.

Уже поздравили

Всем известно, что 8-е Марта —

Международный женский день. И всем известно, что в этот день надо поздравлять бабушек, мам, сестренку и всех девочек из класса, то есть поздравлять надо вообще всех, не так, конечно, чтобы даже незнакомых на улице, но уж бабушек, мам, сестренку и девочек из своего класса просто обязательно.

Всем всё было хорошо известно, но тем не менее, когда перед началом уроков 7 марта в шестом «В» ребята проскандировали: «Позд-рав-ля-ем!», девочки заулыбались. Им было приятно. Ребята тоже заулыбались. Все уселись за парты, и начался предпраздничный день.

Урок он и есть урок, ничем не отличается от других уроков даже в предпраздничный день, но перемена!.. Перемена была необычной. Первой это почувствовала Наташа Романова, она почувствовала, как кто-то больно дернул ее за косу. Кто-то оказался Генкой Светловым. Светлов он только по фамилии, а на самом деле Генка рыжий. Но это к делу не относится. Относится то, что дернул за косу.

— У нас же праздник! — сказала Наташа.

— А уже поздравили, — ответил Генка.

Наташа заплакала. Генка пробурчал: «Шутки не понимаешь», и отошел в сторону.

Не поняли шуток и Галя Цветочкина с Ниной Тепловой, которым Леня Квадратов поменял портфели. Квадратов он только по фамилии, а на самом деле Леня круглый, как мячик. Но это к делу не относится. Относится то, что поменял портфели.

— У нас же праздник! — сказали Галя с Ниной.

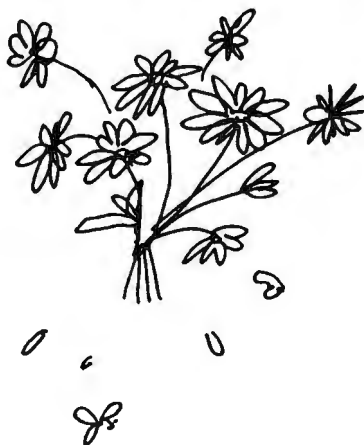
— А уже поздравили, — ответил Леня.

Нина с Галей не заплакали, но очень обиделись. Вера Березкина и заплакала и обиделась — Женя Орлов ме-

лом нарисовал на ее парте чертиков. Орлов он только по фамилии, а на самом деле Женя похож на воробья. Но это к делу не относится. Относится то, что нарисовал чертиков.

Еще четверо девочек шуток не оценили, еще трое обиделись, еще две заплакали. В классе стоял шум, рев, гвалт.

В коридоре думали: «Какие веселые, какие догадливые мальчики в этом классе!» Все так думали, но это к делу не относится. Относится то, что ребята не поняли, почему девочки обиделись. Ведь они их «уже поздравили».

Что запомнилось

Завтра, первого сентября, идти

в школу, а только сегодня утром Танечка Богданова вспомнила, что классная руководительница Татьяна Евгеньевна, прощаясь с ними до осени, просила каждого принести в школу рассказ, написанный на тему «Что мне больше всего запомнилось летом».

Не теряя даром дорогого времени, Танечка достала лист бумаги и начала быстро писать.

«Больше всего летом мне запомнилось, как мы с мамой ездили отдыхать к бабушке под город... не помню его названия. Там очень красиво, особенно на речке... которую называют так же, как город. Речка очень богата рыбой... только я не помню какой. А берега у нее все в цветах, их там очень много, но мне понравился больше всех один цветок. Такой он голубенький, местные жители зовут его... зовут его... Они зовут его... не помню как они его зовут.

А еще мне запомнилось, как в деревне была гроза. Я это очень хорошо запомнила потому, что все испугались, так как молния ударила в эту... В эту как она ударит, и эта ка-ак загорится!

Но больше всего мне запомнилось, конечно, я этого никогда не забуду, как мы с папой уже здесь дома смеялись... Смеялись мы с ним, смеялись, у меня даже слезы выступили, как мы смеялись. Вот только я забыла, над чем мы смеялись.

И конечно же, я никогда не забуду моря. Оно такое большое и красивое — это Каспийское море, или Черное, или Балтийское. Папа помнит какое. И над этим морем летают чайки. Их здесь так и зовут — каспийские чайки... или черноморские... или балтийские.

Но что мне запомнилось на всю жизнь, это как мы с дядей Колей... Или с дядей Витей?.. Или с тетей Катей?..

Как мы ходили в зоопарк смотреть крокодилов или как их... жирафов.

Дядя Коля — это папин брат.. или мамин, или еще чей-то.

Помню, что его зовут дядей Колей. По-моему, дядей Колей, а может быть, дядей Толей. А если не дядей Толей, то, значит, дядей Борей. И вот мы с ним смотрим на крокодила или на бегемота. А он как разинет пасть, крокодил-то... Или бегемот?.. Или дядя Боря?.. Не помню. Но страшно, аж жуть.

Но больше всего я запомнила... больше всего я запомнила или не запомнила... Нет, запомнила, только забыла что. Я, когда вспомню, что я запомнила, то обязательно напишу».

Сюжеты для «Ералаша»

Культурные люди

Двор. Мальчик. Подходит второй.

ВТОРОЙ. Здравствуй!

ПЕРВЫЙ. Здравствуй!

ВТОРОЙ. Ты какую книгу сейчас читаешь?

Первый удивленно смотрит на него, не отвечает.

(Терпеливо.) Ты какую книгу сейчас читаешь?

ПЕРВЫЙ *(поражен)*. Ты что?

ВТОРОЙ. Я спрашиваю: «Ты какую книгу сейчас читаешь?»

ПЕРВЫЙ *(крайне удивлен)*. Ты что? *(Крутит пальцем у виска.)*

ВТОРОЙ *(хватает первого за грудки, трясет его)*. Я тебя спрашиваю: «Ты какую книгу сейчас читаешь?»

ПЕРВЫЙ *(кричит)*. Ты что?

Борются, падают, катаются по земле. Оба в грязи. Второй поднимает первого, держит его одной рукой за горло.

ВТОРОЙ. Говори! Какую книгу читаешь?

ПЕРВЫЙ *(хрипит)*. Ты что?

ВТОРОЙ *(Свободной рукой подбирает лежащий неподалеку камень.)* Я тебя спрашиваю как культурный человек культурного человека: «Ты какую книгу сейчас читаешь?» *(Заносит над головой камень.)* До трех считаю... Один... Два...

ПЕРВЫЙ *(кричит)*. Ты что? Какую книгу?! Каникулы начались!

ВТОРОЙ *(роняет камень, глупо улыбается)*. У меня из головы выпало...

Надежды бабушек питают

Кухня. Бабушка и внук. Внук заканчивает обедать, пьет компот. Бабушка вытирает полотенцем тарелку.

ВНУК. Я сегодня сам уберу.

У бабушки от неожиданности падает и разбивается тарелка.

И осколки тоже сам подберу.

БАБУШКА (*сдерживая слезы радости*). Наконец-то.

Звонок в дверь. Оба идут открывать. На пороге приятель внука.

ПРИЯТЕЛЬ. Здравствуйте, любезная Наталья Петровна. Разрешите ли войти?

БАБУШКА (*таращит глаза на приятеля*). Входи.

ПРИЯТЕЛЬ. Благодарю. Очень рад, что нашел вас в полном здравии и в прекрасном расположении духа, чего желаю и впредь.

Внук от неожиданности роняет чашку из-под компота.

ВНУК. Мы же за чистоту начали бороться.

ПРИЯТЕЛЬ. За вежливость.

ВНУК. За чистоту.

ПРИЯТЕЛЬ. (*сдерживая себя*). Извини меня. Пожалуйста, будь так добр... я тебя очень прошу, но мы боремся за вежливость. Можешь позвонить кому угодно.

ВНУК (*набирает номер*). Вика?.. Мы за что начали бороться? Ага... (*кладет трубку*). За здоровый отдых. Бабушка, мы пошли гулять!

Оба выскакивают на лестничную площадку, сильно хлопают дверью. Бабушка оседает на калошницу.

БАБУШКА. Может, когда-нибудь начнут бороться за помощь бабушкам.

Как гений чистой красоты

Комната. Две девочки.

ПЕРВАЯ. Нам поручили перевоспитать Оглоедова? Поручили!

Вторая в страхе смотрит на подругу, перед глазами у нее возникает дикий образ Оглоедова, он по-людоедски смеется и как звонарь дергает сразу за несколько девчоночьих косичек.

Видение исчезает.

ПЕРВАЯ. Во все времена положительное влияние на человека оказывала неотразимая женская красота. Вот! Она ставит на стол два вырезанных из журналов портрета, Моны Лизы и Незнакомки.

Оглоедов тоже человек. Он увидит нас такими и сразу исправится. Выбери, кем ты станешь.
Вторая пожимает плечами.

Улыбнись.

Вторая улыбается.

Ты вылитая Мона Лиза! Сейчас обрежем тебе косы.

ВТОРАЯ. Зачем?

ПЕРВАЯ. Нам поручили перевоспитать Оглоедова? Поручили!

Перед Второй возникает дикий образ Оглоедова. Видение исчезает. Вторая согласно кивает. Первая уже достала ножницы, лязгает ими.

Лестничная площадка: Дверь. Звонок. К звонку тянется рука. Глухое треньканье, шаги — дверь открывается. На пороге стоит улыбающийся Оглоедов.

Он на секунду застывает, затем перестает улыбаться, куксится, кривится, дергает глазом, щекой, опускается на колени и говорит: «Я больше не буду-у-у».

На лестничной площадке застыли «Мона Лиза» и «Незнакомка» — два огородных чучела. Они победно смотрят на Оглоедова.

Подарок

Квартира. Звонок. Дверь открывает нарядно одетый, улыбающийся мальчик.

На пороге другой нарядно одетый, улыбающийся мальчик.

- Поздравляю с днем рождения!
- Спасибо. Проходи.
- Сейчас подарок достану, потерпи.
- Да не надо никаких подарков.
- Вот. Лимоны. Здесь пять штук.
- Спасибо. Проходи.
- Они очень полезные. В них витаминов больше, чем во всех остальных фруктах.
- Спасибо. Проходи.
- Три пятьдесят килограмм.
- Спасибо. Проходи.

— Что ты все «спасибо, проходи»? Тебе, может, подарок не нравится?

— Нравится.

— «Нравится», а сам даже не попробовал.

Именинник, морщась, ест лимон. Гость ревниво наблюдает за ним.

— Чувствуешь, как лимон тонизирует? От лимона у человека сразу настроение поднимается, он становится бодрым, энергичным. От лимона человек становится красивым.

— Спасибо. Прходи.

— А ты ешь лимоны.

Мы видим, что именинник доедает последний лимон.

— Их сейчас нигде не достанешь, лимоны-то. Не сезон им. Сейчас они — редкость. А они очень полезные. В них все витамины есть: А, Б, В, Г, Д, Е, Ё, а больше всего Ц.

Именинник лежит на носилках «Скорой помощи».

Гость продолжает говорить:

— А Ц самый полезный витамин среди всех витаминов. Ему равных нет.

— Спасибо.

— И они долго не портятся. И их как хочешь употребляют. Хочешь в чай, хочешь в пирог, хочешь так ешь.

Улица. Носилки вкатывают в машину «Скорой помощи».

— Лимон — лучший подарок. Хотя, конечно, не в этом дело.

— Спасибо.

— Дорого внимание.

Воеет сирена. Машина уезжает.

Очень плёхо

Автобус. На задней площадке два мальчика. Входит контролер, проверяет билеты.

КОНТРОЛЕР (мальчикам). Ваши билеты.

ПЕРВЫЙ. Мы есть плёхо понимать по-русски.

ВТОРОЙ. Очень плёхо.

КОНТРОЛЕР. Понятно. Откуда сами? (Кладет руку себе на грудь.) Мы есть Россия. (Кладет руку на грудь мальчика.) Вы есть?

ПЕРВЫЙ. Мы есть... Бразилия.

КОНТРОЛЕР. Столица России есть Москва. Столица Бразилии есть?..

Мальчики потерянно смотрят друг на друга.

ПЕРВЫЙ. Столица Бразилии есть... Париж.

КОНТРОЛЕР. Давно из Парижа?

ПЕРВЫЙ. Из Парижа... месяц как назад тому.

КОНТРОЛЕР. У нас здесь в какой школе учитесь?

ПЕРВЫЙ. Мы есть 54-я школа. Пятый «А» класс.

КОНТРОЛЕР. А как ваши фамилии?

ПЕРВЫЙ. Моя фамилия есть... де Канарейкинш.

ВТОРОЙ. А моя фамилия де Сидоров.

Автобус останавливается.

КОНТРОЛЕР. Выходите. А еще я сообщу в школу номер 54, что Канарейкин и Сидоров плохо знают географию и могут опозорить нас перед иностранцами.

Мальчики стоят на пустыре.

ВТОРОЙ. Эх, ты! «Париж — столица Бразилии». Лопух!

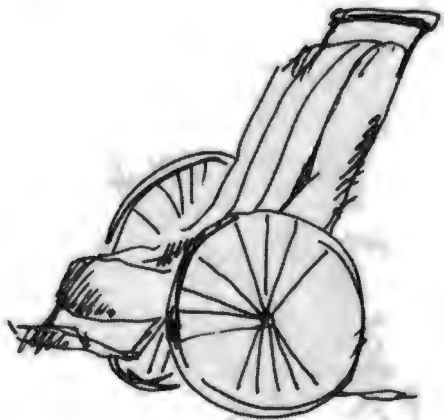
ПЕРВЫЙ. А что?

ВТОРОЙ. А то, что Париж — столица Англии!

Раздел XI

Интервью

Интервью.

Записки из зала.

Вопросы читателей

— **Р**асскажите о своих слабостях.

— Суеверен. Когда нахожу деньги, золотые серьги, кольца, мне кажется, что это — хорошая примета. Самонадеян. Я почему-то уверен, что богатство не развратило бы меня, что, допусти меня к казне, я воровать бы не стал. Трус. Я боюсь с большой суммой денег гулять ночью по неосвещенным улицам. Последнее время и без денег боюсь. Бездарен. Я уверен, что я не Гоголь, не Салтыков-Щедрин. Самоед. Всё мне кажется, что я не Гоголь, не Салтыков-Щедрин. Капризен. И царизм-то мне плох, и коммунизм не хорош, и нынче опять — как бы выжить.

— *Происхождение вашей фамилии и рода?*

— Фамилия Трушкин состоит из нескольких частей. «ТР» — трезвый, «У» — умный, «Ш» — шутка, «КИН» — кинжал. Всё вместе, я полагаю, означает — «утренний цветок». Теперь про род. Здесь я буду точнее. Мама была сиротой. Она из деревни Собакино Михайловского уезда Рязанской губернии. Родители отца — тоже крестьяне Рязанской губернии.

— *Самая забавная картинка школьных лет?*

— Поселок. Весна. Вовсю тает снег. Сосед, зная, как родителям достаются деньги, чтобы не промочить новые ботинки, прибил их через подошву к деревянным чурбакам, идет прямо по лужам. Горькое осознание собственной обыкновенности рядом с гением.

— *Вы помните свою первую двойку?*

— В слове «Мытищи» сделал три орфографические ошибки. Остаток жизни уйдет, видимо, на то, чтобы разгадать, как это можно было сделать.

— *Самый нелюбимый предмет в школе?*

— Зря говорят, что самый нелюбимый тот, в котором не успеваешь. Я с удовольствием пел, хотя ни голоса, ни слуха. На лабораторной по химии пыхнул так, что отбил

охоту к химии у двух соседей, сам ничего. Нелюбимых не было. Помню только, что современная история оказалась скучнее истории Древнего Рима и Древней Руси.

— Когда вас называли писателем?

— Как только научился писать, как только подарили перочинный нож, сразу я вырезал на парте «Толя».

— Так ты у нас писатель? — сказала учительница. Вечером отец прибег к ремню. Непонятно зачем, писательство таилось не там, откуда он его вышибал.

— Что вы не любите?

— Я не люблю манную кашу, революции, тараканов, очереди, несмотря на патриотизм и на то, что тяга к беспредельному у нас в крови, почему-то не люблю наши цены. Мат не люблю. Но уважаю, всё-таки своя необычная большая многовековая культура. Не люблю, когда официант подает счет, тяжелую работу не люблю, наказания, больницы, не люблю похмелье. И даже не знаю, кто его любит. Почему-то не люблю налоги, даже маленькие. Это странно, потому что маленьких всех любят: котят, волчат, змеёнышей, крокодильчиков. А тут почему-то никакого чувства.

— Если смех лекарство, нет ли чего-нибудь от хронического безденежья?

— От хронического безденежья может помочь хроническая рождаемость. Где семеро детей, всегда прокормится восьмой, где их двенадцать, всегда прокормится тринадцатый. Чем больше детей, тем меньше значат что-то деньги. Так что либо деньги, либо дети. Что можете, то и делайте.

— Что вы не умеете делать?

— Я не умею врать не моргнув глазом. Моргнув, могу сколько угодно. Пугаться, когда смотрю фильмы ужасов. Мне страшнее, когда слушаю наши последние известия. Я не умею долго огорчаться неудачам... своих соперников. Воровать не умею. Стыдно даже, сейчас вроде бы уже все воруют. Взятки брать не умею. Теоретически представляю как, а практики никакой нет, не дают. Не умею противостоять обаянию своей жены. Отдыхать не умею. Я устаю отдыхать и потом весь год отдыхаю на работе. Сидеть в засаде не умею, командовать армиями, ловить удачу, смотреть на солнце, торговаться. Не умею настораживаться, когда обещают скорое улучшение в жизни. Я, наоборот, расслабляюсь. Не умею делать конфеты из ничего, дове-

рять, но проверять, радоваться в одиночку, пить в одиночку. И что меня больше всего огорчает, до сих пор не умею отдавать жене всё, что заработал.

— Самый страшный сон?

— Будто мне присудили Нобелевскую премию в области литературы, а в благодарственной телеграмме я сделал десять орфографических ошибок.

— Должен ли юморист относиться к женщине с юмором?

— Нет, здесь всякий профессионализм исключается. Иначе бы альпинист относился к женщине, как к неприступной скале, стоматолог — как к зубной боли, а контролер вообще относился бы к женщине, как к зайцу.

— Время властно над вами?

— Годы берут свое. Но я знаю, как с этим бороться. Надо заниматься спортом... в смысле физкультурой... хотя бы зарядкой, когда есть время. Нету — обязательно надо потягиваться... не сильно, чтобы не свернуть шею. Кóро-че, как бы ни складывалась жизнь, а просыпаться надо каждое утро.

— Ваш совет избирателям. Какими критериями надо руководствоваться?

— Простыми. Чем больше обещает кандидат, тем хуже. Чем меньше у него судимостей, тем лучше. Чем больше он пьет, тем хуже, чем понятнее говорит по-русски, тем лучше. И совсем хорошо, если говорит мало, а делает много.

— Ваше хобби?

— Юмористика, сатира. Основного своего призвания пока не нашел. Полагаю, что всю жизнь заниматься хобби приятнее, чем всю жизнь работать. Шутить каждый день с 8 утра до 5 вечера — ненормально, это — каторга. Другое дело — легко, от нечего делать, в свое удовольствие пошучивать за письменным столом с 8 утра до 5 вечера. Одно удовольствие.

— Что прежде всего можете сказать о человеке без чувства юмора?

— Опасен для общества, должен быть изолирован.

— Могли бы вы вызвать кого-нибудь на дуэль?

— Даже скажу кого. Коклюшкина. Он стрелять не умеет.

— Ваши особые приметы?

— При деньгах — высокий, стройный, остроумный. Без денег — небольшого роста, скучный, гундосый.

— Почему юмористам не присваиваются звания? Скажем, народный юморист России.

— Так ведь и политикам не присваивается. Хотя у них есть прозвища: Иван Грозный, Ярослав Мудрый, Леонид Ильич Пять звездочек, Михаил Сергеевич Начать, Борис Николаевич Трезвый. Наверное, сатирикам тоже надо давать прозвища: Путливый, Сорвиголова, И вашим и нашим.

— Чему больше доверяете, уму или инстинкту?

— Я жду, когда между ними будет достигнут консенсус.

— Как узнать, есть у человека чувство юмора или нет?

— Кажется, что очень просто. Надо пошутить при нем. Если он засмеется, значит, есть, если не засмеется, значит, нету. Но для того, чтобы пошутить, нужно, чтобы у вас было чувство юмора.

Как узнать, есть ли оно у вас? Нужно, чтобы при вас кто-то, у кого есть чувство юмора, пошутил. Как узнать, есть ли у него чувство юмора?.. То есть практически невозможно узнать, есть у человека чувство юмора или нету.

— Женский юмор отличается от мужского?

— Отличается. Первичными признаками. Мужской юмор бородатый, а женский высокий, тонкий.

— Существуют ли у писателей профессиональные болезни? Если да, чем лечить?

— Существуют. Геморрой. От долгого сидения за письменным столом. Только у серьезных писателей — это приличный, серьезный геморрой, а у сатириков — веселый геморрой. А лечимся ходьбой, бегом, погоней за гонорарами. Только опять же, у серьезных писателей это серьезные гонорары, а у сатириков — смешные.

— Зарядку по утрам делаете?

— Обязательно. Каждый день. Но с такой самоотдачей, что уходят все силы, и после зарядки я ложусь отдохнуть.

— Любите ли вы гулять в плохую погоду?

— Только на халяву.

— Что лучше — копить или тратить?

— Тратить! Но не больше, чем накопил.

— Вы — единственный среди сатириков и комиков, кто удержался от соблазна петь на сцене. Как вам это удалось?

— Каждому, кто поет, кажется, что он делает это лучше всех остальных. Мне этого никогда не казалось, я всегда

твердо знал, что пою лучше других. И вдруг Поваротти! Быть вторым я не захотел.

— Сколько надо получать в месяц, чтобы не потерять чувство юмора?

— На один рубль больше прожиточного минимума.

— Сколько нужно выпить для храбрости?

— Как только море станет по колено, так достаточно.

— Кем бы вы были в прошлом веке?

— Я люблю всякие гулянья, но в пристойной форме. Наверное, я был бы при каком-нибудь трактире зазывалой и одновременно вышибалой.

— Кого боятся сатирики?

— Тигров.

— А львов?

— А львов-то чего бояться?

— Что вы окончили, чтобы стать писателем?

— Чтобы стать писателем, я покончил с инженерией, с журналистикой, с режиссурой, с редактурой.

— Что вы делаете, когда денег нету?

— То же, что и все — сосу лапу.

— Что такое вдохновение?

— Радость — это песня без слов, а вдохновение — это музыка без звуков.

— Какая черта характера помогла завоевать зрителя-читателя?

— Все завоеватели отличаются жестокостью. Жестокость к себе во время работы.

— Как вы учились в школе?

— Школу закончил без золотой медали. Но зато уж!!! и по два года в одном классе не сидел.

— Несколько слов о семье.

— Жена замужем за достойным человеком, занимается домашним хозяйством, дочь — многодетная мать, занимается домашним хозяйством. Внучка пошла в пятый класс, внук пошел в детский сад, теща пошла на пенсию, двадцать лет назад. Все куда-то идут. Один я сижу за письменным столом.

— Что для вас счастье?

— Быть вместе с теми, кого любишь.

— Человек произошел от обезьяны?

— Да. Но от какой? Одна обезьяна взяла в руки палку, чтобы сбить банан. Долго махала ею и сбила. Но банан

подхватила другая обезьяна, ловкая и хитрая. А третья обезьяна всё это видела и засмеялась. Вот от этой третьей обезьяны человек и произошёл. В его генетической памяти остались знания о труде и хитрости.

— *Когда-нибудь разгадают тайну женщины?*

— Разум замрет над микроскопом, чтобы раскрыть тайну женщины. Микроскоп начнет подрагивать, потом сам разум начнет пританцовывать, и открытие опять в тысячный раз не состоится.

— *Чем сейчас занимаетесь?*

— Чем всегда. Чем благовоспитанные люди не занимаются: подслушиваю, подглядываю за людьми, за собой.

— *Не собираетесь ли писать мемуары?*

— Нет. Надеюсь, что меня еще помнят без мемуаров.

— *Юмор, сатира — это милиция или «Скорая помощь»?*

— Это добровольное общество содействия самим себе.

— *Наши пороки?*

— Мы чересчур как-то радуемся самому факту жизни, живем! Тесно, но не дует. Дует, но не холодно. Холодно, но не каплет. Каплет, но ноги ходят. Не ходят, а пальцы на руках шевелятся. Великая наша добродетель — долготерпение — иногда очень похожа на порок.

— *Ваш любимый отдых?*

— Зайти в лес и, не щадя чувств близких тебе людей, набрать грибов больше всех.

— *Что сейчас больше всего беспокоит в нашей жизни?*

— Когда государство не защищает человека, человек начинает равнодушно смотреть на государство. Нас многое объединяет: история, язык, пространство, время, небо над нами одно. Помощь придет не со стороны. Если найдем гору золота, не спасемся, не успеем — разворуют. Спасение внутри нас.

— *Помогает ли юмор жить?*

— Говорят, последней умирает надежда. Это так. Но с чьей помощью она держится дольше всех?.. С помощью юмора.

— *Вы согласны с тем, что сатирик — это хирург, а юморист — это терапевт?*

— Если те, кого это интересует, больные, то да.

— *К вам в дом забрался грабитель и ему стало плохо. Кого вы сперва вызовете: «Скорую помощь» или милицию?*

— Жену. Раз забрались в дом, значит, это домашние проблемы.

— О чем жалеете?

— О том, что мало любил близких, которые ушли из жизни.

— Что вы пожелаете нашим читателям?

— Пусть сперва ваши читатели пожелают мне того, что каждому из них не жалко: здоровяки — здоровья, старики — мудрости, богачи — денег. А я желаю им всем хорошего чувства юмора.

— Каждый комик мечтает сыграть Гамлета. А каждый юморист?

— А каждый юморист мечтает начать новую вещь словами «все смешалось в доме Облонских».

— Сколько пороков вы искоренили?

— Один. Называется он «мания величия» и принадлежит мне же.

— В это трудное время от кого из писателей-сатириков вы согласились бы принять гуманитарную помощь и в виде чего?

— Ото всех в виде клятвы не писать про тещ, очереди и колбасу.

— А наша экология?

— У них гадят осторожно, со вкусом, в определенных местах. Мы мстим природе. Видимо, за то, что она создала нас.

— Вы привыкли давать автографы. В этом смысле для вас трагедия оказаться на необитаемом острове?

— Играют же в шахматы сами с собой. Вот и я на необитаемом острове сперва подскочу к себе, скажу: «Сподобил же господь, кого вижу! Вы мой любимый юморист, вы — гений! Дайте автограф». Потом забегу с другой стороны, скажу: «Дорогой мой. Если б вы знали, как я устал от славы!»... И всё-таки дал бы автограф.

— Ваше субъективное мнение о себе и ваше объективное мнение о себе?

— Это сложно. Мне субъективное и объективное представляется так — молодой веселый красивый человек, такой, как я, стоит перед зеркалом и видит там сутулого, грустного дедушку.

— Какие у вас отношения с налоговой инспекцией?

— Не знаю, как их назвать... Это не любовь... Это скорее совместное пребывание на нудистском пляже. И я голый и инспектор голая. Так, поглядываем друг на друга, вроде бы отдыхаем, но все настороже

— Ведете ли дневник?

— Да. Первая запись сделана 28 октября 1941 года. «Только что родился. Четыре часа ночи. Война. Люди умирают за Сталина или за Гитлера. Не хочется ни того, ни другого. Выход один — надо стать юмористом».

— Верите ли в судьбу? Если судьба predetermined, в чем тогда смысл жизни?

— Философский вопрос. Если судьба predetermined, то смысл жизни в том, чтобы изменить свою судьбу.

— Можно ли у нас победить взяточничество?

— Можно! Если прилично дать на лапу тем, кто с ним борется.

— Юмор молодит, вы без конца шутите. Что ж вы старитесь?

— Вода освежает того, кто ее пьет, а не сама себя. Юмор молодит вас, а я старюсь. Хороший юмор очень молодит, вот и ваш вопрос очень детский.

— Все говорят, что смех очищает, люди становятся лучше. Откуда тогда преступники?

— Не надо думать, что отпетый злодей посмеется и сразу станет ангелом. Злодей становится вором в законе, вор в законе — рецидивистом, рецидивист — мошенником, мошенник — рядовым взяточником, взяточник — крупным чиновником, чиновник — членом правительства, член правительства — ангелом. Нам надо очень долго смеяться над собой.

— Вы действительно считаете, что юмор лечит душу?

— Даже плоть. Скажем, есть люди, которые всему верят, которым вешают лапшу на уши — лопухие. Если они научатся смеяться над собой, лопухость у них исчезает. Значит, есть юмор и против ожирения, плоскостопия и так далее...

— Ваши слабости?

— Падок на лесть. Меня легко убедить в том, что я самый талантливый, самый красивый, самый умный, что у меня нет слабостей, что я безразличен к лести.

— Как относитесь к роскоши?

— А что это такое?

— Что такое задний ум?

— Нас с вами не касается. Это должно беспокоить тех, у кого плохо с передним.

— Какая завтра будет погода?

— Погода у нас как и всё остальное день ото дня, год от года будет становиться всё лучше и лучше.

— *Чего боятся сатирики?*

— Вдруг исчезнет воровство, мздоимство, пьянство, разбой, проституция. Как нам тогда жить?

— *Юмор сближает людей?*

— Не всегда. Если я смеюсь над вами, а вы надо мной, то не очень сближает.

— *Как узнать, есть у человека чувство юмора или нет?*

— Надо взять у этого человека в долг и не отдавать. Если он потребует вернуть деньги, значит, чувства юмора у него нет.

— *Что нужно сатирику для успеха?*

— То же, что лесничему.

— *А что нужно лесничему?*

— Талант.

— *О чем мечтаете?*

— О том, что найду на помойке миллион долларов, брошу литературу, начну каждый день пить и смотреть телевизор. Все позавидуют мне, кинутся к помойкам и в стране станет чище.

— *Кто ваша жена и как у неё с чувством юмора?*

— Инженер-домохозяйка. С чувством юмора у неё обстоит так — чем больше в семье достаток, тем чувства этого меньше, чем меньше достаток, тем чувства юмора больше.

— *Что такое молодость?*

— Молодость — это возраст, о котором вспоминают с любовью и со стыдом.

— *Что такое зрелость?*

— Если молодость — это время, когда чувства диктуют разуму, если старость — это время, когда разум диктует чувствам, то зрелость — это время, когда они друг другу диктуют, но каждый делает всё по-своему.

— *Как по-вашему, что сейчас входит в понятие честь и долг?*

— Долг — это то, что государство должно отдать нам, а честь — это то, из-за чего государство нам долг не отдает.

— *Вам в жизни везет или всего нужно упорно и долго добиваться?*

— Обычно после упорного и долгого труда мне везет.

— Какую книгу вы бы посоветовали прочитать каждому обязательно?

— Если каждый намерен следовать именно моим советам, то пусть сперва он прочтет мои книги, а потом обязательно «Войну и мир».

— Была ли в вашей жизни роковая любовь?

— Нет. Бог миловал... а может, наказал.

— Почему вы редко выступаете по первому каналу?

— Видимо, у меня не хватает перхоти.

— Говорят, поэты не от мира сего. А сатирики?

— Сатирики ни от сего, ни от того. От них везде стараются отделаться.

— Много ли платят за яд сатиры?

— Природа мудра. Когда платят много, яд превращается в елей.

— Вы всегда всё хорошо обдумываете, прежде чем поступить так или иначе?

— Я твердо знаю, что всё и всегда надо хорошо обдумывать. Обязательно! Непременно! Но сам делать этого не умею.

— Поэт в России больше, чем поэт. А сатирик?

— Я-то думаю, что и сатирик больше, чем поэт.

— Музыка повышает надои коров, а сатира?

— А сатира — ядовитость змей.

— Ваша формула успеха?

— «Ты можешь написать лучше, чем ты можешь». Работать надо.

— Самый смешной вопрос, который вам задавали?

— «У вас своя лысина или парик?», «Вы пишете вечером, днем или трезвый?», «Кем бы вы стали, если бы жизнь сложилась удачно?»

— Говорят: большая политика, малая политика. Чем большой политик отличается от маленького?

— Маленький говорит так, что в это никто не верит, кроме него самого. А большой так, что в это верят все... кроме него самого.

— Человек без юмора, это кто?

— Это полководец без армии, гармонист без гармонии, жених без невесты.

— Как вы оцениваете наше сегодняшнее положение?

— Идеи нет, цели нет, духовной программы нет, экономической — нет, совести нет, денег нет. А так всё нормально.

— Куда идем?

— Знаю, что все дороги ведут к Храму, знаю, что мы идем к рынку, знаю, что будет плохо, если рынок станет нашим храмом.

— Кому живется весело, вольготно на Руси?

— У нас плохо быть богатым и жадным; просто богатым быть опасно, а хуже всего быть бедным.

— Что хотелось бы услышать на собственных похоронах?

— Вот лежит Трушкин, который прожил долгую-долгую жизнь, но так и не успел раздать все долги.

— Как вы думаете, с чего нам надо начинать нравственное возрождение?

— Главное не «с чего», главное — «начать». Но всё-таки, конечно, не с того, чтобы в начале открыть публичные дома, накопить денег, а потом на них возродиться.

— Как завоевать власть?

— Не знаю, не думал. Но лучше не «завоевать», а «притти» к ней.

— В чем счастье?

— Мне кажется, счастье складывается из отдельных мгновений, когда смотришь в чьи-то глаза, а там мелькает любовь, доверие, дружба.

— Вы за публичные дома?

— Если в прямом смысле слова, то нет. А если здесь иносказание, то поздно спрашивать — мы уже в публичном доме.

— Можно ли у нас не воровать?

— Типун вам на язык. Это все равно, что не есть, не пить, не дышать.

— Кто виноват во всем?

— Если бы даже узнали точно, что Сидор Матрасыч, то всё равно, что толку? Его бы сразу повесили, а надо расспросить: почему, из-за чего, как вредил. Важно же узнать причину, а не кто.

— Верите ли вы в параллельные миры?

— Не дай бог, если еще кто-то живет как мы. Хотелось бы верить в перпендикулярные миры.

— Социализм родил человека нового типа. Как сейчас?

— Удивим чем-нибудь. Детский сад без питания, школа — с наркотиками, армия — с дедовщиной. Так просто не обойдется.

— Что вас больше всего поражает в нашей жизни?

— Сколько предложений о том, как улучшить жизнь народа! Сколько мыслей! Сколько идей! И никто не ценит, что всё это придумано не головой.

— *Что главное в жизни?*

— Не нагадить.

— *Чувствуете ли, что кто-то идет на смену, слышны ли шаги сзади?*

— Кто сзади идет по моим следам, тот не соперник. А кто чего-то стоит, идет своей дорогой. Дай бог ему удачи.

— *На жизнь хватает?*

— Зарабатываю чуть меньше, чем хотелось бы, но зато намного больше, чем хотелось бы моим недоброжелателям.

— *Можно ли при такой жизни говорить о любви к Отечеству?*

— Любовь к Отечеству не надо путать с жадностью.

— *О какой культуре мы говорим, если мат кругом стоит стеной?*

— Совсем без мата у нас нельзя. Надо же как-то реагировать на погоду, на преобразования в стране. Но если бы ругались хоть немного поменьше, как бы мы красиво жили, твою мать-то!

— *Не боитесь очернить, оклеветать действительность?*

— Нет, жизнь ярче любого вымысла.

— *Какими чертами соотечественников гордитесь?*

— Доверчивостью. Сколько ни предупреждай, что кругом жулики, стоит пообещать, что из рубля сделают миллион, тут же вам этот последний рубль и принесут.

— *Какой порок отомрет последним?*

— Взятничество. Сперва оно станет символическим. Приходишь куда надо, даешь символическую взятку, и тебе тут же всё делают... тоже, конечно, символически. То же самое будет с символическим пьянством, символической проституцией.

— *Считаете ли вы себя хранителем великого и могучего русского языка?*

— Ну, ты чего в натуре?.. Ну, ты, блин, даешь! Кто тогда хранитель языка?

— *Ваш портрет политика, который бы устроил всех.*

— Всех?! Это человек из народа, знает десять языков, верующий, коммунист, бабник, однолюб... Ну и так далее.

— *Если не сатириком, кем бы вы стали?*

— Жуликом.

— Почему?

— А почему я стал сатириком? Это всё неисповедимо.

— Говорят, что талантливый человек талантлив во всем.

— Я не сомневаюсь в этом. Посадите вы Виктора Михайловича Коклюшкина на корову, попросите сыграть на арфе, исполнить танец с саблями — люди будут смеяться так же, как они смеются, когда читают его рассказы.

— Как насчет того, чтобы посмеяться над собой?

— Только косный, неповоротливый, самодовольный ум не видит в себе недостатков. Я прямо говорю: много людей умнее, веселее, талантливее меня. Другое дело, что встретить кого-либо из них до сих пор почему-то не удалось.

— Несколько слов тем, кто решил стать сатириком.

— Если у вас нет никакой другой профессии, если вы ниоткуда не ждете наследства, если родные и близкие поставили на вас крест, то с богом!

— Зло, по поводу которого раздался смех, уже не страшно?

— Конечно. Оно обезоружено. По поводу пьянства много смеялись — вот оно и исчезло. А если не исчезло, то не потому, что смех не раздался, просто не все слышали. У нас со смехом хорошо, у нас со слухом плохо. Не все еще слышали, что раздался смех по поводу взяточничества, воровства, проституции, преступности.

— Опишите картину «Писатель Анатолий Трушкин».

— Поле. В левом и правом верхних углах ангелы. В центре полотна я в полный рост в концертном костюме босиком сею что-то вечное и доброе.

— Кому из политиков вы бы пожали руку?

— Говорят, что политика — дело нечистое. Из соображений гигиены я бы никому не стал жать руку.

— Что нужно, чтобы стать сатириком?

— Нужно особое благоволение судьбы. Хорошо в детстве упасть с лошади, лучше со скачущей, неплохо, если током ударит или укусит кто-то ядовитый. Короче, нужно увидеть, что мир устроен несправедливо.

— Песня строит и жить помогает. А юмор?

— А как же! Все ведущие наши комики и сатирики построили себе квартиры, дачи, купили машины

— Спасибо вам. Юмор помогает выжить. Сегодня вся надежда на него да на бога.

— Спасибо. Я в этой связи думаю: не назначить ли на ответственные места в правительстве лучших наших юмористов. Хуже не станет, но все будут знать, что правительство наконец помогает выжить.

— *Вы суеверный человек? Верите в нечистую силу, в приметы?*

— Нет!.. Тьфу, тьфу, тьфу.

— *Чего вы боитесь в будущем?*

— Того, что было в прошлом.

— *Какой парадокс нашей жизни удивляет вас больше всего?*

— В самой богатой стране живут самые бедные люди.

— *Что вы больше всего цените в женщине?*

— В женщине я больше всего ценю умение не задавать лишних вопросов.

— *А в мужчине?*

— Умение понимать женщину без слов.

— *Есть ли для сатиры запретные темы?*

— Есть. Болезнь. Если человек болен, что же над ним смеяться?

Скажем, мания нищеты — все есть, но кажется, что мало. Пусть ворует — это болезнь. Или человек робок, ему дают взятку, он боится отказом оскорбить человека и берет — это болезнь. Или русский язык плохо дается, а человек у власти. Не гнать же его.

— *Вы выглядите серьезным человеком. Что в вас юмористического?*

— Образование — шуточное, характер — веселый, заработок — смешной, состояние — анекдотичное.

— *Ваш любимый лозунг?*

— «Каждой шутке правительства долю правды!»

— *В каждом творческом человеке должно быть что-то от детей. А в сатириках?*

— Мы вообще как дети, что думаем, то и говорим.

— *Портрет идеальной жены?*

— Его невозможно нарисовать. Потому что идеальную жену не видно и не слышно.

— *Что такое совесть?*

— Об этом надо спрашивать тех, у кого она есть. И в данном случае вопрос по адресу. Совесть... Могу сказать одно. Чем у человека её больше, тем хуже... он живет.

— *Когда к вам приходит вдохновение?*

— Чаще всего, когда просят вернуть долг.

— Любите ли вы оргии?

— Да. Но в семейном кругу, без шума, без выпивки, не позже десяти вечера.

— Любите ли вы загадочных женщин?

— Это ловушка. Каждая женщина — загадка.

— Есть ли в ваших рассказах что-нибудь автобиографическое?

— Отвечу уклончиво. Есть рассказ, который начинается так: «У одной женщины муж пил, не сильно так, но всё-таки до беспамятства». Так вот у мужа этого со мной ничего общего нет, но женщина списана с моей жены.

— У юмориста жена юмористка?

— Нет. Тогда бы у нас была не жизнь, а анекдот.

— Вы сатирик или юморист?

— Когда как. Если встаю с левой ноги — сатирик, если с правой — юморист.

— Можно ли в России искоренить воровство?

— Оно само скоро исчезнет — воровать уже почти нечего.

— Сатирики куда попадут — в рай или в ад?

— В раю без них весело, в аду без них тошно. Они будут пограничниками.

— Что находится за гранью добра и зла?

— Да вот мы с вами там как раз и находимся.

— Россия — бедная страна. Но ведь образованная?

— Да. Ни в какой другой стране народ не говорит грамотнее своих вождей.

— В загробную жизнь верите?

— Не знаю... Но это смешно, если у нас и на том свете задача будет та же — выжить.

— Чего вы больше всего боитесь в жизни?

— Безвыходных ситуаций. Скажем, если в России вдруг перестанут воровать, то нарушится равновесие и все пойдет прахом. А если и впредь будут воровать, как сегодня, то тоже все пойдет прахом.

— Жизнь чаще всего сравнивают с дорогой. Какие бы предупредительные знаки на нашей дороге жизни вы поставили?

«Скользкая дорога», «Крутой спуск», «Опасный поворот», «Камнепад», «Осторожно, мафия переходит дорогу», «Ремонтные работы». И два знака обязательно: «Движение запрещено» и «Остановка запрещена».

— О чем вы мечтаете?

— Во-первых, я мечтаю о том, что все мы будем не только мечтать, но и что-то делать.

Я мечтаю найти очень много денег... больше даже, чем вы думаете. И до того, как их у меня отнимут бандиты или я отдам их государству под проценты, что, собственно, одно и то же, успеть купить себе полные собрания сочинении всех русских писателей-классиков.

Я мечтаю о том, что стремление во что бы то ни стало, любой ценой, жить лучше, чем сосед, станет у нас не только личным, но и государственным феноменом.

Что наступит время, когда порнография перестанет для нас быть важнейшим из искусств.

Что наступит время, когда от пьянства и драк у нас будет гибнуть народа меньше... чем на войнах.

Я мечтаю о том, что преступности придет конец. Но не просто она сама захлебнется в крови, а что-то и государство сделает.

Что граница Родины и черта бедности со временем станут разными линиями.

Я мечтаю прожить 150 лет и успеть краем глаза увидеть первые плоды экономических реформ.

Что в каждой семье будет видеокассета с моим концертом, а в некоторых семьях будет и видеомагнитофон, чтобы можно было концерт посмотреть.

И я мечтаю, что по всей России прозвучат мощные взрывы... демографические. Потому что это — верный знак не только начала какой-то деятельности, но что мы действительно образумились и начинаем жить по-людски.

**Самое яркое событие
в литературной жизни
России 2001 года!**

**антология сатиры и юмора
россии XX века
в 50 томах**

**Вышли в свет
шестнадцать томов серии**

- т.1 АРКАДИЙ АРКАНОВ**
- т.2 ВИКТОР ШЕНДЕРОВИЧ**
- т.3 «САТИРИКОН»**
И САТИРИКОНЦЫ
- т.4 ЕВГЕНИЙ ШВАРЦ**
- т.5 ИГОРЬ ИРТЕНЬЕВ**
- т.6 ГРИГОРИЙ ГОРИН**
- т.7 ВЛАДИМИР ВОЙНОВИЧ**
- т.8 ЮЗ АЛЕШКОВСКИЙ**
- т.9 ЛИТЕРАТУРНАЯ ПАРОДИЯ**
- т.10 МИХАИЛ ВУЛГАКОВ**
- т.11 «КЛУВ 12 СТУЛЬЕВ»**
- т.12 ТЭФФИ**
- т.13 ВЛАДИМИР ВИШНЕВСКИЙ**
- т.14 ФАЗИЛЬ ИСКАНДЕР**
- т.15 ЛЕВ НОВОЖЕНОВ**
- т.16 АНАТОЛИЙ ТРУШКИН**

**В ближайшее время увидят свет книги
Антологии**

**ЭДУАРД УСПЕНСКИЙ
ФЕЛИКС КРИВИН
ИГОРЬ ГУВЕРМАН
ДАНИИЛ ХАРМС**

Литературно-художественное издание

Трушкин Анатолий Алексеевич

АНТОЛОГИЯ САТИРЫ И ЮМОРА РОССИИ XX ВЕКА

Том шестнадцатый

Автор серийного оформления
Евгений Поликашин

Корректор *Е. Самолетова*

Компьютерная верстка *В. Мороз*

Налоговая льгота — общероссийский классификатор
продукции ОК-005-93, том 2; 953000 — книги, брошюры.

Подписано в печать с готовых диапозитивов 16.10.2001.

Формат 84х108¹/32. Гарнитура «Букман».

Печать офсетная. Усл. печ. л. 33,6.

Тираж 10 000 экз. Заказ 1765.

ЗАО «Издательство «ЭКСМО-Пресс». Изд. лиц. № 065377 от 22.08.97.
125190, Москва, Ленинградский проспект, д. 80, корп. 16, подъезд 3.

Интернет/Home page — www.eksmo.ru

Электронная почта (E-mail) — info@eksmo.ru

Книга — почтой: Книжный клуб «ЭКСМО»

101000, Москва, а/я 333. E-mail: bookclub@eksmo.ru

Оптовая торговля:

109472, Москва, ул. Академика Скрябина, д. 21, этаж 2

Тел./факс: (095) 378-84-74, 378-82-61, 745-89-16

E-mail: reception@eksmo-sale.ru

Мелкооптовая торговля:

117192, Москва, Мичуринский пр-т, д. 12/1

Тел./факс: (095) 932-74-71

ООО «Медиа группа «ЛОГОС». 103051, Москва, Цветной бульвар, 30, стр. 2

Единая справочная служба: (095) 974-21-31. E-mail: mg@logosgroup.ru
contact@logosgroup.ru

ООО «КИФ «ДАКС». Губернская книжная ярмарка.

М. о. г. Люберцы, ул. Волковская, 67.

т. 554-51-51 доб. 126, 554-30-02 доб. 126.

Книжный магазин издательства «ЭКСМО»

Москва, ул. Маршала Бирюзова, 17 (рядом с м. «Октябрьское Поле»)

Сеть магазинов «Книжный Клуб СНАРК» представляет
самый широкий ассортимент книг издательства «ЭКСМО».

Информация в Санкт-Петербурге по тел. 050.

ISBN 5-04-008864-7

9 785040 088645 >

АООТ «Тверской полиграфический комбинат»
170024, г. Тверь, пр-т Ленина, 5.

коррину

стою... криво

ред. ~~к~~ ~~написано~~ ~~е~~

и все ~~написано~~

редне - все - даки

~~не в редне. написано,~~

особенно даки

еми заговорни. дур

й-го -
горови. ~~у~~ ~~и~~

Личево

Народ ролен, к
супружески стаи

У Сино туз

милени, народу

буги, ~~својо~~

Народни все. А што

не работи времи?

Како? оми м
тај седе. ~~својо~~ ~~седе~~

~~до~~

гун

корригуи

кощичю... кривоу
народ. ~~к~~ ~~наимено~~ ~~е~~
рови вси ~~наимено~~
срдне - вс - ~~така~~
~~адени в рече~~. ~~наимено~~
особенно ~~дари~~ ~~ад~~

уши ~~заворни~~. ~~лу~~
~~най-то~~ -
ез ~~чаровни~~. ~~уши~~

Антология Сатиры и Юмора России XX века

Антология Сатиры и Юмора России XX века

Анатолий Трушкин

Антология Сатиры и Юмора России XX века

Антология Сатиры и Юмора России XX века

Из записной книжки

Шедрость определяется не тем, сколько человек дал, а сколько у него после этого осталось.

Маленькое государство, которое живет сдачей пустых бутылок.

Посмотрела — как будто рубль отобрала.

Отношение к мужу: вроде ни зачем не нужен, а выбрасывать жалко.

Что посеешь, то и пожрешь!

Антология Сатиры и Юмора России XX века